

SAINT PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY

DEPARTMENT OF THEOLOGY

**RUSSIAN-BYZANTINE
HERALD**

№ 3 (18), 2024

Scientific Journal

HAC
Category K2

**Publishing House of Saint Petersburg
Theological Academy
2024**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

КАФЕДРА БОГОСЛОВИЯ

**РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 3 (18), 2024

Научный журнал

ВАК
Категория К2

Санкт-Петербург
Издательство СПбДА
2024

The journal is included in “List of peer-reviewed scientific publications in which main scientific results of theses for the candidate of science degree, for the doctor of science degree”

Specializations:

- 5.6.1. National history (historical sciences),
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences).

By the decision of the Higher Attestation Commission (HAC), the journal has been assigned to Category K2 for three years from 01/01/2024.

Editor-in-Chief

Igor Borisovich Gavrilov,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Theology
at the St. Petersburg Theological Academy

The editorial board

Valery Aleksandrovich Fateyev – Candidate of Philological Sciences, Member of the Editorial Board of the “Rostok” Publishing House.

Priest Igor Anatolyevich Ivanov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Foreign Languages Department and Associate Professor at the Theology Department of the St. Petersburg Theological Academy, Head of the “Byzantine Cabinet” Project.

Pavel Vladimirovich Kuzenkov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social, Political and Philosophical Sciences, Senior Researcher at the Historical and Archaeological Laboratory for the Comprehensive Study of the Byzantine Black Sea Region, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University.

Aleksandr Vasilyevich Markidonov – Candidate of Theology, Associate Professor at the Theology Department of the St. Petersburg Theological Academy.

Nikolai Nikolaevich Pavliuchenkov – Candidate of Theology, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities.

Maksim Mikhailovich Shevchenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the History Department of the Lomonosov Moscow State University.

Dmitry Vladimirovich Voluzhkov – Director of the St. Petersburg Theological Academy Publishing House.

Russian-Byzantine Herald : scientific journal / St. Petersburg Theological Academy. – SPb.: Publ. House of SPbTA, 2018 – .

№ 3 (18). – 2024. – 252 p.

УДК 281.93(066)+94(495)

ББК 86.372.24я5+63.3(0)4

Р89

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам специальностей:

5.6.1. Отечественная история (исторические науки),

5.7.2. История философии (философские науки).

Решением Высшей аттестационной комиссии (ВАК) журнал с 01.01.2024 г. распределен в Категорию К2 на три года.

Главный редактор

Игорь Борисович Гаврилов,

кандидат философских наук, доцент,

доцент кафедры богословия

Санкт-Петербургской духовной академии

Редакционная коллегия

Дмитрий Владимирович Волужков — директор Издательства Санкт-Петербургской духовной академии.

Священник Игорь Анатольевич Иванов — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии, руководитель проекта «Византийский кабинет».

Павел Владимирович Кузенков — кандидат исторических наук, доцент кафедры Социально-политических и философских наук, старший научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета.

Александр Васильевич Маркидонов — кандидат богословия, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии.

Николай Николаевич Павлюченков — кандидат богословия, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Валерий Александрович Фатеев — кандидат филологических наук, член редакционной коллегии издательства «Росток» (Санкт-Петербург).

Максим Михайлович Шевченко — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Р89 Русско-Византийский вестник : научный журнал / Санкт-Петербургская духовная академия. — СПб. : Изд-во СПбДА, 2018 — .

№ 3 (18). — 2024. — 252 с.

УДК 281.93(066)+94(495)

ББК 86.372.24я5+63.3(0)4

ISSN 2588-0276 (Print)

ISSN 2687-0819 (Online)

© Авторы статей, 2024

© Издательство Санкт-Петербургской Духовной Академии, 2024

THE EDITORIAL COUNCIL

Bishop Silouan of Peterhof (Nikitin Sergey Sergeevich) – Candidate of Theology, Rector of the St. Petersburg Theological Academy.

E. I. Annenkova – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Literature Department at the Herzen State Pedagogical University.

P. N. Bazanov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Medialogy and Literature at the St. Petersburg State Institute of Culture.

O. L. Fetisenko – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher at the Russian Literature Institute (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.

Priest Igor Ivanov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Foreign Languages Department and Associate Professor at the Theology Department of the St. Petersburg Theological Academy, Head of the “Byzantine Cabinet” Project.

A. A. Korolkov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy of the Human Philosophy Institute at the Herzen State Pedagogical University of Russia; Academician of the Russian Academy of Education.

V. A. Kotelnikov – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief Researcher at the Russian Literature Institute (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Member of the Expert Council of the Patriarchal Literature Prize.

D. I. Makarov – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor and Head of the Department of General Humanitarian Disciplines at the Mussorgsky Urals State Conservatory, Professor of the Department of Ancient World and Middle Ages History at the Ural Federal University, Leading Researcher at the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

A. Y. Minakov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the History Department and Director of the Zonal Scientific Library of the Voronezh State University, Lecturer at the Voronezh Theological Seminary.

S. A. Nizhnikov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department History of Philosophy at the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University).

Nun Teresa (Obolovitch Teresa Semenovna) – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Russian and Byzantine Philosophy at the John Paul II Pontifical University (Krakow, Poland).

A. Y. Polunov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Management in the Field of Inter-Ethnic and Interfaith Relations of the Public Administration Faculty and Deputy Dean for Research at the Lomonosov Moscow State University.

G. V. Skotnikova – Doctor of Cultural Studies, Member of the Russian Literature Academy, Professor at the Department of Theory and History of Culture at the St. Petersburg State Institute of Culture, Leading Researcher at the «Relevant Problems of Contemporary Artistic Culture» Sector of the Russian Institute of Art History.

O. B. Sokurova – Doctor of Cultural Studies, Candidate of Art Studies, Associate Professor at the Department of Western European and Russian Culture History of the History Institute of the St. Petersburg State University.

R. V. Svetlov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Director of the Higher School of Philosophy, History and Social Sciences of the I. Kant Baltic Federal University.

D. M. Volodikhin – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Source Studies, Faculty of History, Moscow State University. *M. V. Lomonosova*, Vice-Rector for Research, Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky (First Cossack University).

V. A. Voropaev – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of the Russian Literature History of the Lomonosov Moscow State University, Member of the Writers' Union of Russia, Chairman of the Gogol Commission of the Scientific Council “History of World Culture” at the Russian Academy of Sciences.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Епископ Петергофский Силуан (Никитин Сергей Сергеевич) — кандидат богословия, ректор Санкт-Петербургской духовной академии.

Елена Ивановна Анненкова — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Петр Николаевич Базанов — доктор исторических наук, профессор кафедры медиалогии и литературы Санкт-Петербургского государственного института культуры.

Дмитрий Михайлович Володихин — доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, проректор по научной работе Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет).

Владимир Алексеевич Воропаев — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, член Союза писателей России, председатель Гоголевской комиссии при Научном совете «История мировой культуры» Российской академии наук.

Священник Игорь Анатольевич Иванов — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии, руководитель проекта «Византийский кабинет».

Александр Аркадьевич Корольков — доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, академик Российской академии образования.

Владимир Алексеевич Котельников — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, член экспертного совета Патриаршей литературной премии.

Дмитрий Игоревич Макаров — доктор философских наук, доцент, профессор и заведующий кафедрой общих гуманитарных дисциплин Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского, профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург).

Аркадий Юрьевич Минаков — доктор исторических наук, профессор исторического факультета и директор Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета, преподаватель Воронежской духовной семинарии.

Сергей Анатольевич Нижников — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Сестра Тереза (Оболевиц Тереза Семеновна) — хабилитированный доктор философии, профессор, заведующая кафедрой русской и византийской философии Папского университета им. Иоанна Павла II в Кракове (Польша).

Александр Юрьевич Полунов — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления и заместитель декана по научной работе Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Роман Викторович Светлов — доктор философских наук, профессор, директор Высшей школы философии, истории и социальных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта.

Галина Викторовна Скотникова — доктор культурологии, академик Академии российской словесности, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, ведущий научный сотрудник сектора «Актуальные проблемы современной художественной культуры» Российского института истории искусств.

Ольга Борисовна Сокурова — доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Ольга Леонидовна Фетисенко — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

И. Б. Гаврилов. Наследие русской эмиграции — актуальный источник формирования национального самосознания 12

История философии

- А. А. Корольков, В. Ю. Даренский, В. А. Фатеев, М. М. Шевченко, А. Ю. Минаков, священник Игорь Иванов, В. А. Воропаев, П. Н. Базанов, И. Б. Гаврилов.*
Классик Русской национальной идеи.
К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» 20
- Ю. Т. Лисица.* Главные и важные результаты Ивана Александровича Ильина в науке о праве и в философии 60
- Г. В. Скотникова.* «Лето Господне» И. С. Шмелева в философском истолковании И. А. Ильина 74
- А. И. Вакулинская.* Духовный опыт как предмет мирозерцания и философии. Иван Ильин об ораторском искусстве (Предисловие к публикации конспекта второй лекции и общего плана курса «Мирозерцание и характер» И. А. Ильина) 84
- И. А. Ильин.* Конспект второй лекции и общий план курса «Мирозерцание и характер» (Публикация А. И. Вакулинской) 90
- Протоиерей Константин Костромин, А. В. Петров.* Образы святых Бориса и Глеба в парадигме идейно-философских исканий Г. П. Федотова и И. А. Ильина 101
- А. М. Любомудров.* «Гость дорогой» — забытая статья архиепископа Серафима (Иванова) об Иване Шмелеве 114

Отечественная история

- Протоиерей Павел Хондзинский, Н. Н. Павлюченков, В. Ю. Даренский, священник Игорь Иванов, М. В. Шкаровский, П. Н. Базанов, И. Б. Гаврилов.*
Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» 124

<i>Д. А. Карпук.</i> Деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в период преподавания в Санкт-Петербургской духовной академии.....	161
<i>О. Л. Фетисенко.</i> Молодые годы отца Антония (Храповицкого) в письмах учеников К. Н. Леонтьева и С. А. Рачинского	168
<i>К. В. Ворожихина.</i> Митрополит Антоний (Храповицкий) о сущности латинства.....	181
<i>В. Ю. Даренский.</i> Митрополит Антоний (Храповицкий) как идеолог православных патриотических организаций	191
<i>М. Г. Талалай.</i> Владыка Антоний (Храповицкий) и его афонский корреспондент Алексей Павловский	204
<i>Д. И. Стогов.</i> Деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в эмиграции	215
<i>А. Ю. Митрофанов.</i> А. В. Колчак (1874–1920) в Порт-Артуре: от полярного исследователя к боевому офицеру	226

Отзывы и рецензии

<i>В. Т. Захарова.</i> Новый этап шмелевоведения. Отклик на выход книги: И. С. Шмелев: pro et contra: Антология. Т. 1 / Сост., вступ. ст., коммент. А. М. Любомудрова. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. 840 с.	246
---	-----

CONTENTS

From the Editorial Board

<i>Igor B. Gavrilov</i> . The Legacy of Russian Emigration – a Current Source of Formation of National Identity	12
---	----

History of Philosophy

<i>Alexander A. Korolkov, Vitaly Yu. Darensky, Valery A. Fateyev, Maxim M. Shevchenko, Arkady Yu. Minakov, Priest Igor Ivanov, Vladimir A. Voropaev, Petr N. Bazanov, Igor B. Gavrilov</i> . A Leading Exponent of the Russian National Idea. To the 140 th Anniversary of the Birth of Ivan Aleksandrovich Ilyin (1883–1954). Materials of the Round Table of the SPbTA Scientific Project “Byzantine Cabinet”	20
<i>Yuriy T. Lisitsa</i> . The Main and Important Results of Ivan Aleksandrovich Ilyin in the Science of Law and Philosophy	60
<i>Galina V. Skotnikova</i> . “Summer of the Lord” by J. S. Shmelev in the Philosophical Interpretation of I. A. Ilyin	74
<i>Aleksandra I. Vakulinskaya</i> . Spiritual Experience as a Subject of Worldview and Philosophy. Ivan Ilyin on Oratory (Preface to the Publication of the Synopsis of the Second Lecture and the General Outline of the Course “Worldview and character” by I. A. Ilyin).....	84
<i>Ivan A. Ilyin</i> . Summary of the Second Lecture and General Plan of the Course “Worldview and Character” (Publication by A. I. Vakulinskaya)	90
<i>Archpriest Konstantin Kostromin, Alexey V. Petrov</i> . Images of Saints Boris and Gleb in the Paradigm of Ideological and Philosophical Quests of G. P. Fedotov and I. A. Ilyin.....	101
<i>Alexei M. Lyubomudrov</i> . “Dear Guest” – a Forgotten Article about Ivan Shmelev by Archbishop Serafim (Ivanov)	114

National History

<i>Archpriest Pavel Khondzinsky, Nikolay N. Pavlyuchenkov, Vitaly Yu. Darensky, priest Igor Ivanov, Mikhail V. Shkarovskiy, Petr N. Bazanov, Igor B. Gavrilov</i> . Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) is an Outstanding Russian hierarch, Thinker, and Theologian of the 20 th Century. To the 160 th Anniversary of His Birth (1863–1936). Materials of the Round Table of the SPbTA Scientific Project “Byzantine Cabinet”	124
--	-----

<i>Dmitry A. Karpuk. The Activities of Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) During the Period of Teaching at the St. Petersburg Theological Academy.....</i>	161
<i>Olga L. Fetisenko. The Young Years of Hieromonk Antony (Khrapovitsky) in the Correspondence of K. N. Leontiev and S. A. Rachinsky with Their Disciples.....</i>	168
<i>Ksenia V. Vorozhikhina. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) on the Essence of Latinism .....</i>	181
<i>Vitaly Yu. Darensky. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) as an Ideologist of Orthodox Patriotic Organizations .....</i>	191
<i>Michail G. Talalay. Bishop Anthony (Khrapovitsky) and His Athonite Correspondent Alexey Pavlovsky .....</i>	204
<i>Dmitrii I. Stogov. The Activities of Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) in Exile .....</i>	215
<i>Andrey Yu. Mitrofanov. A. V. Kolchak (1874–1920) in Port Arthur: from Polar Explorer to Combat Officer .....</i>	226

Reviews

<i>Victoria T. Zakharova. New Stage in the Ivan Shmelev’s Study. Response to the Book: I. S. Shmelev: pro et contra: Anthology. Vol. 1. Comp., intro. article, comment. A. M. Lyubomudrov. St. Petersburg: RKhGA Publ., 2023. 840 p. ....</i>	246
---	-----

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3 (18)

2024

И. Б. Гаврилов

Наследие русской эмиграции — актуальный источник формирования национального самосознания

УДК [1(470)(091)+271.2-9+94(470)](049.3)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_12
EDN AYLHDS

Аннотация: Статья представляет собой обзор третьего номера научного журнала Санкт-Петербургской духовной академии «Русско-Византийский вестник» за 2024 г. Материалы выпуска посвящены четырем выдающимся культурно-научным, религиозным и общественным деятелям, в основном — представителям белой русской эмиграции первой волны: философу И. А. Ильину, писателю И. С. Шмелеву, митрополиту Антонию (Храповицкому), а также адмиралу А. В. Колчаку. Показано, что эти деятели оставили значительный след в истории отечественной мысли, литературы, Русской Православной Церкви и российского государства в XX в. Подчеркивается, что настоящим номером «Русско-Византийский вестник» не преследует цель «канонизировать» их фигуры в глазах широкой общественности, но показывает, что обращение исследователей к изучению их наследия и опыта жизни имеет большую актуальность. Научное раскрытие идей и деяний этих достойных сынов России должно помочь выработке самобытного национального самосознания — основы духовно здорового и сплоченного общества, способного противостоять многочисленным современным вызовам.

Ключевые слова: «Русско-Византийский вестник», «Византийский кабинет», круглый стол, И. А. Ильин, И. С. Шмелев, митрополит Антоний (Храповицкий), А. В. Колчак, русская религиозная философия, русская эмиграция, Русское Зарубежье, РПЦЗ, Белое движение, национальное самосознание, Православие, Русская идея.

Об авторе: **Игорь Борисович Гаврилов**

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: igo7777@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-9774>

Для цитирования: Гаврилов И. Б. Наследие русской эмиграции — актуальный источник формирования национального самосознания // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 12–19.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3 (18)

2024

Igor B. Gavrilov

The Legacy of Russian Emigration — a Current Source of Formation of National Identity

UDC [1(470)(091)+271.2-9+94(470)](049.3)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_12
EDN AYLHDS

Abstract: The article is a review of the third issue of the scientific journal of the St. Petersburg Theological Academy «Russian-Byzantine Bulletin» for 2024. The materials of the issue are devoted to four outstanding cultural, scientific, religious and public figures, mainly representatives of the first wave of the White Russian emigration: philosopher I. A. Ilyin, writer I. S. Shmelev, Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), and Admiral A. V. Kolchak. It is shown that these figures left a significant mark on the history of Russian thought, literature, the Russian Orthodox Church and the Russian state in the 20th century. It is emphasized that this issue of the Russo-Byzantine Herald does not aim to “canonize” their figures in the eyes of the general public, but shows that the researchers’ appeal to study their heritage and life experience is of great relevance. Scientific disclosure of the ideas and deeds of these worthy sons of Russia should help develop a distinctive national identity — the basis of a spiritually healthy and cohesive society capable of withstanding numerous modern challenges.

Keywords: Russian-Byzantine Herald, Byzantine Cabinet, round table, I. A. Ilyin, I. S. Shmelev, Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), A. V. Kolchak, Russian religious philosophy, Russian emigration, Russian Diaspora, ROCOR, White movement, national identity, Orthodoxy, Russian idea.

About the author: **Igor Borisovich Gavrilov**

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theology at the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: igo7777@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-9774>

For citation: Gavrilov I. B. The Legacy of Russian Emigration — a Current Source of Formation of National Identity. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 12–19.

*Россия — не человеческая пыль и не хаос.
Она есть прежде всего великий народ,
не промотавший своих сил и не отчаяв-
шийся в своем призвании. Этот народ из-
голодался... по национальной культуре.
Не хороните же его преждевременно!*

Иван Ильин

Новый номер научного журнала «Русско-Византийский вестник» традиционно содержит два основных крупных раздела — «История философии» и «Отечественная история», которые соответствуют его ваковским специальностям. На этот раз подборки публикуемых статей посвящены четверем выдающимся сынам России, чьи масштабные фигуры, оставив значительный след в истории русских мысли, культуры, Православной Церкви и государства в XX в., сегодня, после десятилетий идеологических запретов и замалчивания, все больше и больше открываются нашим современникам. Они вызывают огромный интерес как в научных кругах¹, так и во всем обществе — у каждого, кто не равнодушен к будущему России. «Русско-Византийский вестник» не остается в стороне от общественно важных дискуссий и предлагает к прочтению материалы, приуроченные к юбилеям выдающегося философа-эмигранта Ивана Александровича Ильина; его близкого друга и собеседника, великого православного писателя Ивана Сергеевича Шмелева; крупнейшего православного иерарха, мыслителя, богослова и общественного деятеля, главы Русской Православной Церкви Заграницей митрополита Антония (Храповицкого); а также видного государственно-политического и военного деятеля, Верховного Правителя России и лидера Белого движения адмирала Александра Васильевича Колчака². Подчеркнем: мы не ставили изначальной цели дать на страницах журнала полную апологию названных деятелей, «канонизировать» их в глазах читателей. Мы сознаем, что они, как и большинство людей, особенно живших в переломный исторический момент, в катастрофическую эпоху, несли на себе отпечатки своего времени и могли заблуждаться по каким-либо вопросам, совершить те или иные ошибки. Однако невозможно не признать, что это действительно значимые и достойные научного изучения и общественного внимания лица, о которых можно и нужно говорить, наследие и опыт жизни которых должны широко исследоваться, т.к. сегодня они могут помочь в нынешнем процессе формирования национального мировоззрения.

Раздел «История философии» открывает публикация «Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА „Византийский кабинет“»³,

¹ См., напр.: Экология культуры: природа и человек в культурно-цивилизационном пространстве: сб. научных трудов / Под ред. О. Б. Сокуровой, М. Н. Цветаевой. СПб.: СПбГУ, 2022. 278 с.; Маркидонов А. В. Богословие и культура: монография. СПб.: Изд-во СПбДА, 2022. 504 с.

² Напомним, что тематика русской эмиграции первой волны уже затрагивалась в № 4 (7) за 2021 г., приуроченном к столетию «Русского Исхода» (1920), а также № 2 (13) за 2023 г., посвященном еще одному значимому юбилею — 100-летию знаменитого «Философского парохода» (1922).

³ Корольков А. А., Даренский В. Ю., Фатеев В. А., Шевченко М. М., Минаков А. Ю., Иванов И., свящ., Воропаев В. А., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б. Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 20–59. Подробнее о научных мероприятиях «Византийского кабинета» см.: Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б., Титаренко С. Д., Титаренко Е. М., Сокурова О. Б., Маркидонов А. В. Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 338–355; Хондзинский П., прот., Костромин К., прот., Легеев М., свящ., Иванов И., свящ., Оболевич Т. С., Маркидонов А. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б., Медоваров М. В., Тесля А. А. Наследие прот. Георгия Флоровского (1893–1979): pro et contra. Материалы круглого стола

в которой представлены тезисы и тексты докладов, прозвучавших на состоявшемся 4 апреля 2023 г. в Санкт-Петербургской духовной академии онлайн-круглом столе, приуроченном к юбилею философа. Участники круглого стола, современные ученые-гуманитарии — А. А. Корольков, В. Ю. Даренский, В. А. Фатеев, М. М. Шевченко, А. Ю. Минаков, священник И. Иванов, В. А. Воронаев, П. Н. Базанов, И. Б. Гаврилов — единодушно отмечают, что Иван Ильин сегодня находится на острие борьбы за отечественное самосознание. Обращение к его наследию направлено на восстановление исторической памяти и призвано внести лепту в возрождение самобытной православной России.

Далее философский раздел продолжают шесть статей, посвященных И. А. Ильину, а также духовно близкому к нему писателю И. С. Шмелеву.

Статья крупнейшего исследователя и издателя сочинений Ильина Ю. Т. Лисицы⁴ касается важнейших итогов творчества мыслителя в сфере философии и права. Автор подчеркивает, что наследие философа огромно: оно насчитывает приблизительно 45–50 томов его собрания сочинений, на данный момент из которых вышли в свет только 33. Он также выражает опытную убежденность, что «после чтения Ильина жизнь человека кардинально меняется к лучшему, становится осмысленной и утешительной».

Г. В. Скотникова⁵ рассматривает истолкование И. А. Ильиным творчества И. С. Шмелева. По мнению автора статьи, исследовательский метод философа во многом определялся восприятием им философии как «особого описательного художества»,

---

научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 40-летию кончины выдающегося православного мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 156–175; Белукова В. Б., Гаврилов И. Б., Захарова В. Т., Иванов И., священник, Любомудров А. М., Пак Н. И. «Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 50-летию кончины классика литературы Русского зарубежья Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972) // Русско-Византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 154–166; Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Медоваров М. В., Гаврилов И. Б. Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского (1882–1937): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет». К 140-летию со дня рождения и 85-летию со дня трагической кончины выдающегося русского мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2023. № 1 (12). С. 24–50; Базанов П. Н., Вахитов Р. Р., Гаврилов И. Б., Ермишина К. Б., Корольков А. А., Малинов А. В., Медоваров М. В., Тесля А. А., Фатеев В. А. Евразийство: pro et contra. К 100-летию выхода сборника «Исход к Востоку». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 2 (13). С. 12–52; Даренский В. Ю., Дронов И. Е., Ильин Н. П., Котельников В. А., Медоваров М. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б. Философия Аполлона Григорьева (1822–1864) в контексте русской и европейской мысли и культуры. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 3 (14). С. 12–48; Хондзинский П., прот., Гаврилов И. Б., Даренский В. Ю., Павлюченков Н. Н., Фатеев В. А. Александр Матвеевич Бухарев (архимандрит Феодор): pro et contra. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 10–35; Сизоненко Д., прот., Кибальниченко С. А., Маркидонов А. В., Титаренко С. Д., Гаврилов И. Б. «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» Вячеслава Иванова. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник». К выходу нового научного издания монографии В. И. Иванова о Ф. М. Достоевском // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 144–175; Иванов И., священник, Гаврилов И. Б. О IV научно-богословской конференции «Русско-Византийский Логос» 13 сентября 2022 г. // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 230–240; Даренский В. Ю., Котельников В. А., Медоваров М. В., Минаков А. Ю., Самуилов Г. Н., Лебрён Р., Суарес Х. М. Н., Гаврилов И. Б. Жозеф де Местр (1753–1821) и русская мысль: к 270-летию савойского религиозного мыслителя. Материалы Международной конференции научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» от 7 ноября 2023 г. // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1 (16). С. 24–64.

⁴ Лисица Ю. Т. Главные и важные результаты Ивана Александровича Ильина в науке о праве и в философии // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 60–73.

⁵ Скотникова Г. В. «Лето Господне» И. С. Шмелева в философском истолковании И. А. Ильина // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 74–83.

а искусства — как «возвышенного служения человеческому духу и чистой радости Божественному». Именно этот принцип позволил Ильину противостоять позиции Г. В. Адамовича, увидевшего в произведениях Шмелева только «созданные миражи», а также мнению современных критиков писателя, воспринимающих его сочинения как «сказку былого».

А. И. Вакулинской⁶ принадлежит предисловие к публикации архивных материалов из наследия мыслителя — конспекта второй лекции и общего плана курса «Миросозерцание и характер». Исследовательница отмечает важные особенности, касающиеся данной рукописи. В частности, подчеркивает, что, по мнению философа, духовный опыт служит тем фундаментом, который позволяет людям адекватно понимать друг друга и отражать суть окружающих их предметов и явлений. А философия, в понимании Ильина, есть наука, ведающая духовной культурой, изучающая ее содержание и предмет, т. е. всецело основанная на духовном опыте.

В статье *прот. К. Костромина и А. В. Петрова*⁷ через образы русских святых страстотерпцев Бориса и Глеба в свете проблемы противостояния злу раскрываются концепции национальной идеи двух ярких представителей отечественной философской мысли XX в. — И. А. Ильина и Г. П. Федотова. Как известно, Ильин выступал оппонентом Л. Н. Толстого, приравнивавшего любое применение силы против зла к самому злу. Полемизируя с Ильиным, Федотов при этом не был толстовцем, он, полагают авторы, лишь имел в виду, что противостояние злу может осуществляться без применения оружия, силой духа и подражанием Христу, а видимость поражения способна обратиться победой.

В завершающем разделе материале А. М. Любомудрова⁸, посвященном И. С. Шмелеву, вводится в научный оборот историко-литературный источник — статья архимандрита (в будущем — архиепископа Чикагского и Среднеамериканского) Русской Православной Церкви Заграницей Серафима (Иванова) «Гость дорогой», написанная по случаю приезда писателя в 1937 г. в миссионерскую обитель русских эмигрантов в местечке Ладомирова (северо-восточная часть Словакии). Текст содержит ценные историософские размышления самого о. Серафима (Иванова) о судьбе России в XX в., а также показывает, что Шмелев воспринимался православными иноками-эмигрантами как автор, глубже других сумевший постичь и воспеть «душу России».

Раздел «Отечественная история» открывает публикация «Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА „Византийский кабинет“»⁹, содержащая тезисы и тексты докладов, прозвучавших на онлайн-круглом столе в СПбДА 28 марта 2023 г. Участники научной дискуссии — современные богословы, философы, историки: *прот. П. Хондзинский, Н. Н. Павлюченков, В. Ю. Даренский, свящ. И. Иванов, М. В. Шкаровский, П. Н. Базанов, И. Б. Гаврилов* — обзревают жизненный и творческий путь митр. Антония на родине, в период его идейного становления, и в эмиграции, в статусе авторитетнейшего русского

⁶ Вакулинская А. И. Духовный опыт как предмет миросозерцания и философии. Иван Ильин об ораторском искусстве (Предисловие к публикации конспекта второй лекции и общего плана курса «Миросозерцание и характер» И. А. Ильина) // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 84–89.

⁷ Костромин К., прот., Петров А. В. Образы святых Бориса и Глеба в парадигме идейно-философских исканий Г. П. Федотова и И. А. Ильина // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 101–113.

⁸ Любомудров А. М. «Гость дорогой» — забытая статья архиепископа Серафима (Иванова) об Иване Шмелеве // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 114–123.

⁹ Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б. Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 124–160.

иерарха, главы РПЦЗ. Особое внимание в его наследии уделяется апологии Православия, монархии и идеала христиански-народного единства. Рассматриваются отдельные богословские идеи владыки — мысль об отражении в многоединстве Церкви Божественного Троиинства, концепция Божественной любви, единящей человеческие личности в Церкви по подобию Лиц Пресвятой Троицы, а также его вклад в философию в качестве выразителя антропологического доказательства бытия Божия.

Затем размещены шесть статей, касающихся жизни и деятельности митр. Антония как до революции в России (статьи *Д. А. Карпука*, *О. Л. Фетисенко* и *К. В. Ворожихиной*¹⁰), так и за рубежом (статьи *В. Ю. Даренского*, *М. Г. Талалая* и *Д. И. Стогова*¹¹).

Завершает историческую часть обширная статья *А. Ю. Митрофанова*¹², посвященная одному из лидеров Белого движения, почитаемому русской эмиграцией — адмиралу А. В. Колчаку. Автор подробно рассматривает малоизвестные ранние эпизоды жизни легендарного военачальника, оказавшие влияние на формирование его личности.

В рамках рубрики «Отзывы и рецензии» публикуется отклик *В. Т. Захаровой* на выход фундаментальной антологии «И. С. Шмелев: pro et contra», составленной крупнейшим исследователем литературно-философского наследия писателя Алексеем Марковичем Любомудровым¹³. Рецензент справедливо отмечает, что И. С. Шмелев — один из наиболее выдающихся представителей консервативно-христианского направления русской словесности, писатель и мыслитель, особенно близкий Православной Церкви. В этой связи очевидна большая значимость проделанной составителем книги работы, которая в перспективе направлена на подготовку полной библиографии литературы о Шмелеве и издание академического собрания его сочинений.

В заключение еще раз подчеркнем актуальность обращения к опыту и идейному наследию живших в сложную переломную эпоху XX в. и ранее несправедливо очерненных и изгнанных из отечественной истории и культуры выдающихся сынов России, таких как Иван Ильин, Иван Шмелев, митрополит Антоний и Александр Колчак, а также многих других, чьи имена и творчество нам еще предстоит по-настоящему обрести и осмыслить. «Русско-Византийский вестник» уже внес и надеется продолжать вносить свой вклад в изучение религиозно-философского наследия мыслителей русской эмиграции, в открытие неизвестных страниц отечественной истории и культуры для современного читателя.

---

¹⁰ *Карпук Д. А.* Деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в период преподавания в Санкт-Петербургской духовной академии // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 161–167; *Фетисенко О. Л.* Молодые годы отца Антония (Храповицкого) в письмах учеников К. Н. Леонтьева и С. А. Рачинского // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 168–180; *Ворожихина К. В.* Митрополит Антоний (Храповицкий) о сущности латинства // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 181–190.

¹¹ *Даренский В. Ю.* Митрополит Антоний (Храповицкий) как идеолог православных патриотических организаций // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 191–203; *Талалай М. Г.* Владыка Антоний (Храповицкий) и его афонский корреспондент Алексей Павловский // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 204–214; *Стогов Д. И.* Деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в эмиграции // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 215–225.

¹² *Митрофанов А. Ю.* А. В. Колчак (1874–1920) в Порт-Артуре: от полярного исследователя к боевому офицеру // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 126–243.

¹³ *Захарова В. Т.* Новый этап шмелеведения. Отклик на выход книги: И. С. Шмелев: pro et contra: Антология. Т. 1 / Сост., вступ. ст., коммент. А. М. Любомудрова. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. 840 с. // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 244–248.

Источники и литература

1. *Базанов П. Н., Вахитов Р. Р., Гаврилов И. Б., Ермишина К. Б., Корольков А. А., Малинов А. В., Медоваров М. В., Тесля А. А., Фатеев В. А.* Евразийство: pro et contra. К 100-летию выхода сборника «Исход к Востоку». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 2 (13). С. 12–52.

2. *Белукова В. Б., Гаврилов И. Б., Захарова В. Т., Иванов И., свящ., Любомудров А. М., Пак Н. И.* «Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 50-летию кончины классика литературы Русского зарубежья Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972) // Русско-Византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 154–166.

3. *Вакулинская А. И.* Духовный опыт как предмет мирозерцания и философии. Иван Ильин об ораторском искусстве (Предисловие к публикации конспекта второй лекции и общего плана курса «Мирозерцание и характер» И. А. Ильина) // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 84–89.

4. *Ворожихина К. В.* Митрополит Антоний (Храповицкий) о сущности латинства // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 181–190.

5. *Даренский В. Ю., Дронов И. Е., Ильин Н. П., Котельников В. А., Медоваров М. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б.* Философия Аполлона Григорьева (1822–1864) в контексте русской и европейской мысли и культуры. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 3 (14). С. 12–48.

6. *Даренский В. Ю., Котельников В. А., Медоваров М. В., Минаков А. Ю., Самуилов Г. Н., Лебрён Р., Суарес Х. М. Н., Гаврилов И. Б.* Жозеф де Местр (1753–1821) и русская мысль: к 270-летию савойского религиозного мыслителя. Материалы Международной конференции научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» от 7 ноября 2023 г. // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1 (16). С. 24–64.

7. *Даренский В. Ю.* Митрополит Антоний (Храповицкий) как идеолог православных патриотических организаций // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 191–203.

8. *Захарова В. Т.* Новый этап шмелеведоведения. Отклик на выход книги: И. С. Шмелев: pro et contra: Антология. Т. 1 / Сост., вступ. ст., коммент. А. М. Любомудрова. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. 840 с. // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 246–250.

9. *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б.* О IV научно-богословской конференции «Русско-Византийский Логос» 13 сентября 2022 г. // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 230–240.

10. *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б., Титаренко С. Д., Титаренко Е. М., Сокурова О. Б., Маркидонов А. В.* Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 338–355.

11. *Карпук Д. А.* Деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в период преподавания в Санкт-Петербургской духовной академии // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 161–167.

12. *Корольков А. А., Даренский В. Ю., Фатеев В. А., Шевченко М. М., Минаков А. Ю., Иванов И., свящ., Воропаев В. А., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б.* Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 20–59.

13. *Лисица Ю. Т.* Главные и важные результаты Ивана Александровича Ильина в науке о праве и в философии // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 60–73.

14. *Любомудров А. М.* «Гость дорогой» — забытая статья архиепископа Серафима (Иванова) об Иване Шмелеве // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 114–123.

15. *Маркидонов А. В.* Богословие и культура: монография. СПб.: Изд-во СПбДА, 2022. 504 с.

16. Митрофанов А. Ю. А. В. Колчак (1874–1920) в Порт-Артуре: от полярного исследователя к боевому офицеру // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 226–245.
17. Петров А. В., Костромин К., прот. Образы святых Бориса и Глеба в парадигме идейно-философских исканий Г. П. Федотова и И. А. Ильина // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 101–113.
18. Сизоненко Д., прот., Кибальниченко С. А., Маркидонов А. В., Титаренко С. Д., Гаврилов И. Б. «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» Вячеслава Иванова. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник». К выходу нового научного издания монографии В. И. Иванова о Ф. М. Достоевском // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 144–175.
19. Скотникова Г. В. «Лето Господне» И. С. Шмелева в философском истолковании И. А. Ильина // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 74–83.
20. Стогов Д. И. Деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в эмиграции // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 215–225.
21. Талалай М. Г. Владыка Антоний (Храповицкий) и его афонский корреспондент Алексей Павловский // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 204–214.
22. Фетисенко О. Л. Молодые годы отца Антония (Храповицкого) в письмах учеников К. Н. Леонтьева и С. А. Рачинского // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 168–180.
23. Хондзинский П., прот., Гаврилов И. Б., Даренский В. Ю., Павлюченков Н. Н., Фатеев В. А. Александр Матвеевич Бухарев (архимандрит Феодор): pro et contra. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 10–35.
24. Хондзинский П., прот., Костромин К., прот., Легеев М., свящ., Иванов И., свящ., Оболевич Т. С., Маркидонов А. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б., Медоваров М. В., Тесля А. А. Наследие прот. Георгия Флоровского (1893–1979): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 40-летию кончины выдающегося православного мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 156–175.
25. Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б. Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 124–160.
26. Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Медоваров М. В., Гаврилов И. Б. Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского (1882–1937): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет». К 140-летию со дня рождения и 85-летию со дня трагической кончины выдающегося русского мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2023. № 1 (12). С. 24–50.
27. Экология культуры: природа и человек в культурно-цивилизационном пространстве: сб. научных трудов / Под ред. О. Б. Сокуровой, М. Н. Цветаевой. СПб.: СПбГУ, 2022. 278 с.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3 (18)

2024

*А. А. Корольков, В. Ю. Даренский, В. А. Фатеев,
М. М. Шевченко, А. Ю. Минаков, священник Игорь Иванов,
В. А. Воропаев, П. Н. Базанов, И. Б. Гаврилов*

Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет»

УДК 1(470)(091)(043.2)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_20
EDN AEYAQO

Аннотация: Публикуются тезисы и тексты докладов, непосредственно прозвучавших на состоявшемся 4 апреля 2023 г. в Санкт-Петербургской духовной академии онлайн-круглом столе «Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954)» и позднее присланных в редакцию «Русско-Византийского вестника». Подчеркивается, что Иван Ильин и его наследие по сей день находятся на острие борьбы за отечественное самосознание в самом широком понимании этих слов. Показано, что в своих трудах мыслитель делал акцент на духовном смысле существования России и русской культуры, намечал пути духовного делания и в философии, и в искусстве, и в науке, и в праве. Рассматривается предложенный им проект будущей русской философии — неотъемлемая часть проекта возрождения России. Отдельное внимание уделено истолкованию Ильиным понятия «русская идея» как синтеза монархии, национального самосознания и православной веры, а также его анализу исторического опыта императорской России. Затрагиваются более узкие вопросы — византизм и византийская монархия в понимании Ильина, его воззрения на личность и творчество Н. В. Гоголя, его взаимоотношения с одной из патриотических организаций Русского Зарубежья — Братством Русской Правды и др. Обращение современных российских ученых к наследию И. А. Ильина направлено на восстановление исторической памяти о нашем великом соотечественнике и призвано внести новую лепту в становление самобытной православной России.

Ключевые слова: И. А. Ильин, русская религиозная философия, консерватизм, национальное самосознание, православие, «русская идея», монархия, монархическое правосознание, императорская Россия, революция, русская эмиграция, Белое движение, антикоммунизм, антилиберализм.

Об авторах: **Александр Аркадьевич Корольков**

Доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека РГПУ им. А. И. Герцена, академик Российской академии образования.

E-mail: a-korolkov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3385-2587>

Виталий Юрьевич Даренский

Доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского.

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2042-5527>

Валерий Александрович Фатеев

Кандидат филологических наук, член редколлегии издательства «Росток».

E-mail: vfateyev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0279-2542>

Максим Михайлович Шевченко

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX в. — начала XX в. исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

E-mail: shevch_mm@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5257-4765>

Аркадий Юрьевич Минаков

Доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, руководитель Воронежского отделения Российского исторического общества.

E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2870-1856>

Священник Игорь Анатольевич Иванов

Кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: igivan74@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0749-8238>

Владимир Алексеевич Воропаев

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

E-mail: voropaevvl@bk.ru

Петр Николаевич Базанов

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры медиалогии и литературы Санкт-Петербургского государственного института культуры.

E-mail: bazanovpn@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9634-9068>

Игорь Борисович Гаврилов

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: igo7777@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-9774>

Для цитирования: Корольков А. А., Даренский В. Ю., Фатеев В. А., Шевченко М. М., Минаков А. Ю., Иванов И., свящ., Воропаев В. А., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б. Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 20–59.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3 (18)

2024

---

*Alexander A. Korolkov, Vitaly Yu. Darensky, Valery A. Fateyev,
Maxim M. Shevchenko, Arkady Yu. Minakov, Priest Igor Ivanov,
Vladimir A. Voropaev, Petr N. Bazanov, Igor B. Gavrilov*

A Leading Exponent of the Russian National Idea. To the 140th Anniversary of the Birth of Ivan Aleksandrovich Ilyin (1883–1954). Materials of the Round Table of the SPbTA Scientific Project “Byzantine Cabinet”

UDC 1(470)(091)(043.2)

DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_20

EDN AEYAQO

Abstract: Abstracts and texts of reports directly presented at the online round table “The Leading Exponents of the Russian National Idea” held on April 4, 2023 at the St. Petersburg Theological Academy are published. To the 140th anniversary of the birth of Ivan Aleksandrovich Ilyin (1883–1954)” and later sent to the editorial office of the “Russian-Byzantine Bulletin”. It is emphasized that Ivan Ilyin and his legacy to this day are at the forefront of the struggle for national identity in the broadest sense of these words. It is shown that in his works the thinker emphasized the spiritual meaning of the existence of Russia and Russian culture, outlined the paths of spiritual activity in philosophy, art, science, and law. The project of the future Russian philosophy proposed by him is considered – an integral part of the project of the revival of Russia. Special attention is paid to Ilyin’s interpretation of the concept of “Russian idea” as a synthesis of the monarchy, national identity and Orthodox faith, as well as his analysis of the historical experience of Imperial Russia. Narrower issues are touched upon – Byzantism and the Byzantine monarchy in the understanding of Ilyin, his views on the personality and work of N. V. Gogol, his relationship with one of the patriotic organizations of the Russians Abroad – the Brotherhood of Russian Truth, etc. An appeal of modern Russian scientists to the legacy of I. A. Ilyin is aimed at restoring the historical memory of our great compatriot and is intended to make a new contribution to the formation of the distinctive character of Orthodox Russia.

Keywords: I. A. Ilyin, Russian religious philosophy, conservatism, national identity, Orthodoxy, “Russian idea”, monarchy, monarchical legal consciousness, imperial Russia, revolution, Russian emigration, White movement, anti-communism, anti-liberalism.

About the authors: **Alexander Arkadyevich Korolkov**

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy, Institute of Human Philosophy, Russian State Pedagogical University named af-ter. A. I. Herzen, Academician of the Russian Academy of Education.

E-mail: a-korolkov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3385-2587>

Vitaly Yurievich Darensky

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky.

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2042-5527>

Valery Alexandrovich Fateyev

Candidate of Philological Sciences, member of the editorial board of the Rostok Publishers, St. Petersburg.

E-mail: vfateyev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0279-2542>

Maxim Mikhailovich Shevchenko

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History of the 19th – beginning of the 20th Century, History Faculty, Lomonosov's Moscow State University.

E-mail: shevch_mm@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5257-4765>

Arkady Yurievich Minakov

Doctor of Historical Sciences, Professor of Voronezh State University, head of the Voronezh branch of the Russian Historical Society.

E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2870-1856>

Priest Igor Anatolyevich Ivanov

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Associate Professor, Department of Theology at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: igivan74@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0749-8238>

Vladimir Alekseevich Voropaev

Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov's Moscow State University.

E-mail: voropaevvl@bk.ru

Petr Nikolaevich Bazanov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Medialogy and Literature of the St. Petersburg State Institute of Culture.

E-mail: bazanovpn@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9634-9068>

Igor Borisovich Gavrilov

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy.

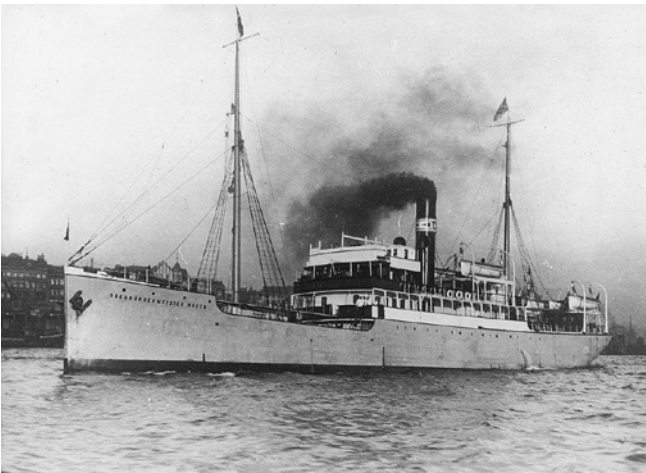
E-mail: igo7777@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-9774>

For citation: Korolkov A. A., Darensky V. Yu., Fateyev V. A., Shevchenko M. M., Minakov A. Yu., Ivanov I., priest, Voropaev V. A., Bazanov P. N., Gavrilov I. B. A Leading Exponent of the Russian National Idea. To the 140th Anniversary of the Birth of Ivan Aleksandrovich Ilyin (1883–1954). Materials of the Round Table of the SPbTA Scientific Project “Byzantine Cabinet”. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 20–59.

Иван Ильин перед высылкой из России. Москва, 1922 г.

Пароход «Обер-бургомистр Хакен» («философский пароход»)

Прошедший 2023 г. был юбилейным для одного из наиболее значительных представителей отечественной религиозно-философской мысли в эмиграции, идеолога Белого движения и критика коммунистической утопии Ивана Александровича Ильина (1883–1954). 10 апреля 2023 г. исполнилось 140 лет со дня его рождения, а 21 декабря наступившего 2024 г. исполнится 70 лет со дня его кончины. Двойной юбилей стал поводом обратиться к анализу богатейшего наследия философа¹.

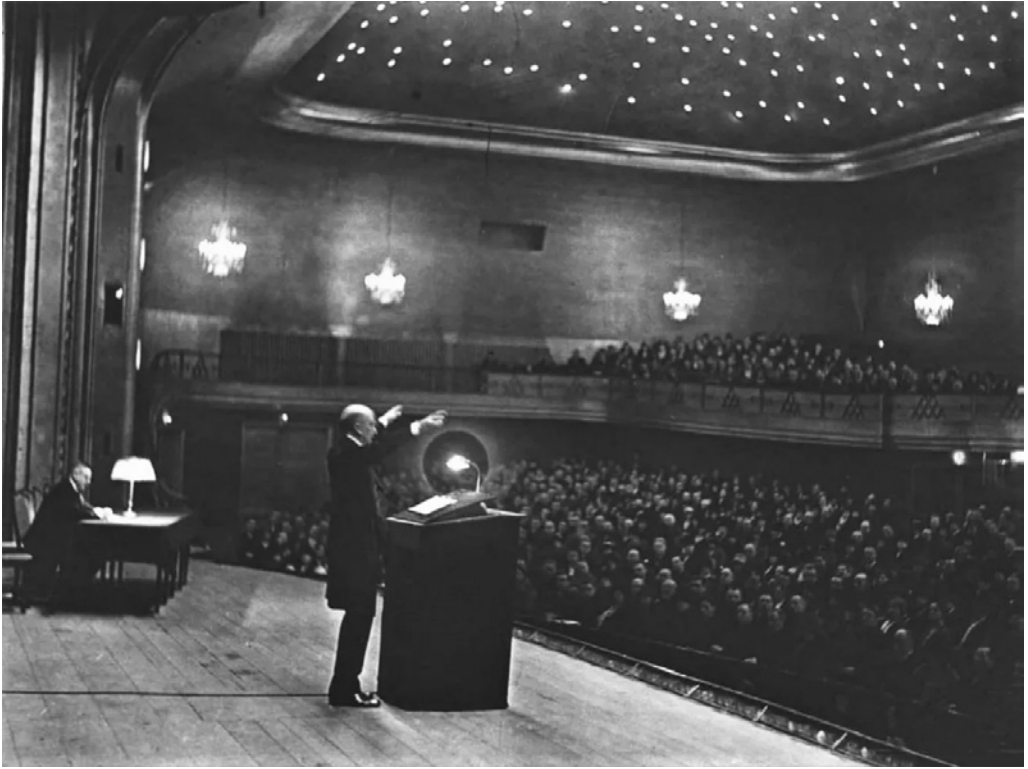
Близкий друг Ильина выдающийся православный писатель И. С. Шмелев отмечал, что «русская эмиграция... открыла Россию миру, подлинный лик ее: высокую ее культуру». Эти слова, безусловно, относятся как ко всей миссии русских изгнанников «первой волны», так и конкретно к творчеству И. А. Ильина, который особенно много сделал за рубежом для раскрытия духовного облика России.

26 сентября 1922 г. Иван Александрович вместе с супругой Наталией Николаевной Вокач-Ильиной на немецком судне «Обер-бургомистр Хакен» — знаменитом «философском пароходе» — отправился в изгнание из советского Петрограда в германский город Штеттин.

Мыслитель не хотел покидать «больную» Россию: «Мы выехали из России столь же бодрые и духовно-напряженные, сколь сидели там. Эти пять лет я считаю для себя не меньшею милостью Божию, чем завершительное „изведение“ из темницы. Я жил там, на родине, совсем не потому, что „нельзя было выехать“, а потому, что Наталия Николаевна и я считали это единственно верным, духовно необходимым, хотя и *очень* (здесь и далее в текстах материалов круглого стола в цитатах И. А. Ильина сохранены

¹ В современной научной литературе уже неоднократно отмечалось, что обращение к трудам И. А. Ильина стало явно выраженной тенденцией последних десятилетий — см., напр.: Экология культуры: природа и человек в культурно-цивилизационном пространстве: сб. науч. трудов / Под ред. О. Б. Сокуровой, М. Н. Цветаевой. СПб.: СПбГУ, 2022. С. 71. См. также: Гаврилов И. Б. К характеристике политической философии И. А. Ильина // Ильинские чтения: Мат. Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Град духовный, 2017. С. 143–151.

Лекционное выступление И. А. Ильина в Берлине, после 1925 г.

его выделения — *И. Г.*) опасным для жизни. Мы бы *сами и теперь* не уехали бы, ибо Россия в своем основном массиве — *там; там* она болеет, *там же* находит и найдет пути к исцелению. От постели больной матери, лежащей в беспомощности и судорогах, — *sua sponte*² не уезжают; разве только — оторванные и выброшенные»³.

Именно незнание и непонимание России и Русского мира как уникального самобытного организма стало одной из причин катастрофы 1917 г. Поэтому среди русских эмигрантов было широко распространено такое научно-просветительское и образовательное направление как россиеведение. В рамках исследования России И. А. Ильин прочитал за рубежом сотни лекций, центральной темой которых стали сущность и своеобразие русской культуры, в частности, например, художественной литературы. Вот лишь некоторые названия его речей из цикла «Гении России»: «Александр Пушкин как путеводная звезда русской культуры», «Гоголь — великий русский сатирик, романтик, философ жизни», «Достоевский как человек и характер», «Достоевский как художник», «Достоевский как публицист», «Образ Идиота у Достоевского», «Николай Ставрогин (Достоевский. „Бесы“», «Лев Толстой как истолкователь русской души („Война и мир“», «Мировоззрение Льва Толстого», «Лев Толстой — художник и человек». Бесспорно, И. А. Ильин должен быть признан выдающимся миссионером русской культуры⁴.

² По своему желанию (*лат.*).

³ Ильин И. А. Письмо к П. Б. Струве. 3. XI.1922 // *Его же*. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М., 1999. С. 116.

⁴ К миссионерам русской культуры на Западе можно отнести и русского философа-эмигранта Ф. А. Степуна. См.: *Гаврилов И. Б.* Ф. А. Степун о России и русской философии // *Христианское чтение*. 2017. № 2. С. 345–373.

Кратко остановимся на восприятии философом одного из русских гениев — Ф. М. Достоевского. Безусловно, Ильин видел в Достоевском «великого художника» и «гениального провидца». В докладе «Достоевский как публицист» он стремится раскрыть главную мысль писателя о России, его идеал православной веры: Достоевский, по мнению мыслителя, верит в «русское христианство» как живую духовную силу, «верит во Христа, Которого правильно и всем сердцем принял русский народ»⁵.

В архиве Ильина в Мичигане были найдены две страницы рукописи «Дневник писателя. Разные мои заметки», в которых просматривается сложное и неоднозначное отношение к прозрениям Достоевского. Приведем отдельные тезисы: «Главная сила России — любовь и очищение страданием»; «Общечеловечность категория слабая — он употребляет ее для обозначения метафизическо-глубины духа и этим смазывает идею национальной самобытности — отсюда какая-то экуменическо-универсальная претензия»⁶.

Одним из программных трудов философа в эмиграции стала книга «О сопротивлении злу силою», вышедшая в Берлине в 1925 г. как православно-патриотический ответ на учение Л. Н. Толстого и его последователей о «непротивлении злу силой». Этот труд Ильин посвятил «белым воинам, носителям православного меча, добровольцам русского государственного тягла». Книга вызвала острую полемику в рядах русской эмиграции: с ее критикой выступили З. Н. Гиппиус, Н. А. Бердяев, Ю. И. Айхенвальд и др.; в поддержку содержащихся в ней идей высказались первоиерарх Русской Зарубежной Церкви митр. Антоний (Храповицкий), архиеп. Анастасий (Грибановский), П. Б. Струве и др.

Показателен ответ Ильина одному из своих главных оппонентов в этом вопросе Н. А. Бердяеву: «Большевики завладели Россией именно потому, что русская интеллигенция была сплошь заражена сентиментально-анархическим неприятием государственности <...>. И вот то, что делают ныне г. Бердяев и его единомышленники, сводится к попытке дать христианско-православную санкцию этому религиозному, умственному и волевому пороку русской интеллигенции... Моя книга не только „восстает“ (т. е. полемизирует), но и утверждает. Поскольку же она „восстает“, то именно против этой традиции, которая продолжает жить и ныне в воззрениях новейших непротивленцев. Эта традиционная интеллигентская установка, делающая себе идола из сентиментальной гуманности, однажды уже предала Россию на поток и разграбление, однажды уже предала Русскую Православную Церковь на поругание дьяволам. <...> А когда св. Патриарх Гермоген подымал своими грамотами Россию на поляков и воров, то это был с его стороны акт христианский и православный или нет? Что же, он „смешивал Церковь и государство“? Что же, он не считал поляков и воров за „человеческие души“? Что же, он не верил в силу покаяния? Или он не знал, что обрекает тысячи „индивидуальных человеческих душ“ на смерть для того, чтобы спасти одно земное царство — Россию? <...> Подумайте только, что было бы с Россией, если бы царь Алексей Михайлович (Тишайший!) стал бы ожидать покаяния Степана Разина и его шаек и ограничился бы молитвой о них?»⁷

С 1927 по 1930 гг. Ильин был редактором-издателем «журнала волевой идеи» «Русский Колокол», целью которого объявлялось «служение самобытной и великой России, а в задачи входило «глубокое и всестороннее обновление духа в русском образованном слое, укрепление русского самосознания и отбор качественных сил». В предисловии к первому номеру журнала философ писал: «И вот, первое, в чем

⁵ Ильин И. А. Достоевский как публицист // *Его же. Собр. соч.*: В 10 т. Т. 6. Кн. 3. М., 1997. С. 352–353.

⁶ Там же. С. 542. О восприятии творчества Ф. М. Достоевского русскими мыслителями см. также: *Гагрилов И. Б.* Художник. Мыслитель. Пророк. 200-летний юбилей Ф. М. Достоевского на страницах изданий СПбДА: ретроспективный анализ и библиографический обзор // *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии.* 2023. № 3 (19). С. 261–262; *Маркидонов А. В.* Богословие и культура: Монография. СПб.: Изд-во СПбДА, 2022. С. 161–192.

⁷ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // *Его же. Собр. соч.*: В 10 т. Т. 5. М., 1995. С. 248, 257.

нуждается Россия, есть религиозная и патриотическая, национальная и государственная идея. Мы должны увидеть идеальную Россию, нашу родину в ее возможном и грядущем совершенстве. <...> И, увидев ее такую, создать те силы, которые осуществят ее, — Россию природных и национальных дарований; Россию великих заветов и заветов; Россию святителей, гениев и поэтов; Россию перед лицом Божиим... <...> Это есть идея великодержавной России, воздвигнутой на основах подлинно христианской, волевой и благородной государственности. Это есть идея: Богу служащей и поэтому священной родины»⁸. Текст заканчивается следующими словами: «России нужен идейный волевой и творческий кадр: рыцарский кадр. И она уже готовит его для себя в лишениях и испытаниях»⁹.

В своих трудах Ильин делал акцент именно на духовном смысле существования России и русской культуры. Для него Россия есть «цепь исторических явлений и образов... земное обстояние, подлежащее научному изучению. Но и самое это научное не должно останавливаться на внешней видимости фактов; оно должно проникать в их внутренний смысл, в духовное значение исторических явлений, к тому единому, что составляет дух русского народа и сущность России. Мы, русские люди, призваны не только знать историю своего Отечества, но и видеть в ней борьбу нашего народа за его самобытный духовный лик»¹⁰.

Следует отметить, что для Ильина «Отечество» всегда было не столько географическим или этнологическим понятием, сколько духовным. Он подчеркивал, что «только у духовного человека может быть Отечество, а любовь к Отечеству создает различие между человеком и зверем»¹¹. Философ понимал Россию как «единный живой организм: географический, стратегический, религиозный, языковой, культурный, правовой и государственный, хозяйственный и антропологический»¹².

Незадолго до смерти Ильин признавался: «Пишу и откладываю — одну книгу за другой и даю их читать моим друзьям и единомышленникам... И мое единственное утешение вот в чем: если мои книги нужны России, то Господь сбережет их от гибели, а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу только для России»¹³.

В феврале 1955 г. в эмигрантском издании «Вера и Верность» (г. Сан-Пауло, Бразилия) в некрологе отмечалось: «Длиннен, необычайно труден, а в последние годы и физически и нравственно мучителен был путь выдающегося русского ученого и общественно-политического деятеля профессора Ивана Александровича Ильина. Но путь этот был в то же время на редкость плодотворен для настоящего и для будущего России... Данные ему Господом Богом редкие таланты Иван Александрович умножил, и можно не сомневаться, что брошенные им семена воскреснут во благовремении и дадут уже на русской ниве богатые плоды, потому что любовь к России и Русскому Народу горели в его сердце жарким и никогда не угасимым огнем!»¹⁴

Продолжая исконную для русской мысли и центральную для И. А. Ильина традицию познания России, наш научный журнал «Русско-Византийский вестник» специализируется на изучении наследия отечественных религиозных мыслителей. Хочется верить, что подготовленный совместными усилиями современных российских ученых тематический номер «Русско-Византийского вестника», посвященный Ивану Александровичу Ильину, станет важной вехой в восстановлении исторической

⁸ Ильин И. А. Русский фашизм // *Его же*. Собр. соч.: Русский Колокол: Журнал волевой идеи. М., 2008. С. 40–42.

⁹ Там же. С. 46.

¹⁰ Ильин И. А. Почему мы верим в Россию // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 106.

¹¹ Ильин И. А. Родина и мы. Речь (на торжественном вечере немецкого Красного Креста и общества по изучению Восточной Европы) перед русскими профессорами-изгнанниками 14 ноября 1922 года // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9–10. М., 1999. С. 233.

¹² Ильин И. А. Россия есть живой организм // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. С. 304.

¹³ Ильин И. А. Что нам делать? // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 2. М., 1993. С. 365.

¹⁴ Профессор Иван Александрович Ильин // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 2. С. 402.

Кабинет Ивана Ильина в Цолликоне (пригород Цюриха, Швейцария), 1955 г.

памяти о нашем великом соотечественнике, внесет новую лепту в возрождение православной России.

Примечательно, что наш журнал обращается к наследию И. А. Ильина впервые, хотя уже неоднократно в нем публиковались материалы о выдающихся современниках Ильина — русских мыслителях начала XX в. (например, его учителя князе Е. Н. Трубецком¹⁵). Предполагается, что настоящий номер положит начало научному исследованию трудов крупнейшего православного философа на страницах нашего издания, которое будет продолжено в следующих номерах.

4 апреля 2023 г. в Санкт-Петербургской духовной академии, в рамках деятельности научного проекта «Византийский кабинет», состоялся онлайн-круглый стол «Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954)»¹⁶. Мероприятие традиционно организовали доцент

¹⁵ См.: *Фатеев В. А.* Князь Е. Н. Трубецкой как критик теократической утопии Вл. С. Соловьева // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 3 (6). С. 11–32; *Павлюченко Н. Н.* О важных направлениях в сравнительном анализе философско-богословских концепций князя Е. Н. Трубецкого и священника П. Флоренского // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 3 (6). С. 33–57; *Даренский В. Ю.* «Смысл жизни» князя Е. Н. Трубецкого — «канон» православного экзистенциализма // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 3 (6). С. 58–82; *Стогов Д. И.* Е. Н. Трубецкой и русские консерваторы: к истории взаимоотношений // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 3 (6). С. 83–95; *Сокурова О. Б.* Эпоха катастроф и идея «любви собирающей» в религиозно-философских трудах Е. Н. Трубецкого // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 3 (6). С. 96–112. См. также: *Гаврилов И. Б.* К характеристике религиозно-философского мировоззрения князя Е. Н. Трубецкого // *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*. 2022. № 3 (15). С. 79–104.

¹⁶ О прошедших ранее круглых столах, посвященных другим видным мыслителям, см.: *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б., Титаренко С. Д., Титаренко Е. М., Сокурова О. Б., Маркидонов А. В.* Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // *Русско-Византийский вестник*. 2020. № 1 (3). С. 338–355; *Хондзинский П., прот., Костромин К., прот., Легеев М., свящ., Иванов И., свящ., Оболевич Т. С., Маркидонов А. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б., Медоваров М. В., Тесля А. А.* Наследие прот. Георгия Флоровского (1893–1979): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 40-летию кончины выдающегося православного мыслителя // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 1 (4). С. 156–175;

кафедры богословия СПбДА, главный редактор «Русско-Византийского вестника» Игорь Борисович Гаврилов и заведующий кафедрой иностранных языков, доцент кафедры богословия СПбДА священник Игорь Иванов. Для обсуждения участника были предложены следующие направления: жизнь и труды И. А. Ильина, И. А. Ильин о роли Православия в духовном возрождении России, роль И. А. Ильина в формировании Русской идеи, философия культуры и философия права И. А. Ильина, И. А. Ильин о национальном и патриотическом воспитании, И. А. Ильин о самодержавии и русской государственности, И. А. Ильин о византийской монархии, Белая идея и миссия русской эмиграции в религиозной философии И. А. Ильина, Религиозно-философское наследие И. А. Ильина и современность.

С докладами выступили: Юрий Трофимович Лисица — доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой религиоведения Миссионерского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института наследия, составитель и комментатор многотомного (33 тома) Собрания сочинений И. А. Ильина («Русская книга», 1993–2006; Православный свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006–2015; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, 2018 — наст. вр.); Александра Ивановна Вакулинская — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории русской философии ИФ РАН; Александр Аркадьевич Корольков — доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, академик Российской академии образования; Галина Викторовна Скотникова — доктор культурологии, академик Академии российской словесности, профессор

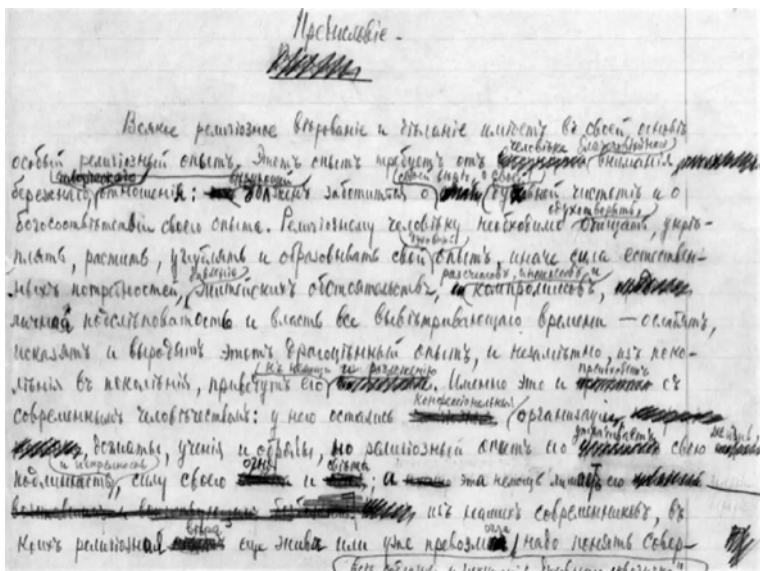
Белукова В. Б., Гаврилов И. Б., Захарова В. Т., Иванов И., свящ., Любомудров А. М., Пак Н. И. «Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 50-летию кончины классика литературы Русского зарубежья Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972) // Русско-Византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 154–166; *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Медоваров М. В., Гаврилов И. Б.* Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского (1882–1937): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет». К 140-летию со дня рождения и 85-летию со дня трагической кончины выдающегося русского мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2023. № 1 (12). С. 24–50; *Базанов П. Н., Вахитов Р. Р., Гаврилов И. Б., Ермишина К. Б., Корольков А. А., Малинов А. В., Медоваров М. В., Тесля А. А., Фатеев В. А.* Евразийство: pro et contra. К 100-летию выхода сборника «Исход к Востоку». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 2 (13). С. 12–52; *Даренский В. Ю., Дронов И. Е., Ильин Н. П., Котельников В. А., Медоваров М. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б.* Философия Аполлона Григорьева (1822–1864) в контексте русской и европейской мысли и культуры. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 3 (14). С. 12–48; *Хондзинский П., прот., Гаврилов И. Б., Даренский В. Ю., Павлюченков Н. Н., Фатеев В. А.* Александр Матвеевич Бухарев (архимандрит Феодор): pro et contra. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 10–35; *Сизоненко Д., прот., Кибальниченко С. А., Маркидонов А. В., Титаренко С. Д., Гаврилов И. Б.* «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» Вячеслава Иванова. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник». К выходу нового научного издания монографии В. И. Иванова о Ф. М. Достоевском // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 144–175; *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б.* О IV научно-богословской конференции «Русско-Византийский Логос» 13 сентября 2022 г. // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 230–240; *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б.* О деятельности «Византийского кабинета» в 2022 г. // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 241–259; *Даренский В. Ю., Котельников В. А., Медоваров М. В., Минаков А. Ю., Самуилов Г. Н., Лебрён Р., Суарес Х. М. Н., Гаврилов И. Б.* Жозеф де Местр (1753–1821) и русская мысль: к 270-летию савойского религиозного мыслителя. Материалы Международной конференции научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» от 7 ноября 2023 г. // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1 (16). С. 24–64.

кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, ведущий научный сотрудник сектора «Актуальные проблемы современной художественной культуры» Российского института истории искусств; Аркадий Юрьевич Минаков — доктор исторических наук, профессор исторического факультета и директор Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета, преподаватель Воронежской духовной семинарии; Максим Михайлович Шевченко — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Также в мероприятии участвовали: Николай Ильин, родственник И. А. Ильина; Михаил Васильевич Жеребцов, предприниматель, общественный деятель; Екатерина Александровна Данилова, аспирант Института наследия им. Дмитрия Лихачева.

Ниже в настоящей публикации представлены тезисы и тексты некоторых прозвучавших на круглом столе и позднее присланных в редакцию «Русско-Византийского вестника» докладов. В то же время отдельные выступления послужили основами для более развернутых статей, часть из которых мы также размещаем в этом номере.

А. А. Корольков: Жизнь и философия Ивана Ильина как духовное делание

Есть немало словосочетаний, которые рождены языковой интуицией Ивана Александровича Ильина. Они подчас настолько точны и афористичны, что воспринимаются как исконно русские, — это «просветленная чувственность», «совестная интуиция», «поющее сердце» — слова философа и писателя, соединившего философскую рефлексию с художественно-образным чувствованием. Ильин не писал художественных произведений, как многие другие русские мыслители, но писательский его дар просвечивает во всем его наследии, даже в политической публицистике. Ильин отливает мысли в формулы, создав свою стилистику, настолько узнаваемую, что она проявляется почти в любой строке. При этом надо добавить самый главный компонент в этом синтезе — духовное постижение всего, с чем сталкивается человек. Не было другого мыслителя, не только русского, у которого бы религия и философия оказались не просто близки, а родственны, как это открылось читателям, слушателям

Рукопись предисловия работы И. А. Ильина
«Аксиомы религиозного опыта» (1953)

в трудах и лекциях И. А. Ильина. Он заявлял однозначно: «Где нет души — нет и философствования... Философия есть делание душевно-духовное. Дух — это прежде всего то, что значительно в душе. И философия есть не душевное, а духовное делание»¹⁷.

Ильин указывал пути духовного делания и в философии, и в искусстве, и в науке, и в праве. О чем бы ни писал Ильин — все пронизано светом духовности. Этот свет единил его с православным писателем Иваном Сергеевичем Шмелевым. «Переписка двух Иванов» дает ясное представление об истинном искусстве и философии как рожденных из единого родника — религии. Глубина и проникновенность рассказа Шмелева о явлении в октябре 1925 г. святого Сергия Радонежского могли быть в полной мере оценены только православным философом: «Вы выговариваете закон потустороннего бытия — нет времени, все сразу, нет пространства, все вместе и рядом, это так и есть»¹⁸, — ибо явление произошло одновременно и на Поле Куликовом, и в Сергиевом Посаде.

После чтения переписки Ильина и Шмелева я выразил свое восхищение объемом и красотой их личного общения, на что писатель Валентин Распутин откликнулся так: «Конечно, удивительно: как, какими силами и в какие часы, ворочая горы трудов, ворочать еще и горы писем! Да, но другой масштаб. Остатки великих еще XIX века, да нет, не остатки, а продолжение, с ними же и закончившееся. В конце XX подобных уже не было, а в XXI и не будет. Крайнее напряжение физических и духовных сил возможно только в двух случаях — в пору расцвета культуры и в случае насильственного отторжения от родного. Души расширяются неимоверно»¹⁹.

Надежды на процветание России Ильин связывал с внутренним ее потенциалом. Возражая евразийцам, И. А. Ильин писал, что у них «весь вопрос о самобытной духовной культуре сводится к тому, куда именно надо всем шарахнуть: вот двести лет (якобы) шарахались на Запад; ясно, что вышел провал; значит — надо шарахнуться на Восток... Обезьянничал у Запада — ясно, начинай немедленно обезьянничать у Востока. Разве самобытность не в том, чтобы быть перед Лицом Божиим — самим собою, а не чужим отображением и искажением? Ни Восток, ни Запад, ни Север, ни Юг... вглубь надо; в себя надо; к Богу надо!»²⁰

В. Ю. Даренский: Философия как религиозная аскеза в концепции И. А. Ильина

Философия есть наука, вырастающая из духовного опыта.

И. А. Ильин

Понимание И. А. Ильиным природы и цели философского познания представляет большой интерес. В целом в нем можно найти аналогии с концепциями природы философии у других мыслителей Серебряного века, однако оно весьма оригинально в своих формулировках. Кроме того, у И. А. Ильина был проект будущей русской философии — как часть проекта будущей России, которая освободится от большевизма и станет на путь православного возрождения. Это «пророчество» И. А. Ильина уже в какой-то мере сбывается в наше время, и поэтому стоит рассмотреть его изначальный замысел.

В 1924 г. в Париже вышла небольшая книга И. А. Ильина «Религиозный смысл философии: три речи», в которую вошли три его лекции, прочитанные в 1914–1923 гг.

¹⁷ Ильин И. А. Философия как духовное делание // *Его же*. Собр. соч.: Философия как духовное делание. М., 2014. С. 51–52.

¹⁸ Ильин И. А. Переписка двух Иванов // *Его же*. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927–1934). М., 2000. С. 261.

¹⁹ Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. СПб., 2018. С. 234.

²⁰ Ильин И. А. Самобытность или оригинальничание? // Русская мысль. Париж, 1927. Кн. 1. С. 24–30.

Иван Ильин за рабочим столом, 1951 г.

Формулировка «религиозный смысл философии» является слишком общей и подошла бы почти для любого русского философа Серебряного века. В чем же особая специфика концепции И. А. Ильина? В лекции «Философия как духовное делание», прочитанной им еще в 1914 г., давалось такое определение: «Философия есть делание не внешнетелесное, а внутреннедушевное. Но и этого мало: это есть делание не просто душевное, но *душевно-духовное*. Душа — поток обыденных переживаний, чувств, болевых ощущений, приятных и неприятных состояний, воспо-

минаний и забвений, деловых соображений и т. д. Дух — это прежде всего душа, когда она живет своими лучшими слоями и силами, устремленными на познание истины, созерцание красоты, совершение добра, обращение к Богу»²¹. Таким образом, здесь философия фактически определяется как разновидность аскезы, т. е. внутренней работы души, которая осуществляется силами разума.

Далее И. А. Ильин разворачивает эту формулировку следующим образом: «Кто хочет понять, в чем сущность философии, должен приучить себя к мысли, что душа и дух — не одно и то же. Дух — это прежде всего то, что значительно в душе. И философия есть не душевное, а духовное делание»²². А «истинное философствование есть деятельность души, культивирующей духовное в себе»²³; «философствование есть служение в духе»²⁴. Выражение «служение в духе» означает, что философствование является неким аналогом молитвы.

Так же, как это происходит и в молитве, «философствуя, человек имеет перед своим внутренним взором предмет незримый, неслышимый, нечувственный, нематериальный»²⁵. Однако есть два отличия от молитвы: во-первых, философия только в конечном итоге обращена к Богу как своему высшему Предмету мысли, а начинается она с созерцания тварного мира; во-вторых, философ в первую очередь полагается на работу и силу своего самостоятельного разума, в то время как в молитве человек взывает благодати Божией и смиряет свой ум перед ней. Как пишет И. А. Ильин, «предмет свой философ должен сам одиноким и самостоятельным напряжением вызывать силою воображения и ставить его перед собою»²⁶. И здесь еще одно отличие от молитвы: в молитве не должно быть никакого «воображения», которое является здесь «прелестью»; по отношению же к философии И. А. Ильин применяет термин «воображение», но в особом смысле: не как представление неких «картинок», но, наоборот, как способность удерживать в сознании идеальные смыслы. («Философия начинается там, где мы перестаем мыслить картинками», — скажет потом М. К. Мамардашвили.)

Философия есть приобщение сознания к подлинной, единой для всех реальности, которую люди могут не знать в силу своей привязанности к обыденности

²¹ Ильин И. А. Собр. соч.: Философия как духовное делание. С. 51.

²² Там же. С. 52.

²³ Там же. С. 54.

²⁴ Там же. С. 55.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 56.

и материальному миру (здесь работает платоновский «миф о пещере»): «Философия имеет, вне сомнения, свой объективный предмет и свои добытые о нем непоколебимые истины... Если думать, что философствование есть занятие, насыщенное субъективностью, произволом и усмотрением, — то деградация ее обеспечена»²⁷. Философия возможна только как борьба сознания с собственной субъективностью, поэтому «сомнение есть путь к углублению знания и углублению личной душевной жизни»²⁸.

Если обобщить все приведенные выше признаки философии, то она оказывается не чем иным, как аналогом обряда духовной инициации, существовавшей во всех традиционных культурах. После того, как исчезли эти обряды, духовно ищущий современный человек пытается заменить их чем-то другим, что выполняло бы ту же функцию духовного посвящения в истинную реальность. В первую очередь — с помощью философии.

Собственно, изначально такого разделения даже и не было, и древние философские учения были не чем иным, как разъяснением эзотерических культов, в которых центральное место занимали обряды инициации. Такой подход к возникновению и ранней истории философии развивал литовский философ Альгис Уждавинис (1962–2010) — автор книги «Философия как обряд перерождения: от Древнего Египта до неоплатонизма» (2008)²⁹. Развивается он также и в наших работах³⁰. Но фактически он реализован и у И. А. Ильина.

Если в лекции 1914 г. был изложен именно инициационный исток философии, позже в статье «О возрождении философского опыта» показано уже дальнейшее его развитие. Здесь И. А. Ильин призывает превратить «философию в духовное художество»³¹. Но изначально ведь «духовным художеством» именовался монашеский подвиг и молитва. Более того, он пишет о том, что истинной делает философию «преданность духовному Предмету», превращающая ее в «подлинное богослужение»³². Слово «богослужение» здесь употреблено в его прямом смысле — как служение Богу, а не как обряд. В итоговой своей книге «Путь к очевидности» он дает одно из определений философии: это «наука, требующая от человека особого духовно-религиозного опыта и особого описательного художества»³³. В этом и состоит тот специфический род служения Богу, которым занимается философия.

Поэтому И. А. Ильин выделяет следующий критерий подлинно философского познания: «Философу всюду дается его предмет, где у него есть ощущение, что его касается Божий луч»³⁴. Отсюда — «философия есть наука, вырастающая из духовного опыта. И первая задача ее состоит в том, чтобы растить и крепить свой опытный акт»³⁵. Соответственно, «таков настоящий путь (или „метод“) философа. На этом пути обновится и расцветет будущая русская философия, и тогда она перестанет праздно умствовать и предаваться соблазнительным конструкциям. Основное правило этого пути гласит так: сначала — быть, потом — действовать, и лишь затем, из осуществленного бытия и из ответственного, а может быть, и опасного, и даже мучительного делания, — философствовать»³⁶.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 58.

²⁹ См.: *Uždavinys A. Philosophy as a Rite of Rebirth: From Ancient Egypt to Neoplatonism. The Matheson Trust and Prometheus Trust, 2008. 165 p.*

³⁰ *Даренский В. Ю.* Об «инициационной» парадигме в историко-философских исследованиях // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2018. Т. 4 (1–2). С. 95–116; *Его же.* Компенсаторная функция философии в секулярной культуре // Традиционные общества: неизвестное прошлое: Мат. XVI Междунар. науч.-практ. конф., 20–21 мая 2020 г. Челябинск, 2020. С. 322–327.

³¹ *Ильин И. А.* Религиозный смысл философии: три речи, 1914–1923. Париж, 1924. С. 114.

³² Там же.

³³ *Ильин И. А.* Путь духовного обновления. М., 2011. С. 408.

³⁴ Там же. С. 409.

³⁵ Там же. С. 414.

³⁶ Там же. С. 416.

Этот принцип — «сначала — быть, потом — действовать, и лишь затем — философствовать» — является не чем иным, как инициационным пониманием природы философии, рождающейся из бытийного опыта и духовного прозрения, которое переходит во внутреннюю работу души и во внешнее жизненное подвижничество. И уже только после этого возникает философия как их осмысление. В противном случае человек обречен лишь «праздно умствовать и предаваться соблазнительным конструкциям». И. А. Ильин предостерегает от этого пути, с Нового времени господствующего в западной философии. Поэтому призванием русской философии является возвращение на путь подлинности, который всегда открыт.

В. А. Фатеев: «Я живу только для России»: Иван Ильин и «русская идея»

Россия чтит память Ивана Александровича Ильина как одного из самых верных, самых глубоких и вместе с тем самых решительных своих умов. Он не боялся ставить острейшие проблемы и решал их со смелостью, достойной христоролюбивого духовного воина. Его творческая личность представляет собой уникальный сплав глубокой религиозности, аналитического философского ума, сердечного чувства и публицистической актуальности.

Профессор философии права, социальный мыслитель, исследователь философии Гегеля, он стал одним из духовных лидеров оппозиции безбожному духу большевистского переворота. Будучи высланным из горячо любимой им России, он вырос на Западе в крупнейшего представителя консервативного крыла русской философии зарубежья.

Супруги Наталья и Иван Ильины
в эмиграции, 1927 г.

Россия навсегда осталась в сердце мыслителя, и он неизменно осознавал себя ее частицей. Тема России, размышления о ее прошлом, настоящем и будущем — главная в творчестве Ильина. Переживая в изгнании трагедию утраты физической связи с родиной, Ильин в небольшой книжечке «Родина и мы» (1926), ставшей своего рода манифестом Белого движения и патриотической части русской эмиграции, заявляет: «От родины оторваться нельзя. <...> Мы должны найти в себе, углубить и укрепить свою русскую природу, свою „русскость“, так, чтобы через „пустоту“ и „темноту“ видимого и мнимого „отрыва“ от России засиял свет подлинного единения и глубинного единства с нею. Мы оторваны от родной земли именно для того, чтобы найти в себе самих родной дух. <...> Да живет же наша чудесная Россия!»³⁷

Укрепление своей русскости и донесение этого духа верности России до читателей были одной из главных задач всего эмигрантского творчества Ивана Ильина. Важнейшее место в этом осмыслении и продвижении национального начала занимала так называемая «русская идея», которая со времен славянофильства составляет квинтэссенцию темы развития русского национального самосознания. В статье «О русской идее» Ильин так формулирует это понятие, которое одновременно характеризует

³⁷ Ильин И. А., проф. Родина и мы. Белград, 1926. С. 3–16.

национальное начало и представляет собой творческую задачу: «Эту творческую идею нам не у кого и не для чего заимствовать: она может быть только русской, национальной. Она должна выражать русское историческое своеобразие и в то же время — русское историческое призвание. Эта идея формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благодатную силу, в чем он прав перед лицом Божиим и самобытен среди всех других народов. И в то же время эта идея указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь...»³⁸

Русская идея в трактовке Ильина есть нечто простое и ясное, «идея созерцающего сердца», воспринимаемая не только разумом, но и чувством, духовная сила, а прежде всего — идея духовного самосознания русского народа, неразрывно связанного с идеей укоренения в православном христианстве. Творческой силе русской души, русской истории, согласно Ильину, открылось живое созерцание, основанное на любви и вере: «Вот почему в основе всей русской культуры лежит живая очевидность сердца...»³⁹

Совсем иное мнение имел о русской идее Владимир Соловьев, которому некоторые исследователи приписывают введение этого термина, встречавшегося уже у славянофилов. Соловьев видел миссию русского православного народа, его религиозное предназначение как народа христианского, в том, чтобы принести «национальный эгоизм» в жертву на алтарь Вселенской церкви, то есть пойти под начало Верховного Первосвященника, или папы римского.

Автор известной книги «Русская идея» Николай Бердяев рассматривал это понятие как русский мессианизм, противоречивое, двойственное явление, включающее в себя комплекс самых разных идей, от концепции Москвы — третьего Рима и идеи «народа-богоносца» Достоевского до «хилиастического революционного мифа».

Для Ивана Ильина, как уже сказано, русская идея неотделима от Православия. Он убежден, что Православие составляет духовную основу русского самосознания. В статье «О русской идее» Ильин подчеркивает, что эта идея не может быть выдуманной или искусственно созданной. Ее возраст равен возрасту исторической России, а ее религиозным источником является заимствованная из Византии православно-монархическая идея.

Наиболее полно выразились взгляды Ильина по вопросу «русской идеи» в лекции «О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта)» (1940). В этой развернутой рецензии на сочинение немецкого мыслителя Вальтера Шубарта «Европа и душа Востока» (1938), в котором взаимоотношения Запада и России рассматривались без обычной для западных авторов предвзятости и даже с любовью к России, Иван Ильин имел возможность затронуть более глубокие вопросы русского национального самосознания. Сам автор книги, поставивший своей целью давнюю мечту европейских мыслителей раскрыть «загадочную русскую душу», изложил свою концепцию «русской идеи», особенно подробно остановившись на взаимоотношениях России и Запада.

Ильин всячески подчеркивает достоинства труда немецкого автора, сумевшего увидеть многие отличительные черты русского народа. Для сопоставления Ильин приводит цитаты из одной немецкой книги 1925 г. о русской литературе, полной неприязни к России и русским, в которой «перемешаны невежество, легкомыслие и зложелательное презрение»⁴⁰. Ильин не без иронии отмечает, что презрения высокомерного германца Россия удостоилась прежде всего за свой православный дух.

Однако Ильин не совсем принял и концепцию книги Шубарта, хотя отметил, что в ней впервые за долгие годы о России высказано немало точных положительных суждений. «Много тонкого и верного сказал он о русской душе, но русского духа не постиг»⁴¹. По мнению рецензента, автор книги прошел мимо самого главного — Православия. Характерно, что отвлеченные построения немецкого мыслителя Ильин, исповедующий,

³⁸ Ильин И. А. О русской идее // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. С. 419.

³⁹ Там же. С. 422.

⁴⁰ Ильин И. А. О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта) // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1998. С. 377.

⁴¹ Там же. С. 397.

Вальтер Шубарт (1897–1942) и русский перевод его книги «Европа и душа Востока», выпущенный эмигрантским издательством «Посев» в 1947 г.

в русле славянофильства, мысль, пропущенную через сердце, называет «бердяевщиной»⁴².

В связи с рассуждениями немецкого автора об исторических событиях Ильин делает обширный экскурс в историю русского национального самосознания и показывает, что Европа не понимает непохожего на нее восточного соседа и боится его из-за огромных размеров России. Предпосылки для развития нашей самобытности Ильин видит в национальном своеобразии, непохожести русского народа на другие: «...наше своеобразие — от *славянской крови и славянской души*, не похожей ни на мон-

гольство, ни на романство, ни на германство»⁴³. Дальнейшее развитие национального своеобразия Ильин обуславливает влиянием на русский народ принятия Православия.

Согласно Ильину, процесс исторического развития России происходил от национального своеобразия — к национальному самосознанию, которое проявилось в полной мере только в XIX в.

Прослеживая ход русской истории, мыслитель связывает развитие национального самосознания с реформами Петра: «Небесное и земное разделились в русском самочувствии: русское самочувствие проснулось, и началась эпоха русского самосознания»⁴⁴.

Ильин так обозначает путь духовного развития России: «России и русскому духу предстоял новый путь: различить в культурном творчестве *церковное и религиозное, открыть* себе доступ к *светской цивилизации и светской культуре* и внести дух религиозный, христианский, иоанновский в создание своей *светской цивилизации и светской культуры*»⁴⁵.

«Русская идея» для Ильина — прежде всего национально-православная идея. Он ищет формулы для мысли об отличии русского народа от европейских народов и о значении Православия, которые были с гениальной зоркостью высказаны еще Пушкиным. Ильин пишет о задаче сформулировать русскую православную идею: «Прошло сто лет с тех пор, как Пушкин высказал это, и мы до сей поры ждем этой формулы — русской православной формулы для русской православной идеи»⁴⁶. Помимо Пушкина и Данилевского, он охотно цитирует Ивана Киреевского, Хомякова и других национально и православно ориентированных авторов.

«Мы — народ, хранящий единственную верную веру, живущий ею и призванный соблюдать ее до Второго Пришествия Спасителя; родина наша, Россия, — страна верного народа; цари наши — правоверные и благоверные; Церковь наша — святая, соборная, апостольская; войны наши — за правую веру, не чтобы навязать ее другим, а чтобы у нас ее не отняли»⁴⁷.

Ильина часто, особенно после книги «О сопротивлении злу силою», считают консервативным радикалом, сторонником крайне правых воззрений. Однако

⁴² Там же. С. 378.

⁴³ Там же. С. 399.

⁴⁴ Там же. С. 408.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 389.

⁴⁷ Там же. С. 406.

действительно будучи горячим защитником монархической и православной России, он, при всей остроте своих публицистических заявлений, старался избегать крайностей консерватизма.

Так, его миновал даже соблазн, которым грешили многие близкие ему по духу отечественные мыслители, от славянофилов до Достоевского. В рецензии на книгу Шубарта Ильин недвусмысленно выступил против идеи национального мессианства, которую иногда считают чуть ли не основой всей «русской идеи».

Русский философ не принял книгу иностранца, «открывшего мессианскую национальную мечту наших славянофилов, уверовавшего в нее и предлагающего нам осуществить ее под водительством католической церкви»⁴⁸. По мнению Ильина, в мессианской мечте Шубарта, которую он предполагает нам осуществить под руководством папы римского, проявляется влияние иудаизма и римского католицизма, а не черты подлинного Православия.

Призывание же России, «русская идея», по Ильину, состоит в ином: «И вот судьба России, ее призвание, ее национальная идея, ее культура и определились этим заданием: создать *новую восточно-христианскую культуру, новую русско-национальную творческую идею и новое русско-национальное самосознание*»⁴⁹.

По сути дела, Ильин выступает здесь не только и не столько против мечты славянофилов, сколько против теократических идей Вл. Соловьева, хотя внешне в его критике соблазна духовно спасать другие народы есть сходство с позицией Соловьева — автора прокатолической брошюры «Русская идея». Видя в этой апологии мессианства самообольщение, соблазн «национальной гордыни» и заимствование от гордого европейского духа, Ильин считает такую идею возноситься над другими народами и учить их уму-разуму особенно несвоевременной в период трагических страданий Отечества: «...мы, русские, призваны сейчас к *смирению, трезвению и к покаянному самоочищению*»⁵⁰. «Нам предстоит долгий путь очищения и покаяния, обновления и нового строительства; *всенародного воспитания и культурного обновления*. К этому делу мы должны приступить со *скромностью и смирением*, а не с *настроением мессианской гордыни*»⁵¹.

По этой причине Ильин выражает мнение, что книга Шубарта о России, которая полезна для Запада тем, что содержит правдивые размышления о русском народе, в русские умы может внести «соблазн и совращение»⁵².

Ильин показал себя здесь не фанатичным реакционером, каким его представляли, а думающим наперед, даже осторожным мыслителем, и это был не единственный его подобный поступок. Так, в период, когда антисоветские настроения на Западе стали перерастать в намерения способствовать попыткам разделения России, Иван Ильин, воспринимавший Россию как целостный организм, благоразумно предупреждал, что подобные замыслы чреватые катастрофическими последствиями⁵³. Трагические последствия распада Советского Союза показывают, насколько прав был русский философ в своих предчувствиях и предостережениях. Современные угрозы целостности России еще раз подтверждают, как актуальны сочинения Ильина по национальному вопросу для наших дней.

Русская национально-православная идея Ильина обращена в будущее. Согласно Ильину, России было предначертано две задачи: «*Воспитание нового русского, творчески-христианского характера и правосознания; создание новой светской русской культуры в духе иоанновского христианства*»⁵⁴.

Выполнение этих задач, считает Ильин, было уже начато, и дело шло к их планомерному осуществлению. Хотя война и революция остановили их воплощение

⁴⁸ Там же. С. 411.

⁴⁹ Там же. С. 409.

⁵⁰ Там же. С. 412.

⁵¹ Там же. С. 414.

⁵² Там же. С. 413.

⁵³ См. статьи И. А. Ильина «О расчленении России» и «Что сулит миру расчленение России?» в т. 1. книги «Наши задачи».

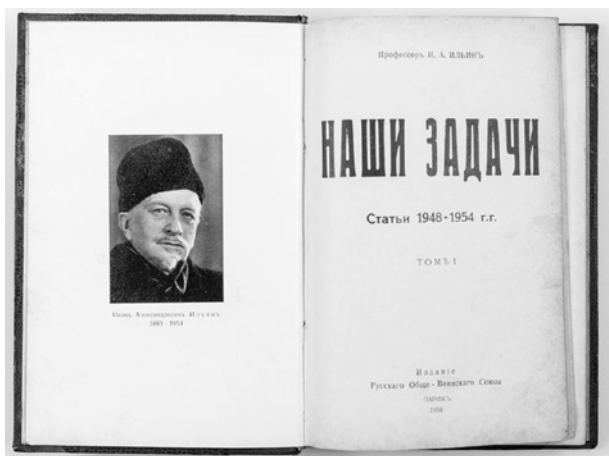
⁵⁴ Ильин И. А. О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта). С. 410.

в жизнь, мыслитель верит, что в настоящее время это осуществление «русской идеи», дело возрождения подлинной России лишь отсрочено: «Война и революция сорвали это дело и отложили его, отсрочили его осуществление. Да, именно отсрочили. Ибо России нет другого пути. И она возьмется за это дело. Вечных революций не бывает»⁵⁵.

Горячие, идущие из глубины сердца сочинения Ивана Ильина, каждой своей строчкой, каждой мыслью обращенные к будущей, возрожденной России, ныне обрели на родине мыслителя своих многочисленных и благодарных читателей.

М. М. Шевченко: Исторический опыт императорской России в политической философии И. А. Ильина (Предварительные соображения)

Иван Александрович Ильин — одна из центральных фигур в русской политической философии XX в. Занимаясь своими фундаментальными исследованиями, он не терял из виду актуальных политических событий и процессов, внутри которых в той или иной степени находился, реагируя на них своей публицистикой. И, хотя бывал неточен в определении очередной наступавшей конъюнктуры, обладал незаурядной глубиной и проницательностью в оценке продолжительных исторических процессов

Сборник статей И. А. Ильина
«Наши задачи» (1956)

в связи с перспективой будущего, исходя из утверждения гражданской интеллектуальной ответственности русского ученого, погруженного в «философию как духовное делание».

Его наследие не содержит исследований, выполненных по правилам и принципам исторической науки, но публицистика полна синтетических концептуальных наблюдений и суждений о давнем и недавнем русском историческом прошлом. Они характеризуют прежде всего главные черты ушедшей в прошлое России периода Империи и клонятся к выражению непреложных аксиом политического существования России в принципе,

в связи с чем раскрываются причины русской национальной революционной катастрофы XX в. и перспективы преодоления ее последствий.

Иван Ильин как публицист по сей день находится в острие борьбы за отечественное самосознание в самом широком понимании этих слов, — на его имя обрушиваются потоки клевет, инсинуаций, диффамаций слева, и вряд ли будет ошибкой сказать, что в этом отношении он как историческая фигура уступает лишь, пожалуй, Александру Солженицыну. Тем важнее объективное и непредвзятое изучение его наследия.

(1) **Рождение России императорской** — петровский переворот в русской истории — непереоценимо в своем положительном историческом значении. Это выход русского сознания на широкие культурные просторы, окончательное преодоление элементов провинциальной замкнутости с сохранением корней своей идентичности, предпосылка творческого подъема русского духа с опорой на свою православно-христианскую сущность. Выход, обогативший русскую культуру и умением различать

⁵⁵ Там же. С. 410–411.

религиозное и церковное: если Церковь — это солнце, то религиозность суть его лучи, наполняющие светом все культурно-созидательные проявления, каждое благое человеческое деяние. У этого поворота стоит гениальная личность — Петр Великий, открывающий вселенские, универсалистские перспективы русской культуре. Русский народ вместе с ним проходит через важнейший опыт критики самого себя, «уважения к врагам и смирения в победе». Перед Россией ставится задача взять все лучшее, что есть в человечестве в прикладном смысле, чтобы творчески-самобытно сделать сколь можно совершеннее, без чего невозможно защитить и утвердить себя в своих высших ценностях, православным христианством обусловленных. При этом Запад, западная культура, западная цивилизация здесь понимается как просто исторический регион, как лидирующая часть человечества сугубо в данный исторический момент или историческую эпоху, как точка или как отрезок, значение которого не следует фетишизировать, но — лишь отдать должное конкретно-объективному превосходству постольку, поскольку оно существует. Никакие грехи Петра Великого против Церкви или светской русской старины, интерпретируемые в славянофильском или карамзинском духе, всего этого не отменяют.

(2) Все особенности и **причины русской революции**, понимаемые в марксистско-позитивистском духе: крестьянский вопрос, рабочий вопрос, проблему гражданской и политической свободы, — Ильин интерпретирует как естественное развитие отечественной цивилизации, которая конкретно-исторически шла по пути разлома, то есть через конкуренцию со стороны секуляризованной, безбожной интеллигенции, мечтавшей «вырваться из истории» вообще или лишь из русской в частности, порвать с исторической русской государственностью, строить Россию без Бога. Это была конкуренция с духом истинной цивилизованности, культурности, традиции, консерватизма. Ильин впервые пытается выделить и сформулировать проявившуюся в истории социальную идею русских монархов. Она обозначается как надословная сверхзадача, очевидная с первых актов, внешне раздававших прописанные сословные привилегии, за которыми дальше шел процесс постепенного освобождения крестьян. Начиная с первых намеков императора Павла I, желаний и поисков Александра I, осторожных движений Николая I, а, затем, начиная с отмены крепостного права, шла реализация постепенного *превращения крестьянства России в класс свободных земельных собственников*. Завершением этого процесса должна была стать, если бы она завершилась, Столыпинская аграрная реформа. Это непрерывный процесс, шедший сквозь весь XIX в. Со становлением частной крестьянской земельной собственности как обязательным условием были связаны шансы императорской России на осуществление ее «демократических возможностей», перспективы политической демократии, погубленные Февральской революцией. Аграрный вопрос в любом случае органически и естественно-исторически созидательно решался на путях свободы. Крестьянин относился к своему общинному быту так, как сам того хотел: добровольно обособлялся, сохранял старое или добровольно объединялся в новые коллективные формы.

(3) **Внешняя политика императорской России**, по Ильину, противоположна советской тем, что не несла в себе никакой революционной экспансии в окружающий мир. Традиционно русские монархи так или иначе придерживались политики равновесия сил среди ведущих держав мира, делая это последовательнее, чем их западные конкуренты и партнеры. Любителям укорять русских монархов в том, что они-де вмешивались-воевали за «чуждые России» европейские дела и интересы, Ильин отвечал, что «дипломатически и культурно» уйти из Европы было равносильно самопредательству, значило предоставить возможность Западу объединиться в той или иной форме всегда за счет России и против России. «Строить Россию мировым равновесием сил», не допуская ее провала в стихию революции и анархии, повышая уровень ее культуры и правосознания, поддерживая ради этого европейское (мировое) равновесие сил и длительное замирение — такова основная идея мировой политики императорской России, — полная противоположность «советскому революционному завоевательству». В связи с этим, по Ильину, не выдерживают критики

попытки увидеть, например, в И. В. Сталине «русского царя», игнорируя очевидность присутствия неизбывной революционной составляющей его политики.

(4) Политическая тактика **Февраля и либерального движения** в России в начале XX в. совершенно не понимала характера и качества тогдашнего, исторически сложившегося, русского правосознания в его текущей эволюции и не считалась с ним. «В русском либерале дремал сентиментальный анархист» с характерным для него инстинктивным отвращением ко всякому насилию и принуждению в политике. Антигосударственная природа леволиберального движения предопределила разрушительный характер политического поведения «февралистов», погубивших демократические возможности тогдашней России. Скрытое или явное, стихийно ползучее или организованное «непротивленчество» было одной из тяжких, системных и глубоких, политических болезней русской интеллигенции, патологией интеллигентского гуманизма, ведшего страну к катастрофе. Альтернативой могло стать или взятие власти малогуманными и малоинтеллигентными политическими группами, вроде тоталитарно организованных большевиков, — власть «попущением Божиим», или же огосударствление интеллигенции по примеру А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского с готовностью творчески вложиться в социально-политическую идею реформ второй половины XIX — начала XX вв., идущих от императорского всероссийского престола — власти «Божией милостью». Заведомо провокационный инсинуаторско-диффаматорский характер поведения либеральной оппозиции по отношению к монархии, подтвержденный лично из уст ее корифеев в частном общении, был для Ильина шокирующим открытием.

(5) **Политические правые** в России оказались не способны подняться выше партийных пристрастий к общенациональному уровню и масштабу, не допустить колебания властной уверенности в правоте своего положения и своей миссии у последнего царствовавшего монарха и правящей династии. Несмотря на широкую первоначальную поддержку в 1905–1907 гг., к 1917 г. их значение почти сошло на нет. Ильин не считал императора Николая II выдающимся монархом, не был чужд распутинского мифа, на который, как известно, «повелся» и ряд правых политиков, и сухомлиновского мифа. Здесь он склонен был опираться на известный очерк В. И. Гурко «Царь и царица», историческую же работу С. С. Ольденбурга о последнем царствовании он воспринял не без известного скепсиса. Но, конечно, никак не мог быть равнодушен к трагической судьбе Николая Александровича: император со своей семьей «запечатлел кровью» свою верность России на фоне клеветнических слухов об измене в пользу вражеской Германии, распускаемых либеральной оппозицией. Ошибка отречения императора от престола была моментом в процессе постепенного угасания русского монархического правосознания или отражением данного процесса, дальнейшая судьба которого скрыта в тумане будущего.

Многочисленные труды историков последней четверти XX — первой четверти XXI в., не знакомых с произведениями И. А. Ильина, в том числе не знающих или отторгающих его и до сегодняшнего дня по внаучным мотивам, подтверждают историческую картину политических судеб России XIX — первой половины XX в., кратко начертанную им за столетия или три четверти столетия до появления их трудов.

Критическое изучение и адаптация наследия И. А. Ильина, в особенности его концепции монархического и республиканского правосознания, представляются весьма ценными сегодня в том числе и поэтому.

А. Ю. Минаков: О некоторых ключевых эпизодах биографии

И. А. Ильина и его центральных социально-политических идеях

Иван Александрович Ильин — философ, правовед, религиозный мыслитель, который входил в когорту блестящих представителей интеллектуальной русской элиты XIX в. Его наставниками, единомышленниками, соратниками и друзьями были такие известные деятели русской науки, политики и культуры, как П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой, П. Б. Струве, И. С. Шмелев, С. В. Рахманинов и многие другие.

Иван Ильин родился в дворянской семье в Москве в 1883 г. Окончив в 1901 г. лучшую в городе Первую гимназию с золотой медалью, он поступил на юридический факультет Императорского московского университета, где, избрав в качестве наставника видного философа и правоведа П. И. Новгородцева, изучал философию права.

Окончание Ильиным университета совпало с периодом смуты 1905–1907 гг. Одно время, как и большинство русских интеллигентов, подверженных тогда влиянию «левых ценностей», он, не оставаясь в стороне от событий, участвовал в студенческих демонстрациях и митингах, подвергаясь кратковременным арестам и даже храня у себя дома бомбы, предназначенные для диверсий террористов. Однако юношеская «левизна» быстро прошла, и вплоть до 1917 г. Ильин стоял на позициях, которые обычно характеризуют как праволиберальные.

В 1906 г. он окончил юридический факультет и по рекомендации П. И. Новгородцева и Е. Н. Трубецкого остался при университете для подготовки к профессорскому званию на кафедре энциклопедии права и истории философии права. Новгородцев свидетельствовал, что Ильин проявлял «совершенно выходящую из ряда трудоспособность»⁵⁶. За время обучения в магистратуре он усиленно штудировал мировую философскую классику, писал работы о Платоне, Аристотеле, Руссо, Фихте, Гегеле и др., читал лекции на Московских высших женских юридических курсах, в Московском коммерческом институте, на юридическом факультете Московского университета.

В 1911 г. Ильин выехал в научную командировку в Западную Европу, где слушал лекции Гуссерля, Зиммеля, Риккерта и других философских знаменитостей той эпохи. В 1912 г. он возвратился в Россию, в Москву. Главным объектом его научных исследований стала философия Гегеля, к которой он увлеченно искал «ключ».

Февраль 1917 г. Ильин встретил в тщетной надежде, что революция избавит государство от мнимого разложения. Какое-то время он поддерживал Временное правительство и выступал за созыв Учредительного собрания. Захват власти большевиками привел к резкому изменению мировоззрения Ильина. Распад государства, чудовищный террор, беззаконие и произвол, кровавый утопизм новой власти заставили его резко «поправиться».

Годы, проведенные в советской России, не прошли для Ильина даром, — именно

Иван Ильин после окончания гимназии, 1901 г.

Иван Ильин. Москва, 1909 г.

⁵⁶ Цит. по: Томсинов А. В. Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций. М., 2012. С. 26.

они дали своеобразный творческий импульс, действие которого ощущалось на протяжении всей его жизни. Так, он писал П. Б. Струве: «Если Вы думаете, что там у нас был духовный застой, — то Вы глубоко ошибаетесь. Нет, там была огромная адская кузница духа; молот сатаны отбирал драгоценные камни от шлака и уцелевшие под его ударами получали новый луч — черный, в своем первоначальном, белом, сверкании. Без этого черного луча — все души бессильны бороться с сатаной. Я каждый день благодарю Бога за то, что он приобщил меня этому трагическому процессу, этой сатанинской плавильне, исполненной мистериозно-космического значения»⁵⁷.

В мае 1918 г. Ильин защитил диссертационное сочинение по философии Гегеля. В том же году вышли два тома его фундаментальной книги «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». При этом философ шесть раз арестовывался ВЧК по делам о «контрреволюционной организации», содействовавшей формированию «Добровольческой армии», и о так называемом «Тактическом центре» (апрель 1918, август — октябрь 1918, ноябрь 1918, февраль 1920, сентябрь 1922). Большевики были совершенно правильно убеждены, что имеют дело с последовательным идейным врагом, и неспроста: он рассматривал большевистский режим как богоборческий, антихристианский, уничтожающий в своем утопизме самые основы человеческой жизнедеятельности — собственность, право, семью, Церковь, национальную культурную традицию. Антикommунизм, несомненно, стал одной из определяющих черт мышления Ильина.

Ему реально угрожал концентрационный лагерь. Ильина спасло письмо, написанное Ленину А. И. Яковлевым, известным чувашским просветителем, который был в свое время другом отца Ленина. Яковлев особо подчеркивал, что Ильин является глубоким исследователем Гегеля, философию которого ценил вождь мирового пролетариата. Судя по некоторым воспоминаниям, диктатор был знаком с работой Ильина.

26 сентября 1922 г. мыслителя выслали за границу на знаменитом «философском пароходе». По отношению к нему (и сотням других лиц, преимущественно гуманитариев) большевики вынесли вердикт: терпеть их внутри страны невозможно, а расстрелять — не позволяет окончание Гражданской войны. Это решение спасло цвет русской гуманитарной мысли (не считая тех многих, кто погиб в годы Гражданской войны от лишений, голода, репрессий). Ильину и другим изгнанникам повезло остаться в живых: они сохранили Русский Логос, выполнили, по выражению И. А. Бунина, миссию русской эмиграции — осмыслили катастрофу, которая постигла Россию в 1917 г.

На долгие годы Ильин поселился в Берлине, одном из центров русского зарубежья. Там он преподавал курсы энциклопедии права и истории философии права, истории этических учений в Русском научном институте, в котором работали Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и др., занимал одно время должность декана юридического факультета.

Мыслитель стал бесспорным идейным лидером и идеологом русской военной эмиграции, тесно сотрудничал с П. Н. Врангелем и Русским общевоинским союзом (РОВС). В 1925 г. он опубликовал трактат «О сопротивлении злу силою», получив согласие от Врангеля на его посвящение «Русской Белой армии и ее вождям». В этой работе Ильин сформулировал ясные и трезвые ответы на вопросы: «Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою?»⁵⁸

Казалось бы, ответы на эти вопросы очевидны. Однако значительная часть современников Ильина, даже пережив опыт столкновения с беспрецедентным в истории

⁵⁷ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. М., 1994. С. 578.

⁵⁸ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 33.

человечества злом («Ничего равносильного или равно порочного этому человеческая история еще не видала или, во всяком случае, не помнит. Столь подлинное зло впервые дано человеческому духу с такою откровенностью»⁵⁹), оказавшись в эмиграции, оставалась на позициях «непротивленчества». Последнее было обусловлено даже не столько толстовством, сколько порождением секулярной культуры, изломами «Серебряного века», мировоззрением «лишних людей», культивируемым в русской интеллигентской среде более столетия. Для подобного мировоззрения был характерен «наивно-идиллический взгляд на человеческое существо, а черные бездны истории и души обходились и замалчивались. Производилось неверное межевание добра и зла: герои относились к злодеям; натуры безвольные, робкие, ипохондрические, патриотически мертвенные, противогражданственные — превозносились как добродетельные... несогласные и непокорные объявлялись людьми порочными, подкупными, свекорыстными, лицемерами»⁶⁰.

Взгляды самого Ильина были мотивированы прежде всего христианскими ценностями: «Позиция безразличия, безволия и попушания не имеет ничего общего с христианским прощением и не может быть обоснована никакими ссылками на Евангелие»⁶¹.

Ильин проводил четкое различие между злом личным и злом общественным: «Призывая любить врагов, Христос имел в виду личных врагов самого человека, его собственных ненавистников и гонителей, которым обиженный, естественно, может простить и не простить. Христос никогда не призывал любить врагов Божиих, благословлять тех, кто ненавидит и попирает все Божественное, содействовать кощунственным развратителям, любовно сочувствовать одержимым растлителям душ, умиляться на них и всячески заботиться о том, чтобы кто-нибудь, воспротивившись, не помешал их злодейству»⁶².

Трактовка Ильиным христианской любви не противоречила опыту святости Александра Невского, Дмитрия Донского, Сергия Радонежского, Патриарха Гермогена, митрополита Филарета (Дроздова) и Иоанна Кронштадтского. Он мог бы вполне повторить, со всей страстью своей натуры, чеканную формулу святителя Филарета: «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов Отечества, любите враги ваша».

В 1920-е и последующие годы философ занимал ярко выраженную антикоммунистическую и антилиберальную позицию. Учитывая это обстоятельство, уже в наши дни потомки идейных противников Ильина создали о нем «черный миф» как о коллаборационисте. Основой для очернения имени мыслителя послужили несколько его статей, посвященных итальянскому фашизму, которые были опубликованы в 1925–1926 гг. в эмигрантской газете «Возрождение» (редактор — П. Б. Струве); статья «О русском фашизме» (1928), напечатанная в издаваемом самим Ильиным журнале «Русский Колокол»; и статья «Национал-социализм. Новый дух» (1933) в той же газете «Возрождение» (редактор — Ю. Ф. Семенов). Именно на эти публикации чаще всего ссылаются, утверждая, что Ильин якобы был «гитлеристом» и нашел в фашизме практическое воплощение своей философии и убеждений. Рассмотрим эти серьезные обвинения подробнее.

Изначально философ воспринял фашизм исключительно как антикоммунистическое движение, возглавляемое сильным лидером, опирающимся на массовую поддержку итальянцев. В конце 1920-х гг. он, несомненно, идеализировал личность и политику Муссолини: «...его политика пластична, рельефна: она состоит из личных поступков, ярких, законченных, самобытных и часто со стороны — неожиданных; но эти личные поступки всегда суть в то же время деяния руководимых им масс, и притом организованные, и на ходу все еще организующиеся, деяния. Муссолини

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 37.

⁶¹ Там же. С. 144.

⁶² Там же. С. 141–142.

присущ дар политического скульптора, оригинальное, завершающее дерзновение Микельанджеловской традиции»⁶³.

В статье «О русском фашизме» Ильин изложил свое тогдашнее видение итальянского фашизма как своего рода вариации Белого движения: «В мире разверзлась бездна безбожия, бесчестия и свирепой жадности. Современное человечество отзывается на это возрождением рыцарственного начала... За последние десять лет рыцарственное движение, которое во всем его мировом объеме следует обозначить как *белое движение*, завязывается, крепнет и развертывается в самых различных странах и под различными наименованиями. Впервые оно началось у нас в России (в конце 1917 года), где оно по необходимости сразу получило военную организацию и вылилось в форму междоусобной борьбы... *одна из форм* белого движения (именно национально-итальянская), имевшая на месте серьезный успех, *заслонила собою другие драгоценные и необходимые формы* и дала имя всему движению в целом... Белое движение... *глубже* фашизма потому, что именно в фашизме совсем не проявляется или недостаточно действует глубочайший, *религиозный* мотив движения»⁶⁴.

Примерно так же, как и итальянский фашизм, мыслитель сначала оценил и национал-социализм, пришедший к власти в Германии в 1933 г.: «Что сделал Гитлер? Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе»⁶⁵.

Подобного рода высказывания Ильина сегодня интерпретируются неокommунистами и либералами как якобы исчерпывающее доказательство идейно-политической принадлежности к фашизму и нацизму не только русского философа, но и всего Белого движения.

Нельзя отрицать, что Ильин, как и многие европейские деятели политики и культуры, до определенного момента позитивно оценивал деятельность Муссолини, — в этом он был не одинок. К примеру, консерватор У. Черчилль, восторгавшийся Муссолини в 1920–1930-х гг., даже в послевоенные годы находил в деятельности итальянского диктатора положительные моменты: «За этот период (21 год правления Муссолини — А. М.) он вызволил итальянский народ из омыта большевизма, в который тот погружался в 1919 году, и привел его к такому положению в Европе, которого Италия никогда раньше не занимала... Великие пути, пройденные им, останутся памятником его личной энергии и долгому правлению»⁶⁶. Таким образом, многие представители западной элиты воспринимали Муссолини и Гитлера в 1920-х и первой половине 1930-х гг. как выдающихся и перспективных политиков, — поскольку тогда главной угрозой виделся прежде всего коммунизм, ставящий целью уничтожение христианства и старых элит, стремящийся к мировой революции, массовому террору, ликвидации частной собственности, ведущий борьбу с патриотизмом, культурной традицией, традиционной нравственностью, национальным самосознанием, отрицающий «буржуазное» право и т. д. О преступлениях фашизма и нацизма тогда еще не имелось существенной информации, — они воспринимались как несопоставимо меньшее зло, нежели коммунизм.

Тем не менее, Ильин еще в 1920-е гг. ясно выразил свое принципиальное отношение к этатистским доктринам и практикам, характерным и для итальянского фашизма. Так, Муссолини декларировал, что его концепция государства всеобъемлюща и вне государства не существуют человеческие и духовные ценности. Ильин возражал: «Если *отрицать* государственное дело — нелепо, зловредно и фальшиво, то *переоценивать* государственное дело — недопустимо, опасно и губительно. Дело

⁶³ Ильин И. А. Личность Муссолини // *Его же*. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М., 2001. С. 243–244.

⁶⁴ Ильин И. А. Русский фашизм // *Его же*. Собр. соч.: Русский Колокол: Журнал волевой идеи. С. 258–260.

⁶⁵ Ильин И. А. Национал-социализм // *Его же*. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 119.

⁶⁶ Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. Кн. 3. М., 1991. С. 32–33.

государства является, по моему убеждению, в полном смысле слова второочередным, предварительно-отрицательным, не абсолютным, не праведным; и все же необходимым, ответственным и могущественным делом»⁶⁷.

Что же касается личности Муссолини, то в послевоенные годы Ильин оценивал ее несомненно критически. Говоря о поведении ряда эмигрантских «вождей» после 1945 г. (во всех отношениях уступавших бывшим Корниловым, Колчакам и Врангелям), он отмечал, что ими движет не тревога за Россию, а беспокойство за себя: «Сидит он, сидит в эмиграции; время идет; „лучшие годы“ его уходят, и досадно, и обидно! И начинает у него голодать и пухнуть честолюбие. И вот, как выразился один остроумный наблюдатель, человека начинает „дучить“ (от слова „дуче“, что по-итальянски значит „вождь“). Его „дучит“ и „вздучивает“»⁶⁸.

Статья о германском национал-социализме была написана Ильиным в 1933 г., когда гитлеровцы только пришли к власти. В это время он работал в Русском научном институте (Ильин был одним из его создателей в 1924 г.; деятельность института финансировалась сначала Министерством иностранных дел Германии, затем — Министерством культуры и науки Пруссии, а с 1933 г. — Министерством народного просвещения и пропаганды нацистской Германии). Для русского патриота-антикоммуниста на первых порах главным было то, что, как ему тогда казалось, Гитлер, как и Муссолини, устранил коммунистическую угрозу, а в фашизме и национал-социализме, как уже сказано выше, он ошибочно усматривал некий аналог Белого движения.

Позже Ильин полностью поменяет отношение к Гитлеру и национал-социализму, видя в них в первую очередь проявления откровенного «бесовства»⁶⁹. Более того, он осознает, что Гитлер «с его вульгарным безбожием, за которым скрывалось столь же вульгарное самообожествление, так и не понял до конца, что он идет по путям антихриста, предворяя большевиков»⁷⁰.

В дальнейшем Ильин так объяснял логику поведения части русской эмиграции (в том числе и свою собственную), имевшей иллюзии в отношении национал-социализма: «Когда Гитлер завопил против коммунизма, многие русские поверили ему. В действительности же он прикрывал этим готовящуюся расправу с версальски-обессиленной Европой и завоевательный поход на Россию. Опытные политики предупреждали друзей, что он может, если ему покажется выгодным, пойти на все: заключить с коммунистами союз (попытка Рема в 1934 г.), предложить Англии и Франции сделку за счет России (полет Гесса в Англию) или же, в случае победы над Советским правительством, он может не ликвидировать его, а предоставить ему докандывать не завоеванные еще части России, подготавливая их для дальнейшей германской колонизации. Это есть исторический факт: Германия, спасенная Россией (1805–15), ныне добивается ее завоевания (1914–18, 1939–45). Но многие наивные русские эмигранты ждали от Гитлера быстрого разгрома коммунистов и освобождения России. Они рассуждали так: „враг моего врага — мой естественный единомышленник и союзник“. На самом же деле враг моего врага может быть моим беспощаднейшим врагом»⁷¹.

Первоначально сам принадлежавший в лагерь «наивных», Ильин быстро прозрел, столкнувшись с реальной нацистской политикой. В письмах к своему другу писателю И. С. Шмелеву он подробно рассказал, как складывались его отношения с нацистами.

В июле 1934 г. Ильина уволили из Русского научного института — после того, как он категорически отказался выполнять требование помощника министра

⁶⁷ Ильин И. А. Кошмар Н. А. Бердяева. Необходимая оборона // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 239.

⁶⁸ Ильин И. А. Национальный вождь и партийные главари // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. С. 36.

⁶⁹ Ильин И. А. Новый миф о Гитлере? // *Его же*. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. М., 2004. С. 307.

⁷⁰ Ильин И. А. О фашизме // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. С. 87.

⁷¹ Ильин И. А. Враг моего врага // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. С. 24–25.

пропаганды и просвещения по делам Восточной Европы А. Эрта включить в свои учебные курсы на юридическом факультете антиеврейскую пропаганду. Обстоятельства увольнения он детально изложил в письме Шмелеву от 7 августа 1934 г.:

«Туземцы той страны, где я постоянно живу, поступили так со мною за то, что я:

- a) несколько не сочувствую ни разговорам, ни планам об отделении Украины;
- b) категорически отказался насаждать антисемитизм в русской эмиграции;
- c) абсолютно никакого сочувствия не обнаружил и не обнаружу к насаждению их партии среди русских эмигрантов;

они:

- a) лишили меня права на работу и заработок в их стране;
- b) уволили меня из Рус<ского> Научного Института (нами созданного) с лишением жалованья;
- c) запретили мне политическую деятельность в их стране под угрозой концлагеря;
- d) распустили обо мне систему слухов, политически у них порочащих (масон, франкофил, жидолюб, поработен жидами и т. д.);
- e) выпустили по-русски клеветническую брошюру, которая рассылается и по другим странам, где между прочим утверждается, что я „не выслан, а прислан большевиками“, что я грибоедовский „Удушьев, Ипполит Маркельч“, что я объявил себя до них — юдофилом, а при них — стал антисемитствовать и читать лекции об арийском начале, что я, след<овательно>, переметная сума, карьерист и масон.

И все одна ложь! Это за все, что я сделал у них и для них по борьбе с коммунизмом! Подумайте, ведь задохнешься от человеческой подлости! Но не это еще главное. А вот главное: надо повернуться и уехать. А уехать — не-ку-да! То, что я себе готовил с июня в другой стране — повисло на волоске именно вследствие их гнусной клеветнической кампании: одни там поверили, что я подделываюсь к антисемитам и стал антисемитствовать, другие решили, что если меня травят эти человеки, то, значит, принятие меня будет им неудобно и вызовет дипломатические (!) осложнения. Вот когда задохнешься! Я никогда не стану масоном. Но и к дикому антисемитизму ихнего лагеря совершенно не способен. Этот антисемитизм вреден России, опасен для нашей эмиграции и совершенно не нужен внутри страны, где антисемитизм давно уже разросся до химеры. Не говоря уже о его элемент<арной> несправедливости. Еще одно. Я никогда не хотел и не хочу делать политической карьеры. И всякую реальную политическую комбинацию непременно и неизбежно передал бы русским патриотам-непредрешенцам. Я ни о чем теперь так не мечтаю, как уйти совсем от политики и дописывать начатые мною семь книг. Я совсем не болею честолюбием, или точнее — мое честолюбие в том, чтобы мои книги после моей смерти еще долго строили Россию. В стране, где я жил, я всегда помнил, с кем имею дело; никогда не связывал себя никакими обязательствами, не страдал никаким „фильством“, не торговал русским достоинством и свято блюл русское достоинство. Мои книги знают по всей стране; в газетах и рецензиях много

И. А. Ильин в Цолликоне, 1934 г.

раз писали обо мне самые высокие, конфузующие слова. Но я не ихний. Я русский. И ныне мне там совершенно не место. Я сделал все, чтобы не упустить для России ни одной возможности; но теперь мне там делать нечего. Русская нац<иональная> карта там бита; из эмигрантов преуспевают политически одни прохвосты. И если мне будет некуда уехать, то передо мною — нищета, что при моем здравии означает медленное умирание.

Поймите, мой дорогой! Мне надеяться решительно не на кого, кроме Бога. Я стыжусь моего малодушия и моих жалоб. Ибо в таком положении — непартийного созерцателя, который вследствие своей непартийной предметности и непоклонности зажат насмерть между двумя партиями, — я не в первый раз в жизни. <...>

И так обстоит ныне: я не могу быть ни масоном, ни антисемитом. Для меня один закон: честь, совесть, патриотизм. Для меня одно мерило — русский национальный интерес»⁷².

Из письма тому же Шмелеву от 13 октября 1938 г.:

«Гонение на меня в Германии началось еще в 1933 г. за то, что я дерзал быть русским патриотом с собственным суждением.

Вот список.

1933. Апрель–июль. Первые посещения моего жилища политической полицией. Попытки разоблачить меня как „франкофила“ или же использовать меня против остальной эмиграции. Мой отказ.

1933. Август. Обыск у меня. Арест (так и везли под стражей через весь город на полиц<ейской> открытой колыхаге). Запрещение „заниматься политической деятельностью“ под угрозой концлагеря.

1934. Апрель. Предложение мне как профессору Русского Научного Института заняться пропагандой антисемитизма во всем эмиграционном рассеянии. Мой категорический отказ.

1934. Июнь. Мне отказано в праве на работу.

1934. Июль. Я уволен в два счета из Русского Института. <...>

1937. Август. Вызов в политическую полицию, где за четыре года скопились доносы на меня из среды „русского нац<ионал>-социалистич<еского> движения“. Доносы эти были читаны моими друзьями. Были доносы в 22 пункта.

1937. Октябрь. Два допроса в Гештапо. Не служил ли я в Москве большевиком? Отв<ет>: нет. Почему меня не расстреляли сразу, а выслали только через пять лет? Отв<ет>: Бог не допустил. Не масон ли я? Отв<ет>: нет.

1938. Февраль. Вызов в Гештапо. Запрет всяких выступлений — по-русски, по-немецки. Прекращен мой открытый философский семинарий. Никакие протесты не помогают. Узнаю стороной о новом накоплении доносов.

1938. Апрель. Приглашение к заместителю Розенберга. В беседе категорически заявляю, что Украина не в моей власти, но что на оккупацию ее и отчленение никогда не соглашусь.

1938. Май. Я готовлю мой окончательный отъезд из Германии.

1938. Июнь. Я получаю в частном порядке три уведомления:

- 1) Поход на меня будет продолжаться.
- 2) Пропагандное министерство объявило меня „разоблаченным масоном“, а мои публичные выступления недопустимыми — за отсутствие в них антисемитизма, — за проводящуюся в них христианскую точку зрения.
- 3) Будет сделана попытка использовать мои силы в подготовке похода на Россию.

⁷² Ильин И. А. И. А. Ильин — И. С. Шмелеву. <2Х.1934> // *Его же*. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927–1934). С. 490–492.

1938. Июнь. Я беру визу на Карловацкий Собор и получаю ее с правом возврата в Германию. Я передаю свою квартиру. Вещи и книги на склад. Один из друзей получает от меня генеральные полномочия на все мое имущество и на ведение моих дел.

1938. Начало июля — я покидаю Германию совсем. Уезжаю в Швейцарию. На Карловацкий Собор я не поехал по болезни. Все эти гонения причинили мне многомесячную ежедневную мигрень (с конца мая до сегодняшнего дня). <...>

В июле и в августе мне удалось вывезти все мои чемоданы с рукописями. 1 августа я подал прошение о праве жительства в Швейцарии. Ответа официального еще нет, но решение будет положительное. Вмешался целый ряд влиятельнейших лиц, первый — Рахманинов. И это наладится.

1938. 17 сентября приехали все мои вещи: мебель, библиотека и прочее. И приняты беспощинно.

Около 20 сентября — Гештапо накладывает арест на мою брошюру „Der Angriff auf die Ostkirche“. Она очень корректная. Всецело против большевиков. <...> В начале октября узнаю, что Гештапо повсюду разыскивает мое германское пребывание и добивается моего адреса.

Вот, дорогой мой, картина... Меня вынесло из Германии как на крыльях ангелов: нигде ни зацепки. Все спасено: до писем Врангеля, Шмелева, до записей и альбомов включительно»⁷³.

Оснований сомневаться, что фактическую картину своих отношений с нацистами Ильин в частном письме изложил правдиво, нет. Не известны какие-либо факты, которые бы ее опровергали.

Итак, почти сразу по приходе нацистов к власти он пережил запрет заниматься политической деятельностью, наотрез отказался вести антисемитскую пропаганду, лишился работы, его не раз вызывали в гестапо, устраивали обыски, угрожали заключить в концлагерь, на него писали доносы реальные пособники нацистов. В итоге он вынужден был бежать в Швейцарию. Там он поселился в пригороде Цюриха Цолликоне и продолжил свою публицистическую и научную деятельность.

Следует подчеркнуть, что все статьи Ильина 1920–30-х гг., посвященные фашизму и нацизму, носят ситуативный характер и составляют ничтожный процент в его огромном многоотомном наследии.

Позднее, в годы войны, философ подверг нацистскую политику в отношении России и русских радикальной критике. Он поддержал цели антигитлеровской коалиции и прекрасно сознавал, что нацизм является абсолютным злом, угрожающим самому существованию русского народа, — куда более опасным, нежели коммунистический режим, и надеялся на то, что последний в ходе войны трансформируется в нечто более национально приемлемое — в силу того, что сработает инстинкт национального самосохранения.

Так, в самом начале войны он писал: «...в народе начало пробуждаться национальное чувство. Это пробуждение охватило сначала молодежь страны, но затем заговорило и на периферии партии. И поэтому коммунистический центр вынужден учитывать пробуждающийся национальный инстинкт самосохранения, открыть для него отдушину. <...> Восставал новый дух, и это был здоровый дух. Не напрасно народ в течение 20 лет жестоко страдал от коммунизма. Разумеется, он еще не мог совершить политического переворота, ведь у него не было ни оружия, ни толчка извне; но ему уже, по меньшей мере, хотелось снова стать и называться „Россией“. И коммунисты должны были постепенно прийти к пониманию того, что в случае войны между народами им не удастся защититься или двинуть в военный поход

⁷³ Ильин И. А. И. А. Ильин — И. С. Шмелеву <13.X.1938> // *Его же*. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927–1934). С. 241–245.

страну и государство, используя коммунистические и большевистские лозунги и интернационально-революционные цели»⁷⁴.

Ильин предполагал, что война неизбежно ослабит жесткость и жестокость большевистского режима, при этом он не выдвигал задачу его свержения: «...мы осмеливаемся предсказать, что тотальная война приведет к образованию в большевистской системе пробелов и брешей, что прочная структура внутреннего управления ослабеет и, прежде всего, что угнетенный и запуганный народ постепенно отринет страх и воспрянет душой. <...> Эта война не сможет непосредственно уничтожить большевизм. Скорее она придаст ему вид „атакуемой партии“, который большевистская пропаганда превращает в „прогрессивную борьбу за справедливое дело“»⁷⁵.

«...Русские народные массы временно примирились с навязанной им тоталитарной государственной формой как с целесообразным орудием войны и тем самым придали советскому государству определенную боеспособность. Война довела до того, что армия, задуманная и созданная 24 года тому назад как классовая „Красная“ армия, получила приток миллионов некоммунистов и по этой причине постепенно становится народной армией, которая, тем не менее, должна сражаться под руководством коммунистов. Было бы неверно говорить в этой связи, что большевики эволюционируют. В действительности они остаются теми, что и были, их пропаганда на фронте и в революционных ячейках других стран по-прежнему остается коммунистической пропагандой, ратующей за идею мировой революции. В то же время в армии и стране происходят большие и сегодня почти незаметные, почти не предсказуемые перемены. Войну может вести только народ; народ пополняет армейский состав, воюет и завоевывает тем самым большее влияние; большевистский аппарат вынужден работать, исходя из целесообразности, и подчиняться фактам. Эта „новая деловитость“ и неожиданные реалии не имеют коммунистической природы»⁷⁶.

По мере приближения конца войны у Ильина исчезли надежды на эволюцию коммунистического режима: «Как и прежде, сохраняется монопольное господство партии; в освобожденных от немцев российских областях вновь восстанавливаются крестьянские коллективные хозяйства; в балтийских странах вновь введена монопольная государственная экономика, терпимость к мелким крестьянским хозяйствам — явление временное <...> в официальных речах вновь звучит апология коммунизма; русская армия вновь называется „Красной армией“; а терпимость по отношению к жалким остаткам полностью поработанной Церкви есть маскировка, рассчитанная на доверчивых европейцев. Все документы, опубликованные по этому поводу от имени Русской Церкви, несмотря на наличие на них подлинных подписей, написаны не духовными лицами, а подготовлены коммунистическими управлениями и переданы для обязательной визы духовенству»⁷⁷.

Тем не менее, победа была одержана и, по мнению Ильина, она принадлежит русскому народу, а не коммунистической государственной машине: «Русский народ сумел осознать, что подвергся агрессии и возникла смертельная угроза его существованию, тогда его стихийный инстинкт самосохранения пробудился,

⁷⁴ Ильин И. А. Русская проблема, увиденная изнутри // *Его же*. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. С. 59–60.

⁷⁵ Ильин И. А. Судьба большевизма. Наш специалист по России пишет // *Его же*. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. С. 83–84.

⁷⁶ Ильин И. А. Политические и социально-психологические аспекты войны // *Его же*. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. С. 100–101.

⁷⁷ Ильин И. А. О ситуации // *Его же*. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. С. 248–249.

заполнил мертвую бюрократическую машину коммунизма и вырвал у врага победу»⁷⁸.

Необходимо особо отметить, что на протяжении всей войны Ильин не был солидарен с так называемыми «дефетистами», желавшими во имя освобождения от коммунистического ига поражения своему народу, и критически относился к власовскому движению, видя в нем прежде всего инструмент нацистской политики: «Требовалось сделать более удобоваримой для русского „мавра“ его вынужденную принудительную работу на Германию, чтобы он был спокоен и делал свое дело до того часа, когда станет не нужен и его ликвидируют. Причем едва ли можно предположить, чтобы Власов не догадывался об этой тайной цели»⁷⁹.

После войны Ильин проанализировал «пробелы и ошибки» фашизма, дав ему уже гораздо более точную и глубокую характеристику:

1. Безрелигиозность. Враждебное отношение к христианству, к религиям, исповеданиям и Церквам вообще.
2. Создание правого тоталитаризма как постоянного и якобы „идеального“ строя.
3. Установление партийной монополии и вырастающей из нее коррупции и деморализации.
4. Уход в крайности национализма и воинственного шовинизма (национальная „мания грандиоза“).
5. Смещение социальных реформ с социализмом и соскальзывание через тоталитаризм в огосударствление хозяйства.
6. Впадение в идолопоклоннический цезаризм с его демагогией, раболепством и деспотией.

Эти ошибки скомпрометировали фашизм, восстановили против него целые исповедания, партии, народы и государства, привели его к непосильной войне и погубили его. Его культурно-политическая миссия не удалась, и левая стихия разлилась с еще большей силой»⁸⁰.

Безусловно, это критика с консервативных позиций. Как видим, для Ильина фашизм неприемлем в силу его антихристианской направленности, тоталитаризма, партийной монополии, воинствующего национализма и шовинизма, огосударствления экономики и цезаризма. Можно спорить и уточнять отдельные формулировки русского мыслителя, но никакой апологетики правого тоталитаризма у него нет и быть не могло.

В итоге Ильин дал Германии и немцам, равно как и политике «Drang nach Osten», максимально критическую оценку: «...война, в которой Гитлер возродил и вынес на Восток империализм средневековых германцев с их традиционными приемами, обнажила всю глубину национального презрения, ненависти и жестокости германцев к русскому народу. Мы должны додумать до конца и покончить раз навсегда с сентиментальными иллюзиями. После большевиков — Германия есть главный национальный враг России, единственный могущий посягнуть и дважды посягнувший на ее бытие и не останавливающийся ни перед какими средствами. Эта инстинктивная мечта нескольких германских поколений — двинуться на Восток и превратить Россию, по немецкому выражению, в „историческую кучу навоза“ — не может и не должна считаться „угасшей“ и ныне: она возродится при первой же политической конъюнктуре»⁸¹.

⁷⁸ Ильин И. А. Почему Германия проиграла войну. Дипломатия и политика // *Его же*. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. С. 335.

⁷⁹ Ильин И. А. Что же произошло с власовским движением? // *Его же*. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. С. 284.

⁸⁰ Ильин И. А. О фашизме. С. 87.

⁸¹ Ильин И. А. Германия — главный национальный враг России // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. С. 12.

Таково было реальное отношение И. А. Ильина к фашизму, нацизму и коллаборационизму на протяжении длительного периода, с середины 1920-х гг. и, как минимум, до второй половины 1940-х гг.

В 1948–1954 гг. он создает уникальный цикл статей, возникший на основе еженедельных листков для Русского общевойскового союза, — «Наши задачи». Это — наиболее масштабный русский национальный проект, исполнение «миссии русской эмиграции».

В сборнике статей речь шла о России, главных событиях ее истории, прежде всего — о революции; о наиболее острых проблемах русской жизни, русском национальном характере; об отношениях России и Европы; о путях возрождения России, вызовах, угрожающих существованию русского народа, о государственном строительстве в России после избавления от коммунистов и т. д.

Ильин был убежден, что после падения коммунистического режима основная задача русского национального спасения и строительства будет состоять в создании новой элиты — «в выделении кверху лучших людей, — людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно-творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости и сверхклассового единения»⁸². Если эта задача не будет выполнена, то «Россия перейдет из революционных бедствий в долгий период послереволюционной деморализации, всяческого распада и международной зависимости»⁸³.

Направить Россию на верный путь, по мысли философа, способна национальная диктатура, под которой Ильин понимал сильную государственную власть, «диктаториальную» по объему полномочий и государственно-национально настроенную. Впрочем, национальная диктатура мыслилась Ильиным лишь как переходная ступень к монархии.

В своей незавершенной книге о монархии и республике он однозначно отдал предпочтение внеклассовой, внепартийной монархии. Исследователь и хранитель наследия Ильина Н. П. Полторацкий выделил около двух десятков характеристик, или признаков, монархического и полярного ему республиканского правосознания, отмеченных Ильиным, составив наглядную таблицу⁸⁴:

	Монархическое правосознание	Республиканское правосознание
1	олицетворение власти и государства-народа	растворение личного начала и власти в коллективе
2	культ ранга	культ равенства
3	мистическое созерцание верховной власти	утилитарно-рассудочное восприятие власти
4	приятие судьбы и природы, ведомых Провидением	человеческое изволение выше судьбы и природы
5	государство есть семья — патриархальность и фамилиарность	государство есть свободный равный конгломерат, уравнительное всесмешение
6	пафос доверия к главе государства	пафос гарантии против главы государства
7	пафос верности	пафос избрания удобного, <i>rebus sic standibus</i> («оговорка неизменных обстоятельств», дающая одной

⁸² Ильин И. А. Основная задача грядущей России // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. С. 265.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 617–618.

		договаривающейся стороне или нескольким основание для одностороннего расторжения договора в случае серьезного изменения обстоятельств)
8	центростремительность	центробежность
9	тяга к интегрирующей аккумуляции	тяга к дифференцированной дискретности, атомизму
10	культ чести	культ независимости
11	заслуги служения	культ личного успеха, карьеры
12	стихия солидарности	стихия конкуренции
13	органическое восприятие государственности	механическое восприятие государственности
14	культ традиции	культ новаторства
15	аскеза политической силы суждения	притязательность политической силы суждения
16	культ дисциплины, армия	личное согласие, инициатива, добровольчество
17	гетерономия, авторитет	автономия, отвержение авторитетов
18	пафос закона, законности	пафос договора, договорности
19	субординация, назначение	координация, выборы
20	государство есть учреждение	государство есть корпорация

Согласно Ильину, только при наличии монархического правосознания возможно возрождение монархии в России. Без такого правосознания монархия в лучшем случае будет фикцией, декоративным учреждением.

Наследие И. А. Ильина огромно и по-прежнему остро актуально для современной русской мысли. Он является центральной фигурой русской консервативной философии XX в. Уже издано свыше тридцати томов его собрания сочинений

и предстоит публикация еще не менее пятнадцати томов. Мы коснулись лишь некоторых принципиальных моментов биографии философа и самых основных его социально-политических идей.

Мыслитель скончался в Цолликоне в 1954 г. В 2005 г. прах И. А. Ильина и его супруги был перевезен в Россию и перезахоронен в некрополе Донского монастыря в Москве. Панихиду тогда совершил Патриарх Алексий II, в своем слове отметивший, что настоящее событие «свидетельствует

Освящение надгробий И. А. Ильина и Н. Н. Ильиной на кладбище Донского монастыря Святейшим Патриархом Кириллом 24 мая 2009 г.

о завершающемся восстановлении единства нашего народа, разделенного трагической историей прошлого века». 24 мая 2009 г. Патриарх Кирилл освятил новые надгробия на могилах И. А. Ильина, А. И. Деникина и И. С. Шмелева в Донском монастыре.

Священник Игорь Иванов: Византизм и византийская монархия в понимании И. А. Ильина

Обращаясь к теме «Византизм и византийская монархия в понимании И. А. Ильина»⁸⁵, следует отметить, что внимание русского мыслителя привлекает проблема тирана как «порченного» монарха: «Тиран есть монарх, не стоящий на высоте своего призвания; и более того — извращающий свое призвание, свою национально-политическую функцию и тем подрывающий монархическое правосознание в своем народе и монархическую форму своего государства»⁸⁶. Ильин приводит ряд примеров тиранического поведения монарха как из античных жизнеописаний, так и из характеров эпохи Возрождения. Не исключением для него была и Византия: «Худших тиранов знала Византия — таков был, например, правивший перед крестовыми походами император Андроник Комнин, который, по словам современного историка, „считал потерянным тот день, когда он не захватил и не ослепил какого-нибудь знатного человека, думая гибелью других упрочить свою власть. Столица жила в постоянной тревоге. Зверство соединялось у него с крайним сладострастием. При этом он постоянно заигрывал с городской чернью, которая однажды свергла его и надругалась над ним“»⁸⁷.

Также Ильин отмечает, что при правильном устройении личной ответственности в государстве может быть ситуация, когда «двоецарствие и многоцарствие мы видим и в нормальном порядке. В Спарте было нормально *два* царя, но аристократия держала их в приниженности, и они были только простыми членами сената. Именно поэтому они искали себе опоры у народа и хотели возвыситься через освобождение гелотов. Далее, еще римские императоры ввели „соправление“ преемников престола: наследники имели полномочия царей. В Византии в XI веке Роман Диоген, женившись на регентше, Евдокии Макремболитиссе, дал письменное обязательство признавать своими соправителями всех трех сыновей Константина Дуки — Михаила, Андроника и Константина. В официальных документах ставились подписи *четырех* царей. Вообще, в Византии наследники, даже малолетние, именовались (по римской традиции „соправления“) — царями; царей могло быть сразу два и три»⁸⁸.

Такая опора на личные отношения есть как бы оборотная сторона опоры на личную ответственность перед тем, с кем связан общими узами, — будь это узы родства, любви или соучастия в общем деле. Но и они могут быть испорчены пороком. Тем не менее, в этом свободном личностном риске как раз и сказывается личностное творение как истории своей жизни, так и жизни общественной. Личность и личностность — основа правопорядка тогда, когда человек осмысленно, целенаправленно и последовательно стремится реализовать в мире Правду Божию и правду человеческую. Если же человек идет вразрез этим правдам, то он разрушает и сам правопорядок, который строится на базовом принципе «не навреди!».

Таким образом, Ильин не только выявил христианский идеал правителя, но и обозначил аспекты искажения этого идеала, равно как и пути решения «проблемы тирана». Удерживающим от разрухи в душах, умах и делах, по Ильину, может быть только религиозная совесть: «Если охватить все это единым взглядом, — всю эту *цельность* правосознания и все его жизненные задания, — то мы неизбежно придем

⁸⁵ По работе: *Ильин И. А. О монархии и республике // Его же. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. С. 415–576.*

⁸⁶ Там же. С. 562.

⁸⁷ Там же. С. 415.

⁸⁸ Там же. С. 422–423.

к тому выводу, что правосознание есть в конечном счете некая духовная *дисциплинированность инстинкта*, которая вызывает в нем *живое чувство ответственности* и сообщает ему известное *чувство меры* во всех социальных проявлениях человека. Именно так и обстоит на самом деле. Человек, одаренный живым правосознанием, инстинктивно чувствует предел своих полномочий, внутреннее понуждение к исполнению своих обязательств и обязанностей и некое отталкивание от запретных действий. В глубине его души живет легкий „удерж“, который мешает ему совершить запретное, причем этот „удерж“ всегда находит для себя глубокую санкцию в *совести* и высокую санкцию в *религиозности*»⁸⁹.

Именно развитая религиозная совесть есть отличительное свойство монарха в силу его духовной ответственности за свой народ перед Богом. Конечно, такое ожидание может быть применимо к любому правителю с развитой и адекватной религиозностью. Однако именно с монархом связывает Иван Ильин личную праведность, правосознание и порядок: «Так или иначе, но к самой сути монархического правосознания принадлежит идея о том, что царь есть *особа священная, особенно связанная с Богом* и что именно это свойство его является источником его *чрезвычайных полномочий*, а также основой *чрезвычайных требований*, предъявляемых к нему, его *чрезвычайных обязанностей* и его *чрезвычайной ответственности*. Именно поэтому он призван — *искать и строить в себе праведное и сильное правосознание*. Эти обязанности суть прежде всего *обязанности внутреннего духовного делания и самовоспитания*; они должны осмысливаться как *религиозные*»⁹⁰.

Итак, согласно И. А. Ильину желательнее, чтобы именно царь в силу своего особого образа служения обществу максимально стремился воплощать в себе нравственные идеалы. Но при этом важно, чтобы и его подданные соответствовали такому же устройению, то есть каждый «призван — искать и строить в себе праведное и сильное правосознание». При конгруэнтности этих царственных настроек в обществе как целом и возможна, пожалуй, монархия как таковая (когда Христос как Царь правит умом, просвещающим сердце).

В. А. Воропаев: Лекция Ивана Ильина о Гоголе

Лекция известного русского философа Ивана Ильина на немецком языке «Gogol der grosse russische Satyriker, Romantiker und Lebensphilosoph» (русский перевод: «Гоголь — великий русский сатирик, романтик, философ жизни»⁹¹), произнесенная в 1944 г. в Цюрихе, ранее была известна по изложению Н. Полторацкого⁹².

Следует иметь в виду, что лекция носит популярный характер и прочитана для иностранцев (в основном немцев). Ильин начал с того, что Гоголя далеко не легко постичь. «Даже современники редко понимали его, а то и вовсе не понимали. Немногим лучше обстоят с ним дела и у потомков». Но как беллетрист и новеллист Гоголь нравился всем. При жизни его ценили как «сатирика и юмориста, а лирико-мистическую и трагико-мистическую сторону его таланта не понимали или едва понимали»⁹³.

Вслед за этим Ильин приводит пророческие слова Гоголя из его письма к В. А. Жуковскому: «Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня». Лекция движется по биографической канве. От отца Гоголь «унаследовал склонность к литературе

⁸⁹ Там же. С. 453.

⁹⁰ Там же. С. 474.

⁹¹ Ильин И. А. Гоголь — великий русский сатирик, романтик, философ жизни / Пер. с нем. З. Г. Антипенко // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 3: О России и русской душе. М.: Русская книга, 1997. С. 240–276. Переиздано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Д. Филина. М.: Русский Мирь, 2002. С. 141–184.

⁹² Полторацкий Н. И. А. Ильин о Гоголе // Записки русской академической группы в США. New-York, 1984. Т. 17.

⁹³ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 3. С. 241.

и театру», от матери — «тонкий и нервный душевный склад и искреннюю мистическую веру»⁹⁴. Пушкин «вселил в него веру в себя, напутствовал его, поставив перед ним большие задачи, наметил перспективы»⁹⁵. «Ревизор» и «Мертвые души», как известно — это отмечает Ильин, — подсказаны Гоголю Пушкиным. «Родину души своей» Гоголь обрел в Риме. Здесь он переделывает свой украинский эпос «Тарас Бульба», заканчивает новеллу «Шинель» и первый том «Мертвых душ». За границей Гоголь «ведет оживленную переписку с друзьями в России, страдает безденежьем и черной меланхолией»⁹⁶.

Рассказ о жизни Гоголя, по необходимости беглый, приходит к «Выбранным местам из переписки с друзьями», к «злобному письму» Белинского, к «роковой встрече» писателя с «фанатичным ортодоксом-священником Матвеем Константиновским». Ильин называет его «предельно ограниченным человеком». В результате — «Гоголь погрузился в болезненную аскезу». В 1848 г. он совершает поездку в Иерусалим, «будучи не в состоянии ее духовно оценить», затем в Оптиной Пустыни посещает мудрого старца, который «на какое-то время вселяет в его душу покой, и работает над вторым томом «Мертвых душ». Перед смертью Гоголь «в смятении и сомнении» сжигает свои рукописи»⁹⁷.

Во второй части лекции Ильин говорит, в частности, о «загадке» смерти Гоголя, которая «стала классической проблемой в русской литературе»⁹⁸. Немало усилий было потрачено на то, чтобы разрешить ее, но успехи мизерны»⁹⁹. Отвергая мысль о душевной болезни писателя, Ильин замечает, что Гоголь «чувствовал и знал неискоренимое зло в человеческой природе, знал доподлинно и глубоко». В этом заключался источник его особых мучений. «При этом Гоголь был чистой, нравственно-благочестивой, склонной к идеализации и мечтательности мистико-религиозной натурой»¹⁰⁰. Творческий путь его — путь «очищения». Называя почти все художественные произведения Гоголя, Ильин видит в них «отражение злободневности тогдашней России». «Мертвые души», по его словам, значительно глубже, чем это кажется на первый взгляд. «Главная идея поэмы имеет глубокий религиозный смысл». Ее герои «утратили Божественное измерение вещей и жизни и превратились в мертвые души»¹⁰¹. Книга Гоголя должна была «положить начало развенчанию пустоты и очищению во всерусском масштабе». Этим объясняется то обстоятельство, что Гоголь стал печальным, когда прочитал отдельные главы поэмы своим друзьям и увидел, что они смеются¹⁰².

То, что Гоголь часто покидал Россию, было его «роковой ошибкой». Ему так и не удалось совершить «большое путешествие по России»¹⁰³. Ильин часто по ходу лекции вспоминает о том, какую большую помощь оказывал Гоголю А. С. Пушкин. А более мелкие натуры (приятели Гоголя) не имели такой возможности, т. к. многого не понимали. Когда настал предсмертный кризис, — друзья сочувствовали Гоголю, — «помочь же ему мог только более великий, но тот погиб» (то есть Пушкин). Будь жив Пушкин, Гоголь не умер бы так рано и таким образом. В заключение Ильин говорит: «Отчаявшийся в своем художественном даре, разочарованный, гонимый завистливой хулой кое-кого из тогдашних знаменитостей, мучимый аскетическими советами священника Матвея Константиновского, который... требовал

⁹⁴ Там же. С. 243–244.

⁹⁵ Там же. С. 250.

⁹⁶ Там же. С. 253–254.

⁹⁷ Там же. С. 255–256.

⁹⁸ См. подробнее: *Воропаев В. А.* «Ей, гряди, Господи Иисусе»: Тайна смерти Н. В. Гоголя в свете его церковного мировоззрения // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1 (2). С. 244–288.

⁹⁹ *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 3. С. 256.

¹⁰⁰ Там же. С. 262.

¹⁰¹ Там же. С. 270.

¹⁰² Там же. С. 271.

¹⁰³ Там же. С. 274–275.

от Гоголя ни больше ни меньше как отречься от греховного духа Пушкина; ослабевший здоровьем и нервами по причине длительной и неумолимо строгой аскезы, покинутый и одинокий — сложил несчастный и мучимый гений свои крылья и без малейшего сопротивления покинул земную юдоль»¹⁰⁴.

П. Н. Базанов: Философ И. А. Ильин, книжное дело Русского Зарубежья и Братство Русской Правды

Братство Русской Правды (далее — БРП)¹⁰⁵ — одна из самых секретных и загадочных организаций Русского Зарубежья. Во главе Братства стояли поэт С. А. Соколов-Кречетов и герцог Г. Н. Лейхтенбергский. Выдающийся русский философ И. А. Ильин в целом к его деятельности относился положительно.

Г. Н. Лейхтенбергскому принадлежал книжный магазин «Град Китеж» и одноименное издательство. Именно в нем была напечатана знаменитая книга И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою»¹⁰⁶.

Философ принял деятельное участие в известном альманахе «Белое Дело» — совместном проекте РОВС, БРП и издательства «Медный Всадник». Первые четыре тома были сборниками воспоминаний и документов о наиболее важных и героических событиях Гражданской войны с точки зрения белых. В первом томе введением служила статья И. А. Ильина «Белая идея».

Любимый ученик и друг Ильина Роман Мартынович Зиле (Зилле) (1900–1971) был наиболее инициативным членом руководства БРП, лидером русской молодежи в Латвии.

В периодической печати Русского Зарубежья БРП постоянно обвинялось в фиктивности своей деятельности и отсутствии боевой работы в СССР. Руководство Братства решило обратиться за правдой к «нейтральному лицу». В письме П. Б. Струве от 29 ноября 1927 г. Ильин сообщал: «Ко мне обратился Верховный Круг БРП (по крайней мере 30% его Вы знаете лично и уважаете) с просьбой взять на себя единоличный арбитраж, констатирующий их морально-серьезный уровень и патриотическое благородство их намерений и усилий. Для дальнейшего опубликования во всех газетах. Предлагают все портфели и данные. Я не дал им окончательного ответа и решил предварительно снестись с Вами. Коллегиальный арбитраж они проводят по условиям дела и работы. Опорочением же своим они тяготеют, считая это вопросом чести, в данном случае не поддающимся дуэльному разрешению в силу условий дела и в интересах единства фронта. Повторяю, ответа я им не дал и имею ряд оснований для отказа. Не потому, чтобы я считал их дело дурным или темным. И не потому, что они дурные люди. Совсем нет. Но потому, что это может оказаться несовместимым с другими лежащими на мне делами и обязательствами»¹⁰⁷.

Не дождавшись ответа П. Б. Струве, И. А. Ильин в следующем письме от 22 декабря того же года сообщил об окончательном отказе от «арбитража». Публично свои соображения он изложил в статье «Как хранить тайну (Правила и советы)», подписанной псевдонимом «Старый Политик»¹⁰⁸.

---

¹⁰⁴ Там же. С. 276.

¹⁰⁵ См. подробнее: Базанов П. Н. Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья: Монография. М., 2013. 420 с.

¹⁰⁶ См. типовой издательский договор, опубликованный Ю. Т. Лисицей (Иван Ильин и Россия: неопубл. фотографии и архив. материалы / Авт.-сост. Ю. Т. Лисица. М., 1999. С. 93).

¹⁰⁷ Опубл.: Полторацкий Н. Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение. Тenaflly, 1989. С. 64–265.

¹⁰⁸ Старый Политик. Как хранить тайну (Правила и советы) // Русский Колокол. 1927. № 1. С. 70–80.

Источники и литература

1. *Uždavinys A.* Philosophy as a Rite of Rebirth: From Ancient Egypt to Neoplatonism. The Matheson Trust and Prometheus Trust, 2008. 165 p.
2. *Базанов П. Н.* Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья: Монография. М.: Посев, 2013. 420 с.
3. *Базанов П. Н., Вахитов Р. Р., Гаврилов И. Б., Ермишина К. Б., Корольков А. А., Малинов А. В., Медоваров М. В., Тесля А. А., Фатеев В. А.* Евразийство: pro et contra. К 100-летию выхода сборника «Исход к Востоку». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 2 (13). С. 12–52.
4. *Белукова В. Б., Гаврилов И. Б., Захарова В. Т., Иванов И., свящ., Любомудров А. М., Пак Н. И.* «Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 50-летию кончины классика литературы Русского зарубежья Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972) // Русско-Византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 154–166.
5. *Воропаев В. А.* «Ей, гряди, Господи Иисусе»: Тайна смерти Н. В. Гоголя в свете его церковного мировоззрения // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1 (2). С. 244–288.
6. *Гаврилов И. Б.* К характеристике политической философии И. А. Ильина // Ильинские чтения: Мат. Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Град духовный, 2017. С. 143–151.
7. *Гаврилов И. Б.* К характеристике религиозно-философского мировоззрения князя Е. Н. Трубецкого // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 3 (15). С. 79–104.
8. *Гаврилов И. Б.* Художник. Мыслитель. Пророк. 200-летний юбилей Ф. М. Достоевского на страницах изданий СПбДА: ретроспективный анализ и библиографический обзор // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 3 (19). С. 258–276.
9. *Даренский В. Ю.* «Смысл жизни» князя Е. Н. Трубецкого — «канон» православного экзистенциализма // Русско-Византийский вестник. 2021. № 3 (6). С. 58–82.
10. *Даренский В. Ю.* Компенсаторная функция философии в секулярной культуре // Традиционные общества: неизвестное прошлое: Мат. XVI Междунар. науч.-практ. конф., 20–21 мая 2020 г. Челябинск: Изд-во ЮУГПУ, 2020. С. 322–327.
11. *Даренский В. Ю.* Об «инициационной» парадигме в историко-философских исследованиях // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2018. Т. 4 (1–2). С. 95–116.
12. *Даренский В. Ю., Дронов И. Е., Ильин Н. П., Котельников В. А., Медоваров М. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б.* Философия Аполлона Григорьева (1822–1864) в контексте русской и европейской мысли и культуры. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 3 (14). С. 12–48.
13. *Даренский В. Ю., Котельников В. А., Медоваров М. В., Минаков А. Ю., Самуйлов Г. Н., Лебрён Р., Суарес Х. М. Н., Гаврилов И. Б.* Жозеф де Местр (1753–1821) и русская мысль: к 270-летию савойского религиозного мыслителя. Материалы Международной конференции научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» от 7 ноября 2023 г. // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1 (16). С. 24–64.
14. *Иван Ильин и Россия:* неопубл. фотографии и архив. материалы / Авт.-сост. Ю. Т. Лисица. М.: Русская книга, 1999. 191 с.
15. *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б.* О IV научно-богословской конференции «Русско-Византийский Логос» 13 сентября 2022 г. // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 230–240.
16. *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б.* О деятельности «Византийского кабинета» в 2022 г. // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 241–259.
17. *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б., Титаренко С. Д., Титаренко Е. М., Сокурова О. Б., Маркидонов А. В.* Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины.

Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 338–355.

18. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1216 с.

19. Ильин И. А. Религиозный смысл философии: три речи, 1914–1923. Париж: У. М. С. А.-Press, 1924. 114 с.

20. Ильин И. А. Самобытность или оригинальничание? // Русская мысль. Париж, 1927. Кн. 1. С. 24–30.

21. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. 494 с.

22. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 2. М.: Русская книга, 1993. 479 с.

23. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. 592 с.

24. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. 621 с.

25. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1995. 607 с.

26. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 3: О России и русской душе. М.: Русская книга, 1997. 559 с.

27. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. 603 с.

28. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9–10. М.: Русская книга, 1999. 507 с.

29. Ильин И. А. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. М.: Русская книга, 2004. 624 с.

30. Ильин И. А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М.: Русская книга, 1999. 606 с.

31. Ильин И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927–1934). М.: Русская книга, 2000. 555 с.

32. Ильин И. А. Собр. соч.: Русский Колокол: Журнал волевой идеи. М.: ПСТГУ, 2008. 855 с.

33. Ильин И. А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М.: Русская книга, 2001. 559 с.

34. Ильин И. А. Собр. соч.: Философия как духовное делание. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. 715 с.

35. Ильин И. А., проф. Родина и мы. Белград: Русская типография, 1926. 16 с.

36. Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. СПб.: Росток, 2018. 271 с.

37. Маркидонов А. В. Богословие и культура: Монография. СПб.: Изд-во СПбДА, 2022. 504 с.

38. Павлюченков Н. Н. О важных направлениях в сравнительном анализе философско-богословских концепций князя Е. Н. Трубецкого и священника П. Флоренского // Русско-Византийский вестник. 2021. № 3 (6). С. 33–57.

39. Полторацкий Н. И. А. Ильин о Гоголе // Записки русской академической группы в США. New-York, 1984. Т. 17. С. 143–170.

40. Полторацкий Н. Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение. Tenaflay (N. J.): Эрмитаж, 1989. 320 с.

41. Сизоненко Д., прот., Кибальниченко С. А., Маркидонов А. В., Титаренко С. Д., Гаврилов И. Б. «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» Вячеслава Иванова. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник». К выходу нового научного издания монографии В. И. Иванова о Ф. М. Достоевском // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 144–175.

42. Сокурова О. Б. Эпоха катастроф и идея «любви собирающей» в религиозно-философских трудах Е. Н. Трубецкого // Русско-Византийский вестник. 2021. № 3 (6). С. 96–112.

43. Старый Политик. Как хранить тайну (Правила и советы) // Русский Колокол. 1927. № 1. С. 70–80.

44. Стогов Д. И. Е. Н. Трубецкой и русские консерваторы: к истории взаимоотношений // Русско-Византийский вестник. 2021. № 3 (6). С. 83–95.

45. Томсинов А. В. Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций. М.: Зерцало-М, 2012. 181 с.

46. *Фатеев В. А.* Князь Е. Н. Трубецкой как критик теократической утопии Вл. С. Соловьева // Русско-Византийский вестник. 2021. № 3 (6). С. 11–32.
47. *Хондзинский П., прот., Гаврилов И. Б., Даренский В. Ю., Павлюченков Н. Н., Фатеев В. А.* Александр Матвеевич Бухарев (архимандрит Феодор): pro et contra. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 10–35.
48. *Хондзинский П., прот., Костромин К., прот., Легеев М., свящ., Иванов И., свящ., Оболевич Т. С., Маркидонов А. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б., Медоваров М. В., Тесля А. А.* Наследие прот. Георгия Флоровского (1893–1979): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 40-летию кончины выдающегося православного мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 156–175.
49. *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Медоваров М. В., Гаврилов И. Б.* Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского (1882–1937): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет». К 140-летию со дня рождения и 85-летию со дня трагической кончины выдающегося русского мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2023. № 1 (12). С. 24–50.
50. *Черчилль У.* Вторая мировая война: В 3 кн. Кн. 3. М.: Воениздат, 1991. 749 с.
51. *Экология культуры: природа и человек в культурно-цивилизационном пространстве: Сб. науч. трудов / Под ред. О. Б. Сокуровой, М. Н. Цветаевой.* СПб.: СПбГУ, 2022. 278 с.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3 (18)

2024

Ю. Т. Лисица

Главные и важные результаты Ивана Александровича Ильина в науке о праве и в философии

УДК 1(470)(091)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_60
EDN BEMQMB

Аннотация: Публикация представляет собой текст выступления в Санкт-Петербургской духовной академии на онлайн-круглом столе, посвященном 140-летию со дня рождения крупнейшего русского ученого-правоведа, религиозного мыслителя, провозвестника грядущей России Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Наследие И. А. Ильина огромно, — оно насчитывает приблизительно 45–50 томов его собрания сочинений, 33 из которых уже вышли в свет. В 2006 г. архив И. А. Ильина был возвращен из архива научной библиотеки Мичиганского государственного университета (Ист Лэнсинг, Мичиган, США) в Московский государственный университет, где уже оцифрован и стал доступен исследователям и читателям. Изложить все богатство наследия Ильина в краткой статье невозможно, поэтому автор выбрал самые главные и значимые его достижения в юридической науке и в философии: исследования о природе и сущности права; оригинальное, отличное от западной философии, учение о правосознании; учения о международном праве, о войне, о сопротивлении злу силою; моральная и нравственная философия; пневматология как учение о духе и его проявлении. Приводятся отрывки из обширного эпистолярного наследия Ильина, — из готовящейся к изданию четырехтомной «Переписки И. А. Ильина и Н. К. Метнера (1915–1951 гг.)».

Ключевые слова: И. А. Ильин, Н. К. Метнер, право, правосознание, международное право, методологический подход, государство, государственная власть, философия, смысл, мораль, нравственность, духовный смысл войны, пневматология, сердечное созерцание.

Об авторе: **Юрий Трофимович Лисица**

Доктор физико-математических наук, профессор кафедры миссиологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института наследия.
E-mail: jutlisica@yandex.ru

Для цитирования: Лисица Ю. Т. Главные и важные результаты Ивана Александровича Ильина в науке о праве и в философии // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 60–73.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3 (18)

2024

Yuriy T. Lisitsa

The Main and Important Results of Ivan Aleksandrovich Ilyin in the Science of Law and Philosophy

UDC 1(470)(091)

DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_60

EDN BEMQMB

Abstract: The publication is the text of a speech at the St. Petersburg Theological Academy at an online round table dedicated to the 140th anniversary of the birth of the largest Russian legal scholar, religious thinker, and herald of the future Russia, Ivan Aleksandrovich Ilyin (1883–1954). The legacy of I. A. Il'in is enormous – it numbers approximately 45–50 volumes of his collected works, 33 of which have already been published. In 2006, I. A. Ilyin's archive was returned from the archives of the scientific library of the Michigan State University (East Lansing, Michigan, USA) to Moscow State University, where it was already digitized and became available to researchers and readers. It is impossible to present all the richness of Il'in's legacy in a short article, so the author chose his most important and significant achievements in legal science and philosophy: research on the nature and essence of law; original, different from Western philosophy, doctrine of legal consciousness; teachings about international law, about war, about resistance to evil by force; moral and moral philosophy; pneumatology as a doctrine of the spirit and its manifestation. Excerpts from Il'in's extensive epistolary heritage are given – from the four-volume “Correspondence of I. A. Il'in and N. K. Medtner (1915–1951)”, which is being prepared for publication.

Keywords: I. A. Il'in, N. K. Medtner, law, legal consciousness, international law, methodological approach, state, state power, philosophy, meaning, morality, ethics, spiritual meaning of war, pneumatology, heartfelt contemplation.

About the author: **Yuriy Trofimovich Lisitsa**

Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of the Department of Missiology at St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Leading Researcher at the Heritage Institute.

E-mail: jutlisica@yandex.ru

For citation: Lisitsa Yu. T. The Main and Important Results of Ivan Aleksandrovich Ilyin in the Science of Law and Philosophy. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 60–73.

Иван Александрович Ильин¹ был и остается *необычным* ученым и философом для России; *удивительным* он является для остальных стран и народов; *особенным* он является или станет для каждого, кому посчастливилось или еще посчастливится познакомиться с его текстами, идеями, учениями, мыслями, раздумьями и упованиями о России, ибо после чтения Ильина жизнь человека кардинально меняется к лучшему, становится осмысленной и утешительной.

Имя Ивана Ильина появилось на слуху в России довольно поздно, как и его труды в виде копий книг, брошюр и статей, которые стали известны в нашем мо-

Иван Ильин, 1909 г.

сковском философском сообществе только в 1983 г., хотя и не на первых ролях по сравнению с работами других русских зарубежных философов и публицистов, чьими книгами зачитывались в то время любители и ценители русской философии. Распространяли и читали его книги в ксерокопиях; редкий человек имел у себя оригиналы книг Ильина... Тогда я не знал, что его работы, их хранение и распространение были запрещены в СССР (писатель Леонид Бородин пострадал, в частности, и за найденную у него дома ксерокопию «О сущности правосознания» И. А. Ильина, которую он еще даже не успел прочесть — читал ее уже в лагере, как ни странно, с разрешения тюремщиков). При этом Ильин был негласно запрещен

и на Западе: по «вражбим голосам» мы никогда не замечали упоминания его имени, хотя он был в западном мире известным всем антисоветчиком и антибольшевиком («Яд большевизма», «Кризис социализма», «Кризис безбожия» и другие его брошюры были переведены на многие европейские языки); но проходил он в западных списках как «демократомах», т. е. как борец с демократией.

Первые две его работы из двухтомника «Наши задачи» (яркая политическая философия!) появились в СССР в 1988 г. в только что открывшемся сборнике «Выбор», но уже в 1990 г. он был самым публикуемым автором в газетах и журналах нашей страны. Об этом свидетельствовала молодая аспирантка из Дании Ханна Овасен, которая приехала в Советский Союз специально для того, чтобы выяснить этот феномен. В беседе с ней во время часового интервью она поразила меня своими тремя опасениями по поводу Ильина. «Если русские прочтут Ильина, — сказала Ханна, — то Россия станет монархией; русские начнут „сопротивляться силою“ Западу [Как в воду глядела! — Ю. Л.] и учение Ильина о правосознании повредит западной демократии». Особенно странно было услышать это от девушки-«русалочки», приехавшей из монархической страны Дании, из Оденсе, где родился и писал Ганс Христиан Андерсен.

Ильин, в будущем ученый-правовед, обучался в Императорском Московском университете на юридическом факультете — как и его отец Александр Иванович, крестник императора Александра II, как и его братья Алексей, Александр и Игорь. И хотя университетское образование, будучи очень широким и фундаментальным, в частности на юридическом факультете готовило профессиональных юристов, адвокатов и судей, это было место, где серьезно и систематически изучалась философия, так что среди выпускников юридического факультета были выдающиеся философы — сам Ильин,

¹ Публикация представляет собой текст выступления в Санкт-Петербургской духовной академии на онлайн-круглом столе, посвященном юбилею И. А. Ильина. См.: Корольков А. А., Даренский В. Ю., Фатеев В. А., Шевченко М. М., Минаков А. Ю., Иванов И., свящ., Воронаев В. А., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б. Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 20–59.

Борис Чичерин, научный руководитель Ильина профессор Павел Иванович Новгородцев, создавший философскую школу на факультете, а также философ и будущий богослов Сергей Булгаков и однокашники Ильина — крупные философы Николай Алексеев и Борис Вышеславцев.

Несмотря на то, что Ильин считал своей профессией философию («Никогда не жалел о своем философском пути со всеми его трудностями и соответствующими эпохе провалами»², — писал он своему больному другу Николаю Метнеру), его первой научной работой, опубликованной в престижнейшем журнале «Вопросы философии и психологии» в 1910 г., была статья «Понятия права и силы», которая имела большое научное значение, так что ее издали дополнительно отдельной брошюрой и она почти сразу была переведена на немецкий язык и издана в Германии, а ведь ее автору было всего 27 лет и он еще не был магистром.

Именно в этой работе Ильин ставит очень важную и сложную задачу юриспруденции, право-познания, правоведения, философии права, истории политических учений, а позже и своего учения о правосознании. Это — проблема соотношения *права и силы*, их сближение и разъединение, их природа и статус, их правда и кривда, что всегда волновало юристов, философов, политиков и даже простых людей. Не случайно всем известны ходячие, но неверные и вредные поговорки: «у кого сила, тот и прав», «победителей не судят», «король прав или неправ — всегда прав». Ильин считал: «Самые понятия права и силы принадлежат к числу самых трудных и сложных в истории научной мысли вообще. Сказать что-нибудь исчерпывающее об этих понятиях является до сих пор делом недостижимой трудности и *может* вообще *показаться*, что проблема их соотношения должна быть отнесена к числу так называемых „проклятых“ проблем»³.

Существует ли *конфликт* между правом и силой? Что ценнее — право или сила? Право ли есть *цель*, а сила — *средство*, или наоборот? Возможно ли вообще рассматривать право как силу? Сила является родовым понятием, а право — видовым? Может ли правовая норма получить значение силы и может ли правовое полномочие получить значение силы?

Ильин в последней, седьмой, главе своей статьи отвечает так: «Мы пришли к выводу, что обычный вопрос: „право — *есть* сила или не *есть* сила?“ должен быть для решения изменен в самой своей *постановке*. Нельзя сказать, „право *есть* сила“ или „право *не есть* сила“, т. к. оба ответа можно понять в смысле *реального* совпадения или несовпадения обоих моментов. Именно *методологический* подход к проблеме разворачивает ее во всем ее значении и указывает путь к ее решению. А этот подход ставит вопрос уже иначе: „*Может ли право рассматриваться* как сила и *не может ли оно рассматриваться* как не допускающее сближения с силой?“ Ответить на вопрос, поставленный так, значит, по нашему убеждению, развернуть применительно к нему учение о методе в правоведении, мало того, значит коснуться в методологическом анализе *всех* областей *правоведения*, как такового, и попытаться вскрыть в них возможные и состоявшиеся сближения этих понятий с точки зрения их методологической допустимости и недопустимости»⁴.

Сердцевина проблемы состоит в том, что существуют *различные* методологические ряды, образно сказать, *места*, — хотя часто это не пространственная и даже не онтологическая *локация*, а порой и *безобразная* штука, — в которых сила *не «присутствует»*. Например, — в месте «обнаружения» такой важной вещи как «суверенитет». В самом деле, 6 августа 1990 г. глава Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин, выступая в Казани, произнес известную фразу: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Позже он повторил ее в Уфе. Мы знаем, чем это закончилось. Понимал ли Ельцин? Скорее всего, не ведал, что говорил. И сейчас наши политики часто употребляют этот важный термин «суверенитет»: «государственный суверенитет»,

² Из письма И. А. Ильина к Н. К. и А. М. Метнерам в марте (б/д) 1950 г.

³ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 8.

⁴ Там же. С. 43.

«политический суверенитет», «национальный суверенитет», «экономический суверенитет», «народный суверенитет», «культурный суверенитет», «информационный суверенитет» и т. д. Интересно, до конца ли они понимают смысл этого термина и правильно ли употребляют его? Но это, скорее всего, «магическое» употребление модных и ярких слов, значение и смысл которых не ясен, — просто модное «красное словцо». А проблема не простая, и в своей первой научной работе Ильин обратил на это внимание: «Конечно, власть может и не иметь правовой санкции, но именно постольку она не будет категорией правоуправления. Власть есть сила, санкционированная правом; это как бы объективированная и застывшая правовая сила *par excellence*. И вот именно это пограничное положение понятия власти делает его причастным двум различным методологическим рядам — юридическому и реальному. Поэтому с той точки зрения, которую мы пытаемся провести, понятие власти должно быть разложено на две составные части и каждая часть должна быть отнесена в соответствующий ряд: тогда юрист будет говорить о власти — в нормативном ряду как о *полномочии на властвование*, а с логической точки зрения — изучать это полномочие на властвование как суждение, и как понятие, выводимое из суждения или суждений; а психолог, социолог и политик будут понимать под властью *силу, санкционированную правовыми нормами*. Вот почему, напр., те определения *государства*, которые приписывают ему не полномочие на властвование, а *власть*, а также те определения понятия *суверенитета*, которые конструируют его как реальное свойство, или **как нечто делимое** (выделено мною. — Ю. Л.), или как известный вид *власти*, должны быть критически пересмотрены в методологическом отношении, ибо они вводят в ирреальный ряд реальную категорию силы»⁵.

В связи с этой работой Ильин выдвинул оригинальную точку зрения «методологического плюрализма» в изучении фундаментального понятия «права», раскладывая его на такие методологические ряды, которые включали категории «реальности», «ирреальности», «должестования», «воли», «интереса», «принуждения», «действования», «порядка», «свойства», «отношения», «власти», «возможности», «свободы», «связанности» и т. п.

Аналогичные ошибки людей в определении *государства* и *государственной власти* часто приводят к роковым последствиям. Ильин предупреждал об этом в своей работе «Общее учение о праве и государстве» (1915): «Тот, кто говорит о государстве, говорит о праве, ибо государство есть правовой союз; право есть как бы тот воздух, которым дышит государство. <...> *Государство есть союз людей, организованный на началах права, объединенный господством над единой территорией и подчинением единой власти*. <...> Не следует, однако, представлять себе государство как единство, состоящее где-то над множеством людей, *вне* этого множества; государство не возносится над своими членами в виде чего-то чужого и постороннего им. Тот, кто так представляет себе государство, смешивает **государственный союз с государственной властью** (выделено мною; курсив Ильина. — Ю. Л.), хотя, конечно, и государственную власть не следует представлять себе, как помещенную *вне* союза»⁶. Для *целостности* государства Ильин сознательно выводит за скобки из своего учения о праве и государстве такое знакомое ему и всем нам понятие как «гражданское общество», восходящее еще к Гегелю в его триаде «семья», «гражданское общество», «государство», — для того, чтобы избежать *ложного* противостояния в мнимом дуализме «государства» и «гражданского общества». И уж такие большевистские определения государства как «государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим»⁷ были для Ильина *чужды и безграмотны*; таким же ему показался бы популярный сейчас политический термин «глубинное государство»; он ввел более точный термин — «мировая закулиса».

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Там же. С. 115.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 39. С. 73.

Вторая важная проблема, на которую Ильин указал научному юридическому обществу еще в 1915 г. и развил ее в 1918–1919 гг. в своей книге «О сущности правосознания», — это «проблема международного права». «Особое положение, — писал он, — занимает наука *международного права*. Международное правоотношение возникает между *властвующими союзами* (государствами), и поэтому некоторые ученые относят и самое правоотношение, и норму, и науку — к области *публичного права*. Однако государства нередко выступают в международном правоотношении как *равные* стороны, связанные правом (нормами, установленными в договорах), но не уполномоченные к власти друг над другом; поэтому другие ученые предлагают отнести и самые правоотношения, и нормы, и науку к области *частного права*. Ввиду того, что международное право еще не окрепло и не сложилось окончательно, вопрос этот остается открытым»⁸.

Сейчас все мы переживаем эту проблему очень остро, если не сказать катастрофично. «Правила», которые нам навязывает «международный гегемон», непонятно кем написаны и предлагаются для других, но не для тех, кто их озвучил; «санкции», которые противостоят всем международным договоренностям (ВТО), вводятся во вред не только для «нелюбимых» государств, но вредят и самим «санкционерам» и нарушают мировую логистику, торговлю, доверие людей друг другу, ослабляют отношения многих стран со своими бывшими партнерами, соседями и контрагентами, что повлекло за собой и нарушение ранее считавшейся неприкосновенной частной собственности. Причину и проблему эту Ильин предвидел еще в 1918 г.: «Столкновение народов есть, на самом деле, не просто столкновение исключаящих друг друга корыстных посягательств, как думают нередко и „трезвые“ обыватели и „мудрые“ политики; это есть, по существу своему, столкновение *естественных прав*, требующих своего признания и нормативного регулирования. А так как *естественное право* остается всегда *правым притязанием духа на достойную жизнь*, то решение этого столкновения посредством силы есть явление духовно-противоестественное, ибо дух опирается не на „силу“ вещей или обстоятельств, или оружия, а на *свое достоинство* и на *правомерность своего притязания*. **И война служит для того, чтобы разуверить ослепленных до неистовства людей в возможности решить спор духовных притязаний посредством грубой силы** (выделено мною как тезис «духовного смысла войны». — Ю. Л.). Столкновение прав есть *спор о праве*, а спор о праве может быть разрешен только на путях правовой организации и должен быть разрешен на основе естественного права. Поэтому борьба за международное право должна вестись именно не оружием, а на путях международной организации; и духовное назначение войны именно в том, чтобы убедить людей в достоинстве и необходимости этого пути. Вот почему патриотизм, вскормленный духом и сроднившийся с нормальным правосознанием, не может видеть в войне верного способа бороться за право. Любить свою родину не значит считать ее единственным средоточием духа, ибо тот, кто утверждает это, — не знает, что есть дух, и не умеет любить и дух своего народа. Нет человека и нет народа, который был бы единственным средоточием духа, ибо дух живет во всех людях и во всех народах. Не видеть этого значит быть духовно-слепым, а потому быть лишенным и патриотизма и правосознания. Этот путь духовного ослепления есть поистине „вне-этический“ путь, чуждый настоящей любви к родине; ибо истинный патриотизм есть любовь не слепая, а зрячая, и парение ее не чуждо добру и справедливости, но само есть одно из высших нравственных достижений»⁹.

Здесь Ильин фактически определил «духовный смысл войны» и высказал предвидение о создании Лиги Наций, а позже ООН, которые действительно появились, но все-таки себя в целом не оправдали. Ильин прямо отрицал то, что сейчас называют «однополярным миром», — связал то, что мы сейчас называем «многополярным

⁸ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. С. 146.

⁹ Там же. С. 257–258.

Иван Ильин и Николай Метнер, 1913 г.

вых расчетов, установленной в результате Бреттон-Вудской конференции (1–22 июля 1944 г.), которая сменила финансовую систему, основанную на «золотом стандарте», и создала, как оказалось, агрессивное доминирование американского доллара в мире. Более того, ни одно государство не в состоянии сейчас даже артикулировать правильную идею международных отношений. Например, «государства должны вести себя не как индивиды, а как личности: уважая и признавая „инаковость“ другого государства». Западные правоведы на такую мою идею ответили мне так: «Мы не готовы к такому уровню государственных отношений, и мы еще не исчерпали до конца идею государства как индивида», заботящегося только о своих интересах и не учитывающего интересы других стран.

Заметим, что верная критика современного *неолиберализма* упирает именно на гипертрофию *индивидуализма*, опуская, а может быть, и теряя критику и духовную трактовку важнейшего понятия *свободы* (откуда и искаженно воспринятое либерализмом название). Потерять свободу из-за ее искажения современным либерализмом было бы большим несчастьем для человека. Весьма глубокие вещи о свободе высказаны Ильиным в его книге «Путь духовного обновления» с выразительным названием в немецком варианте «Die ewigen Grundlagen des Leben» («Вечные основы жизни»), в третьей главе «О свободе»¹⁰.

Третьим результатом и достижением Ильина можно назвать то, что он четко определил «предмет» философии и «метод» всякой науки, в частности, философии. И хотя эти идеи витали в воздухе в его время — философия избавлялась от господствующих тогда *эмпиризма* и *психологизма*, чему способствовала набирающая силу *феноменология* Эдмунда Гуссерля (Ильин стал настоящим и верным «гуссерлианцем» самого раннего периода немецкого философа). *Предмет* философии Ильин определил еще в 1912–1913 гг. в своих лекциях «Введение в Философию. Философия как духовное делание» (слово «Философия» — именно с прописной буквы). Таковым

¹⁰ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 88–109.

миром», с естественным правом. Но проблема осталась не решенной. В столкновение пришли три пары равночестных установок и максимум современного мира: «нерушимость государственных границ» и «право наций на самоопределение»; «национальные интересы государства» и «национальные интересы других государств»; «национальная безопасность отдельного государства» и «угроза безопасности другого государства». Это столкновение усугубляется еще так называемым «неэквивалентным обменом», т.е. когда страны с различными уровнями *производительности труда* и наличием или отсутствием *высоких технологий* сталкиваются с неравными и часто несправедливыми обменов в торговле, к чему добавляется всемирная проблема функционирования денег, финансирования и расчетов в национальных валютах с оказавшейся *несправедливой* международной системой организации денежных отношений и торго-

стал *смысл* — понятие и тогда, и до сих пор трудное и не проясненное даже в простейшей науке, такой как *математическая логика*, где все до предела упрощено, сведено к однозначности *значения* каждого *имени*. В ней это было ярко отражено и в так называемом треугольнике Готлоба Фреге: «имя *называет* значение и *выражает* смысл, а смысл *определяет* значение». И в этом самом простом случае науки-математики до конца остается неясным, что такое смысл. По Фреге: «Смысл имени можно приблизительно описать как то, что нужно усвоить, чтобы понять имя, или как то понятие о носителе=значении=денотате, которое несет в себе данное имя». У Ильина же для уяснения смысла — целая многостраничная теория. Есть образные определения смысла: «Можно для помощи себе условно допустить, что он формулирован в таком случае Божеской мыслью (пока не привыкнем к полной объективности смысла)»¹¹. Ильин готовил своих студентов постепенно к пониманию смысла: «Можно это соотношение эмпирического бытия и его смысла представить так *поэтически*: смысл скрыт в вещи, как бы свет, скрытый от глаз и томящийся, — чтобы его раскрыли и дали ему насыть в достойной его форме: научного понятия и суждения, научной истины. Смысл (опять метафора) всегда присутствует в вещи, как его лучшая возможность, как лучший способ жизни, как ее идеал или цель»¹². А вообще Ильин формулирует, рассматривает и анализирует девять категориальных специфичностей смысла, которые мы для простоты здесь опустим.

В наше время слово «смысл» настолько популярно и модно, что его произнесение является почти всегда неким магическим действием: «территория смыслов», «формула смысла», «создание смыслов» и т. д., и т. п. При этом есть полная уверенность в том, что никто даже не подозревает своего непонимания этого важного термина. Смысл не есть или не не есть, а обстоит. *Обстояние* — введенный Ильиным русский термин, который соответствует немецкому «*Sachverhalt*», что означает: обстоятельства дела, положение дел (вещей). «Смысл» как предмет философии позимствован Ильиным у Гуссерля из его феноменологической логики, где выделяются предметы (объекты), обстояния, ситуации, отношения, и все они — внебытийственные различаемые «атомы» логики.

Феноменологический метод для Ильина представляет собой следующее: «Силою воли — внимание и воображение освобождаются от всякого иного содержания и направляются на восприятие и переживание данного предмета. <...> философское исследование предмета через интенсивное и самоотверженное погружение души в его внутреннее переживание — есть *феноменологическое исследование* (сущность предмета познается по его явлению)»¹³.

Четвертый важный результат Ильина — в нравственной философии. По его учению: «Мораль не есть высшее: ни точка зрения ее не есть высшая, ни моральное состояние души не есть состояние верховной доброты. <...> Это не значит, однако, чтобы моральное учение представляло бы теоретизацию аберрировавшей воли подобно гедонизму, утилитаризму. Моральная воля есть воля, направленная на добро и переживающая его в отрыве от *хотения* и независимо от него — как *должное*. В этом одновременно и сила, и слабость морали. Но такое, следующее долгу, моральное поступание и делание, отнюдь не есть и не проистекает из истинно доброго, истинно нравственного состояния души. Моральная правота — есть моральная легальность; моральная воля — есть воля, отколовшаяся от хотения и повинующаяся долгу. Кому не доступно высшее, чем это, состояние, — а оно бывает недоступно всем нам во многих случаях жизни, — тот пусть будет, по крайней мере, морален, т.е. пусть он заставит свои инстинктивные хотения и влечения подчиниться воле и долгу. Моральность есть, во всяком случае, подчиненное состояние, низшая ступень добродетели. Мораль есть *преддверие*, *передняя* истинного нравственного свершения: моральность есть не более, как видимо-элегантная *ливрея* души; но наличность ее

¹¹ Ильин И. А. Собр. соч.: Философия как духовное делание. М., 2013. С. 134.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 161, 79.

не гарантирует нравственного качества души — ее высоты и чистоты. И всюду трудно найти людей, одетых в моральную ливрею и кичащихся ею: я не верю им — ибо в одежде этой нуждается не добродетель, а духовное лакейство»¹⁴.

Ильин указывает на некоторую противоречивость или неосуществимость моральной цели: «Моралист сам признает, что высшее предносящееся ему состояние неосуществимо. Мы должны сказать больше: высшее предносящееся ему состояние *не* есть уже моральное состояние. В лучшие минуты моралист сам говорит о *радостном исполнении долга*, но тут же оговаривается: в силу одного того мотива, что *он есть долг*. Мораль учит о добре, которое, если бы оно наступило, то оказалось бы чем-то совсем иным, неожиданным, уже не моральным. Мораль ставит перед человеком задачу, требует ее строжайшего выполнения и разъясняет ему, что это выполнение невозможно. Мораль отвлекает от содержания, уходит в чистую форму долга; воспрещает мотивирующую жизнь чувства; как будто практический поступок, если он действительно нравственен — не есть деяние, вытекающее из всей души, из ее целостной доброты»¹⁵.

«Долг» есть ключевое слово и краеугольный камень моральности: «Добрая воля целиком должна быть проникнута уважением к долгу; настолько, что это уважение должно сделаться у нее единственным двигающим мотивом. Моральна та воля, которая свободна от всех иных мотивов воли, кроме *уважения к долгу*, или чувства долга. Моральный закон должен исполняться единственно из уважения к нему: тогда и только тогда воля моральна. Любить ближнего, например, следует не потому, что так велел Бог или воспитатели; не потому, что нас влечет к этому сердце; не потому, что нам подсказывает это правильно понятый эгоизм; но потому, что это велит долг, а мы чтим долг выше всего. Мы еще не знаем *в чем* наш долг; но знаем, что этот долг есть *разумное определение*, которое наш разум устанавливает и формулирует сам. Мораль — автономна и самозаконна. Сущность ее в том, что воля определяется не чем иным, как только своим собственным законом и уважением к нему. Всякое иное определение воли будет гетерономным — будет ли определяющим фактором чувство, инстинкт, Бог, право или люди»¹⁶.

Ильин снимает это противоречие учением о нравственности: «В отличие от морали и в противовес ей мы пришли, таким образом, к признанию некоторого высшего состояния души и воли, направленной на добро. Это состояние характеризуется, прежде всего, тем, что в нем нет распада и расхождения между волею и хотением. В этом подходе добро переживается не как отвлеченное, противостоящее реальной жизни, долженствование; и не как цель одной лишь воли, но как фактическая цель *и* воли *и* хотения. Разумное воление и инстинктивное хотение сливаются здесь в одном и органическом душевном устремлении к добру. Инстинкт хочет того самого, что одобряет и признает воля и что исповедует разум. И притом потому это так, что *инстинкт в корне своем добр, а воля в самой сущности своей полна живого и страстного, чувствующего хотения*»¹⁷. «То, что воля признает как ценное, то хотение любит как свою цель; то, что воля полагает как свою высшую цель, в том хотение видит свою ближайшую и лучшую ценность. В этом состоянии душа действует и живет нравственно потому, что она переживает добро как самое лучшее; жить и действовать *так* насколько хорошо, неописуемо прекрасно, что *иначе я не волю, не хочу и не могу*»¹⁸.

Интересно отметить, что в сербско-хорватском языке глагол «волити» означает «любить».

Любовь — есть сущность добра; «Добро есть *одухотворенная* любовь; зло — это *противодуховная вражда*»¹⁹. Таковы определения Ильина в знаменитой и актуальной сейчас книге «О сопротивлении злу силою» (1925).

¹⁴ Там же. С. 392–393.

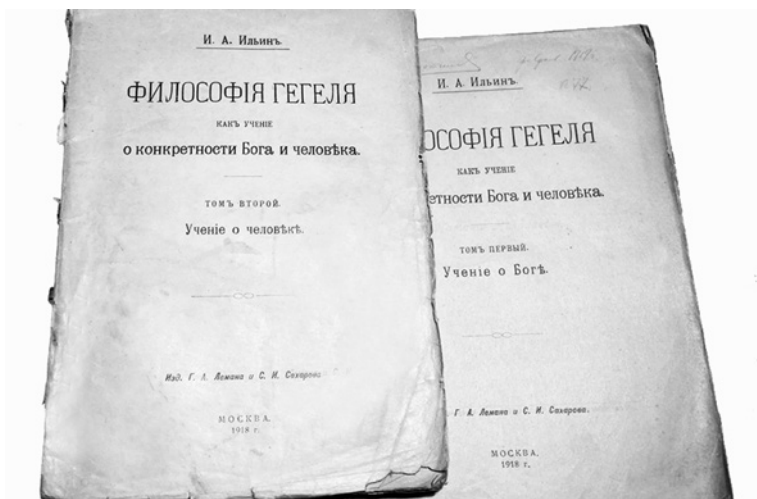
¹⁵ Там же. С. 394–395.

¹⁶ Там же. С. 396.

¹⁷ Там же. С. 397.

¹⁸ Там же. С. 399.

¹⁹ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М., 1995. С. 47.

Исследование И. А. Ильина
«Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918)

Пятый результат философии Ильина — решение нравственной проблемы «сопротивления злу силою». И хотя этот труд философа был направлен против тогдашнего зла *большевизма*, сейчас он может рассматриваться как разрешение современной проблемы — «экзистенциальной угрозы» России и русскому народу со стороны западного мира и его тоталитарной сатанинской либерально-демократической идеологии.

Ильин на первой странице ставит вопрос: «В страданиях мудреет человечество. Невидение ведет его к испытаниям и мукам; в мучениях душа очищается и прозревает; прозревшему взору дается источник мудрости — очевидность.

Но первое условие умудрения — это честность с самим собой и с предметом перед лицом Божиим.

Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою?»²⁰

Т. к., по Ильину, «добро есть одухотворенная любовь, а зло — противодуховная вражда», то «добро есть любящая сила духа, а зло — слепая сила ненависти». Это означает и то, что добро не есть просто «любовь» или просто «духовная зримость», а зло не есть просто «вражда» или просто «духовная слепота», ибо *вражда ко злу не есть зло*²¹.

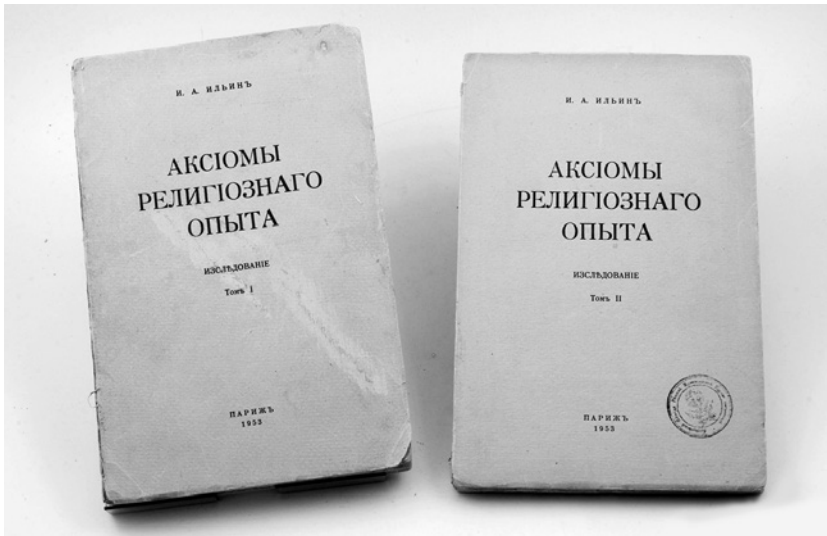
Ответ на поставленный вопрос у Ильина следующий: «Физическое пресечение и понуждение могут быть прямою религиозною и патриотическою обязанностью человека; и тогда он не вправе от них уклониться. Исполнение этой обязанности ведет его в качестве участника в великий исторический бой между слугами Божиими и силами ада; и в этом бою ему придется не только обнажить меч, но взять на себя бремя человеко-убийства»²².

При этом у Ильина есть важное замечание о «неправедности» этого действия: «Борьба со злом требует всегда *героизма*. Не только тогда, когда она ведется в форме внутренних усилий, воспитывающих человека и взращивающих его духовные крылья, но и тогда, когда она ведется в форме понуждающего и пресекающего меча. Героизм меча состоит не только в том, что его дело трудно, беспокойно, полно лишений, опасностей и страданий, но и в том, что меченосец нуждается в особых духовных усилиях

²⁰ Там же. С. 34.

²¹ Там же. С. 47.

²² Там же. С. 177.

«Аксиомы религиозного опыта» (1953)

для ограждения своего личного духовного Кремля: ибо его героизм есть *героизм сознательно и убежденно принятой несправедливости*. Мало того: человек, берущийся за меч в безысходной борьбе со злодеем, героичен потому, что он *подъемлет этим бремя мира*. Поставленный перед основной трагической дилеммой, не оставляющей для него нравственного исхода, он *религиозно* приемлет эту безвыходность и, избирая наименее несправедливый и наиболее трудный путь меча, он принимает этот путь как *свою судьбу*²³.

Шестой результат Ильина — его фундаментальное исследование «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (т. 1: Учение о Боге; т. 2: Учение о человеке), за которое ему присудили в 1918 г. сразу две ученые степени: магистерскую и докторскую (государственных наук). При этом нужно отметить, что Ильин никогда не был «гегельянцем», — у него сознательно отсутствует так называемый «диалектический метод», пронизывающий всю философию Гегеля и так полюбившийся марксистам-ленинцам. Более того, Ильин если и упоминает диалектику, то чаще как «диалектическую путаницу софистов».

И, наконец, главный труд его жизни — пневматологическое систематическое исследование «Аксиомы религиозного опыта», который он писал 33 года и издал в конце своей жизни в 1953 г.

К выдающимся учениям Ильина можно без сомнения отнести: учение о правосознании — «О сущности правосознания» (1916–1919, 1956); эстетическое учение — «Основы искусства. О совершенном в искусстве» (1937) и «О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев» (1938); учение о грядущей России — «Основы борьбы за национальную Россию» (1938), «Основной закон Российской империи. Проект» (1938), «Чтения о грядущей России» (1940–1941), «Наши задачи» (1948–1954); и много другого, — всего не перечить.

Особо стоят его даже не определения, а описания *духа* в человеке и того, что Ильин называл «сердечным созерцанием». «Дух» как философская категория наименее доступен человеку, в отличие, например, от категории «материя» или таких категорий, как «пространство», «время», «движение», и его определение ограничивается следующим: «чисто нематериальное», «невещественное начало». Но ведь и математические «числа», и платоновские «идеи», да и «пространство» и «время» также нематериальны, невещественны, но при этом отнюдь не являются *духовными*. *Дух* человеческий

²³ Там же. С. 207.

обнаруживается *только* субъективно и личностно. Поэтому дать адекватное и объективное определение духу весьма непросто. Тварный человек привычен, скорее, к материальным сущностям, и ему ближе такие категории, как «энергия», «энергетизм» (мода конца XX в.), а в прошлом — «тонкие материи», «астральные тела». А «дух» так и остался вне его понимания. Только Христианство и Евангелие находят нужные слова, а пантеизм, индуизм, каббализм и прочие рафинированные языческие философии склонны к «материализации духа»: «энергия», «свет», «эфир» — все это для них «сгущение или уплотнение духа». Поэтому развернутое описание Ильиным «духа» в его *пневматологии* уникально: «Человек есть по существу своему живой, личный дух; и религиозность его есть состояние духовное. Дух есть самое главное в человеке. Каждый из нас должен найти и утвердить в себе свое „самое главное“ — и никто другой заменить его в этом нахождении и утверждении не может. Дух есть сила личного самоутверждения в человеке, — но не в смысле инстинкта и не в смысле рационалистического „осознания“ состояний своего тела и своей души, а в смысле верного восприятия своей личностной самосутности, в ее предстоянии Богу и в ее достоинстве. Человек, не осознавший своего предстояния и своего достоинства, не нашел своего духа.

Ввиду этого можно было бы сказать, что дух есть живое чувство ответственности. Нашедший его в себе и утвердившийся в нем — ведет духовную жизнь.

Человек, испытывающий свое предстояние Богу, свое достоинство и свою ответственность, несет в себе живую волю к Совершенству. Поэтому дух можно было бы определить как волю к Совершенству — а также к совершенствованию — в самом себе, в своих деяниях и во внешнем мире.

Эта воля предполагает способность узнавать лучшее, отличать худшее и дурное, видеть Совершенное и принимать его. Поэтому дух есть дар очевидности.

Верное отношение к Совершенству есть отношение любви и служения. Поэтому дух можно было бы описать как способность к бескорыстной любви и к самоотверженному служению.

Все эти дары дают человеку способность верно управлять собой и верно строить свою жизнь. Поэтому дух есть сила личного самоуправления, и первым проявлением ее является духовный характер человека.

Вот почему правы те, которые связывают дух с идеей свободы. Дух есть дар свободы, данный человеку в зачатке от самой природы; в то же время он есть живая сила самоосвобождения и в заключительной стадии (вероятно — посмертной) — полнота личной свободы.

После всего этого будет понятно, если мы определим дух как потребность священного и как радость верного ранга; если мы опишем его как дар молитвы, как силу поющего сердца и как жилище совести; если мы обозначим его как месторождение художественного искусства; как источник правосознания, истинного патриотизма и национализма, как главную основу здоровой государственности и великой культуры...

В действительности дух есть — все это сразу»²⁴.

А «сердечное созерцание» — сугубо ильинский философский термин: «Самым драгоценным и могучим религиозным актом является *сердечное созерцание*.

Когда человеческая любовь прилепляется к объективно-значительному и священному жизненному содержанию, которым действительно стоит жить и за которое стоит бороться и умереть, то она оказывается *духовной любовью*. Она постепенно охватывает весь объем души и ее отдельных актов и все эти акты перерождаются и обновляются в своем строении и в своей силе. И вот, когда духовная любовь овладевает человеческим *воображением*, чтобы прожечь и очистить его, чтобы сообщить ему прочное укоренение и достойный предмет, тогда человек приобретает *дар сердечного созерцания*, — новый акт, дивный орган восприятия и опыта, подъемлющий и окрыляющий душу. <...>

²⁴ Ильин И. А. Собр. соч.: Аксиомы религиозного опыта. Т. 1. М., 2002. С. 34–35.

Раз выработанное и выношенное, сердечное созерцание открывает человеку доступ к религиозному опыту. Воспринять Бога, „принять“ Его, уверовать в Него и предаться Ему можно только силой цельного сердечного созерцания. Никакое рассуждение, никакое доказательство, никакое волевое решение подавить в себе все сомнения и заставить себя веровать — не могут заменить сердечного созерцания. Ибо вера дается через вчувствование в духовное Совершенство, — вчувствование, удостоверяющее даже вопреки всяким рассудочным „противо-доказательствам“ и вносящее в душу цельность, недоступную ни для какой волевой дисциплины»²⁵.

В заключение приведу еще одно наблюдение в связи с подготовкой к изданию переписки Ильина и Н. Метнера, показывающее переплетение исторических фактов и их художественного описания. Это историческая контрпараллель: среди множества романов (а их около 200), созданных французским писателем второй половины XVIII в. Никола Ретифом де ла Бретоном, самым известным стал его автобиографический роман «Месяц Никола». «Это 16 томов сказок и выдумок о самом себе, которые содержат столько правды, что ее не может вместить в себе ни одно человеческой сердце»²⁶. А в «повести в письмах» Ильиных и Метнеров первой половины XX в. столько исторической правды и достоверности, особенно в деталях, символах и чудесных неожиданностях, что они кажутся сказками и придумками, если не осознавать с очевидностью, что в них присутствовал Сам Господь Бог, — и читатель не сможет этого не заметить.

И — еще две взятые из этой переписки и сейчас впервые публикуемые цитаты Ильина: первая относится еще к 1915 г., вторая — ко времени 20 лет спустя. Первая касается жалобы Метнера Ильину на нерадивость своих учеников и трудности работы с ними. «Метод есть, — отвечает Ильин, — или мертвая схема для размножения выдумок, или *духовный путь*. Может быть это самое большое, когда человек имеет *осознанный духовный путь*. И может быть это самое *обязывающее*. Для жизни Духа на земле нет важнее того, как чтобы от *одного* огня загорались *другие*, бесконечно многие. Это загорание осуществляется *или* через *творчество*, *или* через *преподавание*. И вот тут-то суть дела: преподавать стоит только тогда, если к Сократу пришел Платон. Тогда преподавание равно творчеству и становится *со-творчеством*. Во всех остальных случаях преподавание — компромисс. А это обязывает к жестокости и суровости в выборе учеников. Эта суровость — предметна и предметно обоснована, а потому ее нечего избегать и „жалеть“, в ущерб духу»²⁷.

А на жалобы Метнера своему другу о том, что ни русская эмиграция, ни мировая музыкальная общественность не замечают в достаточной мере его музыку, его борьбу за нее и его самого как исполнителя-пианиста, Ильин отвечает, скажем так, *визионерски* и *пророчески*: «Эмиграция книг не покупает. А трудных, философских книг не читает. Чуть потруднее — и в кусты. Рецензенты и музыкальные критики — сам знаешь, какие у нас... Потому каждый из нас, когда пишет нечто *не* беллетристическое, должен готовиться к *отсутствию отклика от современников*; должен апеллировать к духовной встрече потом; должен смотреть на свою книгу как на наследие или завещание. Что делать? Это тягостно, но это так. <...>

Поэтому, умоляю тебя, не огорчайся на отсутствие отклика, не принимай его к сердцу и не делай из него *никаких* выводов! Это *докладная записка Господу Богу*, а Он уже знает, когда и какого сочувствителя и ученика послать тебе»²⁸.

В наше сложное время не только в России, но и во всем мире, Ильина почему-то многие воспринимают *неоднозначно*, тратя на *пустую* дискуссию *драгоценное* время. Вместо этого каждый может найти для себя *трудную* по-настоящему *проблему*

²⁵ Там же. С. 109–110.

²⁶ Это слова крупного польского математика и глубокого исследователя и переводчика на польский язык работ Ретифа де ла Бретона Ричарда Энгельгинга, сказанные мне еще 1978 г. в Варшаве.

²⁷ Письмо И. А. Ильина Н. К. Метнеру от 4 сентября 1915 г.

²⁸ Письмо И. А. Ильина Н. К. Метнеру от 9 июля 1935 г.

или задачу — личную, профессиональную, государственную, познавательную, эстетическую, моральную, etc., и попробовать ее решить — для себя лично или для общества. Такие сложные вещи не решаются мгновенно. Но примеры решения многих философских, правовых, политических, эстетических (в частности, музыкальных — искусство русского композитора и пианиста Николая Карловича Метнера), нравственных и религиозных проблем в трудах Ивана Александровича Ильина дадут правильный и эффективный путь к их преодолению. И по его же мнению при *правильном решении* проблем и задач «начинают разрешаться другие вопросы, стоящие в связи с этим. От каждого „вопроса“ идут нити к другим. Вопросы *все* более или менее связаны друг с другом»²⁹. Это своего рода критерий истины по Ильину. Тогда мысли, метод и предметность Ильина станут для нас не только поистине интересной, серьезной и глубокой работой, но и *полезной* для каждого отдельного человека, для всех. Потому что *духовный рост* одного человека в этом мире непосредственно *увеличивает* духовный рост *всех*.

Источники и литература

1. Ильин И. А. Собр. соч.: Аксиомы религиозного опыта. Т. 1. М.: Русская книга, 2002. 606 с.
2. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. 400 с.
3. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. 621 с.
4. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1995. 605 с.
5. Ильин И. А. Собр. соч.: Философия как духовное делание. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. 715 с.
6. Корольков А. А., Даренский В. Ю., Фатеев В. А., Шевченко М. М., Минаков А. Ю., Иванов И., свящ., Воропаев В. А., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б. Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 20–59.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, М.: 1970. Т. 39. С. 73. 623 с.

---

²⁹ Ильин И. А. Собр. соч.: Философия как духовное делание. М., 2013. С. 68.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3 (18)

2024

Г. В. Скотникова

«Лето Господне» И. С. Шмелева в философском истолковании И. А. Ильина

УДК 1(470)(091):821.09
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_74
EDN EQPSDO

Аннотация: Крупнейший русский философ XX в. И. А. Ильин внес значительный вклад в исследовательское истолкование русской художественной культуры — прежде всего как проницательный филолог. Принадлежа во временном отношении к яркому созвездию литературных критиков Русского Зарубежья (Г. В. Адамович, Ф. А. Степун, К. В. Мочульский, В. В. Вейдле, З. А. Шаховская, Г. П. Струве), И. А. Ильин был верен собственной творческой орбите, проявив в своем духовно-философском понимании творчества И. С. Шмелева глубинную интуицию русскости. И. А. Ильин говорил: «Чтобы почувствовать и узнать Россию, необходимо обратиться к русской литературе». Центральной писательской фигурой творческого внимания Ильина был его друг Иван Сергеевич Шмелев, посвятивший философу и его супруге свою книгу «Лето Господне. Праздники — Радости — Скорби». Исследовательский метод И. А. Ильина во многом определялся восприятием им философии как «особого описательного искусства», а искусства — как «возвышенного служения человеческому духу и чистой радости Божественному». Именно этот принцип позволил философу противостоять позиции Г. В. Адамовича, увидевшего в книге Шмелева только «созданные миражи», а также мнению нынешних критиков писателя, воспринявших его сочинение как «сказку былого». И. А. Ильин осознал книгу И. С. Шмелева как «благодатную духовную ткань», подлинный лик, *икону* Святой Руси.

Ключевые слова: И. А. Ильин, литературно-философская критика, художественное созерцание, И. С. Шмелев, «Лето Господне», сокровенный смысл, икона Святой Руси.

Об авторе: **Галина Викторовна Скотникова**

Доктор культурологии, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры (СПбГИК), ведущий научный сотрудник Российского института истории искусств (РИИИ).

E-mail: galina-skotnikov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1495-529X>

Для цитирования: Скотникова Г. В. «Лето Господне» И. С. Шмелева в философском истолковании И. А. Ильина // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 74–83.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3 (18)

2024

Galina V. Skotnikova

“Summer of the Lord” by J. S. Shmelev in the Philosophical Interpretation of I. A. Ilyin

UDC 1(470)(091):821.09

DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_74

EDN EQPSDO

Abstract: The greatest Russian philosopher of the 20th century I. A. Ilyin made a significant contribution to the research interpretation of Russian artistic culture, primarily, as insightful philologist. Belonging temporarily to the bright constellation of literary critics of the Russian diaspora (G. V. Adamovich, F. A. Stepun, K. V. Mochulsky, V. V. Veidle, Z. A. Shakhovskaya, G. P. Struve), I. A. Ilyin was faithful to his own creative orbit, showing in his spiritual and philosophical understanding of the work of I. S. Shmelev the deep intuition of Russianness. I. A. Ilyin said: “To feel and get to know Russia, you need to turn to Russian literature”. The central literary figure of Ilyin’s creative attention was I. S. Shmelev, who dedicated his book “The Summer of the Lord” to the philosopher and his wife. Holidays – Joy – Sorrow”. It is important to emphasize the research method of I. A. Ilyin, art critic: his perception of philosophy as “a special descriptive art”, and art as “sublime service to the human spirit and pure joy of the Divine”. It was this principle that allowed him to resist the position of G. V. Adamovich, who saw “created mirages” in Shmelev’s book, as well as the position of the modern critics, who perceived the work as an unprecedented story, “a fairy tale of the past”. I. A. Ilyin understood the book the book by I. S. Shmelev “blessed spiritual fabric”, “the true face of Orthodox Rus”.

Keywords: I. A. Ilyin, literary and philosophical criticism, artistic contemplation, I. S. Shmelev, “Summer of the Lord”, hidden meaning, icon of Holy Rus.

About the author: **Galina Viktorovna Skotnikova**

Doctor of Cultural Studies, professor at the St. Petersburg State Institute of Culture (SPbGIK), leading researcher at the Russian Institute of Art History (RIIH).

E-mail: galina-skotnikov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1495-529X>

For citation: Skotnikova G. V. “Summer of the Lord” by J. S. Shmelev in the Philosophical Interpretation of I. A. Ilyin. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 74–83.

Иван Александрович Ильин
(1883–1954)

Крупнейший русский философ XX в. Иван Александрович Ильин (1883–1954) внес значительный вклад в исследовательское истолкование многих явлений русской художественной культуры — прежде всего как проницательный филолог, постигающий их сокровенные, сущностные смыслы. Им были прочитаны в разных странах и во многих городах публичные лекции, разработаны университетские курсы, опубликовано несколько книг и брошюр, ряд статей, осуществлены переводы на немецкий язык художественной прозы и поэзии¹.

Принадлежа во временном отношении к яркому созвездию литературных критиков Русского Зарубежья (Г. В. Адамович, Ф. А. Степун, К. В. Мочульский, В. В. Вейдле, З. А. Шаховская, Г. П. Струве), И. А. Ильин был верен собственной творческой орбите, оставаясь вместе с тем глубоко русским, исконно традиционным в своих основополагающих духовных опорах, философских интуициях и развернутых выводах.

Обращение философа к художественному миру литературы — весьма характерное для русской культуры явление. Обратное, скорее, представляет исключение. Ибо класси-

ческая русская литература, «святая литература» (Т. Манн), будучи постижением непостижимой рационально жизни России, стала универсальной формой национального самосознания, явив собой уникальный в мировой культуре феномен, способ «цельного знания», своеобразный синтез философии, литературы, религии, нравственности. И с этой точки зрения понятны истоки мысли Н. А. Бердяева о том, что в русской литературе «заложены глубочайшие философские и религиозные алкания и, может быть, задачей русской философии и публицистики является разработка мотивов русской литературы»².

В одной из своих лекций И. А. Ильин говорил: «Чтобы почувствовать и узнать Россию, необходимо обратиться к русской литературе»³. Известны также его слова: «...если мои книги нужны России, то Господь уберезит их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу только для России»⁴. Для мыслителя такого внутреннего пафоса обращение к многообразному миру русской литературы неизбежно, внутренне предрешиено, одухотворяюще промыслительно.

Симптоматично и то, что каждый из крупных русских литературных критиков находит свой, основной, главный центр, ключевую писательскую фигуру,

¹ Статья представляет собой доклад автора на круглом столе: *Корольков А. А., Даренский В. Ю., Фатеев В. А., Шевченко М. М., Минаков А. Ю., Иванов И., свящ., Воронаев В. А., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б.* Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // *Русско-Византийский вестник*. 2024. № 3 (18). С. 20–59.

² *Бердяев Н. А.* *Sub specie aeternitatis: Опыт философии, социальные и литературные (1900–1906 гг.)*. СПб., 1907. С. 157.

³ *Ильин И. А.* Гоголь, великий сатирик, романтик и философ жизни. Лекция // *Полторацкий Н. П.* Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение: Сб. ст. Teraflay (N. J.), 1989. С. 78.

⁴ *Ильин И. А.* Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг.: В 2 т. Париж, 1956. Т. 2. С. 614.

вокруг которой выстраивается его литературно-эстетическое, философское, этическое, в конечном счете — жизнестроительное познание. Говоря словами Ф. М. Достоевского, «каждый замечательный критик наш (Белинский, Григорьев) выходил на поприще, непременно как бы опираясь на передового писателя, то есть как бы посвящал всю свою карьеру разъяснению этого писателя и в продолжение жизни успевал высказать все свои мысли не иначе как в форме растолкования этого писателя»⁵. Так, В. Г. Белинский приобрел полную силу голоса, истолковывая Н. В. Гоголя. Ап. А. Григорьев состоялся, показав исконную сущность драматургии А. Н. Островского. Н. Н. Страхов дал классическое понимание национального значения творчества Л. Н. Толстого.

Для И. А. Ильина таким писателем, чье творчество позволило наиболее полно, отчетливо и глубоко определить и высказать собственные эстетические позиции и духовно-

нравственную систему ценностей, стал И. С. Шмелев. О непосредственной человеческой близости и духовной родственности натур этих двух людей говорит посвящение Шмелевым ключевой в его творчестве книги «Лето Господне. Праздники — Радости — Скорби» Наталье Николаевне и Ивану Александровичу Ильиным⁶.

Эстетическому, углубленно философскому постижению художественно-образного содержания сочинений Шмелева в литературно-философской критике Ильина посвящены следующие работы философа: третий раздел «Творчество И. С. Шмелева» в труде «О тьме и просветлении». Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев»⁷ (была готова в основном в 1938 г., но опубликована лишь посмертно в 1959 г.); статьи: «Творчество Шмелева», «Православная Русь. „Лето Господне. Праздники“ И. С. Шмелева», «„Святая Русь. Богомолье“ И. С. Шмелева» (впервые опубликованы в парижской газете «Возрождение» в начале 1930-х гг.); рецензия «Ко второму изданию „Богомолья“» (написана в 1949 г. для журнала «Возрождение»)⁸.

На протяжении последних десятилетий творчество И. С. Шмелева стало известно в нашей стране широкой читательской аудитории, получившей возможность

Иван Сергеевич Шмелев,
1935 г.

⁵ Достоевский Ф. М. Письмо Н. Н. Страхову. 26 февраля (10 марта) 1869. Флоренция // *Его же*. Собр. соч.: В 15 т. СПб., 1996. Т. 15. Письма 1834–1881. С. 402.

⁶ «Двум Иванам» было суждено и упокоиться рядом. Согласно предсмертной воле И. С. Шмелева, прах его и его жены О. А. Шмелевой был перевезен на Родину и 30 мая 2000 г. захоронен рядом с могилами членов семьи двоюродного брата его отца в некрополе московского Донского монастыря. 3 октября 2005 г. в некрополе Донского монастыря прошла торжественная церемония перезахоронения останков И. А. Ильина и его супруги Н. Н. Ильиной.

⁷ ⁵ «Книга художественной критики „О тьме и просветлении“ Ильина стала лучшей книгой о творчестве Шмелева», — пишет Ю. Т. Лисица (*Лисица Ю. Т. О духовной дружбе двух великих Иванов* // URL: <http://russdom.ru/oldsayte/2005/2005061/20050629.html> (дата обращения: 27.11.2023).

⁸ Названные работы опубликованы в книге: *Ильин И. А. Одинокий художник*: статьи, речи, лекции / Сост., предисл., примеч. В. И. Белова. М.: Искусство, 1993. 347 с.

полноценного представления о литературном наследии автора как доэмигрантского, так и эмигрантского периодов.

Настоящая статья, помимо общей задачи привлечения внимания к филологическим воззрениям И. А. Ильина на творчество И. С. Шмелева, имеет и специальную цель. Эта цель состоит в рассмотрении вопроса, поставленного самой общественно-литературной ситуацией, выявившей яркую полифоничность в истолковании произведения «Лето Господне». Суть этого вопроса состоит в восприятии и осознании глубинного, метафизического смысла этого сочинения. Позиция И. А. Ильина представляется в данном случае основополагающей, поскольку его философские и литературоведческие идеи, укорененные в православном мироощущении и мировосприятии, выверены «теоретической совестью»⁹ философа.

Для Ильина, человека и мыслителя, «Лето Господне» — это не просто ожившее под пером вдохновенного литератора дорогое воспоминание. Это — особый художественный образ духовной реальности, свидетельство Божьего присутствия в земных ризах. Посредством чуда поэтического слова Шмелева, ставшего возможным благодаря «очищению страданием» и «молитвенному просветлению» автора, душа читателя «Лета Господня» обретает легкое дыхание, свободу внутреннего пения и естественного созвучия высшей реальности, ощущает себя в своей изначальной чистоте пред лицом Божиим. И. А. Ильин пишет, что книга И. С. Шмелева — «событие в движении русского национального самосознания. Сразу — художественный и религиозный акт» (выделено мною. — Г. С.). Автор выговаривает «жизненное и духовное исповедание» своего народа, как бы ставя его пред лицом Божиим¹⁰. Философ воспринимает «Лето Господне» как «эпическую поэму о России и об основах ее духовного бытия...»¹¹: «...это вечное, это навеки так; ибо жива Россия. И не „сны“ это, уцелевшие в обрывках; а сама духовная, благодатная ткань Православной Руси. Это дух нашего народа. Это — древнее, отстойное и мудрое вино нашей русскости. Долго отстаивалось оно. Веками. И кто его никогда не пил, не мысли себя знающим Россию...»¹²

Можно сказать, что в раскрытии существа произведения И. С. Шмелева «Лето Господне», как и во многих других философских работах, мыслитель осуществил «новый христианский синтез, о котором томится и взывает современная эпоха»¹³, воплотив заветное упование о. Георгия Флоровского о созидающем воцерковленном разуме как определяющем условии творческой силы и плодотворности русской мысли, найдя верный ключ к соотношению между светской философией и богословием.

Отметим, что начало изучению И. А. Ильина как литературно-философского критика положено в известной работе его выдающегося исследователя, представителя Русского Зарубежья Н. П. Полторацкого «Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение»¹⁴. В отечественной культуре рубежа XX–XXI вв. обращение к литературно-критическому наследию И. А. Ильина осуществляется многими исследователями (П. Г. Паламарчук, В. Э. Молодяков, В. Н. Храбрецов, Л. С. Конкина, Ю. Т. Лисица, А. М. Любомудров, Л. А. Макарова, Ю. И. Сохряков, М. Р. Тарасова, Т. А. Тянова¹⁵). Важно также, во-первых, подчеркнуть некоторые особенности философского

⁹ *Ильин И. А.* Религиозный смысл философии // URL: http://www.golden-ship.ru/_ld/10/1092_176.htm (дата обращения: 27.11.2023).

¹⁰ *Ильин И. А.* Православная Русь. «Лето Господне. Праздники» И. С. Шмелева // URL: <https://www.rulit.me/books/pravoslavnaya-rus-read-274823-1.html> (дата обращения: 30.11.2023).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ *Флоровский Г. В., прот.* Восточные Отцы IV века. Из чтений в Православном Богословском институте в Париже. М., 1992. С. 5.

¹⁴ *Полторацкий Н. П.* Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение: Сб. ст. Tenaflay (N. J.): Эрмитаж, 1989. 320 с.

¹⁵ Отметим развернутые исследования: *Любомудров А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 271 с.; *Тарасова М. Р.* Художественные особенности литературной критики И. А. Ильина. Южно-Сахалинск: Изд-во Сахалинского гос. ун-та, 2009. 214 с.; *Ее же.* Предметно-эстетическая критика И. А. Ильина

дарования и метода Ильина, во многом определившие его чуткость и predisположенность к тонкой восприимчивости образного языка художественной литературы; во-вторых, необходимо, хотя бы вкратце уточнить исходные эстетические и литературно-критические позиции мыслителя.

И. А. Ильин писал о том, что философия как познавательное творчество является в особом и углубленном смысле внутренним делом, причем таким, которое требует «особой напряженной душевно-духовной культуры, особой остроты и чуткости теоретической совести, особой чистоты ока и воли»¹⁶. В содержании всякого явления и состояния философская мысль видит его духовный смысл, понимая свою задачу «в его разумном, для каждого очевидном раскрытии». Очень характерно, что первым, как бы подготовительным, но обязательным этапом в постижении этого духовного смысла Ильин называет необходимость вызвать в себе когда-то испытанное его переживание (посредством напряжения внимания, воображения, памяти чувств). Момент «погружения» в духовный смысл явления, его органично-целостное, а не сторонне-формальное, безлично-механическое освоение, является ключевым в философском методе Ильина. И весьма не случайно приглашение-отклик на диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», который доктор философии И. А. Ильин получил от К. С. Станиславского. Можно думать, что режиссер, надеясь на плодотворный творческий контакт, совет в развитии и совершенствовании его художественных идей, приглашал Ильина на репетиции Московского Художественного театра.

И. А. Ильин говорил, что для философа, исследующего искусство, важно личное участие в каком-либо виде художественного творчества. И. А. Ильин — не только большой русский философ, но и одареннейший русский писатель, каковым он предстает прежде всего в таких своих книгах, как «Я вглядываюсь в жизнь», «Поющее сердце», в которых удалось, говоря его словами, «заткать ткань новой философии», «простой, тихой, доступной каждому», философии, которая, сливаясь с искусством, становится жизнью — жизнью живого духа, преображающего душу. Кроме того, Ильин был настоящим знатоком и ценителем музыки¹⁷. Его близким другом

Иван Александрович Ильин в Югославии
(на площади г. Дубровника), 1934 г.

в контексте русской идеалистической критики XIX — первой половины XX веков: дис. ... доктора филол. наук: 10.01.01. Владивосток, 2010. 458 с.; Макарова Л. А. Воцерковленная Россия в художественном изображении И. С. Шмелева: Малые жанры прозы: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва, 2007. 188 с.; Таянова Т. А. Творчество Ивана Шмелева как феномен религиозного типа: дис. ... кандидата филол. наук: 10.01.01. Магнитогорск, 2000. 219 с.

¹⁶ Ильин И. А. Религиозный смысл философии // URL: http://www.golden-ship.ru/_ld/10/1092_176.htm (дата обращения: 27.11.2023).

¹⁷ Ряд его музыкально-эстетических статей посвящен творчеству Н. К. Метнера. Переписка философа и музыканта, содержащая около 2000 писем, в настоящее время готовится к изданию в Москве под руководством Ю. Т. Лисицы.

являлся Н. К. Метнер¹⁸, композитор и пианист, звезда на музыкальном небосклоне XX в., сравнимая по масштабу дарования со своими не на много старшими по возрасту современниками, Рахманиновым и Скрябиным. Ильин неплохо владел фортепиано. Как отмечает его немецкий ученик, философ никогда не был празден и отдыхал, меняя вид занятий, часто с удовольствием разбирая за инструментом клавиры опер¹⁹.

И. А. Ильин подчеркивал, что философ должен подойти к искусству не только извне, но и изнутри, «он должен воспитать себя к художественному созерцанию и опыту»²⁰. Для исследователя художественного творчества важно самостоятельно пережить процесс «замысла, вынашивания, борьбы за идею предмета, облечения ее в ткань образов и обретения художественной формы».

Для Ильина корни искусства духовно-религиозны, а искусство предстает как «возвышенное служение человеческому духу и чистая радость Божественному»²¹. Через художественное произведение «прорекает себя Богом созданная сущность мира и человека»²². Традиции искусства не могут быть изжиты, «ибо священные традиции не изживаются никогда»²³.

Соответственно общей природе искусства, литературная критика должна быть духовно и религиозно углубленной. Настоящей художественной критики, по И. А. Ильину, в России с 80-х гг. XIX в. не было. На рубеже XIX–XX вв. мыслитель выделяет три направления в русской критике: точная историко-литературная справка (Венгеров), формально-педантический анализ (А. Белый), дилетантский импрессионизм (Айхенвальд), талантливый в литературном отношении, но субъективистский, духовно слепой, эстетически бесформенный. Подлинная художественная критика должна быть философски обоснованной, духовно зрячей, соотношенной с последними глубинами искусства²⁴. Эта позиция И. А. Ильина обосновывается им в книге «Основы искусства. О совершенном в искусстве» (1937).

Помимо творчества своих современников (Бунин, Ремизов, Шмелев, Мережковский), Ильин обращался к русским классикам XIX в. (Пушкин, Достоевский, Гоголь, Толстой), к русской поэзии и фольклору, намеревался прочесть лекции о творчестве Куприна, Алданова, Краснова.

В книге «О тьме и просветлении»²⁵ И. А. Ильин рассматривает творчество Бунина, Ремизова и Шмелева в духовно-критической иерархической перспективе. Наличие художественной, духовно обоснованной оценки, безусловно, отвечает названию и замыслу работы — «Книга художественной критики». Ильин проявляет себя как проникновенный, глубокий исследователь искусства, умеющий воспринять и выразить самое существенное в творческом даровании автора. Вместе с тем к художественному миру каждого из названных писателей Ильин применяет в конечном счете наивысший критерий, рассматривая их в *sub specie aeternitatis*²⁶, стремясь узреть, кто же из них тот, чистый сердцем, посланный Богом пророк, исцеляющий души, ведущий *от тьмы к просветлению*.

¹⁸ Скотникова Г. В. Творческие заветы Н. К. Метнера культуре современной России // Русское Зарубежье. XX век. Мировые войны: Слепухинские чтения-2018: Труды Международной научной конференции. СПб., 2020. С. 219–228.

¹⁹ Лисица Ю. Т. Иван Александрович Ильин. Историко-биографический очерк // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 35.

²⁰ Ильин И. А. Что есть философия? // *Его же*. Путь к очевидности. URL: https://ruskolokol.narod.ru/biblio/iljin/put_k_очевидности.html (дата обращения: 01.02. 2024).

²¹ Ильин И. А. Что такое искусство? // *Его же*. Одинокий художник: статьи, речи, лекции. С. 243.

²² Там же. С. 245.

²³ Там же. С. 249.

²⁴ Полторацкий Н. П. Русские зарубежные писатели в литературно-философской критике И. А. Ильина // Русская литература в эмиграции: Сб. ст. под ред. Н. П. Полторацкого. Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета. Питтсбург, 1972. С. 271–290.

²⁵ Ильин И. А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. М., 1991. 209 с.

²⁶ С точки зрения вечности (*лат.*)

Попытаемся представить акценты в восприятии книги И. С. Шмелева «Лето Господне» литературоведами, критиками, современными нам церковными людьми, какими они открываются сознанию в настоящий момент. Разумеется, творчество Шмелева было в поле зрения одного из наиболее даровитых критиков в Русском Зарубежье Г. В. Адамовича, «лучшего критика в эмиграции», по определению И. А. Бунина, «эмигрантского Златоуста», как писала И. Одоевцева. В статье «Шмелев» автор отмечает, что этого писателя трудно читать спокойно, т. к. «...и в лучших, и в худших произведениях этого на редкость неровного художника есть порох, который рано или поздно приводит к взрыву»²⁷. Над книгой Шмелева невозможно сохранять «объективность» критика. Адамович пишет: «...перечитывая Шмелева, хочется воскликнуть: „Не узнаю тебя, Россия!“ <...> Была ли старина именно такой? Не обольщаемся ли мы насчет ее подлинного благолепия? Не поддаемся ли иллюзии?» Все искусство, все дарование Шмелева, — полагает критик, — «направлено к тому, чтобы создать мираж и, вызвав из небытия исчезнувший мир, какой-то заклинательной волей водворить его на место настоящего»²⁸. Шмелев был лично задет, ранен подобным искривленным пониманием исходных глубин его творческих замыслов и после этой статьи в письмах к Ильину иначе как «гадамовичем» критика не называл.

Г. В. Адамович, в отличие от Ильина, не видел в личностно-творческом пути Шмелева возрастания духовной силы: «Большой, искалеченный талант. Но за этим больным — и большим, подлинным талантом — пылкая, требовательная, нетерпеливая душа, мимо которой никак не пройдешь с безразличием и скукой. „О, если бы ты был холоден или горяч, но поелику ты тепел...“ теплым Шмелев, во всяком случае, не был никогда: оттого-то с ним хочется спорить, за это-то, должно быть, и простится ему многое»²⁹. Оценка Адамовича осуществлена в рамках литературы и только литературы, ее можно не принимать, но нельзя не видеть в ней внутренней обоснованности, искренности, нельзя не ощущать вызывающего уважение отсутствия суетности, очевидную выверенность ответственного суждения.

Неожиданно сходным явилось восприятие книги Шмелева в 1989 г. архимандритом Псково-Печорского монастыря, для которого в ней все «уж очень показно», а Москва совсем «небывалая»³⁰, — восприятие, ставшее соблазном или, как он сам определяет, «занозой», для псковского писателя Валентина Курбатова. От благоговейного отношения к «Лету Господню» В. Курбатов переходит к его описанию как способу спасения в «плоти детства», осознанию как «сказки былого» и, наконец, — рассмотрению только как *литературы*, а не реальности, подчеркивая, «что с этой небесной Россией мы уже почти не граничим». Представляется, что подобная исповедь литературоведческого сознания во многом отражает состояние смятенности русской души в период потрясений в 1990-х гг., взыскующей обретения духовного идеала³¹, исконного источника личной и национальной силы³².

И. А. Ильин в статье «Православная Русь. „Лето Господне. Праздники“ И. С. Шмелева» писал, что все испытания нашей истории «мы снесли и пронесли благодаря тому, что ставили свою душу в трепетную близость к Богу, получая от этой молитвенной близости: живую совесть, мудрое терпение, тихое трудолюбие, умение прощать и повиняться...» Православная Русь «непоколебимо верила в то, что близость в Богу дает

²⁷ Адамович Г. В. Шмелев. Эссе // *Его же*. Одиночество и свобода. URL: <https://www.rulit.me/books/odinochestvo-i-svoboda-read-63805-11.html> (дата обращения: 01.02. 2024).

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Курбатов В. Заноза // Москва. 1996. № 3.

³¹ Скотникова Г. В. Крещение русскостью. О поэзии Бориса Орлова // День литературы. Газета русских писателей. URL: <https://denliteraturi.ru/article/7788?ysclid=lx0dh2ymqmw8207729> (дата обращения: 07.12. 2023).

³² Минаков С. А. Валентин Курбатов: «Давайте говорить о Вечности». На кончину любимого писателя // URL: <https://pravoslavie.ru/138057.html?ysclid=lx0doo0lbm789160183> (дата обращения: 02.02.2024).

не только правоту, ведущую на вершинах своих к святости, но и силу, жизненную силу и, стало быть, победу над своими страстями, над природой и над врагами...»³³

Ильин отмечал, что в «Лете Господнем» Шмелев силою ясновидящей любви художественно увидел в священно показан «подлинный лик Православной Руси».

Философ прозрел в художественном творении Шмелева Вечную Россию, восприняв «Лето Господне» как воплощенную в одухотворенном, благодатном слове икону Святой Руси.

Об Иване Александровиче Ильине как философском истолкователе русского искусства хочется сказать его же словами, относящимися к Пушкину: «Ему было свойственно видеть во всем Главное, душу людей и вещей, сокровенный смысл событий, тот великий и таинственный „предметный хребет“ мира и человечества, на котором почит Свет Божий и вокруг которого все остальное располагается как проявление, последствие и добавление»³⁴.

Источники и литература

1. *Адамович Г. В.* Шмелев. Эссе // Его же. Одиночество и свобода. URL: <https://www.rulit.me/books/odinochestvo-i-svoboda-read-63805-11.html> (дата обращения: 01.02. 2024).

2. *Бердяев Н. А.* Sub specie aeternitatis: Опыт философии, социальные и литературные (1900–1906 гг.). СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1907. 446 с.

3. *Достоевский Ф. М.* Письмо Н. Н. Страхову. 26 февраля (10 марта) 1869. Флоренция // *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: В 15 т. СПб.: Наука, Ленинградское отд., 1996. Т. 15. Письма 1834–1881. С. 402.

4. *Ильин И. А.* Гоголь, великий сатирик, романтик и философ жизни. Лекция // *Полторацкий Н. П.* Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение: Сб. ст. Tenaflay (N. J.): Эрмитаж, 1989.

5. *Ильин И. А.* Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг.: В 2 т. Париж: Изд. Русского Общевоинского союза, 1956. Т. 2. 353 с.

6. *Ильин И. А.* О тьме и просветлении: Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. М.: Скифы, 1991. 209 с.

7. *Ильин И. А.* Одинокий художник: статьи, речи, лекции / Сост., предисл., примеч. В. И. Белова. М.: Искусство, 1993. 347 с.

8. *Ильин И. А.* Православная Русь. «Лето Господне. Праздники» И. С. Шмелева // URL: <https://www.rulit.me/books/pravoslavnaia-rus-read-274823-1.html> (дата обращения: 30.11. 2023).

9. *Ильин И. А.* Пушкин в жизни // Пушкин в русской философской критике, конец XIX – первая половина XX в. URL: <https://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/134176-pushkin-v-russkoy-filosofskoy-kritike-kollektiv-avtorov/read/page-14.html> (дата обращения: 30.11.2023).

10. *Ильин И. А.* Религиозный смысл философии // URL: http://www.golden-ship.ru/_ld/10/1092_176.htm (дата обращения: 27.11.2023).

11. *Ильин И. А.* Что есть философия? // *Ильин И. А.* Путь к очевидности. URL: https://ruskolokol.narod.ru/biblio/iljin/put_k_очевидности.html (дата обращения: 01.02. 2024).

12. *Корольков А. А., Даренский В. Ю., Фатеев В. А., Шевченко М. М., Минаков А. Ю., Иванов И., свяц., Воропаев В. А., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б.* Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // *Русско-Византийский вестник.* 2024. № 3 (18). С. 20–59.

³³ *Ильин И. А.* Православная Русь. «Лето Господне. Праздники» И. С. Шмелева // URL: <https://www.rulit.me/books/pravoslavnaia-rus-read-274823-1.html> (дата обращения: 30.11.2023).

³⁴ *Ильин И. А.* Пушкин в жизни // Пушкин в русской философской критике, конец XIX – первая половина XX в. URL: <https://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/134176-pushkin-v-russkoy-filosofskoy-kritike-kollektiv-avtorov/read/page-14.html> (дата обращения: 30.11.2023).

13. Курбатов В. Заноза // Москва. 1996. № 3.
14. Лисица Ю. Т. Иван Александрович Ильин. Историко-биографический очерк // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 5–36.
15. Лисица Ю. Т. О духовной дружбе двух великих Иванов // URL: <http://rusdom.ru/oldsayte/2005/200506i/20050629.html> (дата обращения: 27.11.2023).
16. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 271 с.
17. Макарова Л. А. Воцерковленная Россия в художественном изображении И. С. Шмелева: Малые жанры прозы: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва, 2007. 188 с.
18. Минаков С. А. Валентин Курбатов: «Давайте говорить о Вечности». На кончину любимого писателя // URL: <https://pravoslavie.ru/138057.html?ysclid=lx0doo0lbm789160183> (дата обращения: 02.02.2024).
19. Полторацкий Н. П. Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение: Сб. ст. Тенафлэ (Н. J.): Эрмитаж, 1989. 320 с.
20. Полторацкий Н. П. Русские зарубежные писатели в литературно-философской критике И. А. Ильина // Русская литература в эмиграции: Сб. ст. под ред. Н. П. Полторацкого. Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета. Питтсбург, 1972. С. 271–290.
21. Скотникова Г. В. Крещение русскостью. О поэзии Бориса Орлова // День литературы. Газета русских писателей. URL: <https://denliteraturi.ru/article/7788?ysclid=lx0dh2ymqw8207729> (дата обращения: 07.12. 2023).
22. Скотникова Г. В. Творческие заветы Н. К. Метнера культуре современной России // Русское Зарубежье. XX век. Мировые войны: Слепухинские чтения-2018: Труды Международной научной конференции. СПб.: Фонд Слепухина; Ладога, 2020. С. 219–228.
23. Тарасова М. Р. Предметно-эстетическая критика И. А. Ильина в контексте русской идеалистической критики XIX — первой половины XX веков: дис. ... доктора филол. наук: 10.01.01. Владивосток, 2010. 458 с.
24. Тарасова М. Р. Художественные особенности литературной критики И. А. Ильина. Южно-Сахалинск: Изд-во Сахалинского гос. ун-та, 2009. 214 с.
25. Таянова Т. А. Творчество Ивана Шмелева как феномен религиозного типа: дис. ... кандидата филол. наук: 10.01.01. Магнитогорск, 2000. 219 с.
26. Флоровский Г. В., прот. Восточные Отцы IV века. Из чтений в Православном Богословском институте в Париже. М.: ПАИМС, 1992. 239 с.

А. И. Вакулинская

Духовный опыт как предмет миросозерцания и философии. Иван Ильин об ораторском искусстве (Предисловие к публикации конспекта второй лекции и общего плана курса «Миросозерцание и характер» И. А. Ильина)

УДК 1(470)(091)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_84
EDN ERVZOM

Аннотация: Публикуется рукопись общего плана лекций и конспект второй лекции курса «Миросозерцание и характер», прочитанной Иваном Александровичем Ильиным на Ораторском отделении в Государственном Институте Слова (конспект первой лекции был ранее опубликован в №1 «Русской философии» за 2021 г.). Рукопись хранится в архиве НБ МГУ (ОРКиР. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 522. Миросозерцание и характер. Курс лекций. Подготовительные материалы к курсу. Состав семинара. 1920–1923). Публикуемый конспект второй лекции курса «Миросозерцание и характер» написан не И. А. Ильиным. Вероятно, конспект принадлежал одному из слушателей курса, на что указывает не только визуальное расхождение с почерком Ивана Александровича, но и наличие грамматических ошибок, корректировок карандашом (зачеркиваний, знаков вопросов, фигурных скобок, которые, скорее всего, позже добавлял Ильин). Конспект лекции, по всей видимости, писался в режиме «реального времени», т. к. в нем нередко встречаются неоконченные предложения, которые слабо стыкуются с последующим текстом, а также присутствует много пунктуационных ошибок. Написан он синими чернилами на пожелтевших от времени листах бумаги, текст еле виден. В папке архива, в которой был обнаружен данный конспект, можно найти общий план лекций курса «Миросозерцание и характер», подготовленный Ильиным. В силу отсутствия иных конспектов, отражающих содержание дисциплины, мы прикрепляем общий план лекций к упомянутому конспекту для создания полноты картины о курсе.

Ключевые слова: И. А. Ильин, «Миросозерцание и характер», оратор, общение, предметное слово, метод, духовная культура, внутренний выбор, акт, духовный опыт, философия и жизнь, характер.

Об авторе: **Александра Ивановна Вакулинская**

Кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии Российской академии наук.

E-mail: sashavakulinskaya@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6751-874X>

Для цитирования: Вакулинская А. И. Духовный опыт как предмет миросозерцания и философии. Иван Ильин об ораторском искусстве (Предисловие к публикации конспекта второй лекции и общего плана курса «Миросозерцание и характер» И. А. Ильина) // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 84–89.

Aleksandra I. Vakulinskaya

**Spiritual Experience as a Subject of Worldview and Philosophy.
Ivan Ilyin on Oratory
(Preface to the Publication of the Synopsis
of the Second Lecture and the General Outline
of the Course “Worldview and character” by I. A. Ilyin)**

UDC 1(470)(091)

DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_84

EDN ERVZOM

Abstract: The manuscript of the general plan of lectures and the summary of the second lecture of the course “Worldview and character”, read by Ivan Aleksandrovich Ilyin at the oratorical department at the State Institute of Speech (the summary of the first lecture was previously published in No. 1 of “Russian Philosophy” 2021), is published. The manuscript is kept in the archive of the Scientifical Library of Moscow State University (DRB&M. F. 47. Op. 1. D. 522. “Worldview and character”. A course of lectures. Preparatory materials for the course. The composition of the seminar. 1920–1923). The published summary of the second lecture of the course “Worldview and character” was not written by I. A. Ilyin. Probably, the synopsis belonged to one of the students of the course, that is indicated not only by the visual discrepancy with Ivan Alexandrovich’s handwriting, but also by the presence of grammatical errors, pencil corrections (strikeouts, question marks, curly brackets most likely added by Ilyin later). The lecture summary, apparently, was written in “real time” mode, since it often contains unfinished sentences that fit poorly with the subsequent text, and there are also many punctuation errors. It is written in blue ink on yellowed sheets of paper, the text is barely visible. In the archive folder where this synopsis was found, you can find a general plan of lectures of the course “Worldview and character” prepared by Ilyin. Due to the absence of other summaries reflecting the content of the discipline, we attach the general plan of lectures to the mentioned summary to create a complete picture of the course.

Keywords: I. A. Ilyin, “Worldview and character”, orator, communication, objectivity word, method, spiritual culture, internal choice, action, spiritual experience, philosophy and life, character.

About the author: **Aleksandra Ivanovna Vakulinskaya**

PhD in Philosophy, Scientific Researcher, Russian Philosophy History Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science.

E-mail: sashavakulinskaya@gmail.com

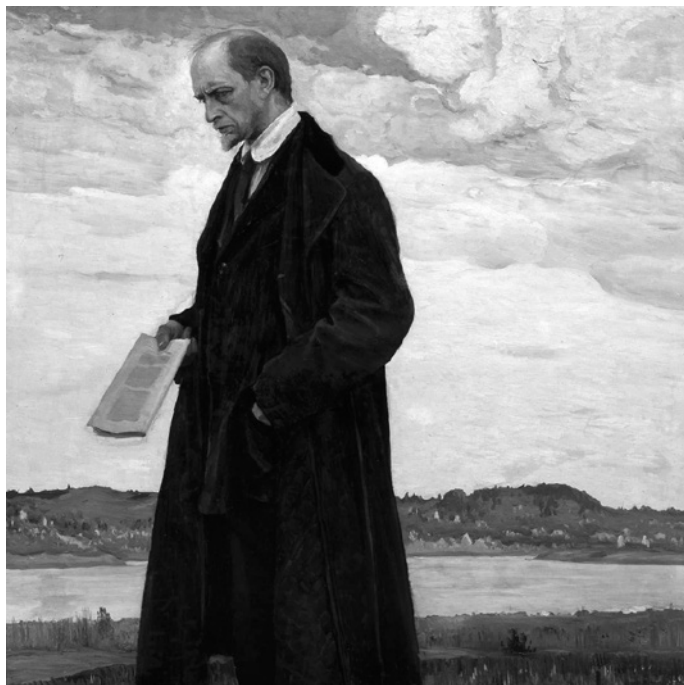
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6751-874X>

For citation: Vakulinskaya A. I. Spiritual Experience as a Subject of Worldview and Philosophy. Ivan Ilyin on Oratory (Preface to the Publication of the Synopsis of the Second Lecture and the General Outline of the Course “Worldview and Character” by I. A. Ilyin). *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 84–89.

В рамках данной статьи¹ мы продолжаем публикацию конспектов лекций курса «Миросозерцание и характер», который был прочитан русским философом Иваном Александровичем Ильиным (1883–1954) в период с 1921 по 1922 г. в московском Институте Слова (Государственном Институте Слова (ГИС)). Помимо Института Слова, курс также впоследствии читался мыслителем в эмиграции в 1923 г. в стенах Философско-религиозной академии в Берлине и, по всей видимости, в Швейцарии в Цолликоне. Есть основания полагать, что курс «Миросозерцание и характер» выступал в качестве основания для так и не начатой книги философа, посвященной акту воспитания характера².

В первом номере журнала «Русская философия» за 2021 г. нами были опубликованы план и конспект вступительной лекции данного учебного курса, которая читалась в день открытия Ораторского отделения Института Слова 10 февраля 1921 г.³ Ниже будут представлены конспект второй лекции, прочитанной 18 февраля 1921 г., а также полный тематический план учебного курса «Миросозерцание и характер».

Во второй лекции, которая, судя по плану, носила название «Духовный предмет как предмет миросозерцания и как предмет философии. Проблема философского опыта», можно обнаружить ряд пересечений с фрагментами речи Ильина, произнесенной в 1918 г. перед диспуттом на защите диссертации «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Данная речь носила название «Философия

Мыслитель (портрет философа И. А. Ильина).
Худ. М. В. Нестеров, 1921–1922 гг.

и жизнь» и впервые была опубликована в Берлине в 1923 г. в составе сборника «София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии» в издательстве «Обелиск» под редакцией Н. А. Бердяева.

Стоит упомянуть, что к моменту написания диссертации Иван Александрович Ильин, в 1911 г. находившийся в заграничной командировке, более подробно

¹ Статья подготовлена на основе доклада автора на круглом столе: *Корольков А. А., Даренский В. Ю., Фатеев В. А., Шевченко М. М., Минаков А. Ю., Иванов И., свящ., Воропаев В. А., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б.* Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // *Русско-Византийский вестник*. 2024. № 3 (18). С. 20–59.

² Подробнее см.: *Вакулинская А. И.* Живое слово: Иван Ильин об ораторском искусстве // *Русская философия*. 2021. № 1. С. 151–155.

³ *Ильин И. А.* Тезисы и конспект вступительной лекции курса «Миросозерцание и характер» // *Русская философия*. 2021. № 1. С. 158–167.

ознакомившись с методом возродителя феноменологии Э. Гуссерля, принимает решение использовать феноменологический метод в своей диссертации, против чего протестовал его научный руководитель П. И. Новгородцев. Заметим, что последующие обвинения Ильина в том, что применяемый им метод не соответствует гуссерлианской традиции, вполне правомерны. В частности, И. М. Чубаров, обращаясь к анализу ильинского подхода, отмечает, что философом игнорируется «главный феноменологический запрет на трансцендентные экзистенциальные полагания»⁴, а также добавляет, что мыслитель «не признает за феноменологическим методом принципиальной новизны по отношению к метафизической традиции и ее методам анализа, называя его „в корне“ старым как сама философия»⁵. Понять же, что под феноменологией подразумевал сам Ильин, можно, обратившись к его курсу «Общее учение о праве» (1920), где он отмечал: «...не так плохо — мыслимое бытие сущее бытие (Гегель, Гуссерль, etc.); или в этом роде — воображенное бытие сущему предмету, etc. Но так: предмет, как он есть на самом деле, может быть познан душою, стать ее содержанием — через адекватное испытание, интуицию, мышление»⁶. В речи «Основные задачи правоведения в России» (1922) Ильин уже указывал на Сократа как на первого философа, применявшего данный метод вживания в предмет исследования⁷. А просматривая архивные листы документа, содержащего фрагменты курса «Миросозерцание и характер», мы видим, что «сократическая постановка вопроса»: изучима ли добродетель? — является лейтмотивом курса, и на него Ильин дает ответ: «изучима лишь в меру воспитания себя к ней и осуществления ее в жизни»⁸. Такой ответ непосредственно отсылает нас к аскетической традиции православного христианства, на которую опирался философ при подготовке своего курса. В частности, ученица И. А. Ильина по ГИСу В. Д. Пришвина-Лебедева в своих воспоминаниях указывала, что основным источником литературы по курсу «Миросозерцание и характер» было «Добротолюбие»⁹.

Первая и вторая лекции курса содержательно взаимосвязаны друг с другом; их конспекты написаны одним почерком, который, по всей видимости, принадлежал слушателю отделения Ораторских Искусств в ГИСе. Если в рамках чтения вступительной лекции Иван Александрович Ильин был более сосредоточен на вопросе о роли и ответственности оратора как творца духовной культуры, проблеме метода, ведущего к предмету, то во второй лекции речь идет о взаимосвязи духовного опыта с предметностью речи. Духовный опыт, по мнению философа, есть именно тот фундамент, который позволяет нам адекватно понимать друг друга, верно отражать суть окружающих нас предметов и явлений. По убеждению мыслителя, философия есть та наука, которая «ведает духовной культурой, изучает ее содержание, ее предмет», а значит, именно философия способна привести на путь верного отражения вещей духовных. В доказательство данной точки зрения Ильин указывает на то, что философия имеет собственные методы и «свою лабораторию». Учитывая, что связь между жизнью и философией, с точки зрения мыслителя, весьма тесная, то «философом по опыту», а не по результату творчества, может считаться всякий, кто не чужд честному поиску истины. Отличие мистика и спекулянта от философа заключается в том, что приобретенный им в ходе процесса познания духовный опыт доступен не только ему одному как «психологическому инобытию». При приложении определенных умственных

⁴ Чубаров И. М. Антология феноменологической философии в России. М.: Логос, 1997. Т. 1. С. 192.

⁵ Там же.

⁶ Ильин И. А. Собр. соч.: Философия как духовное делание [курс лекций]. М.: ПСТГУ, 2014. С. 435.

⁷ Подробнее см.: Ильин И. А. Собр. соч.: О войне; Порядок или беспорядок? Крушение России; Родина и мы; Белая идея; Борьба за Россию. М.: Русская книга, 1999. Т. 9–10. С. 217.

⁸ Ильин И. А. Миросозерцание и характер. Курс лекций. Подготовительные материалы к курсу. Состав семинара. 1920–1923 // НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Ед. хр. 522. Л. 97.

⁹ Подробнее см.: Пришвина (Лебедева) В. Д. Невидимый град. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 155.

усилий, применении определенного метода каждый человек может проверить истинность ранее предложенных ему выводов. Ильин указывает: «Кто хочет действительно иметь достижение в религии или философии, в науке или политике, или искусстве, или этике — обязанность его культивировать именно эту практику бытия, возвращать в себе этот опыт, владеть им и строить себя им, ибо кто им владеет, и кто себя строит, тот приобретает особую жизненную реальность, особые жизненные обязанности». Такой человек, расширяя свой духовный опыт, прилагая честные усилия, занимается не только предметным познанием, но и предметным построением своего характера, отсекая все лишнее.

Ильин противопоставляет истинной, духовной жизни прозябание. Для него критерием верной основы жизни является то, что не теряет своего значения перед лицом смерти. На лекции он приходит к выводу: «Есть такое содержание, такое состояние для которого жить стоит. И есть такое — для которого жить не стоит. Вы, конечно, спросите меня, каким же содержанием жить стоит. И я говорю, жить стоит тем, за что стоит умереть, а тем содержанием, за которым умереть не стоит, тем и жить не стоит». Только то состояние или содержание, которое имеет значение перед лицом смерти, составляет «жизнь в ее истинном смысле». В силу чего мыслитель делает вывод, что раз уж «философствовать — воистину значит жить, жить тем, чем жить стоит», то, вполне естественно, что «философия чужда и недоступна тем, кто не знает различий между духом и телом».

Описывая процесс познания, Ильин апеллирует к той установке, которая характерна для феноменологической традиции (в широком ее рассмотрении), а именно: принятие познающим субъектом содержания познаваемого предмета вовнутрь себя. Для более наглядного объяснения данного процесса мыслитель обращается к аналогии с процессом прослушивания музыкальных произведений (отсылку к которым также можно встретить в первой лекции). Философ указывает, что «стихия самого предмета и степень одержимости его содержанием — так буквальна, как это бывает в музыке». «Одержимость предметом» характерна как для художника, так и для религиозного аскета, она возможна при глубоком проникновении в „колодец“, „шахту“ внутреннего, опытного созерцания». Свою лекцию И. А. Ильин завершает рассуждениями о том, что внеопытной философии не существует.

Стоит отметить, что обнаруженный план дисциплины, содержащий в себе указания на доклады и выступления И. А. Ильина, которые были впоследствии (или же ранее) опубликованы в виде статей, а также небольшие пометки, разбросанные в папках архива, с указанием на то, какой материал стоит привлечь при подготовке той или иной лекции, позволяют частично воспроизвести содержание всего курса. В целом план содержит двадцать две темы. Первые две, как уже было упомянуто выше, можно воспроизвести благодаря сохранившимся конспектам слушателя. Последующие две лекции, исходя из тематического плана дисциплины, должны были называться «Философия есть наука опытная» и «Опыт духовный есть опыт нечувствительный» и отражать незатронутые во второй лекции основные идеи из статей «Философия и жизнь», «О возрождении философского опыта». Содержание пятой лекции включает в себя речь, посвященную памяти философа Е. Н. Трубецкого (смерть которого пришлось на февраль 1920 г.), произнесенную 6 марта 1921 г. и впоследствии опубликованную как статью под названием «Духовная культура и ее национальные вожди. Памяти князя Евгения Николаевича Трубецкого» (1923). Тезисное содержание шестой лекции, посвященной теме «*Modus essendi hominis*. Общее и одинаковое; одинаковое и различное — в телесном, душевном и духовном составе человека, в духовном содержании предмета», приоткрывает нам цель и задачи всего курса. Ильин указывает, что курс «Мирозозерцание и характер» — это «философическая теория духовной жизни»; «философия духовно-узренной понятой жизни»¹⁰.

¹⁰ Ильин И. А. Мирозозерцание и характер. Курс лекций. Подготовительные материалы к курсу. Состав семинара. 1920–1923 // НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Ед. хр. 522. Л. 103.

Название двадцатой темы курса совпадает с ранней статьей философа «Основное нравственное противоречие войны» (1915), ставшей частью книги «О сопротивлении злу силою» (1925). Двадцать первая тема курса «Углубление идеи компромисса», судя по описанию, могла содержательно совпадать с двадцать первой главой из книги «О сопротивлении злу силою», которая именуется «О духовном компромиссе». Тема двадцать вторая «Чувство собственного духовного достоинства» вполне соотносима с главой пятнадцатой «Первая аксиома правосознания» книги «О сущности правосознания» (1954)¹¹.

По поводу глав 7–19 остается только предположить, что идейно их содержание могло быть отражено в книгах «Аксиомы религиозного опыта», «Путь к очевидности» и «Путь духовного обновления», в которых можно встретить главы о свободе, любви, совестном акте и цельном, предметном опыте. К сожалению, на данный момент значительная часть курса «Миросозерцание и характер» не может быть воспроизведена. Однако мы продолжим работу в данном направлении.

Содержание курса, как и конспект второй лекции, публикуется в соответствии с рукописью, изменены лишь грамматические неточности и пунктуация. Знаки вопросов, приведенные в скобках, встречающиеся в тексте, — следы работы с конспектом И. А. Ильина. Курсивом приведены слова, которые были подчеркнуты в тексте. В квадратных скобках с зачеркиванием указаны присутствующие, но вычеркнутые в рукописи слова. В треугольных скобках — недостающие по смыслу слова. В фигурных скобках приводятся наши примечания.

Источники и литература

1. Вакулинская А. И. Живое слово: Иван Ильин об ораторском искусстве // Русская философия. 2021. № 1. С. 151–157.
2. Вакулинская А. И. «О сущности правосознания» // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/o-sushchnosti-pravosoznaniia-40896c?ysclid=llz2mzcoto508162089> (дата обращения: 31.08.2023).
3. Ильин И. А. Миросозерцание и характер. Курс лекций. Подготовительные материалы к курсу. Состав семинара. 1920–1923 // НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Ед. хр. 522.
4. Ильин И. А. Собр. соч.: О войне; Порядок или беспорядок? Крушение России; Родина и мы; Белая идея; Борьба за Россию. М.: Русская книга, 1999. Т. 9–10. 512 с.
5. Ильин И. А. Собр. соч.: Философия как духовное делание [курс лекций]. М.: ПСТГУ, 2014. 715 с.
6. Ильин И. А. Тезисы и конспект вступительной лекции курса «Миросозерцание и характер» // Русская философия. 2021. № 1. С. 158–167.
7. Корольков А. А., Даренский В. Ю., Фатеев В. А., Шевченко М. М., Минаков А. Ю., Иванов И., свящ., Воропаев В. А., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б. Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 20–59.
8. Прищвина (Лебедева) В. Д. Невидимый град. М.: Молодая гвардия, 2003. 529 с.
9. Чубаров И. М. Антология феноменологической философии в России. М.: Логос, 1997. Т. 1. 512 с.

---

¹¹ Подробнее см.: Вакулинская А. И. «О сущности правосознания» // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/o-sushchnosti-pravosoznaniia-40896c?ysclid=llz2mzcoto508162089> (дата обращения: 31.08.2023).

Конспект второй лекции и общий план курса «Миросозерцание и характер»²

{Духовный предмет как предмет миросозерцания и как предмет философии. Проблема философского опыта}

1.

18/II-21

Миросозерцание и характер — проф. Ильин А. И.³

Господа, все, что я говорил раньше и говорил вам прошлый раз, я бы мог выразить в небольшом тезисе так: в основе речи лежит духовный опыт; если этот духовный опыт дефективен, то дефективно и речение.

Речь имеет, несомненно, измерения логически-аргументированные. Но глубже этих измерений, объектов их, порождения их, лежит измерение предметное. Предметное измерение речи постигается именно духовным опытом, его составом, его активностью, его закономерностью. *Что такое духовный опыт? Что значит дух?*

Я думаю, что по этому вопросу нам необходимо договориться с чрезвычайной строгостью. Но не регистрируйте моего воззрения в качестве моего воззрения. Мое воззрение есть мое воззрение, которое никого интересовать не может. Но правильно ли или неправильно оно — должно интересовать всякого. Не то, что я думаю, не то, что я думаю так, а то, что это так на самом деле, или же, если это не так⁴, то это на самом деле иначе.

И вот, когда я говорю, — тут необходимо договориться с ясностью, точностью, определенностью, — то я и говорю о том, что это так на самом деле. (?)

Не слушайте меня ухом, и не слушайте меня мыслью, а слушайте меня внутренним опытом, подлинным самым духовным опытом и взором (?), — содержание (?), которое в этом внутреннем опыте, свидетельствует о своем предмете, или преобразует предметность.

Слушать и только запоминать не стоит, *но должно переварить* в духовном опыте. (?)

Если я что говорю, то не принимайте на веру, проверяйте это на себе, на достигнутых *результатах* (?) своей собственной культуры, проверяйте на этом содержании, чтобы попытаться решить — так или не так. (?)

Только при этом условии я могу вам гарантировать, что наше общение может иметь какой-нибудь успех и какие-либо результаты.

Я поставил вопрос, что такое дух и что такое духовная культура.

Я хотел бы подойти к этому вопросу в таком порядке.

Есть наука, которая специально ведает духовный культурой, изучает ее содержание, ее предмет. Эта наука — философия. Поэтому, если бы я хотел поставить перед вами вопрос и разрешить вопрос, что такое дух, духовная культура, — я должен был бы решить, что такое философия, каков ее предмет.

¹ Иван Александрович Ильин (9 апреля 1883–21 декабря 1954) — русский религиозный философ, правовед, публицист, литературный критик.

² Публикация по: *Ильин И. А. Миросозерцание и характер. Курс лекций. Подготовительные материалы к курсу. Состав семинара. 1920–1923 // НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Ед. хр. 522. Л. 34–45.*

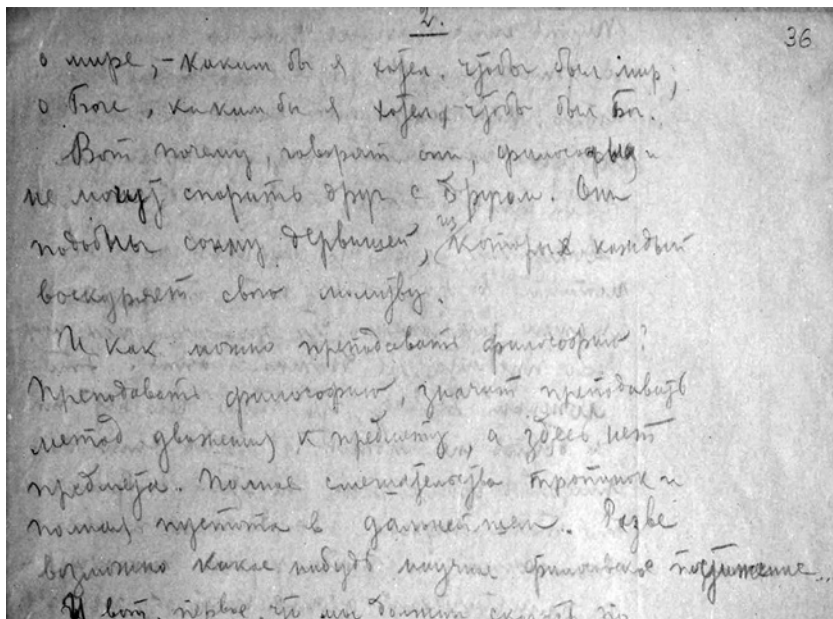
³ Инициалы Ильина изменены местами по ошибке автора конспекта.

⁴ С начала предыдущего предложения и до этого места на полях вертикальная черта и знак вопроса. Знаки вопроса, приводимые нами в конце предложений, стоят в рукописи за вертикальной чертой на полях напротив этих предложений. Знаки вопроса, встречающиеся внутри предложений, за отдельными словами, так и стоят в рукописи.

Я сразу выражу свое убеждение, если скажу вам, что ⁵философия есть больше, чем жизнь, — она есть завершение жизни. И в то же время <скажу>, что жизнь первой философии, потому что жизнь есть источник и стихия. {В статье «Философия и жизнь»: она есть ее источник и предмет.}

Среди людей, чуждых и предмету духовной культуры, и развитию (?), давным-давно существовало и существует распространенное воззрение, согласно которому философия не имеет никакого отношения к жизни, не имеет своего предмета и не есть наука. Это, в лучшем случае, прекрасная душевная мечта. Именно поэтому, говорят они, жизнь нуждается в науке и не нуждается в философии. А наука проверяется жизненной практикой, но вполне может обойтись без философской отвлеченности.

Философия, как думают многие, есть мечтательное умствование, неумное мечтание: кто о чем хочет, тот о том и мечтает. Правил во внутреннем опыте нет и быть не может. Человек бежит от прозы и запросов жизни и бежит в мир химерической отвлеченности. Пытается заговорить себя и постепенно создает вокруг себя стену из громких слов и никому не нужных выдумок. Трезвый скептик говорит, что здесь нет единого общего всем предмету, нет единого и зрелого научного метода, потому что каждый философ говорит о своем, каждый говорит о своей личной химере. Посмотрите, все они не согласны друг с другом. Каждый из них не приемлет химеру другого, потому что она — чужая. Только моя сказка и важна. Ею закрепляется личная мечта о себе, — каким бы я хотел быть;

Фрагмент публикуемой рукописи конспекта второй лекции из курса И. А. Ильина «Мирозерцание и характер»

⁵ Звездочками обозначен фрагмент лекции, повторяющий (местами приблизительно, местами достаточно точно) начало статьи И. А. Ильина «Философия и жизнь». Данная статья впервые была опубликована в 1923 г. в сборнике «София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии» в издательстве «Обелиск», сборник был подготовлен под редакцией Н. А. Бердяева. Впоследствии вышла в составе сборника статей Ильина «Религиозный смысл философии: три речи (1914–1923)» в издательстве У. М. С. А.-PRESS в 1925 г. Изначально текст статьи «Философия и жизнь» был написан в качестве речи перед диспутом, произнесенной на защите диссертации И. А. Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918).

о мире, — каким бы я хотел, чтобы был мир; о Боге, — каким бы я хотел, чтобы был Бог. Вот почему, говорят они, философы и не могут спорить друг с другом. Они подобны сонму дервишей, из которых каждый воскуряет свою молитву.

И как можно преподавать философию? Преподавать философию — значит преподавать метод движения к предмету, а здесь нет предмета. Полное смешательство тропинок и полная пустота в дальнейшем. Разве возможно какое-нибудь научное философское постижение?..

И вот, первое, что мы должны сказать по поводу этого скептицизма, это следующее: если философия порождает одни химеры или умственные мечты, то и нет вовсе науки философии и преподавание ее совершенно невозможно; все создания ее — порождения героя и таланта, и они, быть может, войдут в историю искусства, а творений философии как таковой не останется. (?) {В статье «Философия и жизнь»: Все создания ее порождены игрою ума и таланта; они войдут, может быть, в объем искусства, и тогда история философии будет поглощена историей литературы.} Но верно ли, что это так? Верно ли, что самый способ исследования делает невозможным философию как науку, по самому предмету? Верно ли, что она оторвана от жизни? (?) Если это верно, то тогда никакого духовного предмета нет, *никакого предмета культуры* нет (?). Среди тех, которые занимаются философией, есть много <людей>, которые виноваты в том, что на философию как науку сложилось такое воззрение. И философская культура России не сумела еще побороть в себе беспредметного импрессионизма, т. е. <того, что> *для меня* так, а *для тебя* иначе, и никакого *не для* — нет.

Пусть есть большие дефекты там и сям в философии. Но разве недостатки *существования* (?) компрометируют самое задание? Разве недуги составляют сущность организма? Если есть больные, то разве нет здоровья?

Допустим даже, что никакой научной истины в философии нет, — разве <отсюда> можно заключить, что философии как научного предмета не должно и быть? Это ложный вывод, что того, чего нет, того и быть не может. Ведь если отрицать философию по этим соображениям, то тогда нужно покончить не только с философией, но тогда нужно покончить и с политической деятельностью, ибо где же и нет {не бывает без} ошибок, как <не> в политике? А если она ошибается, то я скажу: вот, она лжива; в политике, значит, нет задания, нет предмета. Но тогда нужно покончить и с медициной, ибо я берусь вам доказать, что всюду есть ошибки, всюду были неудачи. И что из этого?

И, может быть, враги философии допустят, что неудача и неумение были всюду, не только в философии, но в философии не недостатки составляют самую сущность организма. Но, может быть, тогда скажут, что здесь и организма совсем нет, а один только недуг. <Скажут, что нереальна> Самая попытка философии постигнуть внутренний предмет и на нем построить жизнь, что само это задание таит в себе мнимую неосуществимость, {в статье «Философия и жизнь»: *внутренний порок неосуществимости*} мнимую проблему, ложную проблему. А это порождает сплошные гнезда недоразумений, и, значит, ясно, что она пуста и мертва, что у нее не может быть подлинной творческой связи <с жизнью>.

Я думаю, что кто бы доказал эти принципы, эти тезисы, тот оказал бы величайшую услугу человечеству, ибо он положил бы раз и навсегда пределы философии как науке. Он размежевал бы человеческие явления на фантазию, которая имеет дело только с *по-моему*, и на настоящее достигаемое творчество, что есть *на самом деле*. Он направил бы новые силы в сторону искусства или религии, но философии пришел бы конец, и философия оказалась бы культурным пережитком [подобно], очень сходным с алхимией, «перпету мобиле»⁶ и пр. Это была бы чистка духовной культуры. Но до сих пор врагам философии не удалось доказать этих тезисов.

⁶ Транслит «perpetuum mobile» (лат.) — вечный двигатель.

Правда, они иногда побеждали, доказывая, что некоторые философские мысли недостаточно методичны. И они правы, когда указывают на расхождения, на различные воззрения в философии... Но разногласия есть и в естествознании. Разногласия и расхождения есть всюду, но можно ли отсюда заключать, что где разногласия, там нет предмета? Это не верно. Однако все это нисколько не подтверждает их принципиального отрицания философии*⁷.

Доказывать ее невозможно. Здесь дело не в доказательстве или недоказательстве, а в том, что они имеют перед собою творчество, сущность которого скрыта от них, и предмет, доступа к которому они не знают. Их суждение порождено не опытом или законом (?), а непониманием и *предвзятостью* (?).

Я вспоминаю, когда слышу их аргументы, доводы одного крестьянина, который говорил: «Как это земля вертится? Что же я этого не чувствую и т.д.? Значит, она не вертится».

Однако ученый не поддается на это и говорит: «У меня есть особые соображения, особые данные, что земля круглая и что она вертится». Часто бывают случаи, что человек отрицает то, чего не видел. Поэтому я хотел бы сказать, что это слепое отрицание... (?) Это суждение со стороны... Человек просто не имеет запросов в этой области. Не выковал в себе органов для этого внутреннего опыта. Да может, он и не нуждается в этом опыте. А вот другой, может быть, нуждается, может быть, имеет опыт. Поэтому кто во внутреннем опыте не нуждается и его не имеет, тот имеет *характер познания* «априори», т. е. вне опыта, без опыта. (?)

Если бы я, например, услышал о свойствах радия и ничего до того не знал о радии, я бы сказал: «Нет, это неправдоподобно...» Однако это есть. Вообще человек, который вне опыта, без опыта отрицает бытие радия — не прав. Соображение *отрицания* (?) философии имеет априорный характер... (?)

3.

Но многие сомневающиеся в философии могут спросить, откуда же мне известно, что это на самом деле [так] реальность... (?)

Вы можете сообразить, что если я сейчас произношу эти слова, что если я высказываю эти свои убеждения так, как я их высказал, — я связываю с этими убеждениями свое доброе имя ученого. Доброе имя ученого состоит в том, что, утверждая нечто, он утверждает именно то, что признает подлежащим утверждению, и то, что произносит, берется доказывать и доказывает. (?)

Долгие годы в философии я не позволял себе доказывать ничего, — до тех пор, пока не стал видеть, что я могу доказать. (?)

Я говорю, что, вопреки мнению, относящемуся отрицательно к философии, к духу, духовному опыту и духовной культуре, я утверждаю, что *философия имеет свои методы, свою научную лабораторию и свои истинные достижения. Эта лаборатория, конечно, не всем доступна. Одни не хотят войти и потому отрицают; другие не могут — и потому отрицают. Но даже из тех, которые мнят себя философами, не все служат философии и не все творят ее.

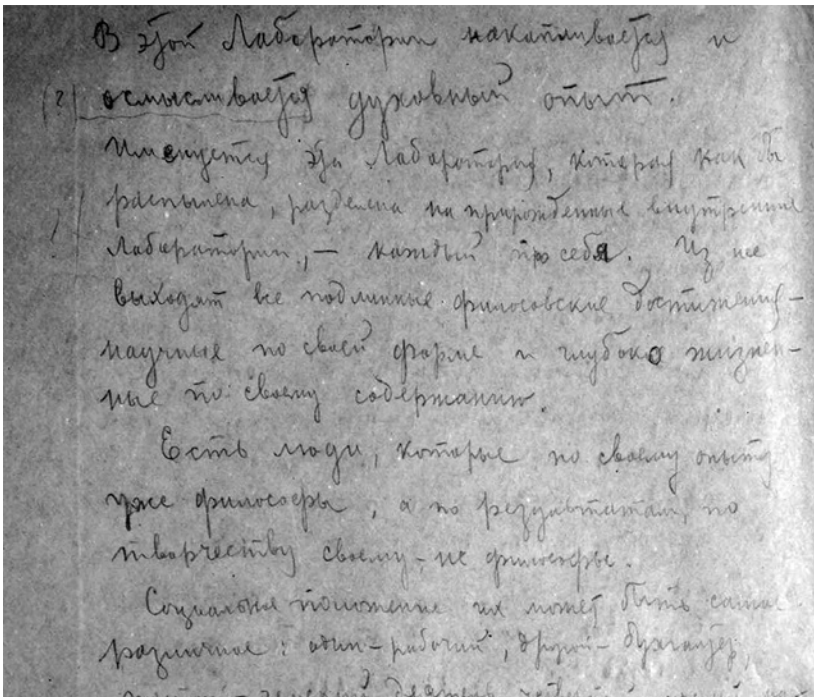
Но зато в этой лаборатории живут и работают многие из людей, не знающих, что они в ней работают, которые действуют, творят, служат в ней и не понимают своей деятельности. Я думаю, что в ней живут и работают многие из вас.

В этой лаборатории накапливается и *осмысливается* (?) духовный опыт.

Именуется эта лаборатория, которая как бы распылена, разделена на прирожденные внутренние лаборатории, — каждый про себя. Из нее выходят все подлинные философские достижения — научные по своей форме и глубоко жизненные по своему содержанию*⁸.

⁷ Ильин И. А. Философия и жизнь // Религиозный смысл философии: три речи (1914–1923). Париж: У. М. С. А. -PRESS, 1925. С. 63–65.

⁸ Там же. С. 65.

Есть люди, которые по своему опыту уже философы, а по результатам, по творчеству своему — не философы.

Социальное положение их может быть самое различное: один — рабочий, другой — бухгалтер, третий — земский деятель, четвертый — ученый-математик, пятый — кондуктор трамвая и т. <ак> далее, и, тем не менее, многие из них по опыту своему уже философы. Они не могут, не в состоянии дать умственно-зрелого итога своего опыта, но лабораторию свою имеют. Доказать невозможность таких достижений, достижений истинно-научного характера из этой лаборатории — нельзя. Нельзя доказать, что здесь невозможно достижение. Доказать невозможность таких достижений нельзя потому, что они фактически имеются.

Народ с ... (?) хранилище философии. (?) Философия уже показала, что она, во-первых, имеет подлинную творческую связь с жизнью. Она доказывала и доказывает, что у нее есть особый самостоятельный предмет. И она — философия — по самому существу своему ищет доказательств для каждого из своих утверждений. И она уже многое доказала. И тому, кто не признает философии, должно закрывать глаза и доказывать, что достижение не состоялось и что такого нет, да и быть не должно. Нет, ничего нет, и невозможно... Когда оно тут уже. Для этого он должен обеспечить себе и своему слушателю слепоту. И если он «победит», то это будет свидетельствовать о его некомпетентности...

Но ведь в такое положение духовного опыта, духовного достижения может поставить себя и каждый мистик, каждый мистик-шарлатан. Они тоже могут говорить, что они прозревают в пространстве и во времени, что они беседуют с невидимыми существами — ангелами, и что кто этого опыта не имеет, тот и отрицать его не имеет права. Отличие здесь в том, что тот, т. е. всякий мистик, основывается (?) на замкнутости своей практики, он варит свое варево на кухне, в закрытом котле, варит никому не ведомое варево и уверяет, что из этого выходят такие-то и такие-то волшебные слова. Мы же говорим, что та практика, о которой мы говорим, — этой практике уже

причастны почти все люди. Быть причастным этой практике необычайно важно — она, эта причастность, есть единственная основа характера.

Огромное большинство людей не придает ей значения, не ценит ее, не дорожит ею, не культивирует ее, не воспитывает в себе, не возвращает ее в себе. Кто хочет действительно иметь достижение в религии или философии, в науке или политике, или искусстве, или этике, — обязанность его культивировать именно *эту практику* бытия (?), возвращать в себе этот опыт, владеть им и строить себя им, ибо кто им владеет и кто себя строит, тот приобретает особую реальность, особые жизненные *обязанности* (?).

Он имеет фундированное, предметное, обоснованное содержание, — он имеет фундированный, предметный, обоснованный характер.

Но что такое это за фундированное [созерцание] содержание и что это за предмет?

(перерыв)

(час II-й)

4.

*Я хотел вам сказать, что как история философии есть живое доказательство того, что философия — не бред, не беспредметное блуждание, — так сама философия своим существом доказывает компетентный взгляд, что она есть наука о жизни.

О жизни не в обычном слове переваривания своего бытия изо дня в день, а в том глубоком смысле, когда можно противопоставить жизнь и прозябание.

Философия есть систематическое раскрывание того, что составляет основу человеческого опыта, его духовный опыт...⁹

Есть такое содержание, такое состояние, для которого жить стоит. И есть такое — для которого жить не стоит. Вы, конечно, спросите меня, [за] каким же содержанием жить стоит. И я говорю: жить стоит тем, за что стоит и умереть, а тем содержанием, за которое умереть не стоит, — тем и жить не стоит. Тем содержанием, от которого легко отказаться, отказаться при первом требовании, — тем не стоит и жить, а тем, за которое стоит и умереть, — тем и жить стоит.

Эти меры перед лицом смерти и *мерило* (?) лицом смерти есть настоящий критерий. (?)

Он, ввиду таинственной *общезначимости* (?) *восприятия* (?) этого акта, есть критерий существенный, формальный критерий.

Я прямо утверждаю, что именно (?) это так и обстоит...

Есть содержание, достояние, которым жить стоит, и есть, которым жить не стоит.

Только то состояние и такое содержание, которым жить стоит, — только они и составят жизнь в ее истинном смысле.

*Сама жизнь в ее истинном содержании составляет источник философии, [это] она же составляет и содержание философии. И философия есть наука — по своему методу, по форме, по значению, по [приенитю] применению, по категории и *инстинктам* (?), а по предмету и по источнику своему она есть сама подлинная жизнь, в ее настоящем и глубоком значении.

Философия рождается в жизни и от жизни — как необходимое и зрелое проявление ее. Не от [опыта] быта и не от животного состояния, не от прозябания и не от пресмыкания, но от жизни духа [-овной] и от его страдания, его содержания, *полноты и победы* (?).

Рожденная духом, она приводит затем всех к сознательной мысли с ее ясностью, с ее доказательностью.

Философствовать — воистину значит жить, жить тем, чем жить стоит... *И мыслью освещать и воображать, и писать* (?) — это подлинная жизнь (?). Естественно (?), что философия чужда и недоступна тем, кто не знает различия между духом и телом.

Те, кто истребал свою жизнь бытовым содержанием и влачит ее, — те говорят, отдайте ее технике бытия, не *подымаясь над этим*. (?)

⁹ Там же. С. 66.

Те, которые постоянно пребывают в этом содержании, которым как таковым и жить не стоит, — для таких людей, конечно, не существует ни таких заданий, ни того предмета, в котором философия движется и раскрывается. Но вот тут я и спрашиваю. Я понимаю, что такие люди могут быть. Я понимаю, что они несчастны. Но в праве ли они отрицать значение философии, и отрицать от своего неведения? Они сейчас не видят, но другие-то уже видят.

...Для того, чтобы жить философским содержанием «я» и придавать ему *смысл* (?), человек должен иметь особый орган. Я [не] и хочу сказать, что в душе или в духе тоже есть такой выделившийся, обособившийся, хотя и связанный с центром, орган. Но для того, чтобы жить философским содержанием, чтобы видеть, люди обязываются, должны иметь [какой-то] (?) как бы особый орган. *Содержание* (?) (душа) «я» должно быть достаточно восприимчивым для оформления духовного опыта и предмета, и достаточно творческим для дела... И это (?) каждому человеку может быть присуще в большей или меньшей степени^{*10}. {В статье «Философия и жизнь»: Для того, чтобы жить философскими содержаниями и тем более для того, чтобы придавать им форму мысли, человек должен иметь как бы особый орган; или, вернее, душа его должна быть достаточно глубокой для философского предмета, достаточно восприимчивой для философского содержания, достаточно утонченной для философского мышления и достаточно творческой для дела оформления. Каждое из этих свойств, каждая из этих способностей может быть присуща человеку в большей и меньшей степени; и каждая иная комбинация этих сил даст иную творческую индивидуальность.}

Я говорю, каждому человеку эта способность и эта совокупность свойств может быть в большей или меньшей степени присуща. Однако душа, которая лишена первой способности, т. е. совсем не живущая в той сфере, в которой впервые открывается *наличный* (?) в философии предмет, такая душа оказывается пораженной полной слепотой, и потому окажется некомпетентной в философии.

Представьте себе человека с закрытыми глазами. Может быть, он и может их открыть, но не хочет, не желает; не смотрит и, не смотря, говорит: «Какие такие картины? Что такое Третьяковская галерея? Этого нет, это невозможно». Спорить с таким человеком — значит вести праздные прения. Ему предлагается открыть глаза, но глаза-то он открыть и не хочет...

Для того, чтобы судить о философии, надо жить тем опытом, который она творит. {нрзб.}

Надо иметь опыт для того, чтобы отрицать. Представьте себе, что я стал бы отрицать разницу между *интегралом* и *дифференциалом*... (?) Тут можно сказать: «Потрудитесь, милостив.<ый> государь, иметь опыт в области высшего математического предмета и величин». И так каждая наука, — каждая наука требует особого опыта.

Опыт есть встреча предмета с предметом в субъекте.

Кто не хочет [или] и не может жить в философском опыте, правильнее поступит, если будет воздерживаться от суждения о философии и об опыте.

5.

*Установим, прежде всего, что философия прежде всего есть знание. Философия есть разновидность знания... Не всякое знание есть философское знание, но философия есть вся разновидность знания.

Теперь ясно, что знание не может состояться иначе, как в форме встречи и схождения, — как соединение между субъектом и сознанием души... (?)

Отсутствие объекта делает <нрзб.>... (?) Отсутствие субъекта оставит предметное содержание субъективно *неисполненным* (?), неустроенным, непомысленным, непознанным. Предмет будет, но познания не будет.

¹⁰ Там же.

Для того, чтобы знание состоялось, необходимо, чтобы содержание (?) предмета вступило так или иначе в предмет *субъекта*... (?)

Чтобы иметь, надо взять — по-ять. Без взятия — по-ятия — не может быть ни понимания, ни понятия-знания. Это значит, что содержание предмета должно состояться в душе, *прежде обнаружит<ься>, вступит<ь>* (?) и познающая душа должна предоставить свои силы и средства познающему предмету. Так обстоит во всех областях знания.

Познающая душа должна предоставить свои силы и средства *предмету* (?)^{*11}.

...дать нити для того, что дает искусство ему.

Слушающий музыку должен предоставить..., предмет должен как бы прозвучать, или пропеть своим содержанием в *предстоящей* (?) душе. Предмет должен как бы высказаться в душе, или как бы выжечься углем в ткани души; предмет должен как бы подлинно побывать в душе своим содержанием, так, чтобы душа *зажила*. (?)

Стихия *самого* (?) предмета и степень (?) *одержим<ости>* его содержания<ем> — так буквальна, как это бывает в музыке. (?)

Только тогда человек может сказать, что испытал предмет, действительно испытал, что он приобрел первооснову всего знания — предметный опыт.

Вне предметного опыта невозможно никакого знания.

Каждый ученый посвящает свои силы именно тому, чтобы приобрести полный опыт.

Именно присутствие предметных содержаний, присутствие их в... (?) дает ему возможность научного познания.

Ученого можно назвать ученым лишь постольку, поскольку он превратил свою душу в *систематически* (?) одержимый предмет. (?)

Откуда пресловутая рассеянность ученых? Да потому, что он сосредоточен на чем-то другом. Он имеет растерянный вид, он способен потерять обувь по дороге и не заметить, как и было однажды с Гегелем. Он рассеян *здесь*, потому что сосредоточен *там*. Он имеет какой-то ошалелый, странный вид. Говоришь, — он часто не слышит. На улице знакомых не узнает. Потому что он занят, он одержим своим предметом, который внутри все время испытывает, в сосредоточение которого он, ученый, погружен; в переживание которого он вложил [свое] все переживания своей души, всю энергию своей жизни.

Где душа систематически одержима предметом, его *познанием* (?), потому что научное изучение есть прежде всего систематический порядок предметной одержимости... (?) Это относится и к художнику, и это относится и к религиозному аскету. Это относится к великому ученому, который строит внутренний опыт, отвлекаясь во вне, от периферии окружающей действительности, и уходя в колодезь, в шахту своего опытного и предметного созерцания. Знания, конечно, этого не исчерпать, но в этом его почва, в этом его основа.

*Вне мобилизованного предметного опыта никогда никакого знания, ни вопроса, *какое такое духовное творчество*, не было и не будет. (?)

Я говорю, — вне мобилизованного предметного опыта никогда никакого знания не было, нет и не будет. Итак, возникает силлогизм: всякое знание есть опытное знание; всякая философия есть знание; следовательно, всякая философия есть опытное знание^{*12}.

6.

*Неопытная философия, сверхопытная философия, априорная философия, я говорю, [не] есть недоразумение или легенда. Известно, что философия не раз

¹¹ Там же. С. 67.

¹² Там же.

старалась утвердить свое знание независимо от опыта, и, тем не менее, безопытной философии никогда не было и не будет.

Именно тогда, когда философия думает, что она освободилась от опыта, она как раз предвосхитила его и свершила обмен — освободила себя от известного специфического предметного опыта и обратилась к нечувственному опыту*¹³. Вся логика движется (?) не мыслящим (?) опытом.

Вся психология движется внутренним опытом.

Я говорю, может быть так, что философия как бы чувствует, что, освободив себя от опыта, она освободила себя от опытного восприятия, однако предмет ее освободил себя для... (?) в геометрии... нужно, чтобы понимать ее, (?) закрыть [эти], таким образом, глаза и вообразить себе внутренним опытом пустые иллюзорные (?) плоскости равнобедренного треугольника и призмы, прямого угла или конуса и т. д.

(?)... Я говорю поэтому, она освободила себя и от восприятия, оно было [не]существованием, бесспорно, для другого.

Она, может, уклонилась совсем от предметного опыта и удовлетворилась беспредметным опытом, суррогатом предметного опыта, — это все возможно. На самом деле опыт обстоит во всех этих случаях... [приобрести] (?) предвосхитить опыт — это не значит обойти его, — это значит получить его на неверном пути... (?)

Рисуют кита, рисуют носорога... Дети рисуют картинки... это есть опосредованный (?) опыт. (?)

Поэтому я говорю, предвосхитить опыт — не значит обойтись (?) без него совсем, но значит получить его на неверном пути. (?)

Специфический (?) опыт не признает (?) бытия опыта. Но беспредметный опыт может открыть беспредметные сферы, — это неверно... (?) Я получил опыт неопределенных (?) содержаний. (?)

Необходимо раз навсегда покончить с предрассудком внеопытного знания. Философские науки делятся на опытные и внеопытные, — или делятся на такие, которые сознательно культивируют опыт, и такие, которые не сознательно, но культивируют опыт. (?)

От опыта не освобождает никакое воззрение (?), никакое рассудочно-логическое дерзновение (?), ни один из этих путей не освобождает познания и философию, и человеческую душу от обязанности иметь предметный опыт.

Предметный опыт лежит в основе [всего-и] всякого, не только философского, но и познавательного, и всякого иного творчества.

I/Ш-21 (Подпись)

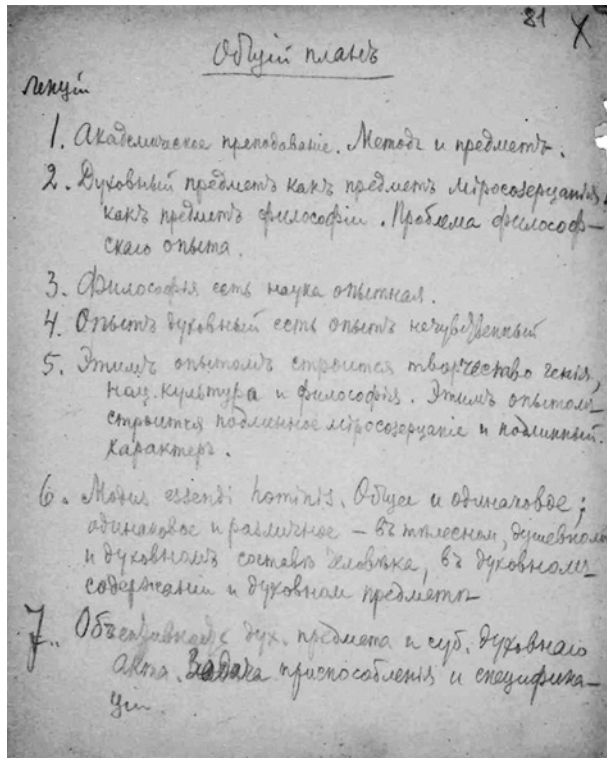
Общий план

лекций¹⁴

1. Академическое преподавание. Метод и предмет.
2. Духовный предмет как предмет мирозерцания и как предмет философии. Проблема философского опыта.
3. Философия есть наука опытная.
4. Опыт духовный есть опыт нечувственный.
5. Этим опытом строится творчество гения, нац. <иональная> культура и философия. Этим опытом строится подлинное мирозерцание и подлинный характер.
6. Modus essendi hominis. Общее и одинаковое; одинаковое и различное — в телесном, душевном и духовном составе человека, в духовном содержании и духовном предмете.

¹³ Там же. С. 67–68.

¹⁴ Публикуется по Ильин И. А. Мирозерцание и характер. Курс лекций. Подготовительные материалы к курсу. Состав семинара. 1920–1923 // НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Ед. хр. 522. Л. 81–85.

Фрагмент публикуемой рукописи

7. Объективность дух.<овного> предмета и суб.<ективность> духовного акта. Задача приспособления и спецификации.

8. Духовный протофеномен: цельно-приемлющее и осуществляющее переживание на самом деле совершенного предмета. Протофеномен: проживание об.<ективной> ценности. Это отправной пункт и клад лаборатории. Духовная любовь. Дух и душа.

9. Идея духовного поступка и универсальной ответственности за себя. Проблема свободы.

10. Доказательство несвободы человека.

11. Разрешение проблемы: свобода как сила и самоусиление; как самоосвобождение; как самоукрепление.

12. Избрание детерминирующих компонент; утверждение себя ими и в них. Противопоставление других. Победа. Идея нормальной победы: самовключение побежденного в победителя. Мораль и нравственность. Политич.<еская> автономия; гражданин и государство.

13. Духовная жизнь как самостроительство. Различение, усмотрение разноценности, предпочтение, избрание, приятие. Организация замкнутости и открытости. Отбор; впуск и невпуск. Опасность цельной интровертированности (граненость личности в страдающей скудости и пустоте); опасность цельной экстравертированности (содержательное изобилие в дурной случайности и в самоутрате личности).

14. Учение о духовном самоотождествлении. Самоизвлечение, самособирание; эвакуация, сосредоточение, унификация, интенсификация, предметная интенция, уход.

Невозможность отождествления с вещью (кроме питания; простр.<анственно>-врем.<енное> инобытие, распыление личности, самоутрата). Возможность и необходимость самоотождествления с духовным предметом. Это дело души: верную грань личности (я — не я), предметное содержание ее, ее достижение, ее силу.

15. Таинственное тождество: все еще личное я и в то же время больше лично-го меня. Сократ. Евангелие. Фихте. Гегель. Муза Пушкина. Божественное во мне, как сущность меня. Личный акрополь, храм, святыня. Характер не строится — если «это все-таки не я» — укор совести. Качественно и реально — это уже я. Объемно и предметно — это больше меня.

Через это тождество: свобода утасует — я иначе не могу и не могу иначе хотеть; свобода сохраняется — я иначе не хочу и не хочу иначе мочь.

То, — где *это так* — есть личность и ее характер.

16. Самоутверждение предметом. Я большое: слияние в содержании и в акте; слияние судьбы. Инстинкт предметного самосохранения. Самоотречение как самоутверждение.

17. Любовь как главный орган духовного самоутверждения. Любовь как подъем сил от чувства лишенности. Духовная любовь как достижение. Духовный предмет дается одним тем, что берется. Любовь как радость; самообъективация; все говорит мне да; как обновление; покаяние; гарантия блаженства. Любить больше себя; что заслуживало бы этого; чем стоило бы жить потому, что за это стоило бы и умереть. Измерение любви и характера смертью за предмет перед лицом Божиим.

18. Пребывание в предмете любовью как основа оптимизма и победы. Опыт предметного бессмертия. Обоснование духовной ненависти: образ Сына Божия — приятие зла, через непорочащее самоотжествление с ним.

19. Мироприятие и мировхождение. Акрополь и вылазка. Идея нормального, духовного, совестного компромисса.

20. Основное нравственное противоречие войны. Идея виновного героизма. Грани: акт совести и бескорыстно усмотренная эмп.<ирическая> необходимость борьбы. Идея виновного бескорыстия.

21. Углубление идеи компромисса. Пребывание в предмете как целостное и искреннее. Анализ предательства и лжи. Блаженство верности.

22. Чувство собственного духовного достоинства. Предметное уважение к себе как основа мирозерцания и характера; как основа правосознания, общественности, идеологии. Дефекты и недуги.

23.

Источники и литература

1. Ильин И. А. Мирозерцание и характер. Курс лекций. Подготовительные материалы к курсу. Состав семинара. 1920–1923 // НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Ед. хр. 522.

2. Ильин И. А. Философия и жизнь // Религиозный смысл философии: три речи (1914–1923). Париж: У. М. С. А.-PRESS, 1925.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3 (18)

2024

Протоиерей Константин Костромин, А. В. Петров

Образы святых Бориса и Глеба в парадигме идейно-философских исканий Г. П. Федотова и И. А. Ильина

УДК 1(470)(091):271.2-36
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_101
EDN CSBFLO

Аннотация: Святые сыновья Крестителя Руси св. князя Владимира в течение XX в. стали восприниматься как проявление русской национальной идеи, идеи непротивления злу силой. Эти черты были выделены и охарактеризованы Г. П. Федотовым. Однако национальная идея и проблема противления злу силой были по-своему осмыслены И. А. Ильиным. В статье раскрывается содержание концепций двух ярких представителей русской философской мысли XX в. через образы святых страстотерпцев Бориса и Глеба.

Ключевые слова: свв. Борис и Глеб, Г. П. Федотов, И. А. Ильин, кенозис, русская религиозная философия, непротивление злу силой, национальная идея.

Об авторах: Протоиерей Константин Александрович Костромин

Кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент, проректор по научно-богословской работе Санкт-Петербургской духовной академии, доцент кафедры теологии Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского.

E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-3431>

Алексей Владимирович Петров

Доктор исторических наук, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: a.v.petrov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5479-8087>

Для цитирования: Костромин К. А., прот., Петров А. В. Образы святых Бориса и Глеба в парадигме идейно-философских исканий Г. П. Федотова и И. А. Ильина // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 101–113.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3 (18)

2024

Archpriest Konstantin Kostromin, Alexey V. Petrov

Images of Saints Boris and Gleb in the Paradigm of Ideological and Philosophical Quests of G. P. Fedotov and I. A. Ilyin

UDC 1(470)(091):271.2-36

DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_101

EDN CSBFLO

Abstract: Holy sons of the Baptist of Rus' St. Prince Vladimir during the twentieth century. began to be perceived as a manifestation of the Russian national idea, the idea of non-resistance to evil by force. These features were identified and characterized by G. P. Fedotov. However, the national idea and the problem of resisting evil by force were interpreted in their own way by I. A. Ilyin. The article reveals the content of the concepts of two prominent representatives of Russian philosophical thought of the twentieth century. through the images of the holy passion-bearers Boris and Gleb.

Keywords: St. Boris and Gleb, G. P. Fedotov, I. A. Ilyin, kenosis, Russian religious philosophy, non-resistance to evil by force, national idea.

About the authors: **Archpriest Konstantin Aleksandrovich Kostromin**

Candidate of Historical Sciences, Candidate of Theology, Associate Professor, Vice-Rector for Scientific and Theological Work of the St. Petersburg Theological Academy, Associate Professor of the Department of Theology of the Russian Christian Humanitarian Academy. F. M. Dostoevsky.

E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8511-3431>

Alexey Vladimirovich Petrov

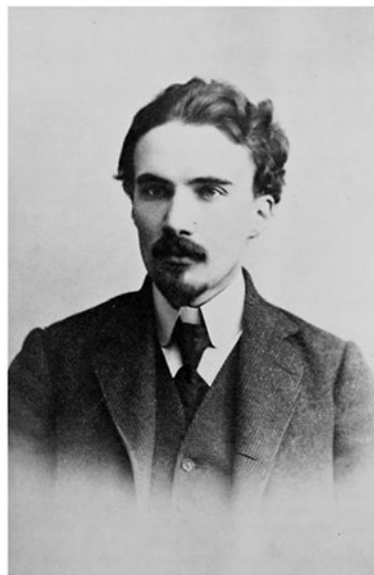
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Church History of the St. Petersburg Theological Academy, Professor of the Department of History of Russia from ancient times to the twentieth century. St. Petersburg State University.

E-mail: a.v.petrov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5479-8087>

For citation: Kostromin K., archpriest, Petrov A.V. Images of Saints Boris and Gleb in the Paradigm of Ideological and Philosophical Quests of G. P. Fedotov and I. A. Ilyin. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 101–113.

Образы русских святых были близки русской эмиграции. О них писали как историки, философы, богословы и филологи, так и общественные лидеры и политики¹. Особое место среди русских эмигрантов, изучавших пути русской святости, занимал Г. П. Федотов. Его рассуждения о русских святых на стыке философии, культурологии, истории и богословия имели большое общественное значение и давали повод размышлять о различии путей борьбы со злом. И. А. Ильин был, как известно, оппонентом взглядов Федотова. Однако поскольку основное внимание древнерусской святости уделял Георгий Петрович, в статье мы будем двигаться по пути развития им образов святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Они претерпели в его работах определенное развитие, и в оппонировании обоих философов можно будет выявить близость и различие их взглядов.

Георгий Петрович Федотов и сборник его статей 1918–1931 г., включающий статью «Национальное и вселенское» (1928)

Впервые к образам свв. Бориса и Глеба Г. П. Федотов обратился в статье «Национальное и вселенское», опубликованной в 1928 г. в «Вестнике РСХД». Задавшись проблемой универсалистско-национальной антиномии, имеющейся в христианстве, и первоначально подходя к ней с общих позиций, Георгий Петрович посчитал, что античное христианство и Византия исходили из «вселенского сознания» и только России, Русской Церкви «было дано раскрыть смысл национальной идеи в православии». Первыми же словами из жития свв. Бориса и Глеба (тогда еще Г. П. Федотов не вникал в сложность подачи образов в разных памятниках борисоглебского цикла, что будет сделано им в работе над книгой «Святые Древней Руси») «только что крещеный народ... дерзает утверждать свою богоизбранность». Он посчитал,

¹ См.: *Петров И. В.* Сергей Радонежский и русские святые в восприятии оккупационной прессы в 1941–1944 гг. // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: Альманах.* Вып. 4. СПб., 2014. С. 161–164; *Никодим (Хмыров), иерод.* Образ князя Владимира в сознании русской православной эмиграции (по материалам журнала «Церковные ведомости», 1930 год) // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: Альманах.* Вып. 3. СПб., 2015. С. 253–257; *Соколов Р. А.* Александр Невский и евразийцы // *Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях.* 2020. № 1 (12). С. 209–218.

что «Греческая Церковь почти не знала святых мирян» и потому «в святых князьях на Руси расцветает новая святость, теснейшим образом связанная со святыней национальной жизни»².

Национальная идея была близка и И. А. Ильину³, однако он видел в ней сугубо светскую основу и не сопоставлял с древнерусской святостью⁴. Для него «национализм есть любовь к духу своего народа и притом именно к его духовному своеобразию», а религиозный аспект заключается прежде всего в том, что «я знаю верою и ведением, любовью и волею, живым опытом и победами прошлого, что мой народ не покинут Богом»⁵.

Чуть позже, в 1930 г., Г. П. Федотов писал о «национальном призвании Русской Церкви» применительно к образам свв. Бориса и Глеба уже более предметно, делая акцент на прологе к «Чтению о житии и погублении Бориса и Глеба» прп. Нестора Летописца. Георгий Петрович акцентировал внимание читателей на аналогии между работниками винограда, призванными в 11 часу, и первыми русскими святыми⁶. Идея философа вполне понятна, но скорее отражает его попытку прочитать у Нестора то, что хотелось сказать ему самому.

Этот эпизод в статье, посвященной прп. Авраамии Смоленскому, появился, очевидно, в связи с тем, что Г. П. Федотов уже начал работу над одной из своих основных книг — «Святые Древней Руси», увидевшей свет в 1931 г. В этой книге свв. Борис и Глеб занимают одно из центральных мест, как ключевые фигуры, через которые понятны русская идея и культура. Вначале Георгий Петрович привел новейшие (на тот момент) наблюдения над памятниками борисоглебского цикла, которыми уже занимались А. А. Шахматов, Д. И. Абрамович, Н. И. Серебрянский и некоторые другие историки и литературоведы. Также он повторил, чуть конкретизируя, свою мысль о редкости в Византии святости мирян и необычности, в этой связи, прославления мирян — святых князей⁷.

---

² Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 2: Статьи 1920–30-х гг. из журналов «Путь», «Православная мысль и «Вестник РХСД» / Сост., примеч. С. С. Бычкова. М., 1998. С. 117, 348. Современные исследования показывают, что, возможно, в Древней Руси князья не принадлежали к мирянскому статусу. Скорее, под мирянами тогда можно было бы понимать людей простых. Именно поэтому древнерусские реалии знали многих святых князей, но, действительно, не знали святых мирян, кроме сравнительно поздно появляющихся юродивых (См.: Гайденко П. И. К вопросу о статусе мирянина, или Несколько наблюдений о церковных наказаниях мирян на Руси XI–XIII вв. // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 3 (19). С. 185–190; *Его же*. Когда князь становился святым? Несколько наблюдений о феномене святости древнерусских князей XI–XIII вв. // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 81–94; Петров А. В. Новгородские юродивые Николай Кочанов и Федор и их «распря» // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: Альманах. Вып. 2. СПб.; Казань, 2014. С. 58–73).

³ Федорова Е. В. Проблема национализма и патриотизма в творчестве И. А. Ильина и ее актуальность в современной России // Вестник Московского ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 2015. № 4. С. 210–218.

⁴ Костромин К. А. И. А. Ильин о первых русских святых // Ильинские чтения: Материалы V международной науч.-практ. конференции / Отв. ред. О. А. Чулков. СПб., 2018. С. 10–19.

⁵ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1 / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 1996. С. 196–197 («Путь духовного обновления», 1935 г.). При этом Ильин был чужд идее богоизбранности России (Ср.: Там же. С. 198–199, 204, 326–328).

⁶ См. работу Г. П. Федотова «Житие и терпение» св. Авраамия Смоленского (1930) (Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 2. С. 176). Этот образ работников 11 часа стал его любимым образом, многократно повторенным им в своих статьях: *Его же*. Собр. соч.: В 12 т. Т. 8: Святые Древней Руси / Сост., примеч. С. С. Бычкова. М., 2000. С. 25; *Его же*. Собр. соч.: В 12 т. Т. 4: Статьи 30-х годов из журналов ВРХСД, «Современные записки», «Числа», «Версты», «Новый Град» / Примеч. С. С. Бычкова. М., 2012. С. 266: «Национализм» (1933).

⁷ Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. С. 17, 62–76. 80. Разумеется, не мог Г. П. Федотов не декларировать и своей главной идеи «национального служения» и его связи с образами Бориса и Глеба (Там же. С. 76–77). Непонимание греками этой древнерусской княжеской святости

Уходя от исторической постановки вопроса в философскую, Г. П. Федотов противопоставил чудотворения от мощей страстотерпцев⁸, которые, по его мнению, хотя и сыграли ключевую роль в народной рецепции их святости, не стали основой понимания их подвига, — смысловому наполнению их прославления. К смыслу Георгий Петрович подобрался через характеристику стиля произведений борисоглебского цикла, отмечая особенную драматичность «Сказания» о Борисе и Глебе и агиографичность «Чтения», написанного Нестором. Кроме того, Федотов опасался «политического крена» в разборе этих двух сочинений, отторгая как второстепенную тему послушания старшему брату, «религиозная переоценка» которой также казалась ему опасной на пути к осмыслению подвига страстотерпцев⁹.

Куда большее значение имела, по мнению философа, тема смиренной любви и еще большее — тема мученичества как залога спасения. Георгий Петрович был очень вдохновлен буквальным прочтением текстов Евангелия, которым проникнут и текст «Сказания» (в этом древний автор и философ единомысленны), и стремлением к богоподобию, в том числе и в крестном пути страданий¹⁰. Особенно умиленное чувство рождали в Г. П. Федотове отголоски «народной заплачки»¹¹ в «Сказании», которые лишали свв. Бориса и Глеба «всякого подобия героизма». Героизм, в его глазах, был слишком секулярным, светским явлением, не стыкующимся однозначно со святостью, имевшей значительно более возвышенный идеал.

И. А. Ильин рассуждал несколько иначе. В представлении о любви (несколько отвлеченно) он в центр ее природы ставил сосредоточение на любимом, радость, готовность принести «многое в жертву, щедро и беззаветно, нисколько не помышляя об этих жертвах», однако не упомянул о возможности самопожертвования¹², он не сопоставлял любовь и мученичество. В отличие от Федотова, Ильин видел в святости

он попытался объяснить и в другой работе, 1938 г. (*Его же*. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7: Статьи из журналов «Новая Россия», «Новый Град», «Современные записки», «Православное дело», из альманаха «Круг», «Владимирского сборника» / Примеч. С. С. Бычкова. М., 2014. С. 209–210), апеллируя к образам Бориса и Глеба. Вопрос о святости князей как мирян имеет и еще один аспект: избирательность, менее характерная мученичеству. Древнерусские князья прославлены крайне выборочно, чего не скажешь о, например, Сербии, где прославленной оказалась практически вся династия Неманичей. См.: *Копанева Д. Д., Костоусова К. А., Черных Т. Г.* Сербские святые князья в представлении современных сербов // Актуальные вопросы церковной науки. 2021. № 2. С. 176–180.

⁸ Ср.: *Алешковский М. Х.* Русские глеборисовские энколпионы 1072–1150 годов // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука, 1972. С. 104–125; *Чубур А. А.* Археологические свидетельства становления культа Глеба и Бориса в Чернигово-Северской земле // *Studia internationalia: Материалы V международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»*. Брянск, 29 июня — 1 июля 2016 года. Брянск, 2016. С. 32–40.

⁹ *Федотов Г. П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. С. 16–20. Эта идея была популярна в социо-политическом дискурсе позднесоветской научной литературы. Однако нельзя недооценивать ее смысловой потенциал, раскрывшийся в науке в 2000-е гг. и позднее. На самом деле тема подчинения старшему не умаляет, а обостряет тему кенозиса и непротivления, поскольку убийство превращается в немотивированное, основанное на патологическом страхе старшего перед покорностью младшего и еще лучше объясняет плач, изображенный в памятниках борисоглебского цикла (*Костромин К. А.* Борисоглебская проблема: вопрос доверия источникам // *Русские древности: Сб. науч. трудов. К 75-летию профессора И. Я. Фроянова / Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 6. СПб., 2011. С. 55–70).*

¹⁰ *Федотов Г. П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. С. 26. «Чрез жития святых страстотерпцев, как чрез Евангелие, образ кроткого и страдающего Спасителя вошел в сердце русского народа навеки как самая заветная его святыня».

¹¹ *Федотов Г. П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. С. 18. См.: *Коньрева И. В.* Плач как феномен русской культуры. Дисс. ... канд. культурол. Комсомольск-на-Амуре, 2003; *Альтшуллер М. С.* Русские похоронные причитания. Виды, формы, генезис, бытование. Дисс. ... канд искусствоведения. М., 2007.

¹² *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. С. 70–79.

одно из воплощений героизма и не мог себе представить святого-негероя¹³. Жалостливое отношение Ильин считал недостойным, в то время как «надо учиться страдать достойно и одухотворенно»¹⁴. При этом он считал страдание значимым, поскольку страдание — дар, страдает весь мир, страдают лучшие, без страдания нет любви. Цель страдания — очищение и облагораживание. Несогласие с наблюдениями Федотова Ильин выразил утверждением, что «не следует бояться своего страдания» (что, в его глазах, и было продемонстрировано ситуацией с Борисом и Глебом)¹⁵.

Здесь проскальзывает трепетное чувство Георгия Петровича именно не к монашескому аскетизму, а к мирянскому типу любви-отречения, который содержит «мучительную трудность отрыва от жизни». Здесь явно читается личный опыт Федотова, вынужденного покинуть любимую им Россию. Его умиляли слезы св. Бориса, свидетельства внутренней борьбы двух начал — жалости к себе и готовности сострадать Христу. Еще более остро переживал Г. П. Федотов «трагический реализм» гибели св. Глеба. Именно здесь прорвалось в нем несогласие с И. А. Ильиным, когда он провозгласил причитание Глеба «выражением беззлобного непротivления». Квинтэссенцией мысли Федотова является утверждение, что «всякий ученик Христов оставляется в мире для страдания, и всякое невинное и вольное страдание в мире есть страдание за имя Христово. А дух вольного страдания — по крайней мере, в образе непротivления — торжествует и в Глебе над его человеческой слабостью»¹⁶.

Чтобы перейти от этого крещендо к патетическому адажио, Г. П. Федотов поискал и не нашел аналогов святости св. Бориса и Глеба в православной традиции. Он отверг мысль о прямой зависимости образов св. Бориса и Глеба от образа св. Вацлава (Вячеслава) Чешского¹⁷, в чем нельзя с ним не согласиться, если обсуждать смысловую основу, минуя историко-литературные взаимосвязи. В житии св. Вацлава тема кенозиса как такового отсутствует. Скорее, св. Вацлав и его гибель могут быть сопоставлены со св. благоверным князем Андреем Боголюбским, погибшим насильственной смертью, но готовым при иных обстоятельствах к сопротивлению. Но то, что именно почитание св. Вацлава легло в основу почитания свв. Бориса и Глеба¹⁸, нивелирует тонкости типологического различия их отношения к жизни и смерти.

Однако мысль Георгия Петровича необходимо оттенить рядом замечаний. Пожалуй, одним из его недопроговоренных открытий является связь между гибелью носителя власти и его подражанием Христу¹⁹. В византийской традиции, ведшей свою историю из языческой Античности, неприемлемой для ранних христиан, носитель власти, жизнь которого окончилась таким унижительным для достоинства воина и правителя убийством, по определению был негодяем («собаке — собачья смерть»). Достаточно вспомнить гибель императора Льва V Армянина, рыаного иконоборца, зарезанного заговорщиками в алтаре собора св. Софии в Рождество 820 г.²⁰ Однако Г. П. Федотов не успел узнать о сербском святом, погибшем год в год со свв. Борисом и Глебом, — св. князе Иоанне-Владимире. Характер посвященной

¹³ Там же. С. 205.

¹⁴ Там же. Т. 3 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 1994. С. 327 («Поющее сердце. Книга тихих созерцаний», 1943 г.).

¹⁵ Там же. С. 333.

¹⁶ Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. С. 21–24.

¹⁷ Одним из первых прямую зависимость борисоглебского культа от вацлавского обосновал Н. Н. Ильин: *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источники (опыт анализа). М., 1957.

¹⁸ Успенский Б. А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 14–18.

¹⁹ Хотя в книгах Г. П. Федотова Фома Кемпийский, автор книги «О подражании Христу», ни разу не упомянут, невозможно представить, чтобы он не был знаком с этой книгой, поскольку она имела широчайшее хождение в России и активно использовалась как религиозными писателями, так и философами (*Стрижев А. Н.* Фома Кемпийский в России // *Богословские труды.* Вып. 40. М., 2005. С. 368–384). Использование ее основной идеи Георгием Петровичем кажется нам очевидным.

²⁰ Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1997. С. 86–90, 109–112, 145, 148–149, 157–160, 184–189, 255–257, 268–270 и др.

ему агиографии — заметки в Летописи попа Дуклянина — кардинально отличается от памятников борисоглебского цикла, но сам характер его гибели максимально схож с русскими страстотерпческими образцами²¹. Если бы Г. П. Федотов знал о «королях-целителях» (св. Магнусе Орклейском, св. Иоанне-Владимире и других подобных им святых), то едва ли безоговорочно прозвучал бы его итоговый вывод: «Подвиг непротivления есть национальный русский подвиг, подлинное религиозное открытие новокрещеного русского народа»²².

Но в целом его вывод верен. Опубликованные после выхода в свет работ Г. П. Федотова исследования не смогли опровергнуть его основного утверждения об уникальности в христианском мире древнерусского почитания свв. Бориса и Глеба²³. В фундаментальных трудах М. Ю. Парамоновой и Н. И. Милютенко, обогащающих научные представления о религиозно-церковной жизни европейского Средневековья, поклонение Борису и Глебу показано на широком историческом фоне. Опираясь на обширную и разноразличную литературу проблемы, Н. И. Милютенко подчеркнула, что «культ убитых королей, правителей-мучеников, был широко распространен на окраинах Европы в эпоху христианизации» и что «невозможно оценить памятники Борисо-Глебского цикла и сам культ святых братьев без общеевропейского контекста»²⁴.

Обоснованно указывая на общее, надлежит не упускать из вида особенное. Суть каждого явления как такового — не в том, чем оно похоже на другие, родственные ему феномены, а в том, чем оно от них отличается. История свв. Бориса и Глеба, будучи частью истории раннехристианской Европы, наиболее ярко выражает евангельскую идею непротivления, христианское кенотипическое начало и в этом смысле не имеет аналогов. Поэтому, как нам кажется, отсутствуют причины для принципиального несогласия с Г. П. Федотовым²⁵. Причем, позиция Г. П. Федотова обуславливала понимание глубочайшей разницы между смирением индивидуальным, личностным, продиктованным евангельскими ценностями, и отказом от защиты близких своих — семьи своей, народа своего. Не в последнем суть смирения. Кенозис — прежде всего категория

²¹ Костромин К. Правители-мученики в славянских странах эпохи христианизации Восточной Европы (сравнительный анализ житий св. Иоанна Владимира Сербского, св. Вячеслава (Вацлава) Чешского и св. Бориса и Глеба Русских) // У спомен и славу светог Јована Владимира. Књ. 6–1. Међународни научни скуп „Свети Јован Владимир кроз векове — историја и предање (1016–2016)“, Бар, 15–17. септембар 2016. Године. Цетиње, 2018. С. 81–104; *Malmenvall S. Ruler Martyrs on the Periphery of Medieval Europe: Boris and Gleb of Kievan Rus', Jovan Vladimir of Dioclea, and Magnus Erlendsson of Orkney.* Belgrade, 2021. P. 35–78.

²² Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. С. 25. Эта же мысль была выражена им в начале 1930-х в работе «Русская культура», оставшейся тогда неопубликованной: Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. С. 366.

²³ Это важнейшее положение Г. П. Федотова было поддержано А. И. Клибановым, который, кроме всего прочего, не преминул упомянуть восхищение идеей кенозиса А. Тойнби (*Клибанов А. И. Духовная культура Средневековой Руси.* М., 1996. С. 90–97). В развитие наблюдений и выводов Г. П. Федотова, подчеркнувшего особое прочтение и значение на Руси кенотипической идеи, в современной историографии ставится вопрос о влиянии этой идеи на летописную историографию, о своеобразной «околокенотипической» интерпретации в летописях событий древнерусской истории (*Петров А. В. Свв. сыновья князя Владимира и паракенотипические акценты в ранней русской историографии // Александр Невский: Проблемы истории России. Тезисы научно-практической конференции. Усть-Ижора, 2002. С. 32–42; Его же. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечаемого уклада)* СПб., 2003. С. 101–103; *Его же. К изучению литературных тенденций русской летописной историографии // Проблемы истор. регионоведения: Сб. научн. трудов к 70-летию проф. В. И. Хрисанфова / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев.* СПб., 2009. С. 19–58).

²⁴ Милютенко Н. И. Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006. С. 9–10. См.: *Парамонова М. Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов.* М., 2003.

²⁵ Петров А. В. Славянская миссия Кирилла и Мефодия и русская культура // *Государство, общество, архивы в истории России / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко.* СПб., 2009. С. 14–18.

Иван Александрович Ильин.
Прага, 1925 г.

межличностных отношений. Но когда дело возвышается до проблематики национальной самообороны, до защиты близких своих, тут никаких компромиссов нет, и не надо ссылаться на кенозис. С христианской точки зрения, кто так рассуждает — хуже язычников: «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1 Тим 5:8). Недаром в знаменитом видении Пелгусия святые «непротивленцы» Борис и Глеб являются небесными воителями за Русскую землю.

Здесь и проходит главный нерв расхождения взглядов Георгия Петровича Федотова и Ивана Александровича Ильина. Последний писал свои статьи и книги, в наибольшей степени опираясь на современную ему действительность и ее непосредственные предпосылки, то есть откликаясь на события Первой мировой войны, революции в России, европейской истории, ближневосточных перипетий, фашизма, иногда углубляясь в события второй половины XIX в. Редко когда он обращался к более

ранним событиям и образам. Древнерусские реалии для него были не более чем отсылкой в актуальном разговоре к древним архетипам, но никогда не становились предметом изучения или специального раздумья. Тем более, в этой связи, бросается в глаза образ, которым И. А. Ильин в книге «О сопротивлении злу силою» открывает постановку вопроса, противоположного мысли Г. П. Федотова о сущности подвига св. Бориса и Глеба: «Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою?»²⁶

Сыновья св. князя Владимира, второе поколение христиан после Крещения Руси, должны были или продемонстрировать свойственное христианам стремление к нравственному совершенству и свою веру, или показать, что Крещение по сути не состоялось. Г. П. Федотов как раз пытался показать, что в необычном поведении святых братьев и явлен результат принятия христианства. И. А. Ильин ставит вопрос двояко: «может ли... сопротивляться; может ли... не сопротивляться». В попытке примириться со злой природой насилия И. А. Ильин видел не более чем толстовство, которое «привлекало к себе слабых и простодушных людей, <...> придавая себе ложную видимость согласия с духом Христова учения»²⁷. Толстовство было неприемлемо для многих представителей русской религиозной философии, особенно периода эмиграции, поскольку в нем видели одну из причин русской революции²⁸. Основной акцент мысли И. А. Ильина — в том, что если власть отторгает человека, то он «сам добровольно приемлет понуждение и пресечение, когда оно обращается против него самого», воспринимая его «как заслуженное самонаказание». Поэтому он должен воспринимать казнь как должное и в этом случае «даже несправедливый приговор к смерти он может пережить в порядке добровольного приятия, подобно Сократу и великому множеству христианских мучеников»²⁹.

²⁶ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 1996. С. 34 (1925 г.).

²⁷ Там же. С. 37.

²⁸ Митрофанов Г., прот. Россия XX века — «восток Ксеркса» или «восток Христа». Ростов-н/Д, 2004. С. 98–99, 113.

²⁹ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 163–164.

Именно в подведении итога проявляется несогласие Г. П. Федотова с идеей И. А. Ильина о противлении злу силой: «Святые Борис и Глеб создали на Руси особый, не вполне литургически выявленный чин „страстотерпцев“ — самый парадоксальный чин русских святых. В большинстве случаев представляется невозможным говорить о вольной смерти: можно говорить лишь о непротивлении смерти. Непротивление это, по-видимому, сообщает характер вольного заклания насильственной кончине и очищает закланную жертву там, где младенчество не дает естественных условий чистоты». Георгий Петрович уходил от прямой конфронтации с идеями Ивана Александровича, оставаясь при этом верным своей мысли и, даже более, чувству. Кроме того, он обращает внимание на второстепенность древнерусских мучеников по отношению к страстотерпцам, что означало, в его глазах, «что Русская Церковь не делала различия между смертью за веру во Христа и смертью в последовании Христу, с особым почитанием относясь ко второму подвигу»³⁰. Так тонко И. А. Ильин не размышлял о феномене мученичества. Идея хриstopодобия страстотерпцев декларировалась Федотовым и позднее³¹.

Однако, как писалось выше, Г. П. Федотов сам же обратил внимание и на еще один парадокс: «святые „непротивленцы“ по смерти становятся во главе небесных сил, обороняющих землю русскую от варягов: „Вы нам оружие, земля Русская забрала и утверждение и меча обоюду остра, имаже дерзость поганьскую низлагаем“ („Сказание“). Все помнят видение Пелгусия в ночь перед Невской битвой (1240), когда св. Борис и Глеб явились в ладье посреди гребцов, „одетых мглюю“, положив руки на плечи друг другу... „Брате Глебе, — сказал Борис, — вели грести, да поможем сроднику нашему Александру“. Но этот парадокс, конечно, является выражением основной парадоксии христианства. Крест — символ всех страстотерпцев — из орудия позорной смерти становится знаменем победы, непобедимым апотропеем против врагов»³². Св. Александр Невский остался мало затронут³³ в рассуждениях И. А. Ильина. Однако в сочетании образов св. Александра и святых братьев уже проявлено преодоление идеи непротивления, могущей пониматься в толстовском духе, и позиции И. А. Ильина и Г. П. Федотова, благодаря дальнейшей разработке образов древнерусских святых последним, стали сближаться. Остается вопрос: а сколько Русская Церковь знает страстотерпцев? К моменту написания работ Г. П. Федотовым — только св. Борис и Глеб и св. Димитрий Угличский³⁴. Погибшие при сходных обстоятельствах св. Игорь Черниговский и Андрей Боголюбский³⁵

³⁰ Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. С. 26. Станковая живопись, знавшая в течение нескольких веков изображения только свв. Бориса и Глеба, позволяет уточнить данный тезис в пользу святых братьев и их почитания (См.: Лихолай П. В. Почитание русских святых в отечественной иконографии на примере станковой живописи XIV–XV вв. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. № 2 (22). С. 50–60; Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. С. 79). Идея Федотова может быть развита. В содержании понятия *кенозис* обязателен еще один элемент христианского мировоззрения — прощение. «Востребованная жизнью политическая идея „одиначества“ и преодоление ушибов интерпретировалась по-христиански и по-язычески. В христианском смысле она предполагала отказ от всяких форм мести и безусловное прощение противников. В языческой интерпретации требование „одиначества“ оборачивалось призывами к расправе с противниками этого „одиначества“» (Петров А. В. К изучению литературных тенденций русской летописной историографии... С. 19–58).

³¹ Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 4. С. 246. О христианском гуманизме (1932).

³² Там же. Т. 8. С. 26–27. В образе св. Александра можно также усмотреть начала кенотипической традиции, однако после первого «биографического» военного подвига кенотипическое начало в агиографии уступило место героизации благоверного князя (Костромин К., *прот.* Кенотипические черты в житии св. Александра Невского // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 2 (18). С. 136–147).

³³ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 285.

³⁴ Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. С. 174–175: Федотов относил к числу страстотерпцев и еще нескольких святых, гибель которых, как ему казалось, сопрягается по смыслу с осмыслением гибели св. Бориса и Глеба.

³⁵ Там же. Т. 8. С. 66, 68–71.

именовались благоверными князьями (термин, не вполне указывающий на святость вообще), но не страстотерпцами. То есть подвиг страстотерпца действительно обладал куда более уникальными чертами, не предполагавшими типологии.

Для Федотова, занявшегося более плотно княжескими житиями и оставившего «на потом» решение вопроса о прославлении св. князя Владимира, образы святых его сыновей в диалектическом противопоставлении отцу слились в единый образ ближе к началу Второй мировой войны, когда он пытался объяснить отсутствие сведений о «канонизации» князя и упоминание его как святого в рассказе о Невской битве, в которой свв. Борис и Глеб обещали заступничество и помощь «сроднику нашему» Александру³⁶. Не вполне понятно, почему И. А. Ильин прошел мимо этой «мускулинизации» образов св. Бориса и Глеба. Г. П. Федотов смог усмотреть в соединении упоминания святости отца с образом заступничества его сыновей первый в нашей истории поиск «Небесных покровителей русской рати»³⁷. В последней работе — «Русская религиозность»³⁸, — написанной перед смертью на английском языке, о свв. Борисе и Глебе ничего принципиально нового Георгий Петрович не написал.

Обзор литературного наследия двух выдающихся мыслителей русского зарубежья позволяет, прежде всего, наметить различие их подходов. Если И. А. Ильин мыслил более абстрактно и теоретически, пытаясь приложить теорию к наблюдаемым им событиям, то Г. П. Федотов был глубже укоренен как в чувствование, так и в вопросы истории культуры и исторических образов и потому, с точки зрения историка, более предметен, а с позиции философии — менее основан на чистой мысли. Именно этим можно объяснить то, что в творчестве И. А. Ильина русские святые, особенно древние, имели инструментальную функцию, а в работах Г. П. Федотова оказывались в центре внимания, а их образ со временем развивался. Соответственно, руководствуясь принципом историзма, который не воспринимался им как априорная осмысленная установка, а скорее как постоянно сопутствующее ощущение и чувство меры, Г. П. Федотов абстрагировал образы русской святости только в богословской и культурологической плоскости. В то же время И. А. Ильин, который мыслил категориями идей, воспринимал не столько образы, сколько стоящую за ними идею, принимаемую или не принимаемую им.

Если посмотреть на хронологию работ обоих мыслителей, то можно обратить внимание на то, что идейным «оппонентом» стал Г. П. Федотов по отношению к И. А. Ильину, а не наоборот. Когда Георгий Петрович впервые обратился к образам св. Бориса и Глеба, основная работа И. А. Ильина «О противлении злу силою» была не только написана, но уже три года как издана. А в той первой работе Георгий Петрович еще не касался сути подвига святых страстотерпцев и писал только о том, что их подвиг национален. В этом постулате, если отбросить разное отношение к религиозности, оба философа были сходны. Далее мысль Г. П. Федотова развивалась, он все глубже интерпретировал евангельскую идею кенозиса как идею непотворения злу силой и ее прочтение на Руси³⁹. В ней, скорее, Георгий Петрович не оспаривал, а оттенял основную мысль Ивана Александровича. И. А. Ильин считал невозможным соглашаться с Л. Н. Толстым, резко противопоставившим добро и насилие, отождествив любое применение силы (как насилие, так и усилие) против зла самому злу. Но Г. П. Федотов не был толстовцем. Он лишь имел в виду, что противление злу может осуществляться без применения оружия, силой духа и подражанием Христу, и пытался показать, что идея Ильина не неверна, а неточна, что в ней

³⁶ Федотов Г. П. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. С. 202–204. Канонизация святого Владимира (1938).

³⁷ Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 7. С. 206.

³⁸ Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 10: Русская религиозность. Ч. I. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. / Примеч. С. С. Бычкова. М., 2015 (1948); Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 11: Русская религиозность. Ч. II. Средние века. XIII–XV вв. / Примеч. С. С. Бычкова. М., 2004 (1951).

³⁹ Характерно, что в бурном обсуждении книги И. А. Ильина «О противлении злу силою» ни один полемист не апеллировал к образам св. Бориса и Глеба. Это было открытием Г. П. Федотова.

остался неразработанным целый компонент, связанный с обезоруживанием злодея силой правды, с тем, что победой может обратиться видимость поражения, — он полагал, что И. А. Ильин упустил из виду христоцентричность подвига мучеников. В этом он был совершенно прав, поскольку в аргументации И. А. Ильина соотношение противления злу избирательно сопоставлено с Евангелием и его основной темой жертвенного подвига. Г. П. Федотов своими работами о русских святых скорректировал, дополнил идеи И. А. Ильина, подал ему мысль, на которую И. А. Ильин мог бы и отреагировать. К сожалению, реакции И. А. Ильина на «пас» ему со стороны Г. П. Федотова не последовало. Поэтому можно утверждать, что последнее слово в споре о (не-)возможности противления злу силой осталось за Георгием Петровичем Федотовым, который возвел проблему на новую высоту, и едва ли верно будет воспринимать идеи И. А. Ильина без коррекции, которую им придали работы Г. П. Федотова.

Источники и литература

1. *Алешковский М. Х.* Русские глеборисовские энколпионы 1072–1150 годов // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука, 1972. С. 104–125.
2. *Альтиулер М. С.* Русские похоронные причитания. Виды, формы, генезис, бытование. Дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2007.
3. *Гайденок П. И.* К вопросу о статусе мирянина или Несколько наблюдений о церковных наказаниях мирян на Руси XI–XIII вв. // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 3 (19). С. 180–191.
4. *Гайденок П. И.* Когда князь становился святым? Несколько наблюдений о феномене святости древнерусских князей XI–XIII вв. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 81–94.
5. *Дашков С. Б.* Императоры Византии. М.: Красная площадь, АПС-книги, 1997.
6. *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 1 / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996.
7. *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 3 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 1994.
8. *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 5 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 1996.
9. *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источники (опыт анализа) / АН СССР. Институт славяноведения. М., 1957.
10. *Клибанов А. И.* Духовная культура Средневековой Руси. М.: Аспект-пресс, 1996.
11. *Коньрева И. В.* Плач как феномен русской культуры. Дисс. ... канд. культурол. Комсомольск-на-Амуре, 2003.
12. *Копанева Д. Д., Костоусова К. А., Черных Т. Г.* Сербские святые князья в представлении современных сербов // Актуальные вопросы церковной науки. 2021. № 2. С. 176–180.
13. *Костромин К. А.* Борисоглебская проблема: вопрос доверия источникам // Русские древности: Сб. науч. трудов. К 75-летию профессора И. Я. Фроянова / Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 6. СПб., 2011. С. 55–70.
14. *Костромин К. А.* И. А. Ильин о первых русских святых // Ильинские чтения: Материалы V международной науч.-практ. конференции / Отв. ред. О. А. Чулков. СПб.: Изд-во ГУМРФ им. адм. С. О. Макарова, 2018. С. 10–19.
15. *Костромин К., прот.* Кенотипические черты в житии св. Александра Невского // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. Вып. 2 (18). С. 136–147.
16. *Костромин К.* Правители-мученики в славянских странах эпохи христианизации Восточной Европы (сравнительный анализ житий св. Иоанна Владимира Сербского, св. Вячеслава (Вацлава) Чешского и св. Бориса и Глеба Русских) // У спомен и славу светог Јована Владимира. Књ. 6–1. Међународни научни скуп „Свети Јован Владимир кроз

вјекове — историја и предање (1016–2016)⁴, Бар, 15–17. септембар 2016. Године. Цетиње, 2018. С. 81–104.

17. *Лихолай П. В.* Почитание русских святых в отечественной иконографии на примере станковой живописи XIV–XV вв. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. № 2 (22). С. 50–60.

18. *Митрофанов Г., прот.* Россия XX века — «восток Ксеркса» или «восток Христа». Ростов-н/Д.: Троицкое слово, 2004.

19. *Никодим, иерод. (Хмыров Д. В.)* Образ князя Владимира в сознании русской православной эмиграции (по материалам журнала «Церковные ведомости», 1930 год) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: Альманах. Вып. 3. СПб., 2015. С. 253–257.

20. *Милютенко Н. И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006.

21. *Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М.: ИВИ РАН, 2003.

22. *Петров А. В.* К изучению литературных тенденций русской летописной историографии // Проблемы исторического регионоведения: Сб. научных трудов к 70-летию проф. В. И. Хрисанфова / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев. СПб.: Скифия-принт, 2009. С. 19–58.

23. *Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевого уклада) СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003.

24. *Петров А. В.* Свв. сыновья князя Владимира и паракенотипические акценты в ранней русской историографии // Александр Невский: Проблемы истории России. Тезисы научно-практической конференции. Усть-Ижора, 2002. С. 32–42.

25. *Петров А. В.* Славянская миссия Кирилла и Мефодия и русская культура // Государство, общество, архивы в истории России / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Лики России, 2009. С. 14–18.

26. *Петров А. В.* Новгородские юродивые Николай Кочанов и Федор и их «распря» // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: Альманах. Вып. 2. СПб.; Казань, 2014. С. 58–73.

27. *Петров И. В.* Сергей Радонежский и русские святые в восприятии оккупационной прессы в 1941–1944 гг. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: Альманах. Вып. 4. СПб., 2014. С. 161–164.

28. *Соколов Р. А.* Александр Невский и евразийцы // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 209–218.

29. *Стрижев А. Н.* Фома Кемпийский в России // Богословские труды. Вып. 40. М.: Издательский совет РПЦ, 2005. С. 368–384.

30. *Успенский Б. А.* Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки русской культуры, 2000.

31. *Федорова Е. В.* Проблема национализма и патриотизма в творчестве И. А. Ильина и ее актуальность в современной России // Вестник Московского ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 2015. № 4. С. 210–218.

32. *Федотов Г. П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 2: Статьи 1920–30-х гг. из журналов «Путь», «Православная мысль и «Вестник РХСД» / Сост., примеч. С. С. Бычкова. М.: Мартис, 1998.

33. *Федотов Г. П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 4: Статьи 30-х годов из журналов ВРХСД, «Современные записки», «Числа», «Версты», «Новый Град» / Примеч. С. С. Бычкова. М.: Sam & Sam, 2012.

34. *Федотов Г. П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 7: Статьи из журналов «Новая Россия», «Новый Град», «Современные записки», «Православное дело», из альманаха «Круг», «Владемирского сборника» / Примеч. С. С. Бычкова. М.: Sam & Sam, 2014.

35. *Федотов Г. П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 8: Святые Древней Руси / Сост., примеч. С. С. Бычкова. М.: Мартис, 2000.

36. *Федотов Г. П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 10: Русская религиозность. Ч. I. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. / Примеч. С. С. Бычкова. М.: Sam & Sam, 2015.

37. *Федотов Г. П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 11: Русская религиозность. Ч. II. Средние века. XIII–XV вв. / Примеч. С. С. Бычкова. М.: Мартис, 2004.

38. Чубур А. А. Археологические свидетельства становления культа Глеба и Бориса в Чернигово-Северской земле // *Studia internationalia: Материалы V международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»*. Брянск, 29 июня – 01 июля 2016 года. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2016. С. 32–40.

39. *Malmenvall S. Ruler Martyrs on the Periphery of Medieval Europe: Boris and Gleb of Kievan Rus', Jovan Vladimir of Dioclea, and Magnus Erlendsson of Orkney*. Belgrade: Faculty of Orthodox Theology, 2021.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3 (18)

2024

А. М. Любомудров

«Гость дорогой» — забытая статья архиепископа Серафима (Иванова) об Иване Шмелеве

УДК 821.161.1(1-87).09(092)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_114
EDN ITEPQF

Аннотация: В научный оборот вводится историко-литературный источник — статья архимандрита (в будущем архиепископа) Серафима (Иванова) «Гость дорогой», посвященная приезду Ивана Шмелева в обитель прп. Иова Почаевского в 1937 г. В этой работе содержатся историософские размышления о Серафима о судьбе России в XX в., а Шмелев представлен как писатель, глубже других сумевший постигнуть и воспеть «душу России». В статью архим. Серафима включен фрагмент пушкинской речи Шмелева, прочитанной им в Праге в мае 1937 г., которая до настоящего времени не публиковалась. Представляет интерес неизвестное стихотворение игумена Филимона (Никитина), посвященное Шмелеву и также вошедшее в текст. Публикация, таким образом, дополняет спектр оценок творчества выдающегося прозаика XX в. Ивана Сергеевича Шмелева.

Ключевые слова: Иван Шмелев, архиепископ Серафим (Иванов), Русская Зарубежная Церковь, газета «Православная Русь», Иово-Почаевское братство, русское зарубежье, русская литература.

Об авторе: **Алексей Маркович Любомудров**

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук.

E-mail: anketaspb@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4351-6774>

Для цитирования: Любомудров А. М. «Гость дорогой» — забытая статья архиепископа Серафима (Иванова) об Иване Шмелеве // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 114–123.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3 (18)

2024

Alexei M. Lyubomudrov

“Dear Guest” — a Forgotten Article about Ivan Shmelev by Archbishop Serafim (Ivanov)

UDC 821.161.1(1-87).09(092)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_114
EDN ITEPQF

Abstract: A historical and literary source, an article “Dear Guest” by Archimandrite (future Archbishop) Seraphim (Ivanov) is being introduced into scientific usage. This work is dedicated to the arrival of Ivan Shmelev to the monastery of St. Job of Pochaev in 1937. This publication contains the historiosophical speculations of Fr. Seraphim concerning fate of Russia in the twentieth century. Shmelev is presented here as a writer who was able to comprehend and glorify the “soul of Russia” more deeply than others. In the article arch. Seraphim included a fragment of Shmelev’s speech about Pushkin which he read in Prague in May 1937. It was not published to date yet. An unknown poem by Abbot Philip (Nikitin) dedicated to Shmelev is also included in the text. The publication thus complements the number of assessments of Ivan Shmelev, the outstanding writer of the twentieth century.

Keywords: Ivan Shmelyov, Archbishop Seraphim (Ivanov), Russian Church Abroad, newspaper “Orthodox Russia”, Russian emigration, Russian literature.

About the author: **Alexei Markovich Lyubomudrov**

Dr. Hab. of Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

E-mail: anketaspb@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4351-6774>

For citation: Lyubomudrov A. M. “Dear Guest” — a Forgotten Article about Ivan Shmelev by Archbishop Serafim (Ivanov). *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 114–123.

Архиепископ Чикагский
и Среднеамериканский Серафим (Иванов)

однако и настоятель, и монашествующие принадлежали к РПЦЗ. Монастырь вел самую активную издательскую, миссионерскую и культурно-просветительную работу². В 1934 г. отец Серафим был возведен в сан архимандрита и стал настоятелем этого монастыря, а в 1946 г., уже в сане епископа, вместе с братией переехал в Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле и принял на себя руководство этой обителью. Закончил свой земной путь в сане архиепископа Чикагско-Детройтского и Среднеамериканского.

Человек образованный, получивший разностороннее гуманитарное образование, владыка Серафим владел пером, написал более двухсот статей, очерков и рассказов. С 1931 по 1950 гг. редактировал газету «Православная Русь», был редактором журналов «Детство во Христе» и «Православная жизнь». Владыка Серафим проявлял пристальный и всесторонний интерес к творчеству Ивана Шмелева. Осознавая масштаб таланта Шмелева, явившего редкий для русской литературы тип православного писателя-классика, он откликнулся на перипетии его судьбы, старался оказать помощь — вплоть до намерения приютить Шмелева на американской земле поблизости от окормляемого им Свято-Троицкого монастыря. На протяжении четверти века он был не только издателем Шмелева, но его другом, духовным советником. Их заочное знакомство состоялось в 1935 г., когда Шмелев откликнулся на предложение сотрудничать в газете «Православная Русь». В 1937 г. по приглашению настоятеля Шмелев провел в обители прп. Иова Почаевского 17 дней, через год снова посетил монастырь. Спокойная жизнь в тихой обители производила исцеляющее действие на писателя, скорбевшего тогда об умершей супруге. В письме к епископу Сергию (Королеву) Шмелев признавался: «Здесь — тишина райская и ласковость. Дышу, после

Почитателям и исследователям творчества Ивана Сергеевича Шмелева известна статья архиепископа Серафима «Бытописатель русского благочестия», она часто цитируется. «Мне Господь дал радость без малого 20 лет иметь сначала письменное, а потом и личное с ним знакомство, — вспоминает владыка Серафим. — ...Иван Сергеевич украшал своим сотрудничеством страницы „Православной Руси“, редактором которой мне довелось быть более 18 лет»¹.

Мирское имя владыки Серафима (1897–1987) — Леонид Георгиевич Иванов. Уроженец Курска, он участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах, эвакуировался из Крыма в 1920 г., оказался в Югославии, где окончил философский и богословский факультеты Белградского университета. В 1926 г. принял монашеский постриг на Св. Горе Афон. С 1928 г. началось его многолетнее служение в миссионерской обители прп. Иова Почаевского в местечке Ладомирова, на территории Пряшевской Руси — северо-восточной части Словакии. Формально братство находилось в юрисдикции Сербской Православной Церкви,

¹ Серафим (Иванов), архиеп. Бытописатель русского благочестия // Духовный путь Ивана Шмелева: Статьи, очерки, воспоминания. М., 2009. С. 405.

² См.: Кашеваров А. Н. Издательская деятельность монашеского братства преподобного Иова Почаевского в 1923–1944 гг. в Словакии. К 95-летию основания // Христианское чтение. 2018. № 5. С. 225–236.

Парижа — Праги. Обитель — исключительное явление русского духа на чужбине. И народ — удивительный, по большей части — прошли сквозь огонь войны. С таким „крещением“ — крепкое зело. <...> Здесь — молитва, труды. Не знаю, чего больше. Одно входит в другое — невиданная мною гармония — ответ Валаама, но мягче, проще»³. Визит Шмелева отец Серафим осветил в републикуемой здесь статье «Гость дорогой» («Православная Русь», 2 июня 1937 г.), а Иван Сергеевич в очерке «Подвижники» («Возрождение», 10 дек. 1937 г.) познакомил читателей с деятельностью монастыря: «В смутное наше время, без родины, Святое Слово — единственный свет во тьме, — крепко верят подвижники, опаленные страшной жизнью. <...> Труд и молитва — вся жизнь обители. Цели ее высоки. Стойко одолевая трудности, неустанно творят свой подвиг»⁴. Публикуя в «Православной Руси» свои произведения, Шмелев стремился привлечь к обители дополнительное внимание.

Итак, архиеп. Серафим посвятил Шмелеву две работы, носящие литературно-критический и мемуарный характер. Статья «Бытописатель русского благочестия» была написана спустя десять лет по кончине писателя⁵. Она открывается известием о том, как в мае 1937 г. Шмелев посетил обитель прп. Иова Почаевского. Владыка рассказывает: «По случаю его приезда я написал статью „Дорогой гость“, в которой старался показать все значение для русской литературы этого непревзойденного „бытописателя русского благочестия“, как я тогда называл Шмелева. Статья была написана под обаянием личного знакомства и долгих интересных бесед с Иваном Сергеевичем, покоровшим меня тонким знанием глубин православия. С тех пор прошло 23 года, и лучше о нем я и теперь не напишу»⁶. Далее следует автоцитата — фрагмент из упомянутой статьи.

Вторая половина очерка 1960 г. — рассказ о работе Шмелева над романом «Пути небесные», в котором предполагалось описание монастыря, и этим объясняется намерение писателя «как можно лучше познакомиться с повседневной монастырской жизнью». Владыка кратко говорит о своем дальнейшем общении со Шмелевым в послевоенные годы и завершает очерк высокой оценкой его творчества: «Несомненно, Шмелев будет принят в Пантеон русских классиков. Лично я считаю его лучшим из современных нам русских писателей и ставлю его выше Бунина. „Лето Господне“ — несомненно, лучшее, что было когда-либо написано в литературной форме о благодатном нашем церковном быте. Лучшего бытописателя русского благочестия не было в русской художественной литературе, нет, и вряд ли будет»⁷.

Что касается работы «Гость дорогой», она долгие десятилетия оставалась забытой. Одна из причин в том, что полноценные подборки «Православной Руси» довоенного периода отсутствуют в российских библиотеках, а зарубежные архивохранилища труднодоступны. Чем же интересна эта статья отца Серафима?

Открывают ее размышления о Церкви и судьбе Родины. Автор рисует впечатляющий образ: Россия, подобно Спасителю, распята на своем Голгофском кресте и погребена. Современная автору эпоха есть «Великая Русская Суббота», ожидание грядущего воскресения. Иван Шмелев, в развитие евангельских аналогий, уподоблен Иосифу и Никодиму, причтен к тем избранным, кто оплакивает и воспевает русскую душу: «Великое личное страдание отверзло до конца духовные очи писателю. Вынуто трепетное сердце, пылающий огонь осветил внутренняя, и полились оттуда источники воды живой. Вдохновенно утверждает Шмелев виденное им душою своею. Зорко смотрит внутрь — освещена душа светом Христовым — и видит он все. Одеянна и преукрашенна, благоухает пред ним душа русская».

³ Из письма И. С. Шмелева еп. Сергию (Королеву) от 22 мая 1937 г. // Вестник РХД. 2007. Вып. 192. С. 270.

⁴ Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 7 (доп.). М., 1999. С. 530.

⁵ Серафим (Иванов), архиеп. Бытописатель русского благочестия. К десятилетию со дня кончины И. С. Шмелева // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1960. 7 июля, № 545. С. 4.

⁶ Цит. по: Духовный путь Ивана Шмелева: Статьи, очерки, воспоминания. М., 2009. С. 405–406.

⁷ Там же. С. 410.

Отец Серафим, демонстрируя незаурядный талант художника, переходит на высокосторжественный, гимнографический стиль, широко использует славянизмы, приводит цитаты из Св. Писания и церковных песнопений. Никто, по мысли автора, не выявил с такой силой надмирную сущность души русского народа, как это сделал Шмелев, — в том числе благодаря тому, что, в отличие от предшественников, ищет и находит вдохновение «в ограде церковной». Эти строки позволяют убедиться в том, насколько высоко оценивала Зарубежная Церковь дар Ивана Сергеевича.

Статья о Серафима ценна также тем, что в нее включен текст самого Шмелева. Это обширный фрагмент речи о Пушкине, с которой писатель выступил на Дне русской культуры в Праге 13 мая 1937 г. и которую, по просьбе настоятеля, повторил перед братией монастыря. Насколько известно, эта речь не была обнародована в печати. Здесь открываются новые аспекты по сравнению с известной речью Шмелева о Пушкине, произнесенной им в Париже 11 февраля того же юбилейного (100 лет со дня кончины поэта) 1937 г. Отец Серафим поместил отрывок, в котором говорится о русской культуре и русской душе. По мысли Шмелева, духовная сущность русского народа, его история и его культура были воспитаны и определены Церковью. Оспаривая известные тезисы, Шмелев утверждает: «Наша литература не из гоголевской „Шинели“ вышла... вышла она из сердца нашего, озаренного Божиим Светом». Не разделяет он и мысль Герцена о том, что на реформы Петра Россия через сто лет ответила Пушкиным⁸. «И до Петра развивалась русская культура. <...> Не будь „запечатленности“ нашей — не было бы и Пушкина» (имеется в виду запечатленность крещением и Словом Божиим). Вина Петра в том, что он «сбил душу русского народа с естественного пути раскрытия, ударил в Церковь и повалил ее под ноzi государству», из-за чего образовался роковой разрыв народа и верхов, приведший к разгрому России.

Историсофский контекст дополняется рассуждениями о высшей роли России в судьбах мира. Из лекции Шмелева (продолжавшейся более часа) о Серафиме выделил следующую мысль: Пушкин — «живая сущность наша, и в нем, и через него мы можем найти истинную свою дорогу на нашем земном пути, выполнить нам назначенное Богом — пронизать мир (ибо мы „мировые“, „всечеловеческие“) светом Божьей Правды, в согласии с Церковью, под мощным, и кротким, и очищающим влиянием ее на душу». Здесь выражена одна из излюбленных идей Шмелева о «Божьей Правде», которой предстоит освятить жизнь; очевидно и влияние пушкинской речи Ф. М. Достоевского⁹.

Наконец, благодаря статье «Гость дорогой» перечень стихотворений, посвященных Ивану Шмелеву в разное время и разными лицами, пополнится еще одним — бесхитростными строками игумена Филомона¹⁰. Видимо, монах-поэт и знаменитый писатель ощутили особое духовное родство: впоследствии Шмелев

⁸ Эту цитату часто приводят неточно, в ней нет явной апологии петровских реформ, в первоисточнике она звучит так: народ, «который как-то чудно умел сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов, под капральской палкой казарменной дисциплины и под позорным кнутом татарским; который сохранил величавые черты, живой ум и широкий разгул богатой природы под гнетом крепостного состояния и в ответ на царский приказ образоваться — ответил через сто лет громадным явлением Пушкина» (Герцен А. И. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1986. С. 11).

⁹ Ср. у Достоевского: «...стать настоящим русским и будет именно значить <...> изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону... <...> Мы уже можем указать на Пушкина, на всемирность и всечеловечность его гения. <...> Если бы жил он дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской <...> успел бы разъяснить всю правду стремлений наших...» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 148).

¹⁰ Игумен Филомон (Никитин) входил в Почаевское братство. По воспоминаниям митрополита Виталия (Устинова), «во время войны перед нашими воротами днями и ночами шли немецкие эшелоны... Наш праведный о. Филомон с нами поделился однажды своим сном, в котором он видел, что идут немцы в шлемах, а возвращаются без шлемов. Это было до какой-то степени подтверждение моих чувств, что Германия погибнет» (Цит. по: Шкаровский М. В. Русский

Монастырь прп. Иова Почаевского в Ладомировой, 1930-е гг.

отправлял поздравительные открытки персонально отцу Филимону, о чем сообщается в письме о. Серафима от 3 мая 1939 г., не случайно настоятель подчеркивает: «вся братия и в особенности отец игумен Филимон... Вам кланяются с любовью»¹¹.

Статья «Гость дорогой», напечатанная в редком и труднодоступном издании, вводится в научный и читательский оборот. Публикуем ее как ценный источник, вносящий дополнительные краски в палитру мнений и оценок творчества выдающегося прозаика XX в. Ивана Сергеевича Шмелева. Публикатор приносит сердечную благодарность Андрею Григорьевичу Власенко за содействие в получении копии публикуемой статьи.

Архиепископ Серафим (Иванов)

Гость дорогой¹²

Хочется поделиться с читателем нашей большой радостью. Приехал к нам посетить нас, помолиться перед великими святынями, zde пребывающими, и отдохнуть немного душой, наш родной, большой русский писатель Иван Сергеевич Шмелев. Кому из русских православных людей, любящих родную литературу, не дорого это имя! Никто из современных русских писателей не проник так глубоко в душу русского народа, не выявил ее надмирную сущность, не отметил ее *запечатленность*¹³, как Иван Сергеевич.

Трудно, о как трудно понять и раскрыть во всей полноте душу русскую. Над изломами ее потрудились немало писателей. Не многим удалось заглянуть в ее святая

монастырь преподобного Иова Почаевского в Словакии в годы Второй мировой войны // URL: <https://sedmitza.ru/lib/text/9606823> (дата обращения: 23.02.2024).

¹¹ ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 599. Л. 8.

¹² Публикуется по изданию: Православная Русь. 1937. 20 мая/2 июня, № 10 (216). С. 2–3.

¹³ Здесь и далее текст выделен автором статьи.

святых. Пушкин шел верной тропой в «горняя» души русской. Преждевременная смерть скосила его на полпути. Гоголь попытался было продолжать восхождение за своим другом любимым и пал, подкошенный у врат царствия. Могучий Достоевский приподнял было таинственную завесу, но широко раскрыть ее не успел. Другие писатели бродили ощупью в русских душевных потемках. Из них ближе всего к пониманию был Лесков. Недаром его едва не затравила наша старая политиканствующая либеральная литературная критика.

Вихрем прошумела революция. Сорвала таинственные девственные покровы. Обнажилась душа русская, показала сокровенное, ни для кого дотоле незримое — светлую сущность свою. Обнажили ее и распяли. Распяли и насмеялись. Не увидели очами слепотствующими красоты ее нездешней. Удивляться ли, если человечество первообраза души русской, прекраснейшего и чистейшего лика Христова, тоже не рассмотрело и подняло руку на Господа и Бога своего...

Сняли со креста распятую люди благоговейные, омыли росой слезной, помазали вонями благовонными, облекли в ризы светлые, запечатали лобзанием святым и схоронили до времени ее светлого воскресения от помраченных злобой и ненавистью взоров распинателей.

Наступила Великая Русская Суббота. Двадцать лет длится она. Долго. Миг перед вечностью. Палачи справляют кровавую тризну. Упиваются, хмелеют кровью. А душа русская тихо зреет под спудом для воскресения. Иосифы и Никодимы русские, которым Промыслом Божиим была открыта для лицезрения ее бездонно-глубокая сущность, радостно повествуют ныне о своем видении могучим понять и приять.

Иван Сергеевич Шмелев — один из сих избранных Аримафейцев.

Великое личное страдание отверзло до конца духовные очи писателю. Вынуто трепетное сердце, пылающий огонь осветил внутренняя, и полились оттуда источники воды живой.

Вдохновенно утверждает Шмелев виденное им душою своею. Зорко смотрит внутрь — освещена душа светом Христовым — и видит он все. Одеянна и преукрашена, благоухает пред ним душа русская.

И ласково, и радостно, как жены мироносицы, делится прозоритель своим видением.

Образы чистые, образы светлые встают перед зачарованным слушателем. Вереницей шествует Святая Русь. Впереди старец Варнава, ласковый прозорливец — утешитель народный, за ним старичок — плотник Горкин в казакинчике, угодник Божий в миру, няня из Москвы, которой безмолвно судится мир, Федя-ревнитель, Даринка¹⁴, грех борющаяся, валаамские монахи. Все-то светлые, живые — душа русская в лучах радуги полноцветной.

Дал Господь Ивану Сергеевичу продолжить дело Пушкина, Гоголя, Достоевского — показать Русь заветную, душу русскую, Божьим перстом запечатленную.

Но не кончена еще его миссия. Не все еще сказано. Быть может, главное еще впереди. И верный себе, Иван Сергеевич ищет встречи с вдохновением в ограде церковной, ограде монастырской. Далеко нам до Оптиной, где черпали духовные силы Гоголь и Достоевский, но разве Христос не Тот же всегда, и присно, и во веки? Разве Божественная благодать, немощные врачующая и оскудевающие восполняющая, иссякла в Церкви? Дух дышит, идеже хочет, и побеждает естества чин¹⁵. Кто что ищет, тот то и обрящет. И благо тому, кто ищет в Церкви, — не ошибется. Трапеза выну¹⁶ исполнена, богатство благодати подается каждому, искренно просящему. Сила Божия в немощи совершается¹⁷.

¹⁴ Федя — персонаж книги «Богомолье», Даринка — романа «Пути небесные».

¹⁵ Контаминация двух цитат: «Дух дышит, идеже хочет» (Ин 3:8) и «Бог идеже хочет, побеждается естества чин» (песнопение на вечерне праздника Благовещения).

¹⁶ Выну — всегда, во всякое время (ц.-слав.).

¹⁷ «Господь сказал мне: „довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи“» (2 Кор 12:9).

Все братство наше с великой любовью встретило бытописателя русского благочестия. Нам, иночествующим, особенно дорого, в частности, глубокое понимание Иваном Сергеевичем внутреннего существа монашеского делания. В печатаемом нами его «Старом Валааме»¹⁸ нет ни одного неверного штриха, даже в описании внешнего устава, — благодатного поля для развесистой клюквы многих русских писателей, включая Толстого и даже Лескова, которые не всегда справлялись с церковной терминологией.

Трудно нам при нашем убожестве как следует принять дорогого гостя. Даже и поговорить почти нет возможности: страдная летняя пора. А по вечерам одно за другим общие послушания. Пожалел нас Иван Сергеевич — почитал нам кое-чего из своего во время общих послушаний.

Сидит братия вечером, фальцует¹⁹. И под шелест складываемой бумаги льется чудесное неподражаемое мастерское чтение. Что и говорить, где уж тут спориться работе. Заслушаешься — не до нее.

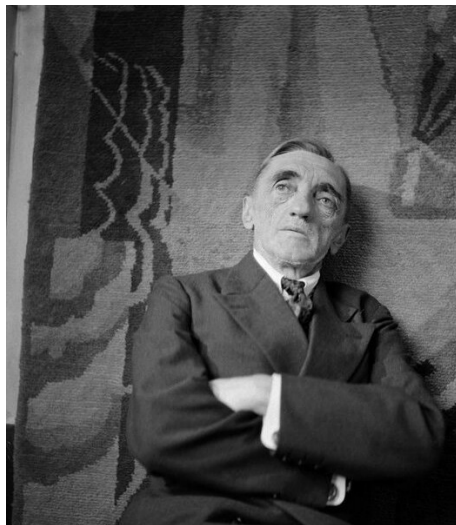
А в воскресенье 10/23 мая Иван Сергеевич подарил нас своим словом о сущности русской культуры и о ее совершенном выразителе Пушкине, произнесенным им десять дней пред тем в Праге²⁰. Это слово по своей глубине и вдохновенности вполне можно сопоставить со знаменитой речью о Пушкине Достоевского.

Передать его, конечно, мы не в состоянии. Но несколько мыслей посильно отметить хочется.

Иван Сергеевич говорил:

«Справляя „День русской культуры“, мы не празднуем, а как бы утверждаем в себе образ культуры нашей, как „Царство Божие“, которое внутри нас есть. И — каемся, каемся во всем, что произошло с нами; каемся перед родиной и перед ним, кого поминаем ныне, — перед нашим Солнцем, — перед Пушкиным. Европейцы не поймут ни глубины, ни сущности культуры нашей, ни покаяния нашего. Они давно исправили первую заповедь блаженства, даже и читают ее по-своему: „блажени сильные, яко тех есть царство земное“. Как же им нас понять?»

Особенность нашего просвещения — в его *истоке*. Наша культура — „запечатленная“ тысячелетней печатью, — св. крещением в восточное Православие. Этим определилась духовная сущность русского народа, его история и его культура. Церковь в течение веков лепила незримо народную душу. Церковь внушала, как драгоценна человеческая личность, человеческая душа. Церковь показывала народу

Иван Сергеевич Шмелев,
Париж, 1934 г.

¹⁸ Шмелев И. С. Старый Валаам. Владимирова: Тип. прп. Иова Почаевского, 1936.

¹⁹ Складывают отпечатанные листы на восемь. — *Примеч. архиеп. Серафима.*

²⁰ И. С. Шмелев посвятил памяти Пушкина несколько речей, самая известная из которых была произнесена в Париже 11 февраля 1937 г. Ее фрагменты, напечатанные в разных изданиях, были объединены и опубликованы в 1957 г. под названием «Заветная встреча» (см.: Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 7 (доп.). С. 514–521). Архиеп. Серафим цитирует далее фрагмент речи Шмелева, произнесенной в Праге на Дне русской культуры 13 мая и повторенной перед братией обители. Процитированные в статье тезисы о русской культуре, порой дословно, были впоследствии приведены Шмелевым в очерке «Творчество А. П. Чехова» (1945), опубликованном после кончины писателя в газете «Русская мысль» (1952, 30 апр. и 7 мая) (см.: Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 7 (доп.). С. 542–552).

высокое совершенство Святых его. Церковь подняла на высоту русскую женщину, признала за ней свободу и укоренила в жизни, — свободу, какой и поныне не обладает романская западная женщина. На всей культуре нашей лежит печать женственности, целомудрия и милосердия. Наше „правдоискательство“ — от Христовой правды. Отсюда и отношение нашего народа к преступлению как к греху. Отсюда наша „нищета духом“, алкание жития праведного, искание „Града Божия“. Без этого „запечатленного лика“ не было бы самого драгоценного, что есть в литературе русской. Наша литература не из гоголевской „Шинели“ вышла, как говорилось не раз: вышла она из сердца нашего, озаренного Божьим Светом.

С этой „печатью“ русское творчество творит в мире.

Эта запечатленная душа-стихия — подняла Пушкина.

Неточно слово Герцена, что на реформы Петра Россия через сто лет ответила Пушкиным: *не только на реформы*.

И до Петра развивалась русская культура, развивалась планомерно. Вспомним русского гения конца XII века — безымянного творца „Слова о полку Игореве“.

Не будь „запечатленности“ нашей — не было бы и Пушкина. В Пушкине гармонично слились два потока: небесный (Слово Божие) и земной (земное просвещение, реформы). Гениальный Пушкин только мог вынести удар слияния этих двух потоков и дал в своем творчестве недостижимую красоту русского гения. Но „земной поток“ (от Петра) смыл на Руси много заветного, сбил душу русского народа с естественного пути раскрытия, ударил в Церковь и повалил ее под ноzi государству... Отсюда — пропасть, разрыв народа и его верхов, отсюда взаимное непонимание — народа и образованного его верха, отсюда и разгром России нашей, что переживаем ныне. В „Медном Всаднике“ Пушкин дал глубокий символ этого наводнения — сполоха. „Всадник“ — не без упрека: Россию „вздернул на — дыбы“. В итоге — Россия оказалась поднята на... дыбу».

И. С. Шмелев дал картину культурного расцвета России, раскрыл сущность этого расцвета и подробным исследованием творчества Пушкина, богато сопровождаемым выдержками из его творений, образно-ясно показал, что Пушкин — живая сущность наша, и в нем, и через него мы можем найти истинную свою дорогу на нашем земном пути, выполнить нам назначенное Богом — пронизать мир (ибо мы «мировые», «всечеловеческие») светом Божьей Правды, в согласии с Церковью, под мощным, и кротким, и очищающим влиянием ее на душу. В кратком изложении нельзя, конечно, передать этого «Слова» о Пушкине, этой «Заветной — вековой — встречи» с нашим гением, с нашим незакатным Солнцем.

Больше часу Иван Сергеевич говорил, но никто не заметил, как пролетело время. Все сказанное им совершенно совпадает с нашими воззрениями, более того: составляет наше *credo*. Так созвучны оказались души: писателя из далекого Парижа и иночествующей миссионерской братии в глуши гор Карпатских.

На докладе присутствовали также и были им захвачены представители местной русской интеллигенции.

Наш поэт-самоучка, препростый батюшка о. Филимон тут же сразу после речи Ивана Сергеевича написал стихи — экспромт, ему посвященный.

Этими стихами простыми, искренними, выражающими общее наше настроение, мы оканчиваем описание нашей радостной встречи с большим русским писателем.

И. С. ШМЕЛЕВУ

Слово живое — могучее слово

В лекции было у Вас.

Восточкой с Русского края родного

Вы так ободрили нас.

В год юбилея кончины «пророка»²¹
Мудрую речью своей
Подняли дух наш, потрясши глубоко...
Стало ясней нам — светлей...
Бог Вам на помощь, художник родимый!
Русский будите народ
Вашей симфонией чудной, правдивой
В море печалей, невзгод!

Источники и литература

1. Герцен А. И. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1986. 652 с.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984. 518 с.
3. Духовный путь Ивана Шмелева: Статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовозвонница, 2009. 507 с.
4. Кашеваров А. Н. Издательская деятельность монашеского братства преподобного Иова Почаевского в 1923–1944 гг. в Словакии. К 95-летию основания // Христианское чтение. 2018. № 5. С. 225–236.
5. Серафим (Иванов), архиеп. Бытописатель русского благочестия. К десятилетию со дня кончины И. С. Шмелева // Наша страна (Буэнос-Айрес). 1960. 7 июля, № 545. С. 4.
6. Серафим (Иванов), архим. Гость дорогой // Православная Русь. 1937. 20 мая/2 июня, № 10. С. 2–3.
7. Шкаровский М. В. Русский монастырь преподобного Иова Почаевского в Словакии в годы Второй мировой войны // URL: <https://sedmitza.ru/lib/text/9606823> (дата обращения: 23.02.2024).
8. Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. / Сост. Е. А. Осьминой. М.: Русская книга, 1998–2000.

---

²¹ Имеется в виду 100-летие со дня кончины Пушкина.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3 (18)

2024

*Протоиерей Павел Хондзинский, Н. Н. Павлюченков, В. Ю. Даренский,
священник Игорь Иванов, М. В. Шкаровский, П. Н. Базанов, И. Б. Гаврилов*

**Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся
русский иерарх, мыслитель, богослов XX в.
К 160-летию со дня рождения (1863–1936).**

**Материалы круглого стола научного проекта СПбДА
«Византийский кабинет»**

УДК 271.2(470+571)(1-87)-726.1(043.2)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_124
EDN RXMHLF

Аннотация: Публикуются тезисы и тексты докладов, прозвучавших на состоявшемся 28 марта 2023 г. в Санкт-Петербургской духовной академии онлайн-круглом столе «Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936)» и позднее присланных в редакцию «Русско-Византийского вестника». Обозревается жизненный и творческий путь митр. Антония на родине, в период его идейного становления. Особое внимание уделяется его апологетическим трудам — полемике с толстовством, Вл. Соловьевым и представителями «нового религиозного сознания», сектантством и католической пропагандой, а также апологии монашества, Церкви, твердой монархической государственности и идеала христиански-народного единства. Рассматриваются отдельные богословские идеи иерарха — мысль об отражении в многоединстве Церкви Божественного Троиинства, концепция Божественной любви как силы, единящей и Божественные Лица, и человеческие личности в Церкви, а также его вклад в философию в качестве выразителя антропологического доказательства бытия Божия. Уделяется внимание эмигрантскому периоду жизни митр. Антония в статусе главы Русской Православной Церкви Заграницей; его многочисленным усилиям по противодействию безбожным гонениям на Православие в Советской России; взаимоотношениям с представителями других Поместных Православных Церквей, инославными деятелями, политическими организациями; его вкладу в сохранение русского Православия, почитание и прославление русских святых, объединение и реализацию духовной миссии русской эмиграции.

Ключевые слова: митрополит Антоний (Храповицкий), РПЦЗ, Православие, духовная миссия русской эмиграции, богословие, апологетика, монашество, проповедь, русская религиозная философия, антропологическое доказательство бытия Божия, «новое религиозное сознание», толстовство, монархизм, патриотизм, церковно-народный идеал, симфония властей, панортодоксизм, Святая Русь, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, В. И. Несмелов, Патриарх Сербский Варнава, Братство Русской Правды.

Об авторах: Протоиерей Павел Владимирович Хондзинский

Доктор богословия, кандидат теологии, декан богословского факультета, заведующий кафедрой практического богословия Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

E-mail: paulum@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9805-045X>

Николай Николаевич Павлюченков

Кандидат философских наук, кандидат богословия, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

E-mail: npavl905@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7778-139X>

Виталий Юрьевич Даренский

Доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского.

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2042-5527>

Священник Игорь Анатольевич Иванов

Кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: igivan74@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0749-8238>

Михаил Витальевич Шкаровский

Доктор исторических наук, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Петр Николаевич Базанов

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры медиалогии и литературы Санкт-Петербургского государственного института культуры.

E-mail: bazanovpn@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9634-9068>

Игорь Борисович Гаврилов

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: igo7777@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-9774>

Для цитирования: Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б. Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 124–160.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3 (18)

2024

---

*Archpriest Pavel Khondzinsky, Nikolay N. Pavlyuchenkov, Vitaly Yu. Darensky,
priest Igor Ivanov, Mikhail V. Shkarovskiy, Petr N. Bazanov, Igor B. Gavrilov*

Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) is an Outstanding Russian Hierarch, Thinker, and Theologian of the 20th Century. To the 160th Anniversary of His Birth (1863–1936).

Materials of the Round Table of the SPbTA Scientific Project “Byzantine Cabinet”

UDC 271.2(470+571)(1-87)-726.1(043.2)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_124
EDN RXMHLF

Abstract: Theses and texts of reports presented at the online round table “Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) – an outstanding Russian hierarch, thinker, theologian of the 20th century. To the 160th anniversary of his birth (1863–1936)” held on March 28, 2023 at the St. Petersburg Theological Academy are published and later sent to the editorial office of the “Russian-Byzantine Bulletin”. The life and creative path of Metropolitan is reviewed. Anthony in his homeland, during the period of his ideological formation. Particular attention is paid to his apologetic works – polemics against Tolstoyism, Vl. Solovyov and representatives of the “new religious consciousness”, sectarianism and Catholic propaganda, as well as an apology for monasticism, the Church, solid monarchical statehood and the ideal of Christian-national unity. The individual theological ideas of the hierarch are considered – the idea of reflecting the Divine Trinity in the plurality of the Church, the concept of Divine love as a force that unites both Divine Persons and human personalities in the Church, as well as his contribution to philosophy as an exponent of the anthropological proof of the existence of God. Attention is paid to the emigrant period of Metropolitan’s life. Anthony in the status of head of the Russian Orthodox Church Outside of Russia; his numerous efforts to counteract the godless persecution of Orthodoxy in Soviet Russia; relationships with representatives of other Local Orthodox Churches, heterodox figures, and political organizations; his contribution to the preservation of Russian Orthodoxy, the veneration and glorification of Russian saints, the unification and implementation of the spiritual mission of the Russian emigration.

Keywords: Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), ROCOR, Orthodoxy, spiritual mission of Russian emigration, theology, apologetics, monasticism, preaching, Russian religious philosophy, anthropological proof of the existence of God, “new religious consciousness”, Tolstoyism, monarchism, patriotism, church-folk ideal, symphony authorities, pan-Orthodoxy, Holy Rus’, F. M. Dostoevsky, V. S. Solovyov, V. I. Nesmelov, Serbian Patriarch Barnabas, Brotherhood of Russian Truth.

About the authors: Archpriest Pavel Vladimirovich Khondzinsky

Dr. of Science in Theology, Dean of the Faculty of Theology, Head of the Department of Practical Theology of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities.

E-mail: paulum@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9805-045X>

Nikolay Nikolaevich Pavlyuchenkov

Candidate of Philosophy, Candidate of Theology, Associate Professor of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities.

E-mail: npav1905@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7778-139X>

Vitaly Yurievich Darensky

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky.

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2042-5527>

Priest Igor Anatolyevich Ivanov

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Associate Professor, Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: igivan74@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0749-8238>

Mikhail Vitalievich Shkarovskiy

Doctor of Historical Sciences, chief archivist of the Central state archive of Saint Petersburg, Professor of the Department of Church history of the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Petr Nikolaevich Bazanov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Medialogy and Literature of the St. Petersburg State Institute of Culture.

E-mail: bazanovpn@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9634-9068>

Igor Borisovich Gavrilov

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: igo7777@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-9774>

For citation: Khondzinsky P., archpriest, Pavlyuchenkov N. N., Darensky V. Yu., Ivanov I., priest, Shkarovskiy M. V., Bazanov P. N., Gavrilov I. B. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) is an Outstanding Russian Hierarch, Thinker, and Theologian of the 20th Century. To the 160th Anniversary of His Birth (1863–1936). Materials of the Round Table of the SPbTA Scientific Project “Byzantine Cabinet”. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 124–160.

17/30 марта 2023 г. исполнилось 160 лет со дня рождения выдающегося русского православного иерарха, духовного писателя и богослова, ректора Санкт-Петербургской духовной семинарии (1890), Московской (1891–1895) и Казанской (1895–1900) духовных академий, члена Государственного совета (1906–1907) и Святейшего Синода (1912–1916), первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей (1923–1936) митрополита Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого).

По этому случаю научный проект Санкт-Петербургской духовной академии «Византийский кабинет» 28 марта провел онлайн-круглый стол, который стал очередным научно-просветительским мероприятием, направленным на актуализацию наследия выдающихся русских мыслителей¹. Организаторами круглых столов «Византийского кабинета» традиционно выступают заведующий кафедрой иностранных языков, доцент кафедры богословия СПбДА священник Игорь Иванов и доцент кафедры богословия Игорь Борисович Гаврилов.

¹ О прошедших ранее круглых столах, посвященных видным мыслителям, см.: *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б., Титаренко С. Д., Титаренко Е. М., Сокурова О. Б., Маркидонов А. В.* Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // *Русско-Византийский вестник*. 2020. № 1 (3). С. 338–355; *Хондзинский П., прот., Костромин К., прот., Лезеев М., свящ., Иванов И., свящ., Оболевич Т. С., Маркидонов А. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б., Медоваров М. В., Тесля А. А.* Наследие прот. Георгия Флоровского (1893–1979): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 40-летию кончины выдающегося православного мыслителя // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 1 (4). С. 156–175; *Белукова В. Б., Гаврилов И. Б., Захарова В. Т., Иванов И., свящ., Любомудров А. М., Пак Н. И.* «Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 50-летию кончины классика литературы Русского зарубежья Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972) // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 4 (7). С. 154–166; *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Медоваров М. В., Гаврилов И. Б.* Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского (1882–1937): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет». К 140-летию со дня рождения и 85-летию со дня трагической кончины выдающегося русского мыслителя // *Русско-Византийский вестник*. 2023. № 1 (12). С. 24–50; *Базанов П. Н., Вахитов Р. Р., Гаврилов И. Б., Ермишина К. Б., Корольков А. А., Малинов А. В., Медоваров М. В., Тесля А. А., Фатеев В. А.* Евразийство: pro et contra. К 100-летию выхода сборника «Исход к Востоку». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // *Русско-Византийский вестник*. 2023. № 2 (13). С. 12–52; *Даренский В. Ю., Дронов И. Е., Ильин Н. П., Котельников В. А., Медоваров М. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б.* Философия Аполлона Григорьева (1822–1864) в контексте русской и европейской мысли и культуры. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // *Русско-Византийский вестник*. 2023. № 3 (14). С. 12–48; *Хондзинский П., прот., Гаврилов И. Б., Даренский В. Ю., Павлюченков Н. Н., Фатеев В. А.* Александр Матвеевич Бухарев (архимандрит Феодор): pro et contra. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // *Русско-Византийский вестник*. 2023. № 4 (15). С. 10–35; *Сизоненко Д., прот., Кибальниченко С. А., Маркидонов А. В., Титаренко С. Д., Гаврилов И. Б.* «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» Вячеслава Иванова. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник». К выходу нового научного издания монографии В. И. Иванова о Ф. М. Достоевском // *Русско-Византийский вестник*. 2023. № 4 (15). С. 144–175; *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б.* О IV научно-богословской конференции «Русско-Византийский Логос» 13 сентября 2022 г. // *Русско-Византийский вестник*. 2023. № 4 (15). С. 230–240; *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б.* О деятельности «Византийского кабинета» в 2022 г. // *Русско-Византийский вестник*. 2023. № 4 (15). С. 241–259; *Даренский В. Ю., Котельников В. А., Медоваров М. В., Минаков А. Ю., Самуилов Г. Н., Лебрён Р., Суарес Х. М. Н., Гаврилов И. Б.* Жозеф де Местр (1753–1821) и русская мысль: к 270-летию савойского религиозного мыслителя. Материалы Международной конференции научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» от 7 ноября 2023 г. // *Русско-Византийский вестник*. 2024. № 1 (16). С. 24–64; *Корольков А. А., Даренский В. Ю., Фатеев В. А., Шевченко М. М., Минаков А. Ю., Иванов И., свящ., Воронаев В. А., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б.* Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // *Русско-Византийский вестник*. 2024. № 3 (18). С. 20–59.

Участникам заседания для докладов и обсуждения были предложены следующие тематические направления: митр. Антоний (Храповицкий) и русская богословская мысль начала XX в., митр. Антоний (Храповицкий) и революция в России, митр. Антоний (Храповицкий) и русская мысль в эмиграции, митр. Антоний (Храповицкий) и Русская Православная Церковь Заграницей, митр. Антоний (Храповицкий) и русская культура.

Помимо организаторов круглого стола свящ. Игоря Иванова и И. Б. Гаврилова, с докладами выступили: протоиерей Павел Хондзинский — доктор богословия, кандидат теологии, заведующий кафедрой практического богословия, профессор кафедры практического богословия, главный научный сотрудник Научного центра истории богословия и богословского образования, декан богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета («Значение идей митр. Антония Храповицкого для экклесиологии XX в.»); Ольга Леонидовна Фетисенко — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом Российской академии наук) («Отец Антоний (Храповицкий) в переписках К. Н. Леонтьева и С. А. Рачинского с учениками»); Виталий Юрьевич Даренский — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского («Митр. Антоний (Храповицкий) как идеолог русских православно-патриотических организаций»); Наталья Юрьевна Сухова — доктор церковной истории, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Русской Православной Церкви, заведующая Научным центром истории богословия и богословского образования богословского факультета ПСТГУ («Митр. Антоний (Храповицкий) и духовная школа: традиция и новизна»); Михаил Витальевич Шкаровский — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник и главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, профессор СПбДА («Представления митрополита Антония (Храповицкого) о судьбе и путях развития России в конце 1920-х — начале 1930-х гг.»); Дмитрий Игоревич Стогов — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» («Деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в эмиграции»). В заседании круглого стола также участвовали: Галина Викторовна Скотникова — доктор культурологии, академик Академии российской словесности, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, ведущий научный сотрудник сектора «Актуальные проблемы современной художественной культуры» Российского института истории искусств; священник Алексей Павлович Ноговицын — клирик храма Покрова Божией Матери в Южно-Приморском парке Санкт-Петербурга.

Ниже публикуются тезисы и тексты прозвучавших на круглом столе и позднее присланных в редакцию «Русско-Византийского вестника» докладов. Некоторые выступления послужили основами для более развернутых статей, которые мы также размещаем в этом номере.

И. Б. Гаврилов: «Служитель Слова Божия»: митрополит Антоний (Храповицкий) как защитник Православия

Алексей Павлович Храповицкий, будущий митрополит Антоний, родился в Новгородской губернии, в старинной дворянской семье, где благодаря верующей матери с детства познакомился с молитвой и Евангелием, полюбил православное богослужение и духовную литературу. В годы обучения в Петербургской классической гимназии кроме творений Отцов Церкви он увлекался сочинениями славянофилов и почвенников, русской классической литературой, особенно произведениями Ф. М. Достоевского, был слушателем пламенных выступлений писателя на литературных вечерах в Санкт-Петербурге. Любовь к творчеству великого русского классика сопровождала будущего иерарха до конца жизни. В связи с этим возникла даже легенда,

Митрополит Антоний (Храповицкий)
в бытность архимандритом, 1891–1895 гг.

что юный Алексей Храповицкий стал прообразом главного героя последнего романа Федора Михайловича — Алеша Карамазова. Впоследствии митр. Антоний это отрицал, указывая на то, что писатель не знал его лично.

В 1881 г. Алексей Храповицкий поступает в Санкт-Петербургскую духовную академию, где происходит его сближение с Михаилом Грибановским (будущим епископом), укрепившее в нем стремление послужить Церкви на поприще ученого монашества. 18 мая 1885 г., окончивая академический курс, 22-летний Алексей принимает монашеский постриг с именем Антония — в память прп. Антония Римлянина. В 1890 г. иеромонах Антоний назначается ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита, а уже в 1891 г. (в возрасте 27 лет) — ректором Московской духовной академии, где он избрал академическую кафедру пастырского богословия. Одним из главных пожеланий молодого ректора стало привлечение студенчества к принятию ангельского чина. Его постриженник в МДА будущий митр. Евлогий (Георгиевский) вспоминал: «Влияние

архимандрита Антония на нас было огромно. Молодой, высокообразованный, талантливый и обаятельный, с десятилетнего возраста мечтавший стать монахом, — архимандрит Антоний был фанатиком монашества. Его пламенный монашеский дух заражал, увлекал, зажигал сердца... Монашество в нашем представлении благодаря ему возвысилось до идеала сплоченного крепкого братства, ордена, рати Христовой, которая должна спасти Церковь от прокуратуры, вернуть подобающее ей место независимой воспитательницы и духовной руководительницы русского народа»².

В 1891 г. архим. Антоний получает новое назначение ректора Казанской духовной академии, где он читает курс пастырского богословия, сближается с крупным философом и богословом В. И. Несмеловым, занимается миссионерством, а в 1897 г. принимает епископскую хиротонию.

Имея множество церковных послушаний, талантливый православный апологет активно участвует в полемике с нехристианскими воззрениями, подписывая свои статьи С. С.Б. («служитель Слова Божия»). Уже в 1890-х — начале 1900-х гг. о. Антоний издал множество работ апологетического характера. Среди них: «Беседы о превосходстве православного понимания Евангелия сравнительно с учением Л. Толстого» (1891), «Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы» (1898), «Из чтений по пастырскому богословию» (1896), «Возможна ли нравственная жизнь без христианской религии?» (1897), «Чем отличается Православная вера от западных вероисповеданий» (1901) и др.

Также уже в 1890-е гг. молодой апологет включается в спор со знаменитым религиозным философом, кумиром российской интеллигенции В. С. Соловьевым, посвятив полемике с ним статьи «Превосходство Православия над учением папизма в его изложении Вл. Соловьевым» (1890), «Подделки Вл. Соловьева» (1891) и др., в которых смело обличает светского философа в отклонении от истины Православия.

² Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной // URL: <https://azbyka.ru/fiction/put-moej-zhizni/5/> (дата обращения: 12.06.2024).

В более поздней статье «Ложный пророк» (1908) еп. Антоний отмечает, что, имея множество «действительных талантов», Соловьев «глубоко унизил их желанием представить собою и такие совершенства, коих у него не было, т.е. своим постоянным ломанием, ложью и притворством»³. По мнению еп. Антония, прославлять Соловьева начала либеральная журналистика, «когда он <...> стал бесцеремонно якшаться с революционерами и оплевывать свою родину. А чем можно больше угодить нашей публике, как не этим последним? Вспомните литературный вечер в „Бесах“ Достоевского и речь помешанного профессора. Соловьев — не фигляр, это — человек высокого таланта, несомненной учености, но он никогда не отдавался серьезно, всею душой своим убеждениям, а потому часто менял их, или вернее сказать, никогда не имел твердых убеждений»⁴. Для еп. Антония Владимир Соловьев — это «барин-озорник» наподобие Льва Толстого, «который то в меланхолию ударится, то в флирт, то вообразит себя пророком, то революционером — а рейнское винцо подбадривает фантазию...»⁵

Отмечает владыка и прямое влияние личности и учения В. С. Соловьева на деятелей «нового религиозного сознания» — «братьев Трубецких, Розановых, Петровых, Семеновых, вся эта наперебой лгущая компания — плоды соловьевской декаденщины и, по большей части, его ученики и приятели. Пользуясь беспросветным невежеством русского общества в христианском учении, в Библии и истории Церкви, они допускают самые невероятные вещи <...> и все вместе изображают собою современных николаитов или хлыстов самого низшего разбора»⁶.

В статье владыка также упоминает письмо Д. С. Мережковского, в котором тот утверждал, что «наши революционеры, не веруя во Христа, оказывают Ему гораздо большую услугу, чем все верующие», и сетует, что «именно Соловьев со своим извращенным словом и мыслью приблизил такое господство»⁷ ложных идей «неохристианства»⁸.

В 1902 г. епископ Антоний (с 1906 г. — архиепископ) получил назначение на Волынскую и Житомирскую кафедру, где продолжил свою деятельность по защите Православия, активно выступая против сектантов, раскольников и католической пропаганды. Главное внимание он уделял возрождению монашеских обителей, в первую очередь — Почаевской лавры.

На протяжении многих лет владыка исповедовал консервативную политическую философию и был активным участником монархического движения, почетным членом старейшей монархической организации Русское Собрание, в которой выступал с докладами «Против учения о том, что Господь Иисус Христос был социалистом-революционером» (3 дек. 1908), «О пяти заповедях Льва Толстого и о непротивлении злу» (12 дек. 1908). Владыка также был почетным председателем Почаевского отдела Союза Русского Народа. Он получил широкую известность как критик «племенного» антисемитизма и защитник еврейского населения Западного края от стихийной волны погромов. Главной причиной последних он считал распространение революционных и нигилистических идей как в русской, так и в еврейской среде. «Мы,

³ Антоний (Храповицкий), митр. Ложный пророк // *Его же. Сила Православия*. М., 2012. С. 388–389.

⁴ Там же. С. 389.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 389–390.

⁸ Отметим, что К. Н. Леонтьев еще в 1891 г. обличил публичное выступление Соловьева с докладом «Об упадке средневекового миросозерцания». Характерно, что, хотя архим. Антоний и отпел Леонтьева в Троице-Сергиевой лавре, но, будучи поклонником Достоевского, считал леонтьевское направление «псевдо-аскетическим» — на том основании, что философ «любил говорить о страхе, но не о любви» (Антоний (Храповицкий), митр. Как относится служение общественному благу к заботе о спасении своей собственной души? // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Hrapovickij/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-3/1#note32 (дата обращения: 12.06.2024)).

русские христиане, и чтущие Бога отцов своих иудеи рождены для познания воли Господней, для научения людей добродетели, для умерщвления греховных страстей. В этом всемирное призвание священного Востока, и не нам, и не вам менять его на жалкую суету безбожной западной культуры, работающей только чреву и карману»⁹, — писал архиерей.

Он полагал, что «самосознание русское, народное есть самосознание не расовое, не племенное, а вероисповедное, религиозное», и выступал против западного «расового национализма», оставаясь верным «религиозному, вселенско-церковному патриотизму»: «Не так чувствовал и чувствует свою любовь к родине народ русский. Не целью своей деятельности мыслит он свою страну и себя самого, а служебной силой для иной высшей цели, цели святой, божественной и всемирной. Нося в себе непоколебимую уверенность в неповрежденном сохранении учения Христова, народ русский защищал и отстаивал с таким самоотвержением свою страну именно как хранилище божественной истины, как служительницу евангельского благочестия: не себя самого, не свое благополучие, а это духовное сокровище, ему вверенное, его охранение и расширение почитают русские люди высшим направителем своей и личной, и общественной, и государственной жизни»¹⁰.

Не случайно св. Иустин (Попович) назвал владыку самым одаренным современным представителем «русского православного национализма, национализма, освященного и просвещенного Христом»¹¹.

В своей трактовке отношений государства и Церкви митр. Антоний выступал за византийский принцип симфонии властей, защищая независимость Церкви от прямого государственного контроля; был активным сторонником восстановления патриаршества в России. Как пишет современный историк, владыка «всегда оставался верен самому себе, живя в ладу со своей совестью и искренно отстаивая религиозно-политические идеалы, выраженные в известной триаде „Православие, Самодержавие, Народность“, — в духе симфонии властей»¹².

При активном участии владыки было осуществлено прославление многих русских святых: Иоанна Тобольского, Иоасафа Белгородского, Анны Кашинской и др. Он также составил церковные службы святителю Иоасафу, святому младенцу Гавриилу Белостокскому и др.

С начала Первой мировой войны архиеп. Антоний активно выступает с патристических славянофильских позиций, поддерживая в народе русский дух призывами сражаться за Веру, Царя и Отечество. В статье «Чей должен быть Константинополь?» (1916) он пишет, что на настоящую войну русский народ «взирает как на освобождение христианства от ига еретиков и магометан, а конечную цель ее видит в освобождении Священного Цареграда с церковью Святой Софии и Иерусалима с Господним Гробом»¹³.

Он полагал, что Россия в ходе войны должна очистить от турок весь православный Восток — Гроб Господень, Голгофу, Вифлеем, Дамаск, а град Константина отдать «историческим владельцам» — грекам, восстановив «Византийскую империю, объединив

⁹ Антоний (Храповицкий), митр. Еврейский вопрос и святая Библия // *Его же. Сила Православия*. С. 137.

¹⁰ Цит. по: Иванов А. А. Проблематика русского национализма в статьях и проповедях митрополита Антония (Храповицкого) // *Русин*. 2019. № 58. С. 66.

¹¹ Иустин (Попович), прп. Тайна личности митрополита Антония и его значение для православного славянства // Антоний (Храповицкий), митр. Избранные труды. Письма. Материалы. М., 2007. С. 845.

¹² Фирсов С. Л. Владыка Антоний (Храповицкий) как православный публицист и полемист конца XIX — начала XX века: Штрихи к социально-психологическому портрету // URL: <https://www.rocorstudies.org/ru/2017/02/21/vladyka-antonij-hrapovitskij-kak-pravoslavnyj-publitsist-i-polemist-kontsa-xix-nachala-xx-veka-shtrihi-k-sotsialno-psihologicheskomu-portretu/> (дата обращения: 12.06.2024).

¹³ Антоний (Храповицкий), митр. Чей должен быть Константинополь? // *Его же. Сила Православия*. С. 208.

теперешнюю свободную Грецию с Цареградом под мирскою властью самодержца-грека и под духовною властью Вселенского греческого Патриарха»¹⁴. Владыка выступает здесь не только как славянофил, но еще более как грекофил: «Нам нужно греков, чтобы понять свое Православие? Да, непременно нужно! Православие многие из нас вмещают в своем сердце лучше греков, но вмещают его как молитву, как подвиги смирения и милосердия, как устройство благолепия церковного, а православного сознания, выраженного в ясных определениях, в противовес заблуждениям Запада, православной гражданственности, т.е. форм общественной и школьной жизни, согласованных с неповрежденным пониманием христианства, у нас нет в русском обществе и почти нет в русских академиях. Мы хорошие христиане, но мы не философы»¹⁵.

Архиепископ Антоний Волынский.
Худ. М. В. Нестеров, 1917 г.

После февральского переворота 1917 г. во время стихийного «разгула демократии» консервативный архиерей, обвиненный в «возбуждении религиозной и национальной розни», решением епархиального собрания был устранин с кафедры и 1 мая 1917 г. отправился на покой в Валаамский Спасо-Преображенский монастырь, планируя заняться богословскими трудами. Там он написал одно из наиболее спорных своих богословских сочинений — «Догмат искупления», в котором представил богословское учение «нравственного монизма». В этой книге, увлекшись критикой католического, по его мнению, юридического взгляда на искупление, владыка выдвинул идею, что искупление человечества совершилось в первую очередь сострадательной любовью и самыми важными в деле спасения являются душевные муки Спасителя в Гефсиманском саду. Изданное в Сергиевом Посаде в 1917 г. сочинение осталось практически не замеченным православной общественностью в связи с бурными революционными событиями, однако впоследствии вызвало горячие споры среди богословов русской эмиграции¹⁶.

Владыка Антоний исполнял обязанности товарища председателя на Поместном Соборе Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., где выступил с пламенной речью о необходимости восстановления патриаршества. При избрании кандидатов на патриарший престол он получил наибольшее число голосов. Однако жребием из трех кандидатов Патриархом Московским и всея России был избран митр. Московский Тихон (Беллавин), а владыка Антоний 28 ноября 1917 г. был возведен в сан митрополита и 19 мая 1918 г. избран на Киевскую кафедру.

¹⁴ Там же. С. 212.

¹⁵ Там же. С. 213.

¹⁶ Особенно отметим критические выступления еп. Феодана (Быстрова), митр. Вениамина (Федченкова), прот. Г. Флоровского и архиеп. Серафима (Соболева). См. напр.: *Серафим (Соболев), архиеп.* По поводу статьи митрополита Антония (Храповицкого) «Догмат искупления» // *Его же.* Искажение православной истины в русской богословской мысли. Репринт изд. 1943 г. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1997. С. 3–110; *Гаврилов И. Б.* Богословие истории свт. Серафима (Соболева) в полемике с прогрессистским утопизмом XX в. // *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии.* 2021. № 4 (12). С. 12–42; *Богословие истории в XX веке: Восток и Запад: Монография / Свящ. М. Легеев, прот. В. Хулап, прот. Д. Сизоненко и др.; под общ. ред. свящ. М. Легеева.* СПб.: Изд-во СПбДА, 2023. 564 с. (Теология: история и современность).

На заседании Всероссийского Поместного Собора Русской Православной Церкви, г. Москва, 1918 г. В президиуме (слева направо): князь Е. Н. Трубецкой; протопресвитер Николай Любимов; Высокопреосвященный Арсений (Стадницкий), митрополит Новгородский и Старорусский; Святейший Патриарх Тихон (Беллавин); Высокопреосвященный Антоний (Храповицкий), митрополит Харьковский и Ахтырский; Высокопреосвященный Платон (Рождественский), митрополит Херсонский и Одесский

Как противник украинской самостийности и церковного раскола митр. Антоний вместе с архиеп. Евлогием (Георгиевским) в декабре 1918 г. был арестован петлюровцами и восемь месяцев провел в заключении. Здесь он написал одну из наиболее значительных своих богословских работ — «Опыт православного катехизиса», который был издан уже в эмиграции в 1924 г. и, как и «Догмат искупления», подвергнут критике рядом иерархов и богословов РПЦЗ¹⁷, а также составил словарь к творениям Достоевского «Не должно отчаиваться».

¹⁷ Свт. Серафим (Соболев) писал митр. Вениамину (Федченкову): «Я никому и никогда не заявлял, что считаю учение митрополита Антония об искуплении вполне православным. Но и еретиком его не объявлял, как это делается архиепископом Феофаном [Быстровым] и тобою. Не объявлял митрополита Антония еретиком, во-первых, потому, что святитель Афанасий Великий до осуждения Оригена Церковью „говорил о нем с уважением, объяснял его язык и защищал его от ложного понимания“. <...> Во-вторых, я не могу объявлять еретиком митрополита Антония и потому, что он печатно объявил, что его учение об искуплении есть его частное богословское мнение, и просил его катехизис не вводить в учебные заведения в качестве учебника. Кроме того, он в том же своем учении об искуплении не отрицает спасительного значения для нас крестной смерти Спасителя, но больше придает значения в деле нашего искупления не человеческим, а гефсиманским страданиям на том основании, что душевные муки тяжелее телесных. В своих же печатных проповедях и беседах, произнесенных в бытность свою ректором Казанской духовной академии, митрополит Антоний в вопросе об искуплении держится общецерковного учения. <...> Устно в беседах с митрополитом Антонием и письменно — только для него, я лишь говорил о несоответствии его учения учению святоотеческому. Интересно отметить, что полтора года тому назад в беседе наедине с владыкою митрополитом я вновь об этом сказал ему. Причем он заявил мне, что не видит несоответствия

С августа 1919 г. митр. Антоний — активный участник Белого движения. В марте 1920 г. он ненадолго выезжал из России и пребывал на Святой Горе Афон, где соби­рался «уйти в затвор». Однако в сентябре 1920 г. был приглашен генералом П. Н. Вран­гелем в Крым, занятый Русской армией. В ноябре 1920 г. митр. Антоний вместе с Русской армией Врангеля навсегда покинул Россию, оказавшись сначала в Константино­поле, а затем в Сербии, где возглавил Высшее церковное управление за границей. Позднее он встал во главе Архиерейского Синода Рус­ской Православной Церкви Заграницей, обра­зованного в Сремских Карловцах.

Как известно, РПЦЗ сыграла выдаю­щуюся роль в сохранении наследия рус­ской культуры и языка, а также памяти крупнейших деятелей отечественной куль­туры (А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевско­го и др.), в несении «подвига русскости» в XX в. Как сказано выше, Достоевский был любимым писателем митр. Анто­ния — иерарх горячо рекомендовал читать его произведения и постоянно обращался к ним в своих проповедях и сочинени­ях. «Самый русский из наших писателей и самый православный среди русских» — так он называл Достоевского. Размышляя о судьбах Святой Руси, митр. Антоний неизменно ссы­лался на любимого автора. Написанный им в заключении во время Гражданской войны словарь к творени­ям Достоевского был издан в Болгарии в 1921 г., в год 100-летия со дня рождения писателя. Сам иерарх так говорил об этой работе: «Мой „Словарь к Достоевско­му“ — не столько для народа, сколько для интеллигенции, ибо она сделала рево­люцию, и хотя горько в ней кается, но главная задержка наша в когтях анархии зависит не от народа, а от той же интеллигенции»¹⁸. В данном словаре можно отме­тить, например, актуальную в наши дни главу «Европа и Россия по Достоевскому», в которой автор, опираясь на рассуждения классика, разъясняет ненависть Европы к России невежеством первой: «Россия — совершенно неведомая Европе страна, больше, чем Китай»¹⁹, и подчеркивает, что эти незнание и нежелание познавать русский мир происходят главным образом по причине неприязни европейцев²⁰.

Высокопреосвященный Антоний,
митрополит Киевский и Галицкий,
1920-е гг.

в своем учении учению святых отцов Церкви. Этим заявлением митрополит Антоний свиде­тельствует, что у него нет желания расходиться с святыми отцами Церкви; следовательно, нет и настроения, свойственного еретикам, которые не стесняются открыто отрицать их авторитет» (*Кострюков А. А. Новые сведения о взглядах архиепископа Богучарского Серафима (Соболева) на проблемы Русской Православной Церкви // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История РПЦ. 2011. № 42. С. 129–131.*)

¹⁸ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополи­та Киевского и Галицкого // URL: https://rusportal.ru/index.php?id=church_writing.antony_khrapovitsky1971_01_003 (дата обращения: 12.06.2024).

¹⁹ *Антоний (Храповицкий), митр.* Ф. М. Достоевский как проповедник возрождения. Монре­аль, 1965. С. 123.

²⁰ *Гаврилов И. Б.* Художник. Мыслитель. Пророк. 200-летний юбилей Ф. М. Достоевского на страницах изданий СПбДА: ретроспективный анализ и библиографический обзор // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 3 (19). С. 262.

Митрополит Антоний среди русских студентов Богословского факультета Белградского университета. На обороте надпись: «Кружок русских студентов Богословского факультета Белградского университета в день своего открытия. 2/15 февраля 1924 г. в Белграде»

В Послании Мировой конференции от имени Русского Всезарубежного Церковного Собора 1922 г. владыка также напоминает пророчество Ф. М. Достоевского о том, что хотя революция начнется в России, ее подлинное гнездо будет в Европе²¹.

При митр. Антонии Русская Зарубежная Церковь приняла ряд важных решений: были отвергнуты обновленчество, новый календарь, политика подчинения церковной власти безбожникам, анафематствованы спиритизм, теософия, масонство и софианство.

Митр. Антоний в эмиграции продолжал и лично бороться с различными проявлениями антихристианской идеологии — в частности, выступал против масонства. Он полагал, что, «масонство — непримиримый враг христианства. Оно поставляет своей целью разрушение Церкви, войну со всеми религиями, потрясение основ национальной христианской государственности и организацию революций во всем мире»²².

Важной вехой в деятельности РПЦЗ стало Окружное послание против масонства председателя Архиерейского Собора РПЦЗ митр. Антония (Храповицкого) от 28 августа 1932 г., в котором отмечалось: «Под знаком масонской звезды работают все темные силы, разрушающие национальные государства. Масонская рука принимала участие в разрушении России. Все принципы, все методы, которые большевики применяют для разрушения России, очень близки к масонским. Поработители русского народа верны программе масонских лож по борьбе с Богом, с Церковью, с христианской

²¹ Антоний (Храповицкий), митр. Послание Мировой конференции от имени Русского Всезарубежного Церковного Собора // *Его же. Сила Православия*. С. 543.

²² Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней. М., 2008. С. 432.

нравственностью, с семьей, с христианским государством, с христианской культурой и со всем тем, что создало и возвеличило нашу Родину»²³.

О митр. Антонии как защитнике Православия писал свт. Иоанн (Максимович): «В изгнании, годами живя как гость Патриарха Сербского, он сохранял присущее ему величавое смирение и своей верой и преданностью Церкви, как и раньше, был учитель Церкви. Святейший Патриарх Варнава однажды, на собрании в торжественной обстановке, сказал, что когда после Первой мировой войны волна модернизма устремилась на Поместные Церкви и многих затопила, в Сербии та волна разбилась о скалу митрополита Антония, который спас тогда Сербскую Церковь»²⁴.

Митр. Антоний преставился ко Господу 10 августа 1936 г. в Сремских Карловцах, перед кончиной приняв схиму. Отпевал его в Белграде Сербский Патриарх Варнава. «Имя митрополита Антония, — сказал он в надгробном слове, — связано с громадным периодом развития великой духовной мощи Русской Церкви и русского народа, развития русской богословской мысли и русской церковной литературы. Митрополит Антоний должен быть поставлен в один ряд с великими иерархами первых веков христианства. <...> Прощаясь ныне с митрополитом Антонием, стоя у его бездыханного тела, мы все должны навсегда сохранить его священный завет о том, чтобы православная царская Россия была бы восстановлена во что бы то ни стало»²⁵.

О значении трудов митр. Антония по укреплению Православия в связи с его кончиной писала газета «Православная Русь» (1936, № 16): «Богословско-научная и литературная деятельность Блаженнейшего владыки митрополита была весьма обширна и многоплодна и ждет исследований и надлежащей оценки. Им были написаны многочисленные исследования по богословию и отдельные исследования по различным богословским проблемам, а также ряд статей философского и критического содержания. В этой деятельности владыка проводил одну и ту же идею, которой служил сам в своей личной жизни, — идею сострадательной любви к людям. Значение его богословских идей весьма велико и свой истинный плод принесет только в будущем. Вся жизнь вл. Антония была посвящена преподаванию миру благословения Господня».

В заключение приведем еще слова прп. Иустина (Поповича): «Россия велика Православием — это основное положение великого иерарха Русской земли. Православие — самая высшая ценность России, единственный смысл России, возвышеннейшая ее миссия; Россия вечна Православием. То, что Достоевский о России и о Православии пророчествовал, то наш великий святитель внутри Церкви осуществлял. Тайна и сила России — в Православии»²⁶.

Протоиерей Павел Хондзинский: Митрополит Антоний (Храповицкий) как создатель тринитарной экклесиологии

При всей очевидной спорности некоторых аспектов богословского наследия митр. Антония (Храповицкого) его значение для богословия XX в. трудно переоценить. Хотя он известен более всего своим удобопереключаемым «Догматом искупления», важнейшей среди его идей, оформленных нередко довольно небрежно, следует считать мысль об отражении в многоединстве Церкви Божественного Троиинства.

²³ Иванов В. Ф. Православный мир и масонство. М., 1993. С. 32.

²⁴ Иоанн (Максимович), свт. Слово в день девятнадцатой годовщины со дня кончины Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого), 28 июля / 10 августа 1955 г. // URL: https://www.domrz.ru/exhibition/51549_mitropolit_antoniya_khrapovitskiy_k_160_letiyu_so_dnya_rozhdeniya_/?ysclid=lxlomw06rn924387357 (дата обращения: 12.06.2024).

²⁵ Варнава (Росич), патр. Речь Святейшего Патриарха Сербского Варнавы над гробом Блаженнейшего митрополита Антония в белградском соборе 31 августа / 13 сентября 1936 г. // URL: <https://www.rus-orden.com/Docs.aspx?doc=texts3/130810news.html> (дата обращения: 12.06.2024).

²⁶ Иустин (Попович), прп. Тайна личности митрополита Антония и его значение для православного славянства. С. 842.

На первый взгляд, она вполне традиционна и основана на известном стихе 17-й главы Евангелия от Иоанна: *да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе* (Ин 17:21), однако вл. Антоний вкладывает в него содержание, отличное от древнецерковного. Если отцы Церкви понимали это единство как единство евхаристическое по преимуществу, то вл. Антоний раскрывает его прежде всего как единство любви²⁷.

Кроме того, надо помнить, что для вл. Антония единство любви означает единство воли²⁸, иными словами, он отождествляет любовь и волю — подобно тому, как их отождествлял когда-то блж. Августин. Это наблюдение, в свою очередь, открывает перед нами целый неразработанный еще толком пласт проблем, связанных с генезисом Антониевых идей. Но даже первый приступ к теме позволяет утверждать, что последовательный защитник оригинальности православного богословия²⁹ во многих отношениях был наследником августинианской традиции³⁰. Последнее в самом общем виде может быть объяснено тем, что исходной точкой богословских построений владыки была психология. И как бы далеко она не отстояла и по времени, и по методам от интроспекции блж. Августина, нельзя не признать, что именно последняя отличала епископа Гишпонского от абсолютного большинства его современников, став одновременно имплицитным основанием мысли Нового времени. Достаточно напомнить только, что знаменитое декартовское *cogito ergo sum* своим прямым протографом имеет аналогичное утверждение Августина в *De civitate Dei*³¹. Как бы то ни было, мы должны констатировать у вл. Антония важный методологический принцип: «антропология есть теология»³², подразумевающий, что именно познание собственного я приводит нас к богопознанию.

Проводя этот принцип в жизнь, вл. Антоний с помощью анализа воздействия силы любви на человека формирует представление о единой жизни-любви Божественных Лиц как основе Их единосущия, а отсюда, в свою очередь, делает уже представленный выше вывод о бытии Церкви по образу Пресвятой Троицы и, более того, — о том, что «досознательная общечеловеческая воля» (воля=любовь) и есть наша общая «психическая природа»³³. Такой поворот темы имеет для него важное значение, позволяя ему, с одной стороны, «расправиться» со страшным его призраком пантеизма³⁴ и снять с потомков Адама наказание за грех прародителя, а с другой, — объединить человечество «нравственным монизмом».

²⁷ См. подробнее: Хондзинский П., *прот.* Экклесиологическая концепция Э. Мерша и ее восприятие богословами русской диаспоры // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 102. С. 29–49.

²⁸ См., напр., его «Тезисы о Церкви» (*Антоний (Храповицкий)*, *митр.* Избранные труды. Письма. Материалы. С. 37–39).

²⁹ См. статью вл. Антония «Чем отличается Православная вера от западных исповеданий» (Там же. С. 415–423).

³⁰ Известно, что вл. Антоний находился, в частности, под заметным влиянием французского спиритуализма (См.: Попов И. В. [Рец. на:] *Антоний (Храповицкий)*, *еп.* Полн. собр. соч. Т. 1–3. Казань, 1900 // Богословский вестник 1901. Т. 1. № 1. (2-я пагин.) С. 173), сочувственно цитируемые вл. Антонием представители которого, прежде всего — Ш. Секретан и А. Фуллье, в своей философии, несомненно, были наследниками августинизма XVII в.

³¹ Vgl: Si enim fallor, sum. Nam qui non est, utique nec falli potest (*Augustinus Aurelius*, *st.* De civitate Dei. XI, 26).

³² *Антоний (Храповицкий)*, *митр.* Избранные труды. Письма. Материалы. С. 741.

³³ «Вот эта-то психическая природа наша, эта досознательная общечеловеческая воля, нам неизбежно присущая, и есть человеческое естество» (Там же. С. 31). Ср. у Секретана: «Каждое бытие — это воля по своей сути. Субстанция Вселенной — это божественная воля, которая ее создает. Вселенная обладает божественной сущностью, но она не Бог, и мы находимся за тысячу миль от пантеизма воли. Не может быть и речи о пантеизме в отношении системы, отправной точкой которой является человеческая свобода, а центром — Божественная свобода. Воля, которая служит основой Вселенной, не только отлична от Бога, но и отделена [от Него]. Как может воля отделиться от своего субъекта? — В этом и заключается тайна творения» (*Secrétan Ch.* La philosophie de la liberté, Paris: Sandoz et Fischbacher, 1879. P. 395).

³⁴ *Антоний (Храповицкий)*, *митр.* Избранные труды. Письма. Материалы. С. 753–754.

В результате мы имеем дело по сути с отражением отражения: человек отражает в себе первообраз Божественной Личности, а единство Божественных Личностей отражается в единстве Церкви. Хотя понятно, что такой подход чреват не столько приближением, сколько отдалением от нетварного «оригинала», нельзя не признать, что именно он стал определяющим в экклесиологии XX в.

**Н. Н. Павлюченков: Богословские концепции любви в XX в.
(митрополит Антоний (Храповицкий)
и священник Павел Флоренский)**

Одна из важнейших особенностей христианского религиозного Откровения заключается в таком учении о Боге, которого не знала прежде ни одна религия в мире. Христианство открыло или, вернее, напомнило человечеству утраченную в грехопадении истину о Боге как Любви и о самой сути Божественной любви как всецелой жертвенной самоотдаче другому. Известная в период Ветхого Завета заповедь о любви к Богу и любви к ближнему в христианстве была обновлена учением и самим действием Спасителя, Который, сказав о том, что дает *новую* заповедь о любви, пояснил, что нужно любить друг друга так, как Он, т.е. Сам Бог, возлюбил людей (Ин 13:34). И *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин 15:13). Бог, открывшийся во Христе, не оставляет эту истину на уровне одной теории, а реализует ее на Голгофе, после чего также не отвлекается теоретически, а как констатация исторического факта зазвучали слова апостола Иоанна Богослова о том, что *Бог есть Любовь* (1 Ин 4:8, 16).

В истории христианского богословия было немало попыток осмыслить это Откровение, многократно подтвержденное в святоотеческом опыте. В XIX в. в России эту тему достаточно смело для своего времени разрабатывал А. С. Хомяков, а чуть позже Ф. М. Достоевский выявил ее жизненное значение в своих литературных произведениях. В конце XIX в. известный своим учением о возрождающей силе христианской любви архимандрит (впоследствии — архиепископ и митрополит) Антоний (Храповицкий) считал себя последователем А. Хомякова и почитал Ф. Достоевского как великого христианского психолога. Достоевский для него — «описатель действительности», который «начертывает свойства и законы внутренней жизни человека, законы жизни и совестия». Он — «прямой проповедник Православия», у которого «изумительно верный психический анализ»³⁵. Главная тема его — возрождение, возрождающее влияние одной воли на другую, то «священное трепетание в человеческом сердце зачатков новой жизни, жизни любви и добродетели, которые так дороги, так усладительны для всякого»³⁶. Не раз вл. Антоний подчеркивал наличие в творениях Достоевского свидетельство «всепобеждающей силы» христианской истины и христианской любви, перед которой, как пред «непобедимым оружием», «преклоняется самое ожесточенное беззаконие»³⁷. При этом он находил, что любовь у Достоевского «есть не субъективное настроение только, а некая мировая Божественная сила, жизнь Божия, уделяемая (т.е. изливаемая. — Н. П.) в братолюбивые сердца и чрез них передаваемая любимым им. Вне Бога нет этой любви, а дается она только верующим в Его бытие и благодать»³⁸.

В «психологических» данных, почерпнутых из трудов Достоевского, вл. Антоний находил эмпирический материал для создания концепции «реального нравственного единства» человечества. «По сочинениям Достоевского выходит, — писал архим. Антоний в 1893 г., — что любящий и сострадающий, сливаясь в духовное единство с ближним своим, не что-либо сверхъестественное делает, но лишь возвращается к утерянному грехом нашему единству с Богом»³⁹. «Формула Достоевского об условиях влияния

³⁵ Там же. С. 253–254.

³⁶ Там же. С. 255.

³⁷ Там же. С. 256.

³⁸ Там же. С. 270.

³⁹ Там же.

одной воли на другую» приводится Храповицким в таком виде: «смирясь, любя и познавая людей, человек восходит или возвращается к первозданному таинственному единству со *всеми* и, как бы переливая святое (черз общение с Богом усвоенное) содержание своей души в душу ближнего, преобразует внутреннюю природу последнего так, что при одном только согласии его воли тяжкий путь его возрождения почти совершен за него, лишь бы он сам не отвечал на это злым упорством и ненавистью»⁴⁰.

Используя свое прочтение Достоевского и фактически повторяя мысль Хомякова, вл. Антоний указывал, что утрата или измена любви приводит к отпадению от общечеловеческого единства, что имело место и в первом грехопадении Адама. Последствия «первородного» греха рассматриваются вл. Антонием прежде всего как эгоистическое забвение человечеством первозданного своего единства. Теперь сама искаженная в себялюбивом обособлении (непослушании)⁴¹ природа говорит человеку, что его «я» и всякое другое «не-я» суть существа противоположные. И только открытый Христом догмат о Св. Троице позволяет преодолеть это «требование» природы⁴². Христос открыл нам учение о Пресвятой Троице, «чтобы мы при созидании Тела Его — как чего-то чудного и в себялюбивом мире невозможного — имели постоянное утверждение в лучшем Бытии <...> и взиранием на Св. Троицу побеждали страх пред ненавистною разделенностью мира, отражающеюся и в сердце каждого несовершенного еще христианина»⁴³. Теперь исключительность самосознания «я» «уступает место лучшему — „мы“. Таким образом образуется по подобию Троицы, нераздельной и неслиянной, новое существо — святая Церковь, единое по естеству, но множественная по лицам, имея Главою Иисуса Христа, а членами — ангелов, пророков, апостолов, мучеников и всех покаявшихся, отрясших тьму себялюбивого ослепления, умерших греху и оживших Христу»⁴⁴. Этим, по мысли архим. Антония, человечеству возвращается его изначальное, нарушенное грехопадением устройство, в котором единство естества во множестве личностей должно было повторять, воспроизводить принцип Троицности в Божестве⁴⁵. Таким образом, вл. Антоний фактически создал новую для отечественного богословия концепцию устройства человечества по образу Св. Троицы и подводил к выводу, что Божественная любовь является той силой, которая придает единство как Божественным Лицам, так и объединенным в Церкви человеческим личностям.

В своей основной и наиболее известной работе «Столп и утверждение Истины» (1908–1914) свящ. П. Флоренский представил практически то же самое учение, отличающееся только одной важнейшей доработкой, раскрывающей Божественную любовь не только как нравственную (или «психологическую»), но прежде всего как онтологическую реальность. Сохранилось косвенное свидетельство того, что влияние «пастырской любви» вл. Антония распространилось и на молодого Флоренского. Во всяком случае, вряд ли без прямого влияния идеи об «ученом монашестве» он хотел принять монашеский постриг, но, не получив на это благословение, в марте 1905 г. строил планы ехать в Петербург для получения хиротонии с целибатом именно от Антония (Храповицкого), тогда — епископа Волынского и Житомирского⁴⁶.

Замечаемая «странность» в отношениях Флоренского и вл. Антония — личная благожелательность и прямая поддержка со стороны последнего при несовместимых богословских позициях («нравственный монизм» Храповицкого и «онтологизм» с «мистицизмом» Флоренского) — может находить свое простое объяснение. Вл. Антоний, вероятно, увидел в богословии Флоренского нечто для себя важное и ценное, превосходящее по своей значимости многие другие, известные ему и неприемлемые для него,

⁴⁰ Там же. С. 257.

⁴¹ Там же. С. 15.

⁴² Там же. С. 10–12.

⁴³ Там же. С. 20–21.

⁴⁴ Там же. С. 20.

⁴⁵ Там же. С. 15.

⁴⁶ Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка. М., 2004. С. 392.

моменты. В августе 1914 г. вл. Антоний в своем отзыве для Святейшего Синода одобрил магистерскую диссертацию Флоренского, представляющую собой усеченный (без глав «Геенна», «София», «Дружба» и «Ревность») вариант «Столпа и утверждения Истины»⁴⁷, а затем воспрепятствовал публикации в журнале «Вера и разум» резко критической рецензии, написанной уже на полный текст «Столпа и утверждения Истины» архимандритом Никанором (Кудрявцевым)⁴⁸. Когда Флоренский узнал об этом последнем случае (как предполагает игум. Андроник, от о. Илариона (Троицкого)), он записал в дневнике (запись 6 февраля 1916 г.): вл. Антоний «много наговаривал на меня устно; но вот уже второй раз он оказывает мне покровительство»⁴⁹.

Трудно судить, в какой степени на этом, самом начальном, этапе своего творчества Флоренский был знаком со всеми нюансами «нравственной» концепции вл. Антония. Естественный ход мысли, желающей «онтологизировать» эту концепцию⁵⁰, должен был сразу привести к анализу понятия «сострадательной любви», которая у Храповицкого хотя и является целиком психической реальностью, но превосходит уровень поверхностных и непостоянных человеческих эмоций. Можно найти свидетельства изучения Флоренским работы Александра Беляева «Любовь Божественная», в которой он мог прочитать, что «как всякое человеческое понятие, так в частности и понятие любви не выражает и не может обнять самого существа Божия, которое непостижимо не только для человека, но и для ангелов»⁵¹. Согласно Беляеву, «Св. Писание, назвавши Бога любовью, не обозначило этим самой сущности Божией. Любовь Божия — это не само естество Божие, но относится к естеству Божию, есть как бы часть, или свойство, или неизменная и всегдашняя принадлежность существа Божия»⁵². Представляется, что, интересуясь этим вопросом в отношении объяснения процессов познания Бога и обожения, Флоренский сделал для себя окончательные выводы в 1905 г., в результате своего знакомства с рукописями архимандрита Серапиона (Машкина).

Будущий архимандрит Серапион (Машкин) учился в Петербургском университете, а в годы учебы в МДА (1892–1896) сразу оказался одним из тех студентов, которых успел склонить к монашеству во время своего ректорства в МДА архим. Антоний (Храповицкий). С Флоренским архим. Серапион познакомился заочно, по переписке, в 1904–1905 гг. Важнейшим результатом влияния Машкина на Флоренского стала предельная онтологизация Флоренским любви, признание ее «субстанцией», самой Божественной сущностью. «Вечность, — писал Машкин, — есть результат взаимного желания Одного быть чрез Другого, результат Обоюдной Любви, и эта Любовь и есть Бог истинный, христианский Бог. *Обоюдная Любовь* (не просто любовь) *есть Абсолют*. Это — природа Божия, субстанция Божия. Она есть Акт, Акт единения в единичное единство Трех...»⁵³

Акт любви человека к Богу (когда любовь не может не быть «обоюдной»), по мысли Машкина, также выводит человека в Вечность, что означает принятие Богом человека «в Свое внутреннее отношение» Божественного Троиинства⁵⁴. Для Флоренского такая «множественность» в Троице означает «единосущие любящих в Боге»⁵⁵. Это такие Я, которые вошли в Божественное Троиество путем причастия Любви как Божествен-

⁴⁷ Андроник (Трубачев), игум. Из истории книги «Столп и утверждение Истины» // Флоренский П. А. Соч. Т. 1 (2). Столп и утверждение Истины. М., 1990. С. 835.

⁴⁸ Андроник (Трубачев), игум. Священник Павел Флоренский — профессор Московской духовной академии и редактор «Богословского вестника» // Богословские труды. Сб. 28. М., 1987. С. 309.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Флоренский П. А. Соч. Т. 1 (1). Столп и утверждение Истины. М., 1990. С. 83.

⁵¹ Беляев А. Любовь Божественная. Опыт раскрытия главнейших христианских догматов из начала любви Божественной. М., 1884. С. 37.

⁵² Там же. С. 41–42.

⁵³ Серапион (Машкин), архим. Система философии: Опыт научного синтеза: В 2 ч. Ч. 1 // Символ. 2016. № 67. С. 106.

⁵⁴ Там же. С. 87.

⁵⁵ Флоренский П. А. Соч. Т. 1 (1). Столп и утверждение Истины. С. 93.

Студенты Московской духовной академии с ректором и инспектором академии, 1894 г.
Первый ряд (слева направо): архимандрит Сергей (Страгородский), архимандрит Антоний (Храповицкий), иеромонах Евдоким (Мещерский).
Второй ряд (слева направо): иеродиакон Никон (Бессонов), иеромонах Михай (Алексеев), иеромонах Серапион (Машкин), иеродиакон Андроник (Никольский)

ной сущности⁵⁶ и достигли таким образом своего «пресуществления»⁵⁷. Божественная Любовь выводит любящего из эмпирии в вечность и там являет «единый, вечный и бесконечный акт» единосушья⁵⁸. Так Флоренский понимает обожение, причем использование термина «пресуществление» у него, в противоположность Машкину⁵⁹, отнюдь не означает полного преобразования тварной природы в нетварную. Напротив, он предпочитает говорить о «безусловной ценности» именно *твари*⁶⁰.

В целом можно утверждать, что знакомство с рукописями Машкина помогло Флоренскому на самом начальном этапе его творчества утвердиться в двух важнейших идеях: в понимании онтологического значения подвига самоотдачи («высшая форма закона тождества») и в онтологической трактовке Любви как Божественной сущности. Когда основанный на этих идеях полный вариант «Опыта православной теодицеи» — «Столп и утверждение Истины» — выходил из печати (по информации на титуле — в 1914 г., а по факту — в конце 1913 г.), Флоренский уже был знаком с учением свт. Григория Паламы о возможности для человека быть причастником не самой Божественной сущности, а только являющей эту сущность энергии. Впервые об этом учении он узнал, судя по всему, не ранее конца 1912 г., когда в процессе

⁵⁶ Там же. С. 71, 74.

⁵⁷ Там же. С. 85.

⁵⁸ Там же. С. 93.

⁵⁹ *Серапион (Машкин), архим.* Система философии... С. 126.

⁶⁰ Флоренский П. А. Соч. Т. 1 (1). Столп и утверждение Истины. С. 323.

имяславческих споров переписывался с иером. Антонием (Булатовичем)⁶¹. В этот период Флоренский переходил к разработке «антроподицеи», в основание которой была положена энергетическая концепция символа и в рамках которой Божественную любовь уже следовало рассматривать как Божественную *энергию*.

Представляется, что именно эти разработки, как вл. Антония (Храповицкого), так и о. Павла Флоренского, оказали существенное влияние на отечественное богословие в XX в., но эта тема еще ждет своего исследователя.

В. Ю. Даренский: Митрополит Антоний (Храповицкий) как философ

Каждый из важнейших метафизических вопросов уже предрешен устроением человеческого сознания...

Митр. Антоний (Храповицкий)

Рассмотрение наследия митр. Антония (Храповицкого) как философа только начинается; в качестве практически единственного прецедента такой работы можно указать на статью протоиерея Павла Хондзинского, в которой уделено значительное внимание этой теме⁶². Вместе с тем, философские работы владыки Антония интересны не только в содержательном отношении, будучи конгениальными общим тенденциям расцвета русской философии Серебряного века, но также и как ценный опыт взгляда на саму философию «со стороны» — с позиции воцерковленного разума, просвещенного Истиной Христовой.

Собственно, именно с философской работы он и начинал свой путь. В 1888 г. в СПбДА будущий митрополит Антоний защитил магистерскую диссертацию на чисто философскую тему — «Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности». В этой работе, идя методом интроспективной психологии, он приходит к особому роду априоризма, который формулирует в следующем тезисе: «Каждый из важнейших метафизических вопросов уже предрешен устроением человеческого сознания и природы в том смысле, что только известное его понимание может быть приведено в соглашение с постулатами сознания»⁶³. Но этот априоризм связан не со структурой восприятия внешней реальности, которая фиксируется в системе категорий, как у Канта, а обращен во внутреннюю реальность самого человека, обнаруживая в ней безусловное (абсолютное) начало: «Насколько эта динамическая идея Безусловной Личности есть не что иное, как объективированная и, как такая, оправданная идея личности нашей, настолько несомненно, что в интуиции нашего самосознания мы видим не себя только, но и Творца»⁶⁴. Этот тип априоризма является результатом определенного пути саморефлексии, в результате которой обнаруживается, что сознание и свободную волю нельзя объяснить, исходя из «естественной» психики человека, но это возможно, только если в самой психике усматривается нечто, превосходящее ее — «динамическая идея Безусловной Личности», то есть происходит открытие о Боге-Творце. Вместе с тем, «по самой природе своей личности человек изображает собою безусловную сущность, а в то же время действительно существует, как простая вещь физического мира»⁶⁵. А это уже, в свою очередь, является аналогом Боговоплощения — и таким аналогом, который человек обнаруживает в самом себе, и отсюда уже может понять, каким образом Господь может становиться Богочеловеком.

⁶¹ Переписка свящ. П. А. Флоренского с М. А. Новоселовым. Томск, 1999. С. 81–82.

⁶² Хондзинский П., прот. Синтез опытной психологии и метафизики в духовно-академической науке второй половины XIX столетия: А. Е. Светилин и его ученики // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 4 (33). С. 152–174.

⁶³ Антоний (Храповицкий), митр. Избранные труды. Письма. Материалы. С. 736.

⁶⁴ Там же. С. 740.

⁶⁵ Там же. С. 741.

Важно отметить, что данный ход мысли владыки Антония не только является методом «феноменологической редукции», примененным по отношению к внутреннему миру человека, но на самом деле имеет глубокие святоотеческие истоки. В свое время свт. Василий Великий писал, что в сотворенного человека Бог «вложил нечто от Своей собственной благодати, чтобы человек по подобному познавал подобное». «„Внемли себе“ (Втор 15:9). Точное соблюдение самого себя даст тебе достаточное руководство и к познанию Бога. Ибо если „внемлешь себе“, ты не будешь иметь нужды искать следов Жиздителя в устройстве вселенной, но в себе самом, как бы в малом некоем мире, усмотришь великую Премудрость своего Создателя. Из бесплотности находящейся в тебе души уразумевай, что и Бог бесплотен. Знай, что Он не ограничен местом, как и твой ум не имеет предварительного пребывания в каком-нибудь месте, но только по причине соединения с телом находит себе известное место. Веруй, что Бог невидим, познав собственную свою душу, потому что и она непостижима телесными очами. Она не имеет ни цвета, ни вида, не объемлетя каким-либо телесным очертанием, но узнается только по действию. Поэтому и в рассуждении Бога не домогайся наблюдения с помощью очей, но, предоставив веру уму, имей о Боге умственное понятие»⁶⁶.

В данном случае использован метод «анагогии» («восхождения», от греч. ἀναγωγή — возведение), который известен в богословии с древности и касался особого толкования Священного Писания. Но в XX в. анагогия приобрела, как видим на данном примере, уже *экзистенциальный* смысл, связанный с «вытаскиванием» человека из состояния духовной слепоты.

Позже владыка Антоний опубликовал очень позитивный аналитический отзыв на «Науку о человеке» В. Несмелова. В качестве главного положения Несмелова он отмечает ту идею, которая уже была в его собственной работе: «Бытие безусловное не есть вывод из наблюдений над душевной жизнью человека: оно прямо дано в ней — сознании ее свободы, ее нравственной ценности, — ибо этих свойств нигде нет в мире эмпирическом — они ему совершенно противоположны. Безусловное бытие отразилось, точнее — обнаружилось в самосознающей человеческой личности, непосредственно сознающей себя чуждой миру животному»⁶⁷. Вл. Антоний предлагал назвать новое (антропологическое) доказательство бытия Бога «несмеловским», тем самым проявляя большое смирение, поскольку он сам ввел его раньше.

Говоря о В. Несмелове, он отмечает, что «имеет дело с истинным философом, которого свойство заключается именно в том, чтобы в ясных положениях формулировать смутные интуиции общечеловеческого сознания, чтобы, сознательно вникая в его силлогизмы, всякий радостно восклицал бы: „да, это действительно так! да, и я сознаю в себе то же самое!“»⁶⁸. Здесь, с одной стороны, имплицитно присутствует платоновское понимание познания как анамнезия (припоминания) души, в которую Богом вложено знание и самой себя, и своего Творца; а с другой стороны — дано понимание призвания философа в контексте соборной церковной жизни.

Последний аспект вл. Антоний специально акцентирует: «Философ — не тот, который сообщает человечеству какие-нибудь неожиданные диковины, а тот, кто изъясняет человеку его же самого. В этом отношении слово, или речь, — по преимуществу достояние философа, а его задача — находить те слова и так связывать их, чтобы в них внимательный слушатель или читатель находил давно искомое выражение законов своего собственного сознания, жизни своей собственной личности»⁶⁹. Таково *служение* философа; и это христианское понимание радикально противостоит тому пониманию философии как погоне за «оригинальностью», которое сложилось в Европе в Новое время.

Также на примере В. Несмелова вл. Антоний говорит о специфике языка философии: «В этом отношении речь или слог автора представляют собой... образец

⁶⁶ Цит. по: Флоровский Г., прот. Восточные отцы IV века. Минск, 2006. С. 79–80.

⁶⁷ Антоний (Храповицкий), митр. Новый опыт учения о богопознании // *Его же*. Полн. собр. соч.: В 3 т. Т. 3. Казань, 1900. С. 423.

⁶⁸ Там же. С. 428.

⁶⁹ Там же.

философской речи, точной, сильной, как у Декарта или Лейбница, ту своего рода *философскую музыку* (выделение вл. Антония. — В. Д.), в которой нет ничего лишнего, ни недостаточного, как в литературной музыке истинного поэта»⁷⁰. Философия — это поэзия и музыка мысли. Позже то же самое скажет М. Хайдеггер.

Священник Игорь Иванов: Идеал христиански-народного единства в царской России начала XX в. по воззрениям епископа Антония (Храповицкого)

Обращаясь к обозначенной теме, рассмотрим основные тезисы, изложенные преосвященным владыкой Антонием по случаю Дня рождения Государя Императора Николая Александровича (Николая II). Эти тезисы были опубликованы в первом томе Полного собрания сочинений епископа Антония (Храповицкого) в 1900 г. в Казани.

Речь владыки под названием «Слово в День рождения Государя Императора»⁷¹ обращена преимущественно к русскому чиновничеству. В ней особо отмечается счастливое для общества и государства направление политики Правительства, сообразное с народной традицией, а не с западными влияниями.

Владыка говорит, что «направление или смысл современных мероприятий есть именно то направление, которое должно быть самым дорогим, самым желательным для русского человека, для православного христианина. Это есть направление христиански-народное. То направление, которое призывает русскую общественную жизнь к ее историческим основаниям, — к тому, чтобы мыслить и поступать не по указаниям римского права, проникающего жизнь западноевропейскую, — к тому, чтобы не искажать нам быт и характер, сообразно жизни и духу иноземных государств, но обратиться к своему отечеству и искать в его истории, в его идеалах, в его чисто христианском, а следовательно, и высоко гуманном складе народных понятий, искать указаний к устройению собственного русского общественного мировоззрения и начал деятельности»⁷².

Это христиански-народное единство является главной задачей правящего монарха, что сказывается и в «других действиях Правительства, из которых становится ясно, что народность и православная религия являются предметами преимущественной заботы державной воли»⁷³. Поэтому, по мысли владыки, «не только верноподданническая исполнительность, но и русский патриотизм и христианская совесть каждого русского деятеля должны в нынешнее царствование побуждать его к усердию в исполнении его обязанностей, к исполнению не только формальному, но и искреннему, к проникновению самим духом порученных ему распоряжений»⁷⁴. Владыка считает, что не военная сила или экономическое благосостояние, а восстановление религиозно-народных основ должно быть «в нынешнее царствование главнейшею целью общественной жизни»⁷⁵.

Какой же идеал подлинного русского чиновника рисует владыка Антоний? «Очевидно, что добрым исполнителем целей Правительства может быть ныне тот деятель, который сам проникнут горячею любовью ко всему родному, русскому, кто не гнушается народа, но относится с уважением к его высоким христианским идеалам, кому, наконец, и эти идеалы не чужды, кто есть истинный христианин в душе, кто искренно верует в Божественные обетования нашего Искупителя, кто не по официальной обязанности только, но по влечению собственного сердца исполняет евангельский закон и уважает церковные постановления. Очевидно, что насколько и народность, и религия не ограничиваются установлением внешних порядков жизни, но касаются прежде всего внутреннего строя души человеческой с тем, чтобы руководить нашу совесть: настолько

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Антоний (Храповицкий), еп. Полн. собр. соч.: В 3 т. Казань, 1900. Т. 1. С. 15–19.

⁷² Там же. С. 16.

⁷³ Там же. С. 17.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

притворное и вообще внешнее только исполнение правительственных предписаний религиозно-народного характера не только не приближает эти предписания к их цели, но вносит в жизнь вреднейшие разлагающие элементы религиозной фальши»⁷⁶.

Общественно-государственное единство не может быть основано на фальши, обмане, лицемерии и предательстве, которые должны быть искоренены из сердца каждого русского человека через покаяние и искреннее соблюдение заповедей Христовых в частной и общественной жизни.

Владыка пишет: «Поэтому если мы действительно искренно готовы исполнять волю нашего Монарха относительно восстановления религиозно-народных начал жизни, то мы не должны ограничивать отправление своего государственного долга одним только искренним и нелицемерным проведением этих начал в сферу наших непосредственных обязанностей; нет, их следует вносить во всю нашу частную жизнь, по ним следует определять свои личные склонности, свою семейную и общественную жизнь, и притом, опять-таки, — не на показ только, но — из глубины сердца, не ради только исполнения воли Правительства, но — по искренней личной вере в Бога и Св. Церковь, по личной преданности и любви к родной истории и быту»⁷⁷.

По мысли владыки Антония, при благоприятном движении в этом направлении всех устремлений частной и общественной жизни идеал «христиански-народного единства» мог бы быть реализован в исторической перспективе в качестве своеобразной русско-византийской симфонии Царства земного и Церкви как Царства Небесного: «Если русские правительственные деятели, начиная от самых высокопоставленных и кончая самыми скромными тружениками, все вместе поставят себе целью не приобретение чинов и имуществ, но — Славу Божию и славу Отечества, если в их отношениях друг к другу будут иметь место не личные неудовольствия и борьба самолюбия с завистью, но — искреннее сочувствие успехам друг друга, как борцам одного и того же великого дела; если они во всей своей жизни и характере будут для всех живыми примерами и побуждениями не холодной безучастности к Св. Вере и к судьбе подчиненных их, но горячей преданности евангельскому учению и забот о внутреннем благосостоянии зависящих от каждого из людей; если, одним словом, государственная жизнь во всех ее отраслях будет приближаться к тем святым предначертаниям, которые сделаны для человеческой жизни Господом нашим, которые приняты и воспеты нашим народом и историей, — то не только земное могущество, всегда венчающее государственное единодушие, не только общее благосостояние, как удел братской любви между людьми, будут благословенными последствиями христианского патриотизма русских деятелей: но государственная жизнь наша, соединяясь таким образом с жизнью другого Божественного учреждения на земле, того царства, которое основано самим Господом нашим Иисусом Христом и называется Церковью, будет постепенно усваивать от нее благодатные силы, яже к животу и благочестию, будет находиться в особенно тесном общении с источником благодати и почерпать в нем вновь и вновь воду жизни, текущую в живот вечный, будет разделять со Святой Церковью данные ей обетования вечного существования на земле до времени второго пришествия Небесного Царя, до времени полного слияния с Царством Небесным»⁷⁸.

М. В. Шкаровский: Церковная деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в конце 1920-х — 1930-х гг.

Завершающий 15-летний период жизни и деятельности митрополита Антония (Храповицкого) прошел в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевстве Югославия). Именно он стал важнейшим в служении владыки, возглавлявшего в это время Русскую Православную Церковь Заграницей (РПЦЗ).

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 18.

⁷⁸ Там же. С. 19.

Участники Русского Заграничного Церковного Собрания
(Первого Всезарубежного Собора) в Сремских Карловцах, 1921 г.

В 1929 — начале 1930-х гг. председатель Архиерейского Синода РПЦЗ наибольшее внимание уделял положению Русской Православной Церкви на территории СССР. Весной 1929 г. в Советской России началась новая волна жестоких антицерковных гонений; в ноябре того же года Красная Армия на несколько недель вторглась в приделы Китая в Трехречье, где проживали русские беженцы из Сибири, которые подверглись безжалостному уничтожению. На эти события митрополит Антоний отозвался пламенным обращением к народам всего мира, посланным главам значительной части правительств, православных Церквей, инославных и иноверческих религиозных организаций и редакциям важнейших газет⁷⁹.

В том же году владыка написал труд «Мольба ко всем Православным Церквам» и обратился с особым посланием к архиепископу Кентерберийскому, умоляя его выступить на защиту угнетаемого большевиками русского народа. Копии письма митрополита были разосланы всем 72 епископам Англиканской церкви, членам Палаты лордов и Палаты общин. В результате архиепископ Кентерберийский, несколько лордов и ряд представителей англиканского духовенства выступили против гонений на веру и Церковь в СССР⁸⁰.

Когда на Запад проникли слухи о намерении советских властей снести Успенский собор Московского Кремля, митрополит Антоний написал еще одно послание народам всего мира, призывая их остановить дерзкую руку богоборцев. В ответ на призывы владыки протестное движение распространилось на многие страны, — соответствующие митинги прошли во Франции, Швейцарии, Германии, Сербии и Болгарии.

⁷⁹ Антоний (Храповицкий), митр. Письма Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилл, 1988. С. 106–108.

⁸⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6343. Оп. 1. Д. 103.

П. Н. Врангель с супругой Ольгой, митрополит Антоний и другие гости и постояльцы в «Здравнице имени генерала Врангеля» в Белграде в первый день Пасхи, 1927 г.

В начале 1930 г. Сербский Патриарх Димитрий, председатель Священного Синода Болгарской Церкви митрополит Климент и митрополит Варшавский и всея Польши Дионисий обратились к владыке Антонию с выражением сочувствия и сообщением об установлении молений о гонимых и страждущих за веру в Советской России.

11 апреля Архиерейский Синод РПЦЗ уполномочил управляющего Синодальной канцелярией Е. И. Махараблидзе быть его представителем на съезде русской секции Международной антикоммунистической лиги в Праге для обсуждения вопроса защиты религиозной свободы в России. В письме от 29 апреля владыка Антоний даже просил руководство лиги провести ее съезд в Югославии, где в нем могли бы участвовать православные общины, но съезд все же состоялся во Франции⁸¹.

В результате международного давления антирелигиозные акции весной 1930 г. более чем на год существенно ослабели, советское правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки.

Понимая, что опасность для Церкви не исчезнет, пока будет сохраняться советская власть, митрополит Антоний в конце 1929 г. обратился к русским людям с призывом к вооруженной борьбе против большевиков: «...от имени Христова молим вас, отцы, братия и сестры во Христе, подняться с того далекого края нашего отечества по сию и даже по ту сторону Китайской границы, восстать против врагов нашей родины, против злых безбожников... Видит Бог, как бы я рад был последние годы или даже месяцы своей уже 66-летней жизни провести с вами и умереть не беженцем, а впереди мужественного ополчения против тех безбожников».

В начале 1930 г. Владыка еще раз написал воззвание с призывом к православным людям в СССР и в зарубежье поднять благословенное оружие против большевиков: «Итак, русские люди, я вновь призываю вас на борьбу с врагами Христовыми — большевиками

⁸¹ Там же. Д. 105; Д. 107.

и прочими богоборцами, готовый первый умереть в такой борьбе, как умер мужественный генерал Кутепов. Может быть, немного времени осталось до такого события в моей жизни... Нет мира между Христом и сатаной. Властью, данной мне от Бога, благословляю всякое оружие, против красной сатанинской власти подымаемое, и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителем сложит голову за Русское и Христово дело. Первее же всего благословляю оружие и боевую работу всенародного Братства Русской Правды, которое уже немало лет словом и делом ведет усердную работу против красного сатаны во имя Бога и России»⁸².

В это время митрополит Антоний надеялся на скорое падение советской власти. Так, в письме архимандриту Иоасафу (Скородумову) от 14 марта 1930 г. он сообщал: «А у нас распространяются слухи, будто Сталин не то убит, не то тяжело ранен. Отовсюду пошли речи, что большевикам пришел конец, а что будет дальше — один Бог ведает». В другом письме, иеросхимонаху Феодосию на Афон от 15 марта 1930 г., владыка также отмечал: «...яснее видится заря скорого освобождения св. Церкви и прекращения разбойного разорения св. обителей... Возможно, что св. Русь и все мы теперь наконец-то освободимся, а возможно, что начнется кровавая борьба, более жестокая, чем все, что пережил наш народ».

Однако вскоре отдельные крестьянские восстания, вызванные насильственной коллективизацией, были подавлены и положение в СССР стабилизировалось. Видя, что все остается без перемен и его усилия по освобождению русского народа безрезультатны, митрополит глубоко горевал, и его чувства горечи и разочарования нашли отражение в послании, названном «Сто первое и предпоследнее воззвание»: «Тяжело предпринимать какое-либо дело, малое и великое, безо всякой почти надежды на его успех. Тяжело увещевать людей или народы без надежды на то, что твоего увещания послушаются»⁸³. В дальнейшем владыка уже не принимал активного участия в борьбе за свержение советской власти.

Но он по-прежнему считал важной задачей заботу о гонимой части Русской Церкви в СССР как о своей духовной пастве. В мае 1932 г. митрополит и возглавляемый им Синод горячо поддержали организованную настоятелем Женевского прихода протопресвитером Сергием Орловым при содействии Международной антикоммунистической лиги отправку в Россию икон и выдержек из Священного Писания. Первоначально православные иконы печатались в католическом монастыре, причем на них, по просьбе митрополита Антония, высказанной в разговоре с генеральным секретарем лиги А. И. Лодыжинским, не указывалось место издания. В дальнейшем этому начинанию оказал помощь Сербский Патриарх Варнава, открывший типографию для печатания икон.

16 июля 1932 г. Архиерейский Синод назначил ежегодный сбор по всем храмам русского зарубежья в Неделю Православия для снабжения населения России иконами и духовной литературой — с тем, чтобы в этот день повсеместно после литургии возносились бы моления о гонимых за веру Христову в России, а сборы направлялись протоиерею Сергию Орлову⁸⁴.

Следует отметить, что владыка Антоний благожелательно относился к бежавшим из СССР православным священнослужителям. Так, на рапорт настоятеля Никольской церкви Тегерана архимандрита Виталия от 21 июня 1930 г. о прибытии в Иран иерея Михаила Польского митрополит ответил не только разрешением священнослужения о. Михаила, но и указанием о публикации в журнале «Церковные ведомости» сведений о пребывании этого священника в Советской России⁸⁵.

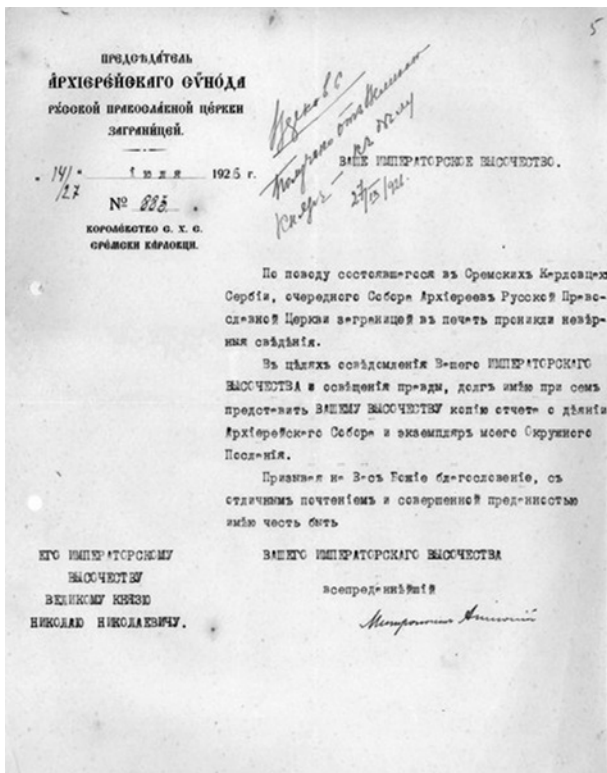
К действиям заместителя патриаршего местоблестителя митрополита Сергия (Страгородского) владыка Антоний хотя и относился негативно, но при этом сохранял

⁸² Царский вестник. 1930. № 92. С. 1.

⁸³ Антоний (Храповицкий), митр. Письма Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 108–112.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 122. Л. 2; Д. 123. Л. 1.

⁸⁵ Там же. Д. 108. Л. 1–2.

Письмо митрополита Антония великому князю Николаю Николаевичу, 1926 г.
 «По поводу состоявшегося в Сремских Карловцах Сербии очередного Собора архиереев Русской Православной Церкви за границей в печать проникли неверные сведения... Долг имею при сем представить ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ копию отчета о деянии Архиерейского Собора и экземпляр моего Окружного послания»

Король неоднократно посещал богослужения митрополита Антония, а в 1932 г. пожертвовал 40 тыс. динар на устройство иконостаса в русской Иверской церкви Белграда. В кругах иерархов РПЦЗ одно время говорили о желании владыки Антония выдвинуть Александра I претендентом на российский престол. После убийства короля террористом-хорватом 9 октября 1934 г. в Марселе митрополит указал архиереям и управляющим церквями сделать распоряжение, чтобы во всех подведомственных им храмах была отслужена заупокойная литургия о почившем.

Владыка Антоний неоднократно говорил о необходимости замены слова «панславизм» термином «панортодоксизм». Мечтая об объединении всех православных христиан в одно церковно-политическое целое, митрополит рассматривал в качестве первого шага в этом направлении бракосочетания короля Александра I с румынской принцессой Марией и сербского принца Павла с греческой принцессой Ольгой. В 1935 г. митрополит Антоний написал статью, посвященную возвращению

некоторые добрые чувства к своему бывшему ученику и другу. После интервью митрополита Сергия в феврале 1930 г. иностранным журналистам с отрицанием факта гонений на Церковь в СССР в русской эмиграции поднялось сильнейшее возмущение. Владыка Антоний о своих чувствах в письме архимандриту Иоасафу (Скородумову) написал так: «Митр. Сергий оскандалился: ему в церкви народ кричал: „изменник, Иуда“ и выгнал его, сорвав облачение... А митр. Сергия все-таки мне жаль: у него нет силы воли, а голова светлая и сердце доброе»⁸⁶.

Относительно будущего политического устройства освобожденной от власти большевиков России митрополит Антоний имел свои, отличавшиеся некоторыми особенностями взгляды. Он мечтал об объединении православных монархов Восточной Европы под водительством русского самодержца, своего рода восстановлении в новом качестве Византийской империи. Особенно тепло владыка относился к воспитанному при русском Дворе югославскому королю Александру I Карагеоргиевичу, не признававшему советского правительства.

⁸⁶ Антоний (Храповицкий), митр. Письма Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 221.

на греческий престол после 12-летнего отсутствия в стране короля Георга II: «Теперь же с возвращением на прадедовский престол православного греческого монарха сделан второй и третий шаг к возвращению славного прошлого и великого будущего Православной Империи»⁸⁷.

Отношения архиереев РПЦЗ с различными оказавшимися в эмиграции представителями Дома Романовых были довольно сложными. В 1920-е гг. митрополит Антоний являлся сторонником выборности будущего российского монарха и скорее поддерживал великого князя Николая Николаевича в его конфликте с провозгласившим себя императором великим князем Кириллом Владимировичем. Архиерейский Синод первоначально считал Кирилла Владимировича великим князем, но, по свидетельству митрополита Вениамина (Федченкова), «защитника его императорства не запрещалось служить молебны о нем как об императоре»⁸⁸.

Лишь после смерти Николая Николаевича ситуация изменилась. В июле 1929 г. митрополит Антоний несколько дней провел на вилле Кирилла Владимировича в Сен-Бриаке (Франция). 13 сентября 1929 г. в «Воззвании к православным русским людям» владыка напомнил «о принятии Государем Императорской власти» в 1924 г. и заявил, что те, кто не примыкает «к обоим бунтам 1917 г.», должны признать власть законного наследника. Свое промедление с признанием нового императора митрополит объяснил ожиданием, «как заявит себя в этом смысле признанный нами ранее Верховный Вождь русского народа и русского воинства Великий Князь Николай Николаевич. Однако и он, и Государыня Мария Феодоровна, и полководец Врангель — все скончались в продолжение одного года»⁸⁹.

Из глав Поместных Православных Церквей наиболее тесные контакты у митрополита Антония (Храповицкого) были с Сербским Патриархом Варнавой, который хорошо знал его еще со времени своей учебы в Российской империи. Свое отношение к митрополиту Сербский Патриарх ясно выразил во время своей проповеди в русской церкви Белграда 22 июля 1930 г.⁹⁰

Келейник владыки Антония архимандрит Феодосий (Мельник) был свидетелем слов, сказанных однажды Патриархом Варнавой своему повару: «Если только узнаю или замечу какую-нибудь небрежность в отношении владыки митрополита — немедленно уволю. Так и знай. Он — мой друг, он мне больше, чем родной отец». По свидетельству о. Феодосия, Сербский Патриарх часами просиживал у митрополита Антония, когда бывал в Сремских Карловцах⁹¹.

Митрополит Антоний жил в Югославии на положении призреваемого беженца; он не принимал участия в управлении Сербской Православной Церковью, но оказывал большое влияние на направление церковной жизни в Югославии. При этом митрополит Антоний был полностью свободен в своей деятельности по управлению РПЦЗ⁹². Архивные документы свидетельствуют, что с Патриархом Варнавой согласовывались лишь даты проведения Архиерейских Соборов.

Сербский Патриарх неоднократно оказывал помощь митрополиту Антонию в его отношениях со Вселенским Патриархом, которые нередко складывались не лучшим образом. Конфликты начались еще в 1920-е гг. после признания Константинопольским Патриархатом обновленцев и перехода им на новый стиль. Избрание в январе

⁸⁷ Никон (Рклицкий), еп. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1959. Т. 5. С. 83, 87, 89; Григорьевич Б. Русская Православная Церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 115.

⁸⁸ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 348.

⁸⁹ Царский вестник. 1929. 27 октября; Граф Г. К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941. Воспоминания. СПб., 2004. С. 557.

⁹⁰ Антоний (Храповицкий), митр. Письма Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 113.

⁹¹ Феодосий (Мельник), архим. Святейший Патриарх Варнава и владыка митрополит Антоний (по личным воспоминаниям) // Церковная жизнь. 1937. № 7–8. С. 122–123.

⁹² ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 288. Л. 77.

1930 г. Вселенским Патриархом владыка Фотия вызвало у митрополита Антония надежды на изменение ситуации. Митрополит написал поздравление, и 5 февраля Патриарх Фотий прислал в ответ любезное благодарственное письмо.

В феврале-марте 1930 г. владыка Антоний писал русскому иеросхимонаху Феодосию на Афон: «Патриарх Фотий желает, чтоб его считали консерватором. Мне писали о нем, что он лучший из современных иерархов в Царьграде...»⁹³ Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Особенно острые конфликты вызывало тяжелое положение русских обитателей на Афоне, находившихся в юрисдикции Вселенского Патриарха⁹⁴.

Хорошие отношения у митрополита Антония были с главами Болгарской Православной Церкви и Антиохийского Патриархата. В частности, Антиохийский Патриарх Александр III 29 мая 1931 г. прислал грамоту с выражением радости по случаю присвоения владыке Антонию титула Блаженнейшего. Другой Антиохийский Патриарх Григорий неоднократно оказывал поддержку Зарубежной Русской Церкви. В свою очередь, председатель Архиерейского Синода с особенной любовью относился к Антиохийской Церкви. В общении с РПЦЗ пребывал и Александрийский Патриарх, обращавшийся к владыке Антонию как к ее законному возглавителю. Иерусалимский Патриарх Дамиан также не только допускал деятельность РПЦЗ на своей канонической территории, но и призывал ее к участию в делах своего Патриархата⁹⁵.

Отношения с Румынской Православной Церковью осложнялись угнетением русского населения в аннексированной Бессарабии, что вызывало сильную тревогу у митрополита Антония. 12 июня 1930 г. Архиерейский Синод заслушал доклад владыки о положении церковных дел и духовном окормлении русских в Бессарабии. Под давлением РПЦЗ митрополит Бессарабский Гурий 6 июня 1931 написал владыке Антонию о возможности совершения служб для русских по их обычаям и на церковнославянском языке.

Однако ситуация так и не изменилась к лучшему. В июле 1932 г. епископ Венский Серафим (Ляде) в качестве представителя Центрального комитета русского национального меньшинства в Бессарабии участвовал в совещании православных членов VIII Европейского конгресса национальностей для защиты церковных интересов русского населения. Вопрос о положении русских церковных общин в Бессарабии рассматривался на Архиерейских Соборах РПЦЗ 27 августа 1932 г. и 8 сентября 1936 г. А 8 июня 1936 г. Архиерейский Синод принял обращение к Лиге Наций по поводу притеснения русского православного меньшинства в Бессарабии⁹⁶.

Подобная защита оказывалась и русскому населению в Польше. Правда, ситуация там была менее однозначной. РПЦЗ не признала незаконно полученной от Константинопольского Патриарха автокефалии Польской Православной Церкви, но при этом митрополит Антоний достаточно благожелательно относился к отстаивавшему Православие в католической стране митрополиту Варшавскому Дионисию (Валединскому). Так, 28 декабря 1934 г. владыка Антоний писал не признававшему автокефалии Польской Церкви и поэтому заключенному в монастырь архиепископу Пинскому Пантелеимону (Рожновскому): «Конечно, что говорить, положение Ваше не из первоклассных, но и М. Дионисия также не блестящее, ему тоже не легко. Я смотрю на него и удивляюсь, как у него хватает сил для той работы, какую он ведет. Легко критиковать... ведь он все время находится между молнией и наковальней, а тут еще и свои собратия и ближайшие сотрудники один другого лучше. Надо же входить в положение и его, а не рубить сплеча и обвинять его чуть ли не в шпионстве за Вами. Меньше бы Вам слушать людей, ненавидящих М. Дионисия и потерей положения обездоленных,

⁹³ Антоний (Храповицкий), митр. Письма Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). С. 218–219.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 116; Д. 117; Д. 125.

⁹⁵ Иоанн (Максимович), свт. Краткая история РПЦЗ // Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви за границей. 2010. № 4–5. С. 7.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 107; Д. 111; Д. 137.

на весь мир сердцающих, а братски приблизиться, я бы сказал, к страдальцу М. Дионисию, и с ним бы по душам поговорить, и Вы бы тогда убедились, что он не враг Вам, а такой же страдалец за Св. Православие, как и Вы»⁹⁷.

Во второй половине 1930-х гг. в Польше начались массовые гонения на Православие, и РПЦЗ пришлось вести активную борьбу в его защиту. Уже 8 сентября 1936 г. на Архиерейском Соборе было принято обращение по поводу положения Православной Церкви в Польше (преследования православных, украинизации и полонизации Церкви).

Сложным также оказалось положение православных приходов в Германии после прихода там в 1933 г. к власти нацистской партии. При этом в стране шла борьба между евлогиянами и представителями РПЦЗ, в юрисдикцию которой в 1934 г. перешла община висбаденской церкви. Когда митрополит Евлогий пригласил служить в Висбаден архиепископа Пантелеимона (Рожновского), владыка Антоний в письме от 28 декабря отсоветовал архиепископу принять данное предложение: «Евлогия выпирают из Висбадена, ибо весь приход перешел в ведение Епископа Берлинского и Германского Тихона, а Евлогий, чтобы спасти свое положение, хочет Вас втянуть в эту кашу. Конечно, при всем Вашем миролюбивом настроении, Вы вынуждены будете воевать по указанию своего начальства, и таким образом явитесь и моим противником, как Председателя Синода и Собора, которому подчиняется и даже является его членом Епископ Тихон. Что касается организации Вами немецких служб, то это идея хорошая, но, к сожалению, остается только идеей. Пробовали мы все, но еще время не пришло. На немецкие службы усерднейше являлись опять тоже русские, а немцев не так-то просто залучить в Православную Церковь, а особенно теперь, когда Гитлеровщина обожествляется...»⁹⁸

Из этой и других подобных фраз видно негативное отношение митрополита Антония к нацистскому режиму и идеологии. Однако когда правительство Пруссии приняло 14 марта 1936 г. постановление о присвоении епархии Берлинской и Германской РПЦЗ статуса корпорации публичного права, владыка был вынужден написать благодарственное письмо в качестве акта вежливости. 24 апреля Рейхсминистерство церковных дел сообщило митрополиту Антонию о решении правительства Пруссии и возможности строительства нового православного кафедрального собора в Берлине, частично на средства министерства.

Следует отметить, что после прихода в Германии к власти Гитлера некоторые русские эмигранты видели в нем своеобразное орудие возмездия «мировому масонству», отождествляемому с «безбожным большевизмом». Руководство РПЦЗ все же занимало более осторожную позицию. Незадолго до своей кончины митрополит Антоний заявил: «Я далек от международной жизни и не знаю современных вождей Германии: тем не менее, я не враг Германии, а совершенно наоборот»⁹⁹. Опубликовавшая эту фразу редакция близкой к владыке газеты «Царский вестник» в том же номере подчеркивала, что она «приветствует идею о необходимости сближения <...>, но при условии, чтобы немцы оставили свой традиционный взгляд на русский народ как на подлежащий уничтожению этнографический материал, годный лишь на удобрение немецкой культуры»¹⁰⁰.

Очень большое влияние митрополит Антоний оказывал на внутреннюю жизнь РПЦЗ. В 1930-е гг. владыка совершил для РПЦЗ 11 архиерейских хиротоний, в том числе: в 1930 г. — архимандрита Тихона (Троицкого) во епископа Сан-Францисского и архимандрита Иоасафа (Скородумова) во епископа Монреальского; в 1931 г. — архимандрита Феодосия (Самойловича) во епископа Детройтского и иеромонаха Иоанна (Шлимона-Геваргизова) во епископа Урмийского и Салмасского; в 1932 г. — архимандрита Виктора (Святина) во епископа Шанхайского; в 1934 г. — архимандрита Виталия

⁹⁷ Там же. Д. 288. Л. 78.

⁹⁸ Там же. Л. 77.

⁹⁹ Царский вестник. 1935. № 439. С. 2.

¹⁰⁰ Там же. С. 1.

Митрополит Антоний
во время богослужения, 1936 г.

(Максименко) во епископа Детройтского и иеромонаха Иоанна (Максимовича) во епископа Шанхайского¹⁰¹.

По предложению митрополита Антония вводились новые церковные праздники. Так, 31 октября 1929 г. владыка написал доклад, в котором указывал: «Ныне, на основании опыта, считаю долгом просить Архиерейский Синод об установлении дня Св. Равноапостольного Князя Владимира общим русским церковно-национальным праздником, с приглашением Архипастырей и пастырей в этот день особенно отметить значение русской православной культуры и в церковной, и в государственной жизни

русского государства. <...> Ныне, когда в России красный интернационал, проникающий и в эмиграцию, разрушает наши храмы и монастыри и разъедает русский церковно-национальный организм, стараясь уничтожить духовно и национально русский народ, особенно необходимо противопоставить сему установление церковно-национального праздника».

31 декабря 1929 г. Синод постановил установить день св. кн. Владимира, 15/28 июля, общим русским церковно-национальным праздником. Вскоре митрополит Антоний обратился к архипастырям, пастырям и всей пастве РПЦЗ с призывом уделить должное внимание вопросу о проведении повсеместного празднования этого дня подобающим образом. Уже в июле 1929 г. митрополит участвовал в особом праздновании в память св. кн. Владимира в большом зале Белградского университета¹⁰².

В связи с этим празднованием в Белграде был издан объемный «Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира», написанный митрополитом Антонием, профессорами Е. В. Спекторским и М. А. Георгиевским. В предисловии к сборнику отмечалось: «Св. кн. Владимир властно зовет нас к подвигу признания вечного значения Церкви и построения всей жизни, частной, семейной, общественной, государственной, на принципе признания этого Ее значения»¹⁰³.

Празднование дня св. кн. Владимира активно поддержали сербские архиереи, в частности — Патриарх Варнава. Во время панихид по павшим на Салоникском фронте русским воинам он сравнивал князя со св. Саввой. Епископ Жичский св. Николай (Велимирович), выступая 28 июля 1932 г. на празднике св. кн. Владимира в Белграде, сравнил Октябрьскую революцию как массовое уничтожение нации с поражением сербов на Косовом поле в 1389 г. Оба этих иерарха рассматривали св. кн. Владимира в качестве центральной, объединяющей русскую эмиграцию фигуры, которая также должна символизировать грядущее духовное возрождение России¹⁰⁴.

31 декабря 1931 г. Архиерейский Синод по предложению владыки Антония установил в зарубежных русских храмах в день кончины протоиерея Иоанна

¹⁰¹ *Никон (Рклицкий), еп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 5. С. 271.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 103. Л. 1–1 об.

¹⁰³ Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. Белград, б/г. С. 8.

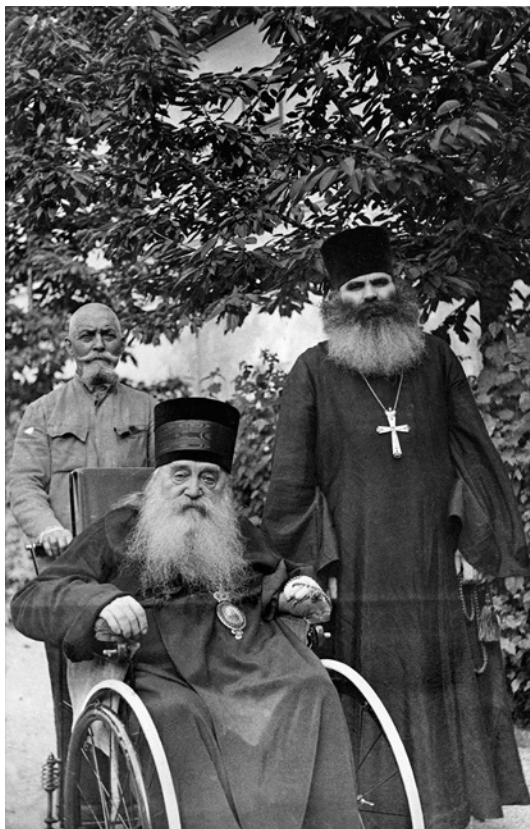
¹⁰⁴ Россия и славянство. Париж. 1932. 6 августа; *Маевский В.* Русские в Югославии. 1920–1945 гг. Т. 2. Нью-Йорк, 1962. С. 43.

Кронштадтского, 20 декабря, ежегодное совершение заупокойной литургии и панихиды по отцу Иоанну.

В начале 1930-х гг. митрополит Антоний учредил и лично возглавил братство Святой Руси имени св. кн. Владимира, которое должно было объединить «все русские национальные организации на общей единой основе — Православной вере». Отделы братства должны были возникнуть во всех епархиях и Миссиях Русской Православной Церкви Заграницей. К 1934 г. главный совет братства в соответствии с задачей по разработке и распространению идеи церковно-народного идеала Святой Руси составил курс лекций на общую тему «Идея Святой Руси и современные общественные течения», который читался в Белграде¹⁰⁵. Однако грандиозный замысел владыки по объединению русской эмиграции в результате деятельности братства окончился неудачей. В. А. Маевский позднее писал, что так называемое Владимирское движение провалилось из-за того, «что не было создано надлежащей духовной школы, не подготовлены кадры духовенства <...>, не были найдены пути к духовным стремлениям эмиграции»¹⁰⁶.

В 1932 г. митрополит Антоний передал на хранение королю Югославии вывезенные из России отступившей осенью 1919 г. на территорию Эстонии Белой армией генерала Юденича так называемые Мальтийские, или Гатчинские, святыни (Филермскую икону Божией Матери, десницу св. Иоанна Предтечи и часть Животворящего Креста Господня), которые поместили в королевской дворцовой церкви. В докладе владыки Антония Синоду от 10 декабря 1932 г. подчеркивалось: «Принимая названные Святыни и передавая их на хранение Его Величеству Королю Александру, я неизменно признавал их за собственность Российских Императоров. Поэтому и преемники мои как Председателя Архиерейского Синода собственником Святынь должны признать Главу Российского Царственного Дома, и если Святыни будут переданы кому-либо из моих преемников Королем Югославии, то на того Преосвященного ляжет долг обратиться к Главе Российской Династии за указаниями, как с ними поступить»¹⁰⁷. К сожалению, это условие временной передачи в дальнейшем было забыто, в настоящее время Гатчинские святыни находятся в Черногории.

В 1934 г. при Архиерейском Синоде для координации научно-богословской и духовно-учебной деятельности был учрежден Ученый комитет под председательством митрополита Антония, в состав которого вошли архиепископ Берлинский

Митрополит Антоний и его келейник архимандрит Феодосий в сербском монастыре Высокие Дечаны, 1936 г.

¹⁰⁵ Косик В. И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000. С. 106–107; Царский вестник. 1934. № 392. С. 3.

¹⁰⁶ Маевский В. Русские в Югославии. 1920–1945 гг. Т. 2. С. 134.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 128. Л. 1.

Тихон (Лященко) и профессора Н. Н. Глубоковский, А. П. Доброклонский, Н. С. Арсеньев, С. В. Троицкий, М. В. Зазыкин¹⁰⁸.

По представлению и желанию болеющего митрополита Антония проходивший 16 октября – 7 ноября 1935 г. Архиерейский Собор избрал заместителем Первоиерарха архиепископа Кишиневского и Хотинского Анастасия (Грибановского), с 1934 г. исполнявшего обязанности помощника председателя Архиерейского Синода. Владыка Антоний написал о нем теплую статью. 10 ноября того же года владыка Анастасий по окончании сессии Архиерейского Собора принял из рук Патриарха Варнавы митрополичий белый клобук, изъявив свое согласие на принятие сана митрополита в качестве заместителя владыки Антония¹⁰⁹.

В 1935 г. исполнилось 50-летие священнослужения митрополита Антония. Готовясь к исходу из этой жизни, владыка не возражал против устройства празднования. Оно состоялось 13 октября и стало торжеством почти всего русского рассеяния, а также братских Поместных Православных Церквей. К юбилею была учреждена премия имени Блаженнейшего митрополита Антония для студентов богословского факультета Белградского университета.

Последние годы митрополит Антоний уже не мог ни ходить, ни стоять на ногах, и его носили каждый праздничный и воскресный день в церковь, где он неопустительно причащался Святых Таин и говорил поучения. Скончался владыка 10 августа 1936 г. в Сремских Карловцах. 12 августа его тело, после заупокойной литургии и панихиды, отслуженных в патриаршем соборе в Сремских Карловцах Патриархом Варнавой, перевезли в кафедральный собор св. Архангела Михаила в Белграде. Заупокойную литургию 13 августа в Михайловском соборе служили Патриарх Варнава, шесть русских и сербских архиереев и свыше 20 других священнослужителей. В конце литургии Сербский Первосвятытель произнес надгробную речь, в которой отметил: «...Перед нами земные останки того великого человека, который всю свою жизнь работал на ниве Христовой и без усталости ее обрабатывал. Имя митрополита Антония связано с громадным периодом развития великой духовной мощи Русской Церкви и русского народа, развития русской богословской мысли и русской церковной литературы. <...> Прощаясь ныне с митрополитом Антонием <...> мы все должны навсегда сохранить

его священный завет о том, чтобы православная царская Россия была бы восстановлена во что бы то ни стало. В этом спасение всех нас. Это всегда чувствовал наш великий покойник, чувствую и я, чувствуете это и все вы. <...> Мы должны уберечь Русскую Церковь, рассеянную по всему миру в это страшное время, и до тех пор, пока я остаюсь на своем положении, я не допущу, чтобы хоть один волос упал с Русской Православной Церкви Заграницей. Таковы св. заветы из этого гроба». В тот же день митрополит был погребен в усыпальнице Иверской часовни на Новом белградском кладбище¹¹⁰.

Могила митрополита Антония в крипте Иверской часовни на Новом кладбище Белграда

¹⁰⁸ Церковная жизнь. 1939. № 1–2. С. 12.

¹⁰⁹ Никон (Рклицкий), еп. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 5. С. 286.

¹¹⁰ Там же. С. 117, 129–131.

П. Н. Базанов: Митрополит Антоний (Храповицкий) и Братство Русской Правды

Братство Русской Правды (далее — БРП)¹¹¹ — одна из самых массовых и конспиративных военных и политических организаций Русского Зарубежья.

Глава Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Антоний (в миру — Алексей Павлович Храповицкий) (1863–1936) официально благословил БРП и даже 20 сентября 1927 г. даровал особую Благословенную Грамоту и Молитву БРП. Также митрополит был председателем ревизионной комиссии Фонда Спасения Родины (Казны Великого Князя Николая Николаевича), собиравшего деньги и на БРП¹¹².

Митр. Антонию нравилось, что БРП выступало за установление на родине клерикальной власти православного духовенства и призывало привести к власти Русское Христианское Правительство¹¹³. Необычными для русской общественной мысли, даже монархической, были братские призывы передать всю светскую власть Русской Православной Церкви. Во многом именно поэтому БРП получило благословление РПЦЗ и официально было признано самой близкой по духу к Церкви организацией.

В 1930 г. митр. Антоний благословил оружие и боевую работу БРП и даровал Молитву о России БРП¹¹⁴, которая печаталась во всех правых русских зарубежных периодических изданиях и была выпущена в виде листовое. В органе БРП — журнале «Русская Правда» — регулярно выходили послания иерарха: «Архипастырское послание ко всем православным Русским людям в Подъяремной России и в Зарубежье» от 30 апреля 1930 г.¹¹⁵, «Из архипастырского послания Митрополита Антония ко всем православным людям»¹¹⁶. На Архиерейский Синод наиболее сильное впечатление произвела передовица «Русской Правды» с возмущением по поводу уничтожения Храма Христа Спасителя как символа России и нации¹¹⁷.

Во время раскола БРП в июле 1932 г. митрополит Антоний до последнего защищал Верховный Круг БРП от оппонентов и подчеркивал, что постоянно молится за них.

Источники и литература

1. Андроник (Трубачев), игум. Из истории книги «Столп и утверждение Истины» // *Флоренский П. А. Соч.* Т. 1 (2). Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990. С. 827–837.
2. Андроник (Трубачев), игум. Священник Павел Флоренский — профессор Московской Духовной академии и редактор «Богословского вестника» // *Богословские труды.* Сб. 28. М., 1987. С. 290–314.
3. Антоний (Храповицкий), митр. Избранные труды. Письма. Материалы. М.: ПСТГУ, 2007. 942 с.
4. Антоний (Храповицкий), митр. Как относится служение общественному благу к заботе о спасении своей собственной души? // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Hrapovickij/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-3/1#note32 (дата обращения: 12.06.2024).
5. Антоний (Храповицкий), митр. Новый опыт учения о богопознании // *Антоний (Храповицкий), митр.* Полн. собр. соч.: В 3 т. Т. 3. Казань: Типо-литография Имп. Ун-та. 1900. С. 417–430.

¹¹¹ См. подробнее: *Базанов П. Н.* Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья: Монография. М.: Посев, 2013. 420 с.

¹¹² ГАРФ. Ф. Р-6125. Оп. 1. Д. 54. Л. 2 об.

¹¹³ Братская памятка 1932 г. 1-е изд. [Томпсон (штат Коннектикут)], 1932. С. 6.

¹¹⁴ Опувл. в кн.: *Косик В. И.* Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). С. 222–223.

¹¹⁵ Русская Правда. 1930. Март — апр. С. 1–2.

¹¹⁶ Там же. 1931. № 7–8. С. 15.

¹¹⁷ Там же. С. 1.

6. *Антоний (Храповицкий), митр.* Письма Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль (Н. I.): Свято-Троиц. монастырь, 1988. 281 с.
7. *Антоний (Храповицкий), митр.* Сила Православия. М.: Ин-т русской цивилизации; Алгоритм, 2012. 679 с.
8. *Антоний (Храповицкий), митр.* Ф. М. Достоевский как проповедник возрождения. Мореаль: Изд-е Северо-Американской и Канадской епархии, 1965. XVI, 311 с.
9. *Базанов П. Н.* Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья: Монография. М.: Посев, 2013. 420 с.
10. *Базанов П. Н., Вахитов Р. Р., Гаврилов И. Б., Ермишина К. Б., Корольков А. А., Малинов А. В., Медоваров М. В., Тесля А. А., Фатеев В. А.* Евразийство: pro et contra. К 100-летию выхода сборника «Исход к Востоку». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 2 (13). С. 12–52.
11. *Белукова В. Б., Гаврилов И. Б., Захарова В. Т., Иванов И., свящ., Любомудров А. М., Пак Н. И.* «Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 50-летию кончины классика литературы Русского зарубежья Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972) // Русско-Византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 154–166.
12. *Беляев А.* Любовь Божественная. Опыт раскрытия главнейших христианских догматов из начала любви Божественной. М.: Тип. М. Н. Лаврова, 1884. 417 с.
13. Богословие истории в XX веке: Восток и Запад: Монография / Свящ. М. Легеев, прот. В. Хулап, прот. Д. Сизоненко и др.; под общ. ред. свящ. М. Легеева. СПб.: Изд-во СПбДА, 2023. 564 с. (Теология: история и современность).
14. Братская памятка 1932 г. 1-е изд. [Томпсон (штат Коннектикут)], 1932.
15. *Варнава (Росич), патр.* Речь Святейшего Патриарха Сербского Варнавы над гробом Блаженнейшего митрополита Антония в белградском соборе 31 августа / 13 сентября 1936 г. // URL: <https://www.rus-orden.com/Docs.aspx?doc=texts3/130810news.html> (дата обращения: 12.06.2024).
16. *Вениамин (Федченко), митр.* На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 1994. 448 с.
17. *Гаврилов И. Б.* Богословие истории свт. Серафима (Соболева) в полемике с прогрессистским утопизмом XX в. // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 4 (12). С. 12–42.
18. *Гаврилов И. Б.* Художник. Мыслитель. Пророк. 200-летний юбилей Ф. М. Достоевского на страницах изданий СПбДА: ретроспективный анализ и библиографический обзор // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 3 (19). С. 258–276.
19. ГАРФ. Ф. Р-6125. Оп. 1. Д. 54.
20. ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1.
21. *Граф Г. К.* На службе Императорскому Дому России. 1917–1941. Воспоминания. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 2004. 687 с.
22. *Григорьевич Б.* Русская Православная Церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. М.: Индрик, 1996. С. 109–111.
23. *Даренский В. Ю., Дронов И. Е., Ильин Н. П., Котельников В. А., Медоваров М. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б.* Философия Аполлона Григорьева (1822–1864) в контексте русской и европейской мысли и культуры. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 3 (14). С. 12–48.
24. *Даренский В. Ю., Котельников В. А., Медоваров М. В., Минаков А. Ю., Самуилов Г. Н., Лебрён Р., Суарес Х. М. Н., Гаврилов И. Б.* Жозеф де Местр (1753–1821) и русская мысль: к 270-летию савойского религиозного мыслителя. Материалы Международной конференции научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» от 7 ноября 2023 г. // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1 (16). С. 24–64.
25. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной // URL: <https://azbyka.ru/fiction/put-moej-zhizni/5/> (дата обращения: 12.06.2024).

26. *Иванов А. А.* Проблематика русского национализма в статьях и проповедях митрополита Антония (Храповицкого) // Русин. 2019. № 58. С. 58–78.
27. *Иванов В. Ф.* Православный мир и масонство. М.: ТРИМ, 1993. 96 с.
28. *Иванов В. Ф.* Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней. М.: ФондИВ, 2008. 533 с.
29. *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б.* О IV научно-богословской конференции «Русско-Византийский Логос» 13 сентября 2022 г. // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 230–240.
30. *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б.* О деятельности «Византийского кабинета» в 2022 г. // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 241–259.
31. *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б., Титаренко С. Д., Титаренко Е. М., Сокурова О. Б., Маркидонов А. В.* Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 338–355.
32. *Иоанн (Максимович), свт.* Краткая история РПЦЗ // Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви за границей. 2010. № 4–5.
33. *Иоанн (Максимович), свт.* Слово в день девятнадцатой годовщины со дня кончины Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого), 28 июля / 10 августа 1955 г. // URL: https://www.domrz.ru/exhibition/51549_mitropolit_antonyi_khrapovitskiy_k_160_letiyu_sodnya_rozhdeniya_/?ysclid=lxlomw06rn924387357 (дата обращения: 12.06.2024).
34. *Корольков А. А., Даренский В. Ю., Фатеев В. А., Шевченко М. М., Минаков А. Ю., Иванов И., свящ., Воронаев В. А., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б.* Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 20–59.
35. *Косик В. И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М.: Православ. Св.-Тихон. богосл. ин-т, 2000. 287 с.
36. *Кострюков А. А.* Новые сведения о взглядах архиепископа Богучарского Серафима (Соболева) на проблемы Русской Православной Церкви // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История РПЦ. 2011. № 42. С. 124–133.
37. *Маевский В.* Русские в Югославии. 1920–1945 гг. Т. 2. Нью-Йорк: Ист. кружок, 1962. 364 с.
38. *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого // URL: https://russportal.ru/index.php?id=church_writing.antony_khrapovitsky1971_01_003 (дата обращения: 12.06.2024).
39. *Никон (Рклицкий), еп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк: Северо-амер. и канад. епархия, 1959. Т. 5. 336 с.
40. Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подг. текстов и коммент. Е. В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004. 704 с.
41. Переписка свящ. П. А. Флоренского с М. А. Новоселовым. Томск: Водолей, 1999. 262 с.
42. *Попов И. В.* [Рец. на:] *Антоний (Храповицкий), еп.* Полн. собр. соч. Т. 1–3. Казань, 1900 // Богословский вестник 1901. Т. 1. № 1. С. 171–187 (2-я пагин.).
43. Россия и славянство. Париж. 1932. 6 августа.
44. Русская Правда. 1930. Март – апр. С. 1–2.
45. Русская Правда. 1931. № 7–8. С. 1, 15.
46. Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. Белград, б/г. 41 с.
47. *Серафим (Соболев), архиеп.* Система философии: Опыт научного синтеза: В 2 ч. Ч. 2 // Символ. 2016. № 67. С. 53–671.
48. *Серафим (Соболев), архиеп.* По поводу статьи митрополита Антония (Храповицкого) «Догмат искупления» // *Серафим (Соболев), архиеп.* Искажение православной истины в русской богословской мысли. Репринт изд. 1943 г. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1997. С. 3–110.
49. *Сизоненко Д., прот., Кибальниченко С. А., Маркидонов А. В., Титаренко С. Д., Гаврилов И. Б.* «Достоевский: Трагедия – Миф – Мистика» Вячеслава Иванова. Материалы

круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник». К выходу нового научного издания монографии В. И. Иванова о Ф. М. Достоевском // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 144–175.

50. *Феодосий (Мельник), архим.* Святейший Патриарх Варнава и владыка митрополит Антоний (по личным воспоминаниям) // Церковная жизнь. 1937. № 7–8.

51. *Фирсов С. Л.* Владыка Антоний (Храповицкий) как православный публицист и полемист конца XIX – начала XX века: Штрихи к социально-психологическому портрету // URL: <https://www.rocorstudies.org/ru/2017/02/21/vladyka-antonij-hrapovitskij-kak-pravoslavnyj-publitsist-i-polemist-kontsa-xix-nachala-xx-veka-shtrihi-k-sotsialno-psihologicheskomu-portretu/> (дата обращения: 12.06.2024).

52. *Флоренский П. А.* Соч. Т. 1 (1). Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990. 491 с.

53. *Флоровский Г., прот.* Восточные отцы IV века. Минск: Изд. Белорусского Экзархата, 2006. 303 с.

54. *Хондзинский П., прот.* Синтез опытной психологии и метафизики в духовно-академической науке второй половины XIX столетия: А. Е. Светилин и его ученики // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 4 (33). С. 152–174.

55. *Хондзинский П., прот.* Экклесиологическая концепция Э. Мерша и ее восприятие богословами русской диаспоры // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 102. С. 29–49.

56. *Хондзинский П., прот., Гаврилов И. Б., Даренский В. Ю., Павлюченков Н. Н., Фатеев В. А.* Александр Матвеевич Бухарев (архимандрит Феодор): pro et contra. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 10–35.

57. *Хондзинский П., прот., Костромин К., прот., Легеев М., свящ., Иванов И., свящ., Оболевич Т. С., Маркидонов А. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б., Медоваров М. В., Тесля А. А.* Наследие прот. Георгия Флоровского (1893–1979): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 40-летию кончины выдающегося православного мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 156–175.

58. *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Медоваров М. В., Гаврилов И. Б.* Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского (1882–1937): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет». К 140-летию со дня рождения и 85-летию со дня трагической кончины выдающегося русского мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2023. № 1 (12). С. 24–50.

59. Царский вестник. 1929. 27 октября.

60. Царский вестник. 1930. № 92.

61. Царский вестник. 1934. № 392.

62. Царский вестник. 1935. № 439.

63. Церковная жизнь. 1939. № 1–2.

64. *Augustinus Aurelius, st.* De civitate Dei.

65. *Secrétan Ch.* La philosophie de la liberté, Paris: Sandoz et Fischbacher, 1879.

Д. А. Карпук

Деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в период преподавания в Санкт-Петербургской духовной академии

УДК 271.2-726.1:271.2-756(470.23-25)-9

DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_161

EDN PWRJEI

Аннотация: В статье с привлечением архивных и опубликованных источников рассматривается преподавательская деятельность иеромонаха, впоследствии митрополита Антония (Храповицкого) в Санкт-Петербургской духовной академии в 1887–1890 гг. Будущий владыка в высшей богословской столичной школе преподавал Священное Писание Ветхого Завета. Этот предмет не являлся для отца Антония профилирующим, поскольку сначала свое кандидатское сочинение, потом магистерскую диссертацию он посвятил совершенно другой теме, связанной с психологией. Вместе с тем отец Антоний в академии как научный руководитель пользовался огромной популярностью. Так, только в 1889–1890 учебном году под его руководством трудилась пятая часть от общего количества выпускников. В статье делается предположение, что такая популярность была связана не столько с научными успехами отца Антония, сколько с его харизматичной личностью и активной деятельностью как проповедника и воспитателя молодежи на благо Церкви Христовой.

Ключевые слова: митрополит Антоний (Вадковский), митрополит Антоний (Храповицкий), епископ Михаил (Грибановский), Священное Писание Ветхого Завета, Санкт-Петербургская духовная академия, кандидатская диссертация.

Об авторе: **Дмитрий Андреевич Карпук**

Кандидат богословия, заведующий аспирантурой, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, заведующий кафедрой церковно-исторических и общегуманитарных дисциплин Псково-Печерской духовной семинарии.

E-mail: dimand3@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3054-387X>

Для цитирования: Карпук Д. А. Деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в период преподавания в Санкт-Петербургской духовной академии // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 161–167.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3 (18)

2024

Dmitry A. Karpuk

The Activities of Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) During the Period of Teaching at the St. Petersburg Theological Academy

UDC 271.2-726.1:271.2-756(470.23-25)-9
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_161
EDN PWRJEI

Abstract: Using archival and published sources, the article examines the teaching activities of the hieromonk, later Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), at the St. Petersburg Theological Academy in 1887–1890. The future bishop taught the Holy Scriptures of the Old Testament at the highest theological school in the capital. This subject was not a major for Father Anthony, since first he devoted his candidate's essay, then his master's thesis to a completely different topic related to psychology. At the same time, Father Anthony enjoyed enormous popularity at the academy as a scientific director. Thus, only in the 1889–1890 academic year, a fifth of the total number of graduates worked under his leadership. The article makes the assumption that such popularity was associated not so much with the scientific successes of Father Anthony, but with his charismatic personality and active work as a preacher and educator of youth for the benefit of the Church of Christ.

Keywords: Metropolitan Anthony (Vadkovsky), Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), Bishop Mikhail (Gribanovsky), Holy Scripture of the Old Testament, St. Petersburg Theological Academy, Ph. D. thesis.

About the author: Dmitry Andreevich Karpuk

Candidate of Theology, head of graduate school, associate professor of the department of church history of the St. Petersburg Theological Academy, head of the department of church history and general humanitarian disciplines of the Pskov-Pechersk Theological Seminary.

E-mail: dimand3@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3054-387X>

For citation: Karpuk D. A. The Activities of Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) During the Period of Teaching at the St. Petersburg Theological Academy. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 161–167.

Митрополит Антоний (Храповицкий) является одним из самых выдающихся архиереев Русской Церкви на рубеже XIX–XX вв. Вместе с тем даже беглый обзор церковно-административной деятельности владыки со всей наглядностью показывает «строптивый», по меркам синодального периода, характер этой деятельности¹. В этой связи изучение его биографии требует от исследователей большой осторожности и внимательности. В данной статье хотелось бы, с использованием как архивных, так и опубликованных источников, обратить внимание на эпизоды, мало или практически совсем не раскрытые в имеющейся литературе. Речь пойдет о периоде преподавания молодого «ученого» монаха в Санкт-Петербургской духовной академии.

Внешняя канва этой деятельности выглядит следующим образом. Будущий митрополит обучался в Санкт-Петербургской духовной академии с 1881 по 1885 гг. 18 мая 1885 г. был пострижен в монашество. Через месяц, 15 июня, был рукоположен в сан иеродиакона. С 15 августа 1885 г. — профессорский стипендиат. Однако через месяц — 16 сентября — отец Антоний был назначен помощником инспектора и тогда же подал прошение на имя ректора академии епископа Арсения (Брянцева) с просьбой уволить его от стипендиатства. Совет академии данное прошение утвердил². 29 сентября 1885 г. был рукоположен в сан иеромонаха.

7 августа 1886 г. отец Антоний был уволен с должности помощника инспектора и 8 августа того же года назначен преподавателем литургики, гомилетики и практического руководства для пастырей в Холмскую духовную семинарию. Уже через полгода, 17 января 1887 г., архиепископом Холмским и Варшавским Леонтием (Лебединским) за отлично-усердную службу по должности преподавателя награжден набедренником. Еще через полгода, 6 июня 1887 г., епископом Люблинским Флавианом (Городецким) назначен духовником ставленников. Уже после перевода в Петербург постановлением Совета Холмского Православного Свято-Богородицкого Братства от 11 октября 1887 г. за живое сочувствие и содействие целям Братства ему был присвоен знак Братства 2-й степени, «для ношения по установлению»³.

28 августа 1887 г. отец Антоний был зачислен на вакантную кафедру Священного Писания Ветхого Завета в Санкт-Петербургскую духовную академию. 7 и 10 сентября он, по тогдашней традиции, прочитал в присутствии Совета две лекции: первую на тему, избранную им самим: «Введение в учительные книги Ветхого Завета», и вторую, по назначению Совета: «Пророчество патриарха Иакова о Иуде». 11 сентября 1887 г. состоялось утверждение его как исправляющего должность доцента⁴. 21 декабря 1887 г. иеромонах Антоний блестяще защитил свою магистерскую диссертацию «Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности»⁵. Рецензентами и, по тогдашним правилам, оппонентами выступили

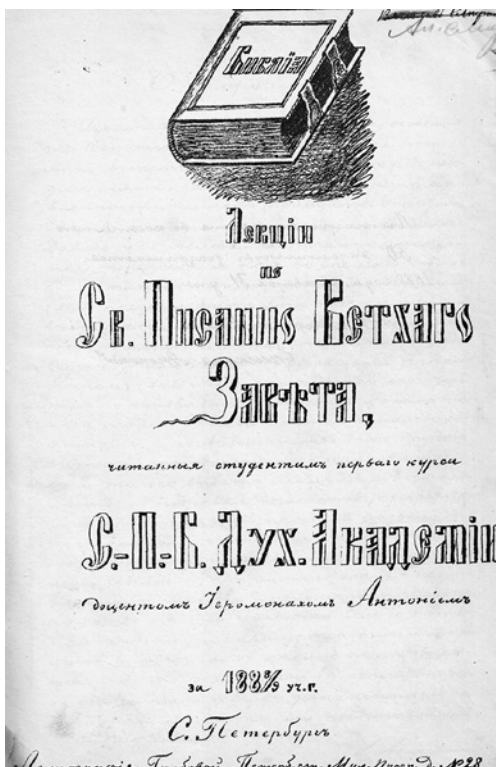
¹ См.: *Никон (Рклицкий), архиеп.* Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время (1863–1936). Кн. 1. Нижний Новгород: Изд. Братства во имя святого князя Александра Невского, 2003; *Яковлев А. И.* Церковный воитель // *Антоний (Храповицкий), митр.* Избранные труды, письма, материалы. М.: ПСТГУ, 2007. С. IV–LI; *Э. П. Р.* Антоний (Храповицкий), митр. // *Православная энциклопедия.* Т. 2. М., 2001. С. 646–652; *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б.* Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // *Русско-Византийский вестник.* 2024. № 3 (18). С. 124–160.

² Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1885–1886 учебный год. СПб., 1888. С. 47–48.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 169. Д. 465. Л. 5 об.–7 об.

⁴ Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1887–1888 учебный год. СПб., 1892. С. 13–14, 42–43.

⁵ Кандидатскую диссертацию отец Антоний писал на тему: «Свобода воли и детерминизм с религиозно-нравственной точки зрения. Сравнительно-критическое исследование. В приложении: Попытка заменить идею свободы воли понятием творческой личности». Руководителем выступил исполняющим должность доцента Н. Г. Дебольский. См. отзыв: Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1884–1885 учебный год. СПб., 1886. С. 251–253.

Обложка литографированного курса лекций иеромонаха Антония (Храповицкого)

В этой связи ректор академии епископ Антоний (Вадковский) дважды выступал с ходатайством о вознаграждении иеромонаха Антония разовыми выплатами по 300 руб. И Св. Синод дважды одобрял данные прошения — определениями от 20 февраля 1890 г. за № 386¹⁰ и от 5 сентября 1890 г. за № 2065¹¹.

Как было отмечено выше, преподавание Ветхого Завета для отца Антония было случайностью, но «случайностью» вполне традиционной для системы духовного образования XIX в. Очень часто выпускники духовных академий назначались в духовные школы — чаще семинарии, реже академии — преподавать дисциплины, которые для них в период обучения в академии не являлись профилирующими. После таких назначений молодые преподаватели должны были решать, насколько серьезно они будут заниматься для себя в определенной степени новыми областями богословской науки. Что касается иеромонаха Антония, то он, насколько можно судить по сохранившимся материалам, преподавал Священное Писание Ветхого Завета со всей присущей ему пылкостью и энергией.

Из сохранившихся литографированных курсов академических лекций видно, что отец Антоний в рамках своих занятий затрагивал как общие, так и узкоспециальные темы. Так, например, молодой преподаватель подробно разбирал роль и значение

один из мэтров отечественной философии М. И. Каринский и гораздо менее известный, но также талантливый ученый Ф. А. Тихомиров⁶. Указ Св. Синода об утверждении соискателя в степени последовал 22 января 1888 г. за № 350⁷. Будущий митрополит сделал очень серьезный и важный шаг в своей научной карьере. Далеко не все так называемые «ученые» монахи синодальной эпохи достигали даже таких — средних на самом деле для того времени — научных высот.

9 февраля 1888 г. иеромонах Антоний был утвержден в должности доцента. В том же году, 5 апреля, за «примерную службу» митрополитом Санкт-Петербургским Исидором (Никольским) был возведен в звание соборного иеромонаха⁸. С 28 октября 1889 г. по 15 августа 1890 г. иеромонах Антоний, на основании указов Св. Синода, исполнял обязанности инспектора академии вместо тяжело болевшего и находившегося на лечении инспектора архимандрита Михаила (Грибановского). Примечательно, что полагавшееся за этот труд жалованье получал отец Михаил, иеромонах Антоний же исполнял «инспекторские, весьма нелегкие, обязанности безмездно и с отличным усердием и ревностью»⁹.

⁶ См.: Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1887–1888 учебный год. СПб., 1892. С. 48–57, 140–141.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 169. Д. 382. Л. 10.

⁸ Там же. Д. 465. Л. 1, 9.

⁹ Там же. Оп. 171. Д. 347. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 347. Л. 3.

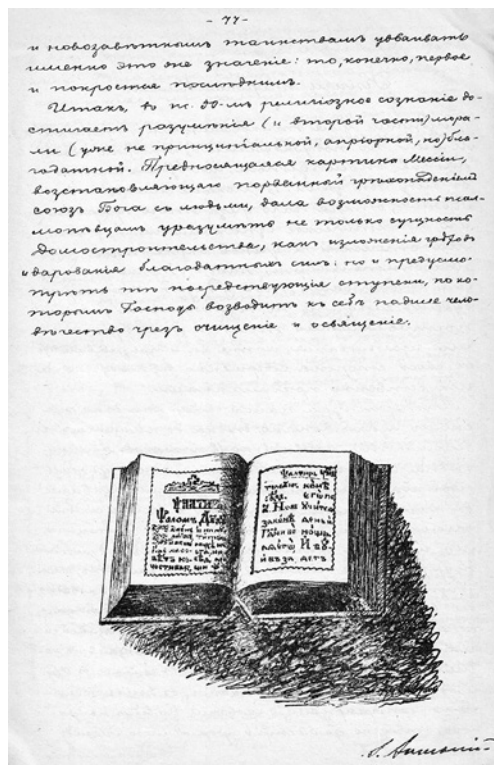
¹¹ Там же. Д. 526. Л. 3.

герменевтики, как современной, так и схоластической; останавливался на разборе целей, задач и методов науки Священного Писания, отмечая в том числе и существовавшие в богословской науке проблемы: «Каждая из богословских наук берет Библию не в целом, а с интересующей ее стороны: догматической, моральной, канонической и пр. Отсюда понятно, что даже беспристрастные богословы-специалисты, естественно, склонны накоплять, как можно, более библейского материала для своей науки, и таким образом придавать догматическое, или литургическое, или пасторальное значение и тем местам Св. книги, которые его или не имеют, или имеют, но не с посредственной ясностью. Доказательством тому могут служить семинарские учебники в их ссылках на Св. Писание»¹². Из сохранившегося курса лекций за 1888/1889 учебный год видно, что отец Антоний подробно рассматривал вопрос о пророчествах в Псалтири, а также по главам разбирал книгу Экклезиаста¹³.

Отдельного внимания заслуживает деятельность молодого наставника в качестве научного руководителя. Так, только в 1889–1890 учебном году у Храповицкого свои кандидатские диссертации писали 14 студентов, что составило 19% (sic!) от общего количества выпускников. И это при том, что общее количество преподавателей академии, согласно штатам академического устава 1884 г., насчитывало чуть более 30 человек. Все темы так или иначе были связаны с ветхозаветной проблематикой. Так, в том же учебном году у Храповицкого писали следующие студенты: А. Георгиевский «Отличительные черты учения книг Соломоновых и книги Иисуса сына Сирахова»; С. Гордцев «Отношение книги Притчей в книге Иова (со стороны содержания)»; В. Григорович «Учение Ветхого Завета о воспитании детей и об изучении премудрости»; П. Знаменский «Разрешение спора о том, признается ли в Ветхом Завете существование языческих богов или нет»; В. Зубарев «Учение Ветхого Завета о молитве»; иеромонах Герман (Иванов) «Св. Тихон как экзегет»; И. Котов «Общие черты в пророчествах Исаии, Осии, Амоса, Михея и Малахии и раскрытие предсказанных ими истин Нового Завета»; Н. Лузгин «Учение Ветхого Завета о призвании и назначении женщины»; В. Люцернов «Из каких элементов ветхозаветного учения могла сложиться молитва Симеона Богоприимца? (о понятиях: мир в смерти, спасение, свет язычникам и слава Израйля)»; Н. Медведков «Иъяснение свящ. повествований о личности Давида до его воцарения»; К. Смирнов «Анализ религиозно-моральных понятий Ветхого Завета, вошедших в пасхальное зачало от Иоанна (слово, свет, жизнь, путь, истина и пр.)»; В. Соболев «Истолкование воскресных утренних прокимнов в связи

¹² Антоний (Храповицкий), иером. Лекции по Св. Писанию Ветхого Завета, читанные студентам 1-го и 2-го курсов СПбДА в 1888/9 учебном году. СПб., 1889. С. 3–4, 7.

¹³ Антоний (Храповицкий), иером. Лекции по Священному Писанию Ветхого Завета, читанные студентам С.-Петербургской Духовной Академии в 1889–90 учебном году. СПб., 1889. 212 с.

Страница из литографированного курса лекций по Ветхому Завету иеромонаха Антония (Храповицкого) с его подписью

с прочими пророчествами о воскресении Мессии»; А. Спановский «Отличительные черты герменевтики Златоуста от прочих знаменитейших отеческих толкователей Ветхого Завета»; иеромонах Арсений (Тимофеев) «Библейское представление Церкви под образами: виноградною лозы, стада, невесты и пр. и их правильное толкование»; Н. Феодосиев «Ветхозаветное представление Церкви под образом дочери Иерусалимской»¹⁴. Годом ранее под руководством отца Антония было написано 11 кандидатских сочинений¹⁵. Сделаем осторожное предположение, что отец Антоний привлекал студентов не столько как специалист в области Ветхого Завета, каковым он не мог стать за несколько лет преподавательской работы, сколько как активный и харизматичный преподаватель, вдохновитель общества студентов-проповедников¹⁶, пример и образец академического — «ученого» — монашества.

Остается только догадываться, каких успехов достигла бы кафедра Священного Писания Ветхого Завета, если иеромонах Антоний занимал ее хотя бы лет десять. Как бы то ни было, указом Св. Синод от 25 июля 1890 г. за № 2812 соборный иеромонах Антоний с возведением на основании § 24 Устава духовных семинарий в сан архимандрита был назначен на должность ректора Санкт-Петербургской духовной семинарии¹⁷. Впоследствии, в 1900 г., Антоний (Храповицкий), будучи епископом Уфимским и Мерзелинским, был избран почетным членом родной академии¹⁸.

Подводя итог, можно утверждать, что кратковременный, но усиленный период как изучения, так и преподавания Антонием (Храповицким) Священного Писания не мог не принести пользу будущему выдающемуся архипастырю Русской Православной Церкви. Впоследствии, например, знания по Ветхому Завету позволили владыке вполне профессионально оценить во время ревизии Киевской духовной академии в 1908 г. лекции по Священному Писанию Ветхого Завета профессора В. П. Рыбинского и молодого преподавателя по кафедре библейской истории В. Ф. Иваницкого¹⁹. Насколько же серьезным, а главное перспективным было направление, выбранное в рамках своей преподавательской деятельности Храповицким, должны ответить специалисты, занимающиеся библеистикой, проанализировав несколько десятков его отзывов на кандидатские сочинения и два академических курса лекций, сохранившихся до настоящего времени.

Источники и литература

1. Антоний (Храповицкий), архиеп. Отчет по Высочайше назначенной ревизии Киевской Духовной Академии в марте и апреле 1908 года. Почаев, 1909. 72 с.

2. Антоний (Храповицкий), иером. Лекции по Св. Писанию В. Завета, читанные студентам 1-го и 2-го курсов СПбДА в 1888/9 учебном году. Рукопись. Литография. СПб.: Лит. Гробовой, 1889. 228, 187 с.

3. Антоний (Храповицкий), иером. Лекции по Священному Писанию Ветхого Завета, читанные студентам С.-Петербургской Духовной Академии в 1889–90 учебном году. Рукопись. Литография. СПб.: Литография Гробовой, 1889. 212 с.

¹⁴ См.: Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1889–1890 учебный год. СПб., 1894. С. 256–271.

¹⁵ Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1888–1889 учебный год. СПб., 1894. С. 231–247.

¹⁶ См.: Рункевич Н. Десятилетие проповеднической деятельности духовной академии // Церковный вестник. 1897. № 48. Стб. 1592.

¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 171. Д. 478. Л. 1.

¹⁸ Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1900 г. // Христианское чтение. 1901. № 3. С. 337.

¹⁹ См.: Антоний (Храповицкий), архиеп. Отчет по Высочайше назначенной ревизии Киевской Духовной Академии в марте и апреле 1908 года. Почаев, 1909. С. 45, 54–55.

4. *Антоний (Храповицкий), иером.* Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности // *Христианское чтение.* 1888. № 1–2. С. 190–198.
5. *Антоний (Храповицкий), митр.* Избранные труды, письма, материалы. М.: ПСТГУ, 2007. 1056 с.
6. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1884–1885 учебный год. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1886. 263 с.
7. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1885–1886 учебный год. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1888. 384 с.
8. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1887–1888 учебный год. СПб.: Тип. А. Катанского и К°, 1892. 398 с.
9. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1888–1889 учебный год. СПб.: Тип. А. Катанского и К°, 1894. 281 с.
10. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1889–1890 учебный год. СПб.: Тип. А. Катанского и К°, 1894. 367 с.
11. Магистерский коллоквиум // *Церковный вестник.* 1887. № 51–52. С. 921.
12. *Никон (Рклицкий), архиеп.* Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время (1863–1936). Кн. 1. Нижний Новгород: Изд. Братства во имя святого князя Александра Невского, 2003. 720 с.
13. Отчет о состоянии С.-Петербургской духовной академии за 1900 г. // *Христианское чтение.* 1901. № 3. С. 336–368.
14. РГИА. Ф. 796. Оп. 169. Д. 382. Об утверждении и. д. доцента С.-Петербургской духовной академии иеромонаха Антония (Храповицкого) в степени магистра богословия. 11 л.
15. РГИА. Ф. 796. Оп. 169. Д. 465. О возведении в сан архимандрита и. д. инспектора С.-Петербургской духовной академии академического соборного иеромонаха Михаила (Грибановского), и в звание соборного иеромонаха доцента той же академии иеромонаха Антония (Храповицкого). 11 л.
16. РГИА. Ф. 796. Оп. 171. Д. 347. По предложению о назначении доценту С.-Петербургской духовной академии иеромонаху Антонию единовременного вознаграждения за исполнение инспекторских обязанностей. 4 л.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 171. Д. 478. О замещении вакантных должностей ректоров в С.-Петербургской и Самарской духовных семинариях. 3 л.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 171. Д. 526. По предложению о назначении вознаграждения архимандриту Антонию за исполнение обязанностей инспектора С.-Петербургской духовной академии. 4 л.
19. *Рункевич Н.* Десятилетие проповеднической деятельности духовной академии // *Церковный вестник.* 1897. № 48. Стб. 1592–1593.
20. *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б.* Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // *Русско-Византийский вестник.* 2024. № 3 (18). С. 124–160.
21. *Э. П. Р.* Антоний (Храповицкий), митр. // *Православная энциклопедия.* Т. М., 2001. С. 646–652.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3 (18)

2024

О. Л. Фетисенко

Молодые годы отца Антония (Храповицкого) в письмах учеников К. Н. Леонтьева и С. А. Рачинского

УДК 271.2(470+571)-726.1(093)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_168
EDN LMJUSU

Аннотация: В статье впервые собраны вместе эпистолярные отзывы учеников и последователей К. Н. Леонтьева и С. А. Рачинского об Антонии (Храповицком) в бытность его иеромонахом, инспектором Санкт-Петербургской духовной академии. Большинство источников никогда не публиковалось и не цитировалось, другие (письма о. И. Фуделя и И. И. Кристи к Леонтьеву) были впервые изданы автором статьи. В приложении публикуется письмо о. Антония к Рачинскому. Представленный в исследовании материал значительно расширяет представление о круге общения пастыря и богослова в его молодые годы. В одном из писем подробно пересказывается содержание одной из речей будущего митрополита.

Ключевые слова: митрополит Антоний (Храповицкий), К. Н. Леонтьев, С. А. Рачинский, Вл. С. Соловьев, прот. И. И. Фудель, прот. А. П. Васильев, Н. М. Горбов, И. И. Кристи, Санкт-Петербургская духовная академия, биография, переписки, архивные источники.

Об авторе: **Ольга Леонидовна Фетисенко**

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

E-mail: betsy98@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

Для цитирования: Фетисенко О. Л. Молодые годы отца Антония (Храповицкого) в письмах учеников К. Н. Леонтьева и С. А. Рачинского // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 168–180.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3 (18)

2024

Olga L. Fetisenko

The Young Years of Hieromonk Antony (Khrapovitsky) in the Correspondence of K. N. Leontiev and S. A. Rachinsky with Their Disciples

UDC 271.2(470+571)-726.1(093)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_168
EDN LMJUSU

Abstract: The article contains epistolary reviews from disciples of K. N. Leontiev and S. A. Rachinsky about Anthony (Khrapovitsky), which date back to the time when he was a hieromonk and inspector of the St. Petersburg Theological Academy. Most of these letters were never published or quoted, or were published by the author of the article. The appendix contains a letter from Father Anthony to Rachinsky. The material presented in the study significantly expands the understanding of the young theologian's social circle. One of the letters conveys a detailed retelling of an unknown speech of the future metropolitan.

Keywords: metropolitan Antony (Khrapovitsky), K. N. Leontiev, S. A. Rachinsky, V. S. Soloviev, archpriest I. Fudel, archpriest A. Vasiliev, N. M. Gorbov, I. I. Kristi, St. Petersburg Theological Academy, biography, correspondence, archival sources.

About the author: **Olga Leonidovna Fetisenko**

DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: betsy98@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

For citation: Fetisenko O. L. The Young Years of Hieromonk Antony (Khrapovitsky) in the Correspondence of K. N. Leontiev and S. A. Rachinsky with Their Disciples. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 168–180.

Не нуждается в доказательствах, что митрополит Антоний (Храповицкий) — одна из крупнейших фигур в истории Русской Церкви XX в. Его наследие, со всеми его неоднозначными оттенками, не перестает быть притягательным для богословов и философов. Но что касается биографии (и, между прочим, также *библиографии*), особенно дореволюционного периода, здесь еще научное осмысление, кажется, только начинается. Как это часто бывает с великими людьми, начальный период биографии митрополита изучен менее всего. Можно вспомнить, пожалуй, лишь первый том классического жизнеописания, созданного архиепископом Никоном (Рклицким)¹, и несколько статей и публикаций недавнего времени². В связи с этим дороги каждому, даже мельчайшие новые сведения или характеристики, данные современниками. Подборку подобных биографических материалов хочется предложить исследователям.

В 1886 г. иеромонах Антоний стал доцентом и инспектором Санкт-Петербургской духовной академии. Это значительно расширило круг его общения. К концу 1880-х гг. относится его знакомство с реформатором русской народной школы С. А. Рачинским (1833–1902), а к чуть более позднему времени — с К. Н. Леонтьевым. С последним (тогда уже монахом Климентом в тайном постриге) он встретится осенью 1891 г., будучи ректором Московской духовной академии, и 14 ноября возглавит отпевание философа³. В переписках Леонтьева и Рачинского с их учениками и последователями (у каждого из них был свой кружок, а некоторые имена, как увидим далее, объединяли оба сообщества) встречается ряд упоминаний о молодом богослове и церковном администраторе. Так, ученик Леонтьева и дальний родственник Рачинского Иван Иванович Кристи (1861–1894), готовившийся по окончании Университетского отделения Катковского лицея к защите магистерской диссертации в Московской духовной академии, 6 декабря 1888 г. писал Леонтьеву после своей поездки в Петербург: «Петербургская академия гораздо менее заражена духом касты; у них один из самых влиятельных лиц иеромонах Антоний из дворян и ректор Антоний также прекрасный»⁴.

О завязавшемся знакомстве с иеромонахом Антонием и о том, что последний состоит в переписке с москвичом Иосифом Фуделем (1864/1865–1918), который недавно

¹ См. последнее переиздание: *Никон (Рклицкий), архиеп.* Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время: В 3 кн. Кн. 1. Нижний Новгород: Братство во имя св. кн. Александра Невского, 2004.

² См., например: «Благословите себя включить в новоиноческий союз» (Письма митрополита Антония (Храповицкого) к епископу Борису (Плотникову) (1886–1900 гг.) / Публ., вступ. ст. и примеч. Н. Ю. Суховой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 5 (66). С. 67–89; *Сухова Н. Ю.* Российское «ученое монашество» перед проблемами учености и монашества (1880–1910-е гг.) // Христианское чтение. 2018. № 2. С. 197–209; *Росляков Е. С.* 1) Начало церковной деятельности Антония (Храповицкого) в оценках и воспоминаниях современников // Общество: философия, история, культура. 2016. № 2. С. 88–91; 2) Основные аспекты восприятия архиепископа Антония (Храповицкого) представителями русской религиозной интеллигенции начала XX века // Вестник Костромского гос. университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 1. С. 20–23; *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б.* Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 124–160.

³ См.: *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. С. 724–725. О двух встречах с о. Антонием см.: Там же. С. 717–718; *Летопись жизни и творчества К. Н. Леонтьева: В 2 ч. / Сост. О. Л. Фетисенко.* СПб., 2022. Ч. 2. С. 503–506. Тему полемики богослова с Леонтьевым, сочинения которого он к началу 1890-х гг. знал очень поверхностно, оставляю в стороне. Напомню лишь, что в статье «Искренняя душа», написанной специально для сборника «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» (СПб., 1911), архиепископ Антоний признал несправедливость своих ранних оценок.

⁴ *Кристи И.* Письма к К. Н. Леонтьеву. Статьи / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2016. С. 98. «Ректор Антоний» — будущий митрополит Антоний (Вадковский).

вошел в круг учеников «русского византийца», говорится в письме Кристи от 23 декабря 1888 г.⁵ Сам Фудель в это время откликнулся на страницах газеты С. Ф. Шарапова «Русское дело» на статью о. Антония в «Церковном вестнике» («Беседы о нравственном превосходстве православного понимания Евангелия сравнительно с учением Л. Толстого»)⁶. Это выступление не прошло мимо Леонтьева. 2 декабря он писал Фуделю: «Если это Вы, О<сип> И<ванович>, написали статью в “Русск<ом> Деле” об Арх<имандрите> Антонии и Льве Толстом — то поздравляю Вас! *Поздравляю!* — Вы молодец!»⁷

На ту же статью Фуделя откликнулся его однокурсник по Московскому университету Н. А. Уманов⁸. В его письме от 8 декабря 1888 г. говорится: «Читал Вашу статью об Иеромонахе Антонии. — Хороша и очень, по-моему, полезна. Антоний умница великая. Его мысли должны бы не только других направить на путь истинный, но и самого Толстого, если только он человек искренний, должны бы сбить с толку. — Посмотрим, что как-то он отнесется к ней. — Если не обратит внимания, это будет значить только то, что всему Толстому грош цена»⁹.

Следующей весной Фудель, хлопотавший о рукоположении, побывал, снабженный рекомендательными письмами Леонтьева, в столице и 17 мая 1889 г. рассказывал ему:

Священник Иосиф Фудель, 1892 г.

«Опишу теперь, какое впечатление произвел на меня Петербург. Впечатление это совсем неожиданное. Быть может, я несколько пристрастен, вследствие успеха своего дела, но навсегда останется у меня воспоминание о Петербурге самое приятное, самое теплое. В течение одной недели, которую я там прожил, я встретил там столько людей с истинно *живой* душой и бодрым духом, сколько я никогда не мог представить себе в этом холодном, официальном городе. Начать с того, что в Духовной Академии ректор ее, епископ Антоний, инспектор архимандрит Михаил¹⁰ и известный иеромонах Антоний — это такой триумвират редких по своим духовным качествам людей, какого больше нигде не сыщешь»¹¹.

Уже став священником, в письме к Леонтьеву из Белостока от 23 ноября 1889 г. о. Иосиф называет иеромонаха Антония среди тех лиц, с кем переписывается «ради своей личной духовной пользы» (другие в том же ряду — прот. А. М. Иванцов-Платонов

⁵ Там же. С. 99.

⁶ См.: Ф. <Фудель И. И. Письмо в редакцию> // Русское дело. 1888. 28 нояб. № 48. С. 2–3. Фрагменты из этой статьи см.: «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 506.

⁷ Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2021. Т. 12, кн. 2. С. 185. Здесь и далее курсив в цитатах передает авторские подчеркивания.

⁸ О Николае Алексеевиче Уманове (1864–1918) см.: Фетисенко О. Л. «Гептастилисты». С. 584–598; Летопись жизни и творчества К. Н. Леонтьева. Ч. 2. С. 650 и по указателю.

⁹ Цит. по: «Преемство от отцов». С. 507.

¹⁰ Архимандрит (с 1897 г. — епископ) Михаил (Грибановский; 1856–1898).

¹¹ Там же. С. 146.

Протоиерей Александр Васильев
с цесаревичем Алексеем, 1912 г.

ния о Влад<иміре> Соловьеве»¹⁵.

Оказалось, что Леонтьев успел познакомиться с полемическим выступлением богослова и не был удовлетворен им. 2 мая 1890 г. он отвечал своему младшему другу:

«Я нуждаюсь во внешнем, *видимом* авторитете... Да и плохо понимаю его способ рассуждения. — Не согласен и с тем, что духовенству Православному не нужно вовсе влиять на Государственную жизнь. — Надо возвысить духовенство, *сосредоточить* его, облагородить его и *дать ему — больше влиять*. — Что-то есть такое в статьях этих „недостаточное“... Пока другого выражения не придумал. — У Соловьева *ясно*; — тут — *темно*. — Неужели это я так слаб умом? Может быть; — пойму От<ца> Антония позднее.

Вообще сказать, Соловьев и все противники его напоминают мне борьбу Наполеона I-го со всеми европейскими полководцами. — Никто отдельно взятый <...> не могли с ним равняться; но *история их совокупными* усилиями низложила его. — Я уверен, что с *Римскими* выводами Соловьева (вовсе из основ его не вытекающими неизбежно) Россия справится через посредство Страховых, Астафьевых, Бестужевых, Иер<омонахов> Антониев и т. д. ... несмотря на <то>, что Соловьев истинный орел умом, а они все начиная с Петра Евг<еньевича>¹⁶ и кончая лукавым Страховым — не много выше петухов и гусей взлетают»¹⁷.

¹² Там же. С. 171.

¹³ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 49. Л. 242 (письмо от 16 декабря 1889 г.). Александр Петрович Васильев (1868–1918); во священники будет рукоположен в 1892 г., впоследствии протоиерей. Расстрелян 5 сентября 1918 г.

¹⁴ «Преемство от отцов». С. 197.

¹⁵ Там же. Имеется в виду статья «Превосходство православия над учением папизма в его изложении Вл. Соловьевым»; Церковный вестник. 1890. № 10–13.

¹⁶ П. Е. Астафьев.

¹⁷ Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. СПб., 2021. Т. 12, кн. 2. С. 442–443.

и П. Е. Астафьев)¹². О «возвышенных письмах» о. Иосифа к о. Антонию упоминает в своей переписке с Рачинским Александр Васильев¹³, крестьянин по происхождению, выпускник Гатевской школы по прозвищу Старчик, будущий духовник Царской семьи, в описываемое время — студент петербургской академии.

Примечательно, что, обращаясь к Леонтьеву 25 апреля 1890 г., Фудель цитирует одно из писем о. Антония, тогда исполнявшего обязанности ректора: «Иеромонах Антоний пишет мне (из Петербурга) по поводу борьбы с Католицизмом: „Если бы мы только сами вжились в Православие, то конечно пропаганда не имела бы успеха“...» Далее о. Иосиф добавляет от себя: «Это самое можно сказать обо всем. Мы *сами* познаём дух Православия, тогда никакие секты не будут страшны»¹⁴. В том же письме Фудель спрашивает: «Читаете ли Вы „Церковный Вестник“? Последнее время там были хорошие статьи Иер<омонаха> Анто-

О. Иосиф подхватывает в письме от 16 мая:

«В статьях о. Антония вы видите что-то „недостаточное“. Это верно. Когда я буду у Вас, я расскажу, отчего эта „недостаточность“ является. О. Антония я знаю лично. Не забывайте, что ему всего только 27 лет и в политическом мировоззрении он еще не может перешагнуть через Достоевского и Славянофилов. Оттого он туманен; с Л. Толстым ему не трудно бороться, но для борьбы с В. Соловьевым нужна иная почва, здесь нужна в противовес ему *такая же* ясность мысли и *желаний*. Этим не обладает ни о. Антоний, ни Астафьев, ни тем более Страхов. Мало кроме того знать, в чем ошибка В. Соловьева; надо еще противопоставить ложному идеалу Соловьева — такой же *ясный свой* идеал. А у кого из нас он есть? В этом вся беда. А то ведь Соловьев выждал критику о. Антония да в ответ спросил его: „А каков же *ваш* Церковно-религиозный идеал, если мой ложен?“¹⁸ И на это о. Антоний не ответит. А это грустно. Мало нападать на Соловьева, надо так сделать, чтобы он вышел из положения обороняющегося и сам напал бы. Тогда будет иное положение»¹⁹.

Тема полемики с Соловьевым возникает и в переписке Леонтьева с «раскаившимся народовольцем» Л. А. Тихомировым. 19 сентября 1891 г., ровно за месяц до скандально известного соловьевского реферата «Об упадке средневекового мирозерцания», тот писал только что переселившемуся в Сергиев Посад Леонтьеву: «Если Вы видаетесь с о. Антонием, то не можете ли узнать, где в *Москве* добыть его брошюру о В. Соловьеве? Я теперь перечитываю Соловьева и очень бы желал знать оценку о. Антония»²⁰. То же и в письме от 21 сентября 1891 г.: «Я эти дни много читаю Соловьева. Прочел Теократию, читаю l'Eglise Universelle. По этому предмету тоже нужно будет потолковать и с Вами и с о. Антонием»²¹. Но — как писал Леонтьев Тихомирову — «кто же приведет его <т. е. о. Антония> ко мне»²². Знакомство состоится лишь во время предсмертной болезни Леонтьева.

Значительно больше материала находим в письмах молодых друзей С. А. Рачинского. Здесь и рассказ будущей игумении Екатерины (в миру графини Ефимовской; 1850–1925) о знакомстве в Петербурге с «молодыми монахами»-академиками. В письме от 19 июля 1886 г. больше говорится об о. Михаиле (Грибановском), и это понятно, вскоре после этого он стал духовным наставником настоятельницы Леснинской общины, но есть и отзыв о Храповицком, причем именно в сопоставлении с его другом:

«Как бы я желала, чтобы Вы видели тех молодых монахов, с которыми познакомил меня Саблер. На них лежит отпечаток какого-то покоя, который для меня есть признак большой внутренней силы. На лице Грибановского внимательный глаз прочтет следы борьбы и душевного страдания; но другой, Храповицкий (о его пострижении тоже писали в газетах) светел как херувим; высокий белый лоб — в полном смысле слова „безоблачное чело“, большие голубые ясные глаза, детская улыбка. Он родился монахом»²³.

¹⁸ Речь идет о соловьевском «Письме в редакцию „Нового времени“» (Новое время. 1890. 25 февр. № 5626. С. 4).

¹⁹ «Преемство от отцов». С. 209.

²⁰ Переписка К. Н. Леонтьева и Л. А. Тихомирова / Публ. С. М. Сергеева при участии О. Л. Фетисенко // Записки Отдела рукописей. Вып. 53 / Рос. гос. б-ка. М., 2008. С. 446.

²¹ Там же. С. 449. Упомянуты книги Соловьева «История и будущность теократии» (1887) и «La Russie et l'Eglise Universelle» («Россия и Вселенская Церковь», 1889). Обсудить позицию о. Антония Тихомиров хотел и с О. А. Новиковой. В октябре он писал ей: «Насчет Антония интересно бы мне с Вами поговорить. Я его перечитал и сильно *подозреваю*, но пожалуй — нет полной ясности» (РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 125 об.).

²² Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. СПб., 2021. Т. 12, кн. 3. С. 200. (Леонтьев из-за своих болезней осенью старался не выходить на улицу.)

²³ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. 36. Л. 39–39 об. (письмо от 19 июля 1886 г.). Упомянут товарищ обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблер.

И. И. Кристи.
Фотография конца 1880-х гг.,
подаренная С. А. Рачинскому

В письме монахини Екатерины от 24 октября 1886 г. говорится, что семинаристы «бредят» о. Антонием²⁴. И вновь сопоставление с о. Михаилом:

«Необыкновенно он симпатичный человек. <...> Радуюсь, что выбрала в руководители себе именно его. Впечатление первое оказалось не ошибочным. О. Антоний действительно с 7-ми лет мечтал о монашестве и шел одним путем. А о. Михаил был неверующим (даже, говорят, террористом), значит, и его „осанна“ „через великое горнило сомнений прошла“»²⁵.

Письма к Рачинскому еще при жизни адресата были расставлены по датам и хранятся в красиво переплетенных томах, которые интересно читать как цельное произведение, своего рода дневник духовной жизни России. Постепенно имя о. Антония начинает появляться в этом «дневнике» все чаще. В 1887 г., например, это отзывы православного японца Арсения Ивасава (1863–1943) и Ивана Кристи. Оба они упоминают о рассказах Храповицкого о его пребывании в Холмщине.

«О. Антоний Храповицкий опять у нас. Он теперь читает здесь Св. Писание ветх<ого> завета. Печатает он свою магистерскую диссертацию: „Детерминизм и свобода воли“. Живя на западной окраине, он заметил силу Католической Церкви и очень сокрушает<ся> о бездеятельности русских»²⁶ (Ивасава, письмо от 14 октября 1887 г.).

«Какой грозной правдой отзывается впечатление о. Антония из пребывания в Холме. Да, мы с Вами о. Антонию готовы завидовать, а большинство у нас занимается глумлением и самохвальством»²⁷.

В письме Кристи от 30 января 1889 г. есть отголосок разговоров с о. Антонием о Соловьеве²⁸, в послании от 2 марта — свидетельство о переписке с иеромонахом²⁹; сердечный отзыв о нем и вообще о петербургской академии содержится в письме от 26 июня³⁰. Интересно письмо от 28 мая с рассказом о проявленном о. Антонием сочувствии к автору, о лекциях Храповицкого, в которых тот «философски освещает Ветхий Завет с точки зрения Промысла», о том, что о. Антоний хотел бы приехать в Татеву не с Саблером, а один, чтобы «быть свободным». В том же письме приводится отзыв одного из студентов о молодом профессоре:

«...мы с одним студентом хвалили их, и я сказал, что они хороши, что в них есть мысль и можно скоро усвоить, он говорит: „представьте себе, нам наоборот:

²⁴ Там же. Ед. хр. 37. Л. 72 об.

²⁵ Там же. Л. 74 об.–75. В конце — неточная цитата из записной тетради Ф. М. Достоевского 1880 г.

²⁶ Цит. по: Кристи И. Письма к К. Н. Леонтьеву. Статьи. С. 544.

²⁷ Там же. С. 304–305 (письмо от 14–16 ноября 1887 г.).

²⁸ Там же. С. 327.

²⁹ «Недавно я получил от иеромонаха Антония очень доброе письмо» (Там же. С. 330).

³⁰ Там же. С. 343.

мы привыкли к разным загвоздкам, а это нравится, но ничего не помнишь“. Вот до чего семинарская рутинка еще сидит в их уме; но хорош<о> уже, что эти лекции хоть нравятся им»³¹.

Особое значение имеет письмо от 10 июня 1889 г., в котором представлен настоящий конспект одной из речей молодого пастыря.

«Какой, право, молодец отец Антоний. Он был на панихиде по Оресте Миллере³² у курсисток; они просили его сказать слово. Он начал о том, какие их задачи в жизни при их образовании. Во-первых, матери; теперь матери менее всего думают об воспитании детей, они их наряжают и коверкают, а которые желают, часто не умеют; „вот вы с вашим образованием, можете быть хорошими матерями, воспитать хорошее поколение“. Потом он говорил о положении образованной жены в обществе. Но если вы ни того, ни другого не хотите, а хотите общественно-ной> деятельности, то идите в женские монастыри; мы здесь уствуем, думаем дело делать, а вы смотрите, куда идет народ, где центр его жизни, и вы тогда увидите, что в монастырях можно найти гораздо более почвы для общественной деятельности и принести пользу народу. „Я знаю, вы теперь, может быть, и посмеетесь. Я проповедую религию, которая ел<л>инам безумие, а иудеям соблазн³³, но если кого-нибудь внезапно ударит так по голове, что и не разогнуться, то вы, может быть, вспомните эти слова“. Замечательно то, что они отнеслись с полной симпатией, т. е. не к монашеству, но к его речи»³⁴.

В 1889 г. не миновал знакомства с о. Антонием и еще один постоянный корреспондент Рачинского, в недавнее время помощник его по народному учительству, Николай Михайлович Горбов (1859–1921). 15 марта он сообщил: «В Петербурге я познакомился с Антонием Храповицким, приведшим меня в восторг»³⁵. Подобно тому, как было с Фуделем и Кристи, между новыми знакомыми установилась переписка. Ср. в письме Горбова к Рачинскому от 31 августа 1889 г.: «От<ец> Антоний (Храповицкий) пишет мне нежности о Саше Васильеве»³⁶.

Но и сам студент Васильев слал в Татеве новости об инспекторе академии. Так, 4 августа он писал: «Завтра о. Антония посвящают в Архимандриты. Он страшно тоскует»³⁷. «Перекрестные» упоминания разбросаны по письмам во множестве. Вот 14 июля о. Антоний сетует: «Наш общий друг Кристи очень плохо себя зарекомендовал на экзаменах со стороны серьезности отношения к ним, и профессора недовольны»³⁸. Все три лица вместе стоят на молебне в академическом храме. 19 октября Кристи пишет Рачинскому: «Пожалуйста, запишите и меня грешного в Татевскую книгу общества Трезвости. Сегодня о. Антоний отслужил молебен Пр<еподобному> Сергию, и я дал обет на один год. При молебне присутствовал и Саша»³⁹. В свою очередь о. Антоний в письме к Рачинскому от 9 декабря 1889 г. характеризует и Васильева, и Кристи (а вместе с ним и Соловьева):

³¹ Там же. С. 337–338.

³² Орест Федорович Миллер (1833–1889) — историк русской литературы, славист, профессор Санкт-Петербургского университета и Высших женских курсов. Скончался он 1 июня 1889 г. Курсистки заказали по нему панихиду. Содержание речи о. Антония известно лишь по изложению в письме Кристи. Слова, произнесенные о. Антонием при погребении и при открытии надгробного памятника ученому, см.: Славянские известия. 1889. № 24. С. 587–589; 1890. № 23. С. 430–432.

³³ Аллюзия на 1 Кор. 1: 23.

³⁴ Кристи И. Письма к К. Н. Леонтьеву. Статьи. С. 339–340.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 45. Л. 195 об.

³⁶ Там же. Ед. хр. 48. Л. 126 об.

³⁷ Там же. Ед. хр. 52. Л. 141 об.

³⁸ Цит. по: Кристи И. Письма к К. Н. Леонтьеву. Статьи. С. 448. Из-за возникших в Московской духовной академии Кристи пришлось переехать в Петербург и сдавать экзамены здесь.

³⁹ Там же. С. 345.

«А. П. Васильева я полюбил от всего сердца; его реферат в 80 стр., мелко испи- санных, прослушан был 150 студентами с напряженнейшим вниманием: так ов- ладел нами задумчиво-искреннейший тон его речи, который сам по себе говорит о его высокой христианственности. Бог да сохранит его таким для дальнейшей жизни и для вечности.

Кристи (добрейший ч<елове>к) увлекается Соловьевщиной, перешедшей в самый бесцеремонный ультрамонтанизм, где (т. е. в новой книжке С<оловье>ва: *la russie et l'église universelle*) папа получает откровения “*etiam sine ecclesiae*”⁴⁰. Вот что значит праздность души: и умница договорится до зеленого змия, даже без водки. А увлекаются кой-кто из аристократов: Мышецкие, Толстые. Сам Вл. Соловьев уже неискренен; видать, что ведет пропаганду, а потому различие между правдой и ложью для него перестало существовать»⁴¹.

Снова в этот длящийся «полилог» вступает Александр Васильев, причем в его рассказе появляется и Фудель. Прочитирую его письмо от 16 декабря 1889 г.:

«Третьего дня Соловьев был у о. Антония — и они до слез с ним спорили; конечно, его ересь не проникнет в народ, дальше салонов она не пойдет, но беда в том, что из этих салонов выйдут общественные деятели в Западном крае; эти-то окато- личенные деятели могут много повредить успехам Православия в Западном крае, где еще очень сильны традиции католичества и симпатии к нему. Мне от души жалко доброго И. И. Кристи, который не знает где главы подклонить и молится на Соловьева; даже смешно становится, когда он начинает защищать Соловьева, горячится, суетится и ни одного предложения не докончит: он теперь совсем разучился говорить»⁴². <...> Слышали ли Вы, что г. Фудель принял священство? Он теперь священствует в Белостоке и пишет прекрасные возвышенные письма о. Антонию; видно, что он пошел по призванию»⁴³.

В 1891 г. в письмах к Рачинскому упоминают о. Антония Горбов (упрекает его за «схоластику» и замечает, что «для духовных интересов гораздо более делает Толстой и даже Соловьев»)»⁴⁴ и о. Герман (Иванов)⁴⁵, постриженный в монашество в один день с будущим патриархом Сергием (Страгородским). В 1892 и 1893 гг. Горбов несколько раз сообщает о своих встречах с Храповицким как с редактором «Бого- словского вестника», о посещении его церковной службы. В письме от 1 мая 1892 г. интересен приведенный отзыв: «...московское духовенство возопило о „неправосла- вии“ Антония»⁴⁶. Пройдет еще год и некоторую разгадку этому краткому замечанию Рачинский найдет в письме о. Иосифа Фуделя:

«Еще пример неудачной деятельности в Москве. Наш общий друг о. Антоний Храповицкий очень милый человек; я его люблю за его идеальные порывы и за кипучую деятельность. Одна беда — он несколько легкомыслен, решает всё только с одной точки зрения (моральной) и никакого внимания не обращает на чужие мнения, а тем более настроения. В Петербурге всё это сходило с рук. В Москве отозвалось больно на нем же. Москва с его точкой зрения не согласна. Быть может, он виноват только в том, что необдуманно выражался, быть может, была какая-нибудь более серьезная причина, но факт тот, что о. Антония чуть

⁴⁰ Даже без Церкви (*лат.*).

⁴¹ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 49. Л. 209–210. (Фрагмент о Кристи впервые: *Кристи И.* Письма к К. Н. Леонтьеву. Статьи. С. 45).

⁴² После перенесенного инсульта у Кристи осталось сильное заикание.

⁴³ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 49. Л. 241–241 об.

⁴⁴ Там же. Ед. хр. 58. Л. 123 об.

⁴⁵ Там же. Ед. хр. 60. Л. 117–118 об. См. о нем ниже примеч. 56.

⁴⁶ Там же. Ед. хр. 64. Л. 1 об.

не гласно обвиняют в ереси; и это в таких кругах, где необдуманно не станут говорить»⁴⁷.

Но Рачинскому как педагогу, вероятно, именно и было близко нравственное богословие о. Антония⁴⁸, а ближайшие младшие друзья «татевского отшельника» продолжали общение с архимандритом. Есть даже свидетельство о том, что один из почитателей Рачинского, биограф славянофилов Валерий Николаевич Лясковский (1858–1938) намеревался включить о. Антония в число сотрудников затеваемого им журнала⁴⁹, возможно, памятуя о том, что он сотрудничал в аксаковской «Руси».

Процитированные письма едва ли вносят что-то новое в уже устоявшийся портрет молодого о. Антония, «духом горящего, Господеви работающего», живого олицетворения чаяний Леонтьева о приходе образованных дворян на служение Церкви. Эти документы ценны тем, что значительно расширяют представление о круге его общения, в том числе епископального, а значит, могут дать новое направление научным поискам. В приложении к статье помещается одно из писем архимандрита Антония к Рачинскому. По расположению в коллекции адресата и по содержанию его можно датировать началом марта 1892 г., написано оно на почтовой бумаге Троице-Сергиевой лавры. Текст печатается по автографу: ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 63. Л. 26–27 об.

Письмо архимандрита Антония (Храповицкого) к С. А. Рачинскому

†

Глубокоуважаемый
Сергей Александрович!

Желание Ваше будет исполнено в ближайшее воскресенье. Я душевно рад, что моя статья⁵⁰ Вам понравилась, ибо выше цену Ваше мнение, чем своих духовных. Впрочем на сей раз они тоже согласны со мной, а что касается до известных Вам «Писем к пастырям»⁵¹, то лишь некоторые отцы и Владыки (Пр-еосвященный <Феофан> Феофан) отозвались сочувственно⁵²; другие же отцы и Владыки посмотрели на сию книжку с той точки

---

⁴⁷ Письма о. Иосифа Фуделя к С. А. Рачинскому // Александров А. А. Письма К. Н. Леонтьеву. Стихотворения. Статьи. Воспоминания. Материалы к истории журнала «Русское обозрение» / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2024. С. 467.

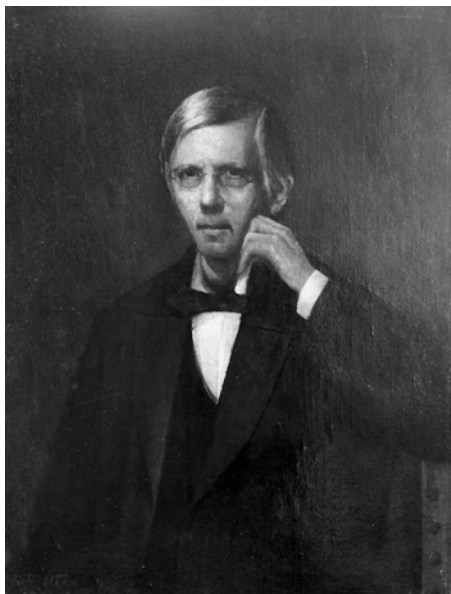
⁴⁸ Полная, глубокая и точная характеристика богословия митрополита Антония дана в статье: Хондзинский П. В., священник. Догмат любви // Антоний (Храповицкий), митр. Избранные труды, письма, материалы. М.: ПСТГУ, 2007. С. LI–CVII.

⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 631. Ед. хр. 74. Л. 9 об. (письмо от 2 марта 1894 г.). О В. Н. Лясковском и проектируемом издании см.: Фетисенко О. Л. 1) «Московский вестник»: журнал, которого не было // Книжное дело в России в XIX — начала XX века: Сб. науч. трудов. Вып. 18. СПб., 2016. С. 209–221; 2) Последние годы жизни и кончина И. С. Аксакова в неизданных письмах и воспоминаниях В. Н. Лясковского // Христианство и русская литература. Сб. 8. СПб., 2017. С. 556–599.

⁵⁰ Речь идет о статье архимандрита Антония «Как относится служение общественному благу к заботе о спасении собственной души» (Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 12. Март. С. 64–60), которая является частью развернувшейся в светской и церковной периодике полемики, вызванной рефератом Соловьева 1891 г. Об участии в ней о. Антония см.: Ворожихина К. В. Царство Небесное и царства мирские: Poleмика В. С. Соловьева и Антония (Храповицкого) // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 2. Ч. 2. С. 369–381.

⁵¹ Имеется в виду статья: С. С. Б. <Антоний (Храповицкий), архим.> Письма к пастырям о некоторых недоуменных сторонах пастырского дела // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1891. Сент. С. 186–229 (отд. отт.: М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1891). Криптоним расшифровывается как «Служитель Слова Божия».

⁵² В жизнеописании владыки Антония говорится: «Один из студентов академии послал эту книгу епископу Феофану, Вышенскому Затворнику, от которого получил следующий отзыв:

Сергей Александрович Рачинский.
Худ. Н. П. Богданов-Бельский, 1903 г.

возвешенному учению. Правда меня Господь утешает постоянными доказательствами того, что и сорная нива может быть возделана и стать плодородной, но всё же того ли нужно теперь от духовенства, когда ересь распространяется всё шире и шире и сильна оказывается не чем другим, а именно нравственным своим превосходством над жизнью церковного общества и пастырей.

С большим удовольствием читал я статью Сеодзи в «Русском Вестнике»⁵⁴; она много способствует развитию русских симпатий к Японской миссии. Я, однако, думаю, что напрасно этих юношей Влад<ыка> Николай⁵⁵ присылает в Россию заражаться семинарским индифферентизмом и соломенным рационализмом. Столь же мало пользы от посылки туда наших академиков. У нас слух, что наш общий друг о. Герман будет в Вифании инспектором⁵⁶; это было бы очень хорошо и для Вифании, и для о. Германа. О. Фуделю буду очень рад⁵⁷, а о. Ксенофонта я не вполне

зрения, которая одна только и доступна нашему духовенству в большинстве его представителей, а именно: в каком свете является духовное сословие в данном сочинении. Вот что для них только и интересно, и дорого. Я часто говорил, что они напоминают ту пожарную команду, которая при известии постороннего человека, что в городе сильный пожар, не подумает о том, чтобы сейчас же снаряжаться и ехать тушить, но начнет излагать свою обиду на то, что заявивший о пожаре указал своим поступком на недостаточную деятельность пожарных сторожей, наводя тем тень на всю команду и т. д.

Еще в самый первый год моего священнослужения мать Екатерина⁵³ читала мне Ваше письмо о том, что молодые монахи встретят неблагоприятную почву в учениках и студентах духовного сословия, всегда чуждых призвания служить Богу. Тогда я не соглашался с истиною этих слов, а теперь уже давно вижу, в какую невозможную трясиину затонула жизнь церковная, связав иерархию с сословностью, вопреки новозаветному учению.

„Эта книжка достойна всякого внимания и надо желать, чтобы кто-нибудь составил Пастырское Богословие по норме писем сих. Это была бы драгоценная находка для пастырей, давая им надлежащее руководство для пастырской деятельности“» (Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1988 // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Hrapovickij/pisma/#source (дата обращения: 25.01.2024)).

⁵³ Имеется в виду монахиня Екатерина (Ефимовская).

⁵⁴ Сергей Никодимович Сеодзи — крестник Рачинского, японец, принявший православие; выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1893). Речь идет о его очерке, отредактированном Рачинским: *Сеодзи С. Как я стал христианином // Русский вестник. 1891. № 11. С. 25–67.*

⁵⁵ Св. равноапостольный Николай Японский.

⁵⁶ Герман (в миру Яков Федорович Иванов; 1863–1903), иеромонах (1890), игумен (с 1891); выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, смотритель Звенигородского духовного училища (1891), инспектор Вифанской духовной семинарии (1892–1893), инспектор Могилевской духовной семинарии (1893), преподаватель Воронежской духовной семинарии (1894), настоятель Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря (с 1897; в сане архимандрита), епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии с 1 ноября 1898, с 5 декабря 1902 на покое; похоронен в Исидоровской церкви Александро-Невской Лавры

⁵⁷ По-видимому, Рачинский сообщил о намерении о. Иосифа добиваться перевода из Белостока в Москву, что и сбывается в 1892 г.

понимаю, хотя не разделяю отношения к нему сословного духовенства. Саша Васильев женился?⁵⁸ И это хорошо, но от него я желал бы еще лучшего: это золотое христе-ианское> сердце.

Простите пока, достоуважаемый и незабвенный Сергей Александрович. Я редко Вам пишу, жалея Вашего досуга, столь нужного для многих Ваших почитателей; но сведения о Вас собираю всегда от молодежи и от о. Германа и Горбова (он не ослабел ли?)⁵⁹.

Вам преданный богомолец Архим-<андрит> Антоний

Источники и литература

1. Александров А. А. Письма К. Н. Леонтьеву. Стихотворения. Статьи. Воспоминания. Материалы к истории журнала «Русское обозрение» / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2024. 816 с. (Прил. к Полн. собр. соч. и писем К. Н. Леонтьева. Кн. V).

2. «Благословите себя включить в новоиноческий союз» (Письма митрополита Антония (Храповицкого) к епископу Борису (Плотникову) (1886–1900 гг.) / Публ., вступ. ст. и примеч. Н. Ю. Суховой // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. П.: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 5 (66). С. 67–89.

3. Ворожихина К. В. Царство Небесное и царства мирские: Полемика В. С. Соловьева и Антония (Храповицкого) // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 2. Ч. 2. С. 369–381.

4. Кристи И. <И.> Письма к К. Н. Леонтьеву. Статьи / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2016. 697 с. (Прил. к Полн. собр. соч. и писем К. Н. Леонтьева. Кн. П).

5. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. [19 кн.] / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.

6. Летопись жизни и творчества К. Н. Леонтьева (1831–1891): в 2 ч. / Сост. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2022. Ч. 2: 1881–1891. 735 с. (Прил. к ПССиП К. Н. Леонтьева. Кн. IV).

7. Никон (Рклицкий), архиеп. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время: В 3 кн. Кн. 1. Нижний Новгород: Братство во имя св. кн. Александра Невского, 2004. 720 с.

8. Переписка К. Н. Леонтьева и Л. А. Тихомирова / Публ. С. М. Сергеева при участии О. Л. Фетисенко // Записки Отдела рукописей. Вып. 53 / Рос. гос. б-ка. М.: Пашков дом, 2008. С. 433–454.

9. Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1988. 280 с. // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Ngarovickij/pisma/#source (дата обращения: 25.01.2024).

10. «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. 751 с. (Прил. к Полн. собр. соч. и писем К. Н. Леонтьева. Кн. I).

11. Росляков Е. С. Начало церковной деятельности Антония (Храповицкого) в оценках и воспоминаниях современников // Общество: философия, история, культура. 2016. № 2. С. 88–91.

12. Росляков Е. С. Основные аспекты восприятия архиепископа Антония (Храповицкого) представителями русской религиозной интеллигенции начала XX века // Вестник Костромского гос. университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 1. С. 20–23.

13. Сухова Н. Ю. Российское «ученое монашество» перед проблемами учености и монашества (1880–1910-е гг.) // Христианское чтение. 2018. № 2. С. 197–209.

⁵⁸ Имя матушки о. А. Васильева — Ольга Ивановна. См.: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/16009/> (дата обращения: 25.01.2024).

⁵⁹ О. Антоний чутко распознал духовный кризис, переживаемый в это время Горбовым.

14. *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках XIX — первой четверти XX века). СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 784 с.
15. *Фетисенко О. Л.* «Московский вестник»: журнал, которого не было // Книжное дело в России в XIX — начала XX века: Сб. науч. трудов. Вып. 18. СПб., 2016. С. 209–221.
16. *Фетисенко О. Л.* Последние годы жизни и кончина И. С. Аксакова в неизданных письмах и воспоминаниях В. Н. Ляковского // Христианство и русская литература / Отв. ред. В. А. Котельников и О. Л. Фетисенко. Сб. 8. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. С. 556–599.
17. *Хондзинский П. В., свящ. <ныне прот.>* Догмат любви // Антоний (Храповицкий), митр. Избранные труды, письма, материалы. М.: ПСТГУ, 2007. С. LII–CVII.
18. *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б.* Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 124–160.

К. В. Ворожихина

Митрополит Антоний (Храповицкий) о сущности латинства

УДК 271.2-1
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_181
EDN LNYNIK

Аннотация: В статье исследуются представления митрополита Антония (Храповицкого), одного из самых последовательных и непримиримых критиков римского католицизма, о жизни Западной церкви, сущности христианского единства и своеобразии «папистического» учения, анализируются аргументы владыки Антония против римского вероисповедания. Митрополит настаивал, что различие между Восточной и Западной Церквями не ограничивается догматами, полагая, что расхождения между ними являются фундаментальными и неустранимыми, поскольку православные и католики имеют разное представление о христианском идеале — христианской жизни, ее принципах и цели. Он считал, что римская курия руководствуется земными интересами, забывая, что Церковь — «Царство не от мира сего», в то время как Православная вера, согласно митр. Антонию, есть прежде всего вера аскетическая, она направлена на нравственное возрастание личности и ее духовное возрождение. Владыка приходит к выводу, что стремление римо-католиков осуществить единство в эмпирическом мире приводит к обмирщению и огосударствлению Церкви. Взгляды мыслителя анализируются в контексте учения о Церкви А. С. Хомякова, теократических идей В. С. Соловьева и религиозных исканий Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: христианское единство, Рим, уния, Церковь, государство, симфония, митрополит Антоний (Храповицкий), В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, всеединство.

Об авторе: **Ксения Владимировна Ворожихина**

Кандидат философский наук, старший научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН.

E-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6500-0357>

Для цитирования: Ворожихина К. В. Митрополит Антоний (Храповицкий) о сущности латинства // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 181–190.

Ksenia V. Vorozhikhina

**Metropolitan Anthony (Khrapovitsky)
on the Essence of Latinism**

UDC 271.2-1

DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_181

EDN LNYNIK

Abstract: The article examines the ideas of Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), who was one of the most consistent and irreconcilable critics of the Roman Catholic Church, about the life of the Western Church, the essence of Christian unity and the peculiarity of the “papist” teaching, analyzes Anthony’s arguments against the Roman religion. Anthony believed that the differences between the Eastern and Western churches were not limited to dogmas; for him, they are fundamental and unremovable, since Orthodox and Catholics have different ideas about the Christian ideal, that is about the Christian life, its principles and its goals. Anthony believed that the Roman Church is guided by earthly interests, forgetting that the Church is “the Kingdom not of this world”, while the Orthodox faith, according to Anthony, is, primarily, an ascetic faith, aimed at the moral growth of the individual and his spiritual rebirth. Anthony comes to the conclusion that the desire of Roman Catholics to achieve unity in the empirical world leads to the secularization and nationalization of the church. The views of Metropolitan Anthony are analyzed in the context of A. S. Khomyakov’s ecclesiology, theocratic ideas of V. S. Solovyov and religious views of F. M. Dostoevsky.

Keywords: Christian unity, Rome, union, Church, state, symphony, Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), V. S. Solovyov, F. M. Dostoevsky, unitotality.

About the author: Ksenia Vladimirovna Vorozhikhina

Candidate of Science (Philosophy), Senior Research Fellow, Department of History of Russian Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

E-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6500-0357>

For citation: Vorozhikhina K.V. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) on the Essence of Latinism. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 181–190.

Митрополит Антоний (Храповицкий) — один из наиболее последовательных критиков католицизма в России; его оценка католичества более резка, чем мнение признанного авторитета митрополита Филарета (Дроздова) или, например, ученика и соратника владыки Антония, будущего Патриарха Сергия (Страгородского). Митрополит Антоний издал серию сочинений, посвященных «борьбе с латинством», в которых доказывал «лютейшую ересь» католичества¹.

Ложное единство

Свои размышления об искажениях латинства митр. Антоний, тогда иеромонах, начал публиковать в 1890-е гг., вступив в полемику с богословами-мирянами В. С. Соловьевым и Л. Н. Толстым. Когда в 1889 г. в Париже вышла книга Соловьева “La Russie et l’Eglise Universelle” («Россия и Вселенская Церковь»), целью которой было «оправдание тех трех учений католической церкви», составляющих «главную доктринальную преграду между нею и Востоком: именно — учение об исхождении Св. Духа и от Сына; затем — учение о непорочном зачатии Пресвятой Девы и, наконец, infallibilitas Summi Pontificis ex cathedra»², в феврале 1890 г. иеромонах Антоний выступил с научно-популярными чтениями «Превосходство Православного христианства перед папистическим учением Владимира Соловьева», в которых разобрал основные положения книги.

Исходным пунктом размышлений Соловьева является представление о том, что христианство — не только Божественное учение, но и общественное, церковно-государственное учреждение с единоличным главой, не зависящим от Соборов. Главным объектом критики отца Антония стало латинство с его принципом папства, а предметом — запрещенная русской цензурой французская книга “La Russie et l’Eglise Universelle”, в которой, по мнению владыки, «прежние папистические сомнения» Владимира Соловьева «достигли степени уже самого чистокровного ультрамонтанства»³.

Одной из важнейших тем полемики Соловьева и о. Антония является проблема соотношения Церкви и государства. Согласно о. Антонию, религиозный идеал философа сводится к двум положениям: во-первых, Церковь должна получить власть над государством и действовать через государство; во-вторых, Церковь должна иметь здесь, на земле, религиозный непогрешимый центр в лице папы. О. Антоний уверен, что для философа Церковь — не только и не столько союз религиозный, т. е. союз совестей, — она вбирает в себя все стороны политической и государственной жизни. Выходит, что, согласно автору “La Russie...”, Церкви недостаточно христианской любви, ей необходима и юридическая справедливость — и в этом заключается, по мнению о. Антония, главная ложь философа, которая приводит его к принятию католических догматов. Таким образом, Соловьев неизбежно приходит к выводу, что Церковь не может основать на земле христианского мира и правды без государства, закона и физической силы; однако, подчеркивает о. Антоний, некоторые формы общественной жизни не могут войти в Церковь, поскольку «само существование их обуславливается жизнью по ветхому человеку, жизнью, еще не свободной от греха»⁴. Если Церковь будет использовать средства государственных и общественных учреждений, то она перестанет быть «Церковью воинствующей», борющейся с миром («...жизнь

¹ Подробнее о жизненном и творческом пути митр. Антония см.: Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б. Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 124–160.

² Учение о непогрешимости римского папы (лат.). Соловьев В. С. Письма. Т. 3. СПб., 1911. С. 138.

³ Антоний (Храповицкий), митр. Собр. соч. Т. 2. М., 2007. С. 230.

⁴ Там же. С. 233.

Церкви есть борьба против жизни мира...»⁵). Внешнее переустройство и новые формы социальной жизни не приведут общество к возрождению; этой цели можно достигнуть лишь на пути христианского смирения, самоотречения и любви — в этом состоит, согласно о. Антонию, разгадка благоустройства общественной жизни. Учение Соловьева ведет Церковь к обмирщению и отрицанию самого христианства: Христос заменяется папой, а любовь — юридической справедливостью и политическим согласием, тем самым Церковь становится неотличима от государства.

Причину заблуждений философа о. Антоний видит в утрате христианского чувства любви. Соловьев, стремясь оправдать католические догматы, приходит к прямому отрицанию первой христианской заповеди. О. Антоний цитирует «La Russie...»: «Любя всех в одном (то есть в папе), ибо иначе любить невозможно... каждый стремится к вере всех через веру, усвоенную одному»⁶; «Эта любовь (т.е. к папе)... в своем происхождении есть акт чистой морали (повиновение категорическому императиву по кантовской терминологии)...»⁷ Таким образом, Церковь для Соловьева и католиков основана на бездушном послушании; а узы, скрепляющие ее, — внешние и холодные. В целом, Церковь в учении Соловьева, подчеркивает о. Антоний, не отличается от мирских царств ни по цели, ни по средствам, ни по содержанию.

Как отмечал биограф митрополита Антония архиепископ Никон (Рклицкий), основные идеи Владимира Соловьева, изложенные в его ранних работах, были близки владыке Антонию: философ «учил, что высшим нравственным принципом жизни является всеединство, по которому все составляют цель деятельности каждого и каждый — всех. По его учению, в основе нормального общества должен лежать духовный союз или Церковь, определяющая собою безусловные цели общества, сферы государственная и экономическая должны были служить формальной и материальной средой для осуществления вечного и неизменного начала, представляемого Церковью»⁸. Еще в «Философских началах цельного знания» (1877), до возникновения «католических симпатий», Соловьев проповедовал идеал свободной теократии, согласно которому Церковь должна одухотворять политику. В своей, наверное, самой славянофильской статье — «О духовной власти в России» (1881) — Соловьев писал о том, что нравственная сила Церкви выше силы народной и власти государственной: «Духовная власть не однородна и не соизмерима с мирскою; она должна освящать и направлять эту последнюю»⁹. Церковь освящает и волю народа, и деятельность государства, поскольку ведет государство и земство к высшей цели — «водворению правды Божией на земле»¹⁰. При этом духовная власть — не принцип и цель, поскольку «принцип есть Христос, а цель — Царствие Божие и правда его»¹¹; она есть необходимое орудие для достижения этой цели. Позднее к преобладанию духовной власти добавляется идея соединения Церквей, предполагающая слияние «Notre Dame de Paris с Кремлем», т.е. повиновение русского императора власти папы (поскольку единственная живая идея, которую выработала Русь, — это идея царя): «Христианская Россия, подражая самому Христу, должна подчинить власть государства (царственную власть Сына) авторитету Вселенской Церкви (священству Отца) и отвести подобающее место общественной свободе (действию Духа). Русская империя, отъединенная в своем абсолютизме, есть лишь угроза борьбы и бесконечных войн. Русская империя, пожелавшая служить Вселенской Церкви

⁵ Там же. С. 473.

⁶ Там же. С. 250. Здесь и далее цитаты из сочинения Соловьева «Россия и Вселенская Церковь» приводятся по статье о. Антония (Храповицкого). Перевод французской книги философа был сделан Г. А. Рачинским и опубликован в 1911 г. книгоиздательством «Путь».

⁷ Там же. С. 251.

⁸ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время, 1863–1936. Кн. 1. Нижний Новгород, 2004. С. 137.

⁹ *Соловьев В. С.* Собр. соч. Т. 3. Брюссель, 1966. С. 234.

¹⁰ Там же. С. 231.

¹¹ Там же. С. 232.

и делу общественной организации, взять их под свой покров, внесет в семейство народов мир и благословение»¹².

Эти филокатолические взгляды Соловьева становятся основным объектом критики о. Антония: он считает, что фундаментальное заблуждение философа состоит в ошибочном понимании Царства Божия как идеала мирского царства. Для о. Антония Церковь и государство являются формами единства людей, однако основополагающие принципы их существования коренным образом различаются. Государство, хотя и является союзом почтенным и благословленным Богом, возникает как необходимость для сосуществования автономных эгоистических личностей. Мирская власть стремится внешним образом соединить обособленных людей. Основываясь на механистическом принципе, государство бессильно постичь внутреннюю жизнь человека и коренным образом преобразить личность и общество: так, оно не может предупредить преступления, также как не в силах исправить преступника. В результате действия государственной системы наказания преступник механически отсекается от других членов общества, поражается в правах, подвергается равнодушному забвению, в то время как Церковь не отрекается от преступника, остающегося членом Тела Христова, а радеет о грешной душе, побуждая его к нравственному преображению и, в конечном счете, спасению. Ссылаясь на старца Зосиму, героя последнего романа Ф. М. Достоевского, о. Антоний полагает, что не государственный закон, а закон Христов охраняет, исправляет и в перспективе перерождает преступника. О. Антоний радикально разводит сферу деятельности Церкви, врачующей человеческую греховность, возводящей человека к совершенству, и мирских царств; он был борцом против порабощения Церкви государством и, в отличие от Соловьева и Достоевского, считал, что Церковь не должна ни смешиваться с государством, ни «переходить» в него.

В статье 1895 г. «Паписты и толстовцы: две крайности» о. Антоний отмечает, что католики неверно истолковывают единство, проповедуемое Христом в Первосвященнической молитве: *Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино* (Ин 17:21). Они понимают единство как унию, т. е. как обращение «схизматиков», как чисто внешнее объединение «в смысле общей административной подчиненности папе»¹³. По мнению о. Антония, идея Рима (как языческого, так и католического) состоит в идее всемирной империи и вселенского господства. Он отмечает, что Первосвященническая молитва свидетельствует о сущностном, реальном единстве человечества — подобно лицам Святой Троицы: «Молитва эта была не о чем ином, как об устройении на земле нового, единого бытия Церкви, бытия, доньше чуждого разделенному грехом человечеству... Это бытие имеет себе подобие не на земле, где нет единства, а лишь разделение, но на небе, где единство Отца и Сына и Святого Духа совершает трех Лиц в единое Существо, так что уже нет трех богов, но Единый Бог, живущий единою жизнью. Точно так же единое новое бытие,

Архимандрит Антоний (Храповицкий).
Худ. Н. А. Мухин, середина XX в.

¹² Там же. Т. 11. Брюссель, 1969. С. 117.

¹³ Антоний (Храповицкий), митр. Собр. соч. Т. 2. С. 181.

единый новый человек совершается Христом на земле из прежнего враждебного общества иудеев и язычников»¹⁴.

С 1902 по 1914 г. епископ Антоний (с 1906 г. — архиепископ) служил на Волынской кафедре в Западном крае, где процветала уния и шла многовековая борьба Православия и католичества. С июня 1903 г. владыка Антоний состоял в переписке с митрополитом греко-униатской церкви Андреем Шептицким, ставленником папы Льва XIII, известного своим желанием объединить христиан Востока и Запада. Как отмечает М. Л. Хижий, переписка началась в тот момент, когда в России шла дискуссия о восстановлении патриаршества и канонического управления Церковью. Вл. Антоний был активным борцом за исключительную власть епископов в Церкви, т. е. за восстановление канонического церковного управления. Хижий предполагает, что, начиная переписку с православным иерархом, Шептицкий не исключал возможности связать вопрос о реставрации патриаршества в России с темой христианского единства. Он писал вл. Антонию: «По нашему мнению, Россия исполинскими шагами приближается к соединению с Вселенскою, а значит, Католическою Церковью... Православная Церковь должна прежде всего стать сама собою, она должна иметь по-прежнему своего патриарха, устраивать соборы и совещания своих святителей для возобновления духа и истины Христовой»¹⁵.

Шептицкий находил возможным отделение будущей русской Патриархии от царской власти и ее воссоединение с католической церковью через подчинение папе. Однако идеал вл. Антония был совершенно иным, византийским — в установлении «симфонии» духовного и светского начал. Владыка считал русского царя носителем священной самодержавной власти, ответственным перед Богом за свой народ, и защитником Церкви от внешних врагов. Митрополит Андрей полагал, что объединение Церквей желательно и даже необходимо перед лицом общей усиливающейся угрозы атеизма, в то время как вл. Антонию такой союз не казался возможным. В отличие от католиков и митрополита Андрея, он не верил в нравственный прогресс и будущее единство христиан, скорее наоборот — история Церкви представлялась ему историей отпадений: гностиков, ариан, монофизитов, иконоборцев, католиков, жидовствующих, униатов, раскольников, штундистов и др. — от истинной, т. е. Православной, Церкви. В 1908 г. переписка архиепископа Волынского и митрополита греко-униатской церкви прекратилась, корреспонденты не достигли взаимного понимания по церковным и богословским вопросам.

Восток и Запад

Для владыки Антония Волынского католичество — ересь, возводящая заблуждения в догматы: латиняне отпали от христианства, измыслив «пагубный и унижительный для вселенского христианства догмат о непогрешимости пап», а до этого — догматы о «непорочном зачатии Пресвятой Девы Ее родителями Иоакимом и Анною»¹⁶ и об исхождении Святого Духа от Отца и Сына (отвергнутый папой Львом III). Католики исказили Таинство Причастия, подавая его мирянам под одним видом, вопреки изречениям Иисуса Христа и апостола Павла: «...в Писании сказано: *Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни* (Ин 6:53). Отсюда видим, сколько погрешает та вера, которая преподает причастие под одним видом опресноков»¹⁷. Латинство также отличают от Православия несправедливые посты в субботу, праздники и др. Архиепископ Волынский обвинял католиков в искажении Символа веры и учения о Троице, ссылаясь на евангельский фрагмент о сошествии

¹⁴ Там же. С. 462.

¹⁵ Цит. по: Хижий М. Л. Архиепископ Антоний (Храповицкий) и митрополит Андрей (Шептицкий) в личной переписке начала XX в. (О попытке православного и греко-католического диалога) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 6. Вып. 1. С. 53.

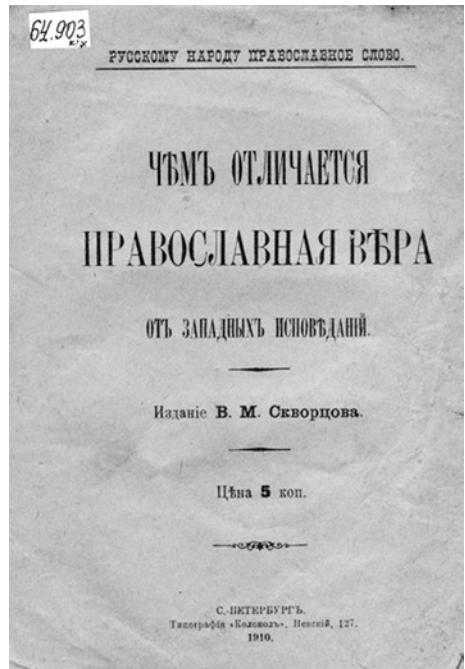
¹⁶ Антоний (Храповицкий), митр. Собр. соч. Т. 2. С. 941.

¹⁷ Там же. С. 948.

Святого Духа на Иисуса во время крещения (Мф 3:16). Он отрицал догмат о папской непогрешимости, аргументируя это тем, что, хотя во времена Соборов архиепископ Рима действительно признавался первым среди пяти патриархов, однако первенство Римской кафедры утверждалось лишь по причине того, что Рим был столицей. Впоследствии столицей стал и Константинополь, сравнившись в первенстве с Римом, а вместе с тем и Патриарх Константинопольский получил такие же преимущества, как и римский первосвященник, что было закреплено, как подчеркивает вл. Антоний, правилами IV и VI Соборов. Римские папы не были судьями Соборов и не утверждали их решений, но, как и другие Патриархи, подчинялись соборным решениям и даже бывали судимы как еретики (например, папа Гонорий — за монофелитство).

Однако вл. Антоний считал, что различие между Православием и латинством заключается не только в догматических расхождениях. Первым, кто указал не на догматические противоречия, существующие между православием и западными верованиями, а на разность *идеала*, был философов-славянофил А. С. Хомяков, и в этом состоит его богословская и миссионерская заслуга. Корень раздора Хомяков усматривал в девятом члене Символа веры, т.е. в учении о Церкви. Владыка Антоний пишет: «Разумея под Церковью не столько власть, сколько взаимный союз душ, восполняющих друг друга своим таинственным общением со Христом, Который открывается верующим не поодиночке, но в их взаимной любви, по их единству (Вселенский Собор), Хомяков вносит во все требования церковной дисциплины и в самое божественной истины (что обусловлено авторитетом церковного предания) — вносит дух радостный, чуждый рабства, уносящий нас в необъятную широту общения с целым миром верующих, с целой вечностью»¹⁸. Владыка признает учение Хомякова православным, но неполным, и стремится по-своему его восполнить. По его мнению, разница между Православием и европейскими религиями пролегает даже глубже догмата о Церкви — западные религии предполагают иное представление о христианской жизни, ее принципах и цели.

Архиепископ Антоний считает, что европейские религии утратили понятие о Церкви как о «нравственном союзе верующих»¹⁹ и низвели Царство Божие либо до личного подвига, либо до «внешне-правовой государственной организации»²⁰. Православие, по его мнению, учит строить жизнь в соответствии с требованиями христианского совершенства, отталкиваясь от евангельских и богословских истин как от непоколебимого факта; западные же исповедания берут из христианства лишь то, что совместимо с современностью и не представляет угрозы для существующего миропорядка. Таким образом, Православие ориентируется на аскетику, духовное подвижничество, в то время как католичество и протестантизм — на заимствования из христианства

Работа вл. Антония «Чем отличается Православная вера от западных исповеданий», 1910 г.

¹⁸ Там же. С. 291.

¹⁹ Там же. С. 291–292.

²⁰ Там же. С. 292.

всего насущного и полезного *sub specie seculi*²¹. Христианская идея подвижничества и святости практически исчезла на Западе, на смену ей пришло забвение Воскресения и сосредоточенность на земном благополучии. Целью Православия, согласно владыке, является спасение через, кроме прочего, духовное совершенствование личности, которое «достигается путем самодеятельной, сложной работы над собой, внутренней борьбой, лишениями, в особенности же самоуничижением»²², — через эти подвиги верующий уподобляется Христу. Таким образом, для вл. Антония Православная вера есть прежде всего вера *аскетическая*, а истинное православное богословское мышление (в противоположность школьному богословию, копирующему западные образцы) — это «исследование о путях духовного совершенствования»²³. Владыка подчеркивает, что спасение на Западе понимается как «внешнее воздаяние за известное количество добрых дел (внешних же) или за несомненную веру в Божество Иисуса Христа (протестантизм)»²⁴. Он пишет: «Там не рассуждают и не умеют рассуждать о том, как постепенно должна освобождаться душа от своего подчинения страстям, как мы восходим от силы в силу к бесстрастию и полноте добродетелей. Есть там и аскеты, но жизнь их проникнута мрачным, бессознательным выполнением давно установленных дисциплинарных требований, за что им обещано прощение грехов и будущая вечная жизнь. А то, что эта вечная жизнь уже явилась, как говорит святой апостол Иоанн, что это блаженное общение с Богом достигается неуклонным подвижничеством еще здесь, как говорит прп. Макарий Великий, — всего этого Запад не понимает»²⁵.

Вл. Антоний видел несоответствие между школьным академическим богословием, заимствованным, по его мнению, (со времен открытия Киево-Могилянской академии и деятельности Петра I) у католиков и протестантов, и православной духовной практикой, богослужебными гимнами и молитвами, содержащими святоотеческую мораль; отмечал чуждость, как он полагал, современной ему богословской науки внутренней жизни православных христиан. Владыка стремился устранить влияние инославного «псевдо-христианского» богословия, чтобы освободить русское богословие от удушающей его схоластики, одним из проявлений которой он считал «юридическую» теорию искупления. В теории сатисфакции, восходящей к сочинениям схоласта Ансельма Кентерберийского, Жертва Христа рассматривается как «заместительное удовлетворение» (*satisfactio vicaria*) за оскорбление Бога и поругание Его чести согрешившим человечеством. В такой парадигме первородный грех предстает нарушением правового порядка, установленного Богом, а Крестная Жертва является восстановлением поруганной Божественной справедливости. Архиепископ Антоний предложил свою — нравственную — трактовку догмата искупления, вызвавшую много споров среди православных богословов. Он делал акцент не на Голгофе и Жертве, а на внутреннем борении Христа во время Гефсиманского моления (Мф. 26:39), подчеркивая психологическую, аскетическую, субъективную сторону спасения.

Подлинное единство

Подобно Соловьеву и Достоевскому, владыка Антоний утверждал первоначальное метафизическое единство человечества — существование единой человеческой природы, досознательной общечеловеческой воли, которая была нарушена грехом, внесшим раздор и взаимное отчуждение в жизнь людей. После греха Адама человечество оказалось в болезненном, переходном состоянии, характеризующемся

²¹ С точки зрения века, времени (*лат.*)

²² Там же. С. 295.

²³ Там же. С. 295.

²⁴ Там же. С. 295.

²⁵ Там же. С. 295–296.

ростом автономного сознания, при котором человек начинает выделять себя из первоначального единства и противопоставлять себя другим. Выход из этого мучительного положения указывает Христос, открывающий возможность к свободному и сознательному возвращению к единству через отрешение от своеволия. Как пишет владыка, Своей человеческой природой Христос соединяется с каждым человеком, «рассекает установленную грехом преграду между людьми и восстанавливает первобытное единство естества»²⁶. Это восстановленное Христом единство верующих и есть Церковь²⁷, в которой сохраняется свобода личности, но преодолевается самозамкнутость, обособленность индивидов: люди вновь становятся открытыми друг для друга; кто соединяется со Христом, тот может «входить и в природу ближних»²⁸, «вливать непосредственно в другую [личность] часть своего содержания»²⁹. Спасение, подчеркивает архиепископ Антоний, возможно лишь в истинной Церкви, создающей пространство для бытования взаимной любви по подобию жизни Лиц Святой Троицы: «...Церковь есть подобие Троического бытия, подобие, в котором многие личности становятся единым существом»³⁰; «Бог един по существу и по жизни, но троичен в Лицах, так и Церковь едина по существу, множественна в лицах, ее составляющих»³¹.

Согласно вл. Антонию, католическая церковь неспособна создать реальное личностное единство во множестве лиц, она не является частью Тела Христова. Она строит свою жизнь по образу государственного механизма, насильственно объединяющего разрозненных, безразличных друг к другу личностей узами власти и закона, поскольку, подчеркивал он, «псевдо-христианский» Запад не понимает и не принимает отрицания мира христианством. С его точки зрения, римско-католическая церковь следует логике «мира сего» и проповедует «поклонение силе, власти, своеволию, гордости»³². Именно этот процесс обмирщения церкви описал Достоевский в поэме о Великом инквизиторе. Священник Сергей Соловьев, внук известного историка и племянник Владимира Соловьева, подчеркивал, что митр. Антоний (Храповицкий), как и почитаемый им Достоевский, не видел в католиках христиан³³. Архимандрит Киприан (Керн) отмечал, что митрополит Антоний не чувствовал боли «о разделении церковного единства», для него «Церковь — одна» и «других церквей быть не может», а все, что несогласно с Церковью, — это «ересь, раскол, самочинное собрание»³⁴. Он не признавал таинств католической церкви, считал ее иерархию безблагодатной. В целом, митрополиту Антонию было чуждо широко распространенное в русском обществе представление о католичестве как об одной из ветвей христианства, с которой Православию надлежит примириться в конце времен.

Источники и литература

1. *Антоний (Храповицкий), митр.* Избранные труды. Письма. Материалы. М.: ПСТГУ, 2007. 1056 с.
2. *Антоний (Храповицкий), митр.* Собр. соч. М.: ДАРЪ, 2007. Т. 1. 976 с.; Т. 2. 1024 с.
3. *Киприан (Керн), архим.* О лицах, событиях, встречах. М.: ПСТГУ, 2021. 826 с.

²⁶ *Антоний (Храповицкий), митр.* Избранные труды. Письма. Материалы. М., 2007. С. 64.

²⁷ *Антоний (Храповицкий), митр.* Собр. соч. Т. 2. С. 470.

²⁸ Там же. Т. 1. М., 2007. С. 41.

²⁹ Там же. С. 42.

³⁰ Там же. Т. 2. С. 463.

³¹ Там же. С. 466.

³² *Антоний (Храповицкий), митр.* Избранные труды... С. 314.

³³ *Соловьев С. М.* Вопрос о соединении церквей в связи с падением русского самодержавия. М., 1917. С. 9.

³⁴ *Киприан (Керн), архим.* О лицах, событиях, встречах. М., 2021. С. 333.

4. *Никон (Рклицкий), архиеп.* Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время (1863–1936). Кн. 1. Нижний Новгород: Изд. Братства во имя Святого князя Александра Невского, 2004. 716 с.
5. *Романовский Д.* Антоний Храповицкий. Философия. Богословие. Культура. Краков: Księgarnia Akademicka, 2013. 306 с.
6. *Соловьев В. С.* Письма. Т. 3 / Под ред. Э. Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1911. 340 с.
7. *Соловьев В. С.* Собр. соч. Т. 3. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. 658 с.; Т. 11. Брюссель: Жизнь с Богом, 1969. 674 с.
8. *Соловьев С. М.* Вопрос о соединении церквей в связи с падением русского самодержавия. М.: Московская просветительская комиссия, 1917. 20 с.
9. *Хижий М. Л.* Архиепископ Антоний (Храповицкий) и митрополит Андрей (Шептицкий) в личной переписке начала XX в. (О попытке православного и греко-католического диалога) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 6. Вып. 1. С. 52–60.
10. *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б.* Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 124–160.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3 (18)

2024

В. Ю. Даренский

Митрополит Антоний (Храповицкий) как идеолог православных патриотических организаций

УДК 94(470):329.21(091)+271.2-726.1
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_191
EDN NHQSFQ

Аннотация: В статье рассмотрена деятельность митр. Антония (Храповицкого) как идеолога православных патриотических организаций и его участие в работе Союза Русского Народа. Показано, что эта деятельность была важнейшей стороной его биографии, поскольку он вкладывал в нее много душевных сил и времени. Анализируется ряд ключевых текстов митр. Антония по данной проблематике, которые в совокупности своей представляют собой четко и ярко выраженное православное русское политическое мировоззрение, актуальное и для нашего времени.

Ключевые слова: митр. Антоний (Храповицкий), Союз русского народа, монархия.

Об авторе: **Виталий Юрьевич Даренский**

Доктор философских наук, профессор Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского.

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2042-5527>

Для цитирования: Даренский В. Ю. Митрополит Антоний (Храповицкий) как идеолог православных патриотических организаций // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 191–203.

Vitaly Yu. Darensky

**Metropolitan Anthony (Khrapovitsky)
as an Ideologist of Orthodox Patriotic Organizations**

UDC 94(470):329.21(091)+271.2-726.1
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_191
EDN NHQSFQ

Abstract: The article examines the activities of Metropolitan Anthony Khrapovitsky as an ideologist of Orthodox patriotic organizations and his participation in the work of the Union of the Russian People. It is shown that this activity was the most important aspect of his biography, since he invested a lot of mental strength and time in it. The article analyzes a number of key texts of Metropolitan Anthony on this issue, which together represent a clearly and vividly expressed Orthodox Russian political worldview, relevant for our time.

Keywords: Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), Union of the Russian People, monarchy.

About the author: Vitaly Yurievich Darensky

Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky.

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2042-5527>

For citation: Darensky V. Yu. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) as an Ideologist of Orthodox Patriotic Organizations. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 191–203.

Наша Родина есть воплощающееся в народном характере и народном быте Евангелие.

Митрополит Антоний (Храповицкий)

Митрополит Антоний — самый одаренный современный представитель русского православного национализма, национализма освященного и просвещенного Христом.

Прп. Иустин (Попович)

Деятельность митрополита Антония (Храповицкого) как идеолога православных патриотических организаций начала XX в. (а также затем и в эмиграции) до настоящего момента еще не становилась предметом специального исследования¹. Фактическая сторона этой темы состоит в том, что в 1905 г. «в Волынской епархии при благожелательной поддержке правящего архиерея возникла самая многочисленная монархическая организация — знаменитый Почаевский отдел Союза Русского Народа, который возглавил архимандрит Виталий (Максименко). При помощи Почаевского отдела создавались народные кооперативы, Народный банк. А сам владыка был избран почетным председателем отдела»². Однако, кроме этого, митр. Антоний был автором многих проповедей, обращений к пастве, статей и писем, в которых разъяснялись цели как Союза Русского Народа, так и «черносотенного», т.е. православно-монархического, движения в целом.

Эта тема является очень актуальной не только для полноты знания о жизненном пути и мировоззрении самого владыки Антония, но и в более широком контексте — для опровержения до сих пор ходячих невежественных мифов о народных православных организациях как якобы «погромных». Целью данной статьи является краткий анализ тех текстов митр. Антония (Храповицкого), в которых отражена его духовно-просветительская работа с этими организациями, и обобщение их как политического мировоззрения.

В первую очередь стоит отметить мнение преподобного Иустина (Поповича) о митр. Антонии, который писал о нем: «Блаженно почивший митрополит — исключительное святоотеческое явление в наше время. Через наш бурный век он прошел евангельски кротко и апостольски бесстрашно, как через четвертый век прошли великие Отцы Церкви: Афанасий, Василий, Григорий. Смотри на него, я говорил сам себе: действительно, и теперь можно жить святоотечески смиренным и бесстрашным, действительно, и теперь можно епископствовать святоотечески»³.

Прп. Иустин формулировал главную идею митр. Антония следующим образом: «Русское народное самосознание, заявляет святой митрополит, является самосознанием не расовым, не племенным, но вероисповедным и религиозным. Патриотизм русского народа по преимуществу религиозный и православный... Святая Россия — не сон и не фантазия, но живой идеал, который осуществляется в исторической жизни русского народа»⁴. И далее: «Славянофильство не есть ценность само по себе, но — как носитель

¹ Публикация подготовлена на основе доклада в Санкт-Петербургской духовной академии на онлайн-круглом столе, посвященном юбилею митр. Антония. См.: Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б. Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 124–160.

² Каплин А. Д. Предисловие // Митрополит Антоний (Храповицкий). Сила Православия / Сост. А. Д. Каплин. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 13.

³ Иустин (Попович), архим. Тайна личности митрополита Антония и его значение для православного славянства. // Православная жизнь, приложение к журналу «Православная Русь». 1976. № 8 (320). С. 3.

⁴ Там же. С. 5.

Демонстрация монархистов в Одессе вскоре после объявления Манифеста 17 октября 1905 г.

и проводник Православия. Это основная мысль нашего Владыки и Достоевского... Блаженный митрополит Антоний — самый одаренный современный представитель русского православного национализма, национализма, освященного и просвещенного Христом»⁵. Эта формула — «национализм, освященный и просвещенный Христом» — очень точно выражает суть политических убеждений митр. Антония.

В начале XXI в. появились научные исследования, в которых объективно показано мировоззрение народных православно-монархических организаций. Так, И. В. Омелянчук в докторской диссертации «Черносотенное движение в Российской империи: 1901–1914 гг.» отмечал: «Монархисты не отрицали необходимости участия народа в государственном управлении посредством представительного учреждения, считая его действенным инструментом в борьбе с бюрократией, но в качестве такового видели законосовещательный Земский Собор, который, в отличие от парламента, должен созываться на определенный срок и „для решения заранее объявленных населению важнейших вопросов“... Но если все правые, в конце концов, признали легитимность представительного органа в России, споря только о его полномочиях, то существование политических партий так и осталось, по мнению большинства монархистов, „незаконным“, так как достижение любой партией своей цели (получение политической власти) означало ограничение прерогатив самодержца. Себя же черносотенцы не относили к политическим партиям, оставляя за собой роль „голоса всей земли“, и конечной целью своей деятельности провозглашали сохранение всей полноты политической власти за монархом»⁶. В данной общей формулировке хорошо показан сам принцип возникновения этих организаций — не как политических «партий», а как народных движений в защиту царя.

Известный специалист по истории монархических движений начала XX века А. А. Иванов в статье «Проблематика русского национализма в статьях и проповедях митрополита Антония (Храповицкого)» обобщил взгляды митр. Антония следующим образом: «Он... не был сторонником еврейского равноправия, ратовал за самобытный национальный путь развития России (в классическом славянофильском

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи: 1901–1914 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. н.: 07.00.02. Воронеж, 2006. С. 33.

его понимании), верил в особое призвание русского народа, критиковал интернационализм и космополитизм, но при этом считал глубоко ошибочным превращать русский национализм в копию национализма западного, имевшего в своем основании римские языческие корни, ведущие к расизму, национальной гордыне и коллективному эгоизму. При этом владыка не был противником употребления термина „национализм“ в позитивном ключе, если подразумевать под ним в первую очередь борьбу за духовно-нравственные устои нации, а отнюдь не за ее господство, преобладание и осуществление ею материального благополучия как основополагающей цели»⁷. Однако важно увидеть, как эти общие идеи были выражены им самим.

Прежде, чем обратиться к рассмотрению собственных текстов митр. Антония, относящихся к нашей теме, стоит привести некоторые выдержки из воспоминаний известного политического деятеля В. В. Шульгина, отражающие конкретные исторические обстоятельства, в которых проходила патриотическая организаторская работа владыки. В. В. Шульгин пишет: «Волынский „Союз русского народа“ был создан... архимандритом Виталием — редактором-издателем „Почаевского листка“ и „Волыньских епархиальных ведомостей“. Этот монах не перешел роковой грани и не позволил массам, за ним следовавшим, из защитников святого дела перейти в черный стан агрессоров. Внешним выражением этого течения, энергичного, но не насильнического, было нижеследующее. Толпы, подняв над собой хоругви, иконы и портреты Государя, проходили через города и местечки, в большинстве своем населенные евреями и поляками, с громовым криком: „Русь идет!!!“. Насколько я знаю, на Волыни о еврейских погромах слышно не было. Быть может, были отдельные хулиганские выступления, вырвавшиеся из-под умиряющей руки архимандрита Виталия. Здесь уместно еще раз упомянуть об архиепископе Антонии, впоследствии митрополите. Он был видным деятелем правого крыла... В апреле 1903 года произошел страшный кишиневский погром. Он отличался своей кровавой жестокостью. После этого погрома архиепископ Антоний произнес речь с крестом в руках с церковного амвона. Он сказал примерно так:

— Люди, совершившие кровавую расправу над евреями в Кишиневе, не смеют называть себя христианами. Они поддались бесовскому наваждению. Христиане не смеют забывать, что Господь наш Иисус Христос по плоти был евреем, так же, как и святые его апостолы. Мать Иисуса Христа была еврейка. Она имела родственников среди своего родного народа. Потомки их, быть может, и сейчас живут в еврейской среде. Ужасно подумать, что среди убитых в Кишиневе, быть может, есть люди, в жилах которых струилась кровь, близкая крови Богоматери, Пресвятой Марии.

Несомненно, что взгляды владыки Антония оказывали влияние»⁸.

В. В. Шульгин также был свидетелем других важнейших событий в жизни владыки Антония, связанных уже с результатами его общественной деятельности. В 1909 г. произошло следующее: «В Петербург прибыла депутация от волыньских крестьян в числе двенадцати человек, по одному представителю от каждого уезда. Во главе их — Высокопреосвященный Антоний, архиепископ Волынский, и архимандрит Виталий, монах из Почаевской лавры. К прибывшей депутации, естественно, присоединились члены Государственной Думы от Волынской губернии, которых было тринадцать человек. В числе последних были крестьяне, помещики, священники и интеллигенты... Вот что знаменательно: все они, то есть служители Церкви, неграмотные хлеборобы, грамотные горожане и помещики, представители высшего сословия, носили на груди значки, устанавливавшие их национальность, а также политические и социальные взгляды. Они преподнесли Государю петицию, подписанную миллионами волынец. О чем же просил, вернее сказать, умолял, миллион верноподданных своего Царя? Петиция была направлена против Государственной

⁷ Иванов А. А. Проблематика русского национализма в статьях и проповедях митрополита Антония (храповицкого) // Русин. 2019. Т. 58. С. 72.

⁸ Шульгин В. В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 120–121.

Император Николай II
принимает крестьянские депутации
от Юго-Западного края, 1911 г.

Думы. Церковь, мужики и высшее сословие „единым духом и едиными устами“ высказали Царю, что они возлагают все свои надежды только на Монарха, коему, по словам основных законов, „повиноваться Сам Бог повелевает“. По этой причине эти граждане, болеющие за судьбу России, просили Царя сохранить самодержавную власть, ему от века принадлежащую, не уступая своих прав Государственной Думе, если таковая захочет на царское достоиние покуситься.

Собрать миллион подписей от одной губернии — нелегкое дело. Надо было созывать сходы по селам и деревням, растолковывать хлеборобам, в чем дело. Надо думать, что эта работа началась еще при второй Государственной Думе, а может быть, и при первой. А это значит, что текст петиции был составлен под влиянием тогдашних настроений. Поэтому с такой настойчивостью и определенностью верноподданные просили Царя не уступать Государственной Думе»⁹.

Сам митр. Антоний в своей статье о Николае II так рассказывает об этом же событии: «Волынские жители представили Государю 17 толстых переплетенных томов, исписанных своими подписями, в которых умоляли Государя сохранять самодержавие и не сдаваться на конституцию. Помню, как после представления Государь спросил: „Кто из вас Шульгин?“. Шульгин назвал себя. Государь благодарил г-на Шульгина за патриотическую речь, произнесенную в Государственной думе. Шульгин со слезами умиления на глазах ответил: „Я рад тому, что моя речь понравилась Вашему Величеству“. Через несколько лет тот же самый Шульгин явился к Государю с позорной миссией требовать отречения Его от престола»¹⁰.

Далее в своих воспоминаниях уже сам В. В. Шульгин пишет о том, что на этой встрече речь перед царем от лица всей Волыни говорил владыка Антоний (Храповицкий). А в другом месте своих мемуаров он также рассказывает и о такой своей личной беседе с царем: «Государь обратился ко мне. Я в первый раз в жизни увидел его взгляд. Взгляд был хороший и спокойный. Но большая нервность чувствовалась в его манере подергивать плечом, очевидно, ему свойственной. И было в нем что-то женственное и застенчивое. Государь подал мне руку и спросил:

- Кажется, от Волынской губернии — все правые?
- Так точно, Ваше Императорское Величество.
- Как это вам удалось?

⁹ Там же. С. 116–117.

¹⁰ Антоний (Храповицкий), митр. Сила Православия / Сост. А. Д. Каплин. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 616.

При этих словах он почти весело улыбнулся. Я ответил:

— Нас, Ваше Величество, спаяли национальные чувства. У нас русское земледелие, и духовенство, и крестьянство шли вместе как русские. На окраинах, Ваше Величество, национальные чувства сильнее, чем в центре...

Государю эта мысль, видимо, понравилась. И он ответил тоном, как будто бы мы запросто разговаривали, что меня поразило:

— Но ведь оно и понятно. Ведь у нас много национальностей... кипят. Тут и поляки, и евреи. Оттого русские национальные чувства на западе России — сильнее... Будем надеяться, что они передадутся и на восток»¹¹.

В чем был «секрет» такой эффективности пастырской проповеди владыки Антония и архим. Виталия, которая позволила самоорганизоваться народу Вольны для противостояния антирусской революционной смуте? В первую очередь в том, что им удалось очень четко обосновать русское политическое мировоззрение — монархизм — путем *нравственной* проповеди на основе обращения к Евангелию и святоотеческому наследию. Например, вот как в своем «Окружном послании к вольнской пастве. По поводу мятежей» (1907) владыка увещевал народ, обращаясь к его совести и духовному разуму: «Вот и вы, братие, спросите тех, которые побуждают вас к забастовкам и грабежам, так: „Вы смеетесь над нами, что мы терпим бедность, и радуете о том, чтобы, награбив чужое или вмешиваясь в чужое хозяйство, мы были бы богаты и счастливы. Но возможно ли благополучие и мир в доме грабителя и бунтовщика? Будут ли его уважать и слушать дети? Будет ли его любить и верить ему жена? Будут ли жить между собою в мире соседи, когда каждый считает другого вором и боится, чтобы он и в его добро не запустил свою завистливую руку?»¹². Да это будет не жизнь мирная, а кромешный ад, и тогда эти люди, расстроенные, боящиеся друг друга и взаимно подозревающие, пожалеют, — о, как они пожалеют прежних дней своей честной бедности, когда у каждого немного было, да свое, честно и без насилия нажитое»¹².

Удивительно пророческими оказались эти слова в свете всего того, что потом произошло с народом в XX в.! Действительно, соблазнившись революционной пропагандой, небольшая часть народа все-таки пошла за безбожниками, а основная масса народа вела себя пассивно. В результате в 1917 г. революционерам удалось захватить власть над Россией. Неизбежно последовал страшный геноцид народа в виде гражданской войны, голода и террора. Безбожие привело к разрушению семьи и вымиранию народа. В результате этого сейчас население России составляет не полмиллиарда, как должно было быть в конце XX в. по прогнозу Д. И. Менделеева, а даже меньше, чем было в 1917 г. Все сбылось точно по пророческому слову митр. Антония — «это будет не жизнь мирная, а кромешный ад».

В основе проповедей митр. Антония лежало четкое святоотеческое понимание им природы государства как такового, сущности православной царской власти, а главное — цели жизни православного народа, от которой нельзя уклоняться. Он писал об этом так: «По совершенно справедливому определению К. Аксакова и других славянофилов, русский народ мыслил себя стадом Божиим, Церковью, обществом людей, совершающих свое спасение по руководству своей веры чрез *молитву и труд*; народ взирает на свою жизнь как на крест, данный от Бога, и все свое земное государственное благополучие он вверил Царю. Пусть Царь со своими боярами и воинами отражает врагов православной его страны, пусть для этого берет подать и рекрутов, пусть Царь своих слуг судит и карает воров, разбойников и других злодеев, — все это мало интересует русского человека: его дело подвизаться в труде и молитве да учиться добродетели у людей Божиих, а чтобы никто ему в этом не мешал, о том печется Царь и его воины»¹³.

Уже после подавления антирусской смуты 1905 г. митр. Антоний отмечал, что главным фактором победы над ней была именно верность народа своему православному царю, воспитанная в нем Церковью. В том же «Окружном послании к вольнской

¹¹ Шульгин В. В. Последний очевидец. С. 83–84.

¹² Антоний (Храповицкий), митр. Сила Православия. С. 294.

¹³ Там же. С. 287.

пастве» он писал: «Поняли ли вы, почему мятежники появились в ваших деревнях не раньше, а сразу после того, как по разным городам крестьяне побили и пожгли огнем бунтовщиков, ругавшихся над царскими портретами около 20 октября? Бунтовщики испугались простого народа и его любви к Царю. Они увидели, что невозможно им уничтожить Православную веру и извести Царя, пока не соблазнят преданных Вере и Царю крестьян. Но поняли они и то, что возбуждать народ открыто против Христа и против Царя невозможно, — и вот они решили прежде как-нибудь испортить душу в народе, помрачить в нем разум Божий и совесть христианскую, сделать людей бессовестными и злодеями, а тогда уже нетрудно будет повести их против Церкви Божией и против Царя православного»¹⁴. В последних словах митр. Антоний очень ясно раскрывает «технологию» революции — сначала «испортить душу в народе, помрачить в нем разум Божий и совесть христианскую, сделать людей бессовестными и злодеями», и после этого они уже будут очень легко воспринимать революционную пропаганду, направленную «против Церкви Божией и против Царя православного». Именно так и произошло в 1917 г.

Обращаясь к своей пастве, владыка Антоний пророчески говорил: «Всякому разбою и бунту будешь ты сочувствовать, так что они уже не будут тогда бояться крестьян в своих злодеяниях против Царя и Церкви, а когда крестьяне перестанут защищать Веру, то уже легко будет уничтожить на Руси и устроить вместо Православного Царства шайку безбожных разбойников, чего они желают»¹⁵. К сожалению, именно так и произошло.

Митр. Антоний как идеолог православно-монархических народных патриотических организаций обращался не только к своей пастве, которая состояла в этих организациях, но также и к интеллигенции, которая верила в лживые мифы о черносотенцах как якобы «погромщиках». Весьма показательным является «Ответное письмо архиепископа Антония Н. А. Бердяеву о „Вехах“». В этом письме владыка так описывал «революцию» 1905 г.: «Опрокидывались и осквернялись св. престолы в храмах, наклеивались папиросы к ликам чудотворных икон, сожигались усадьбы, истреблялись тысячи невинных семейств, деморализовались войска в Маньчжурии, злорадствовали и ликовали в России о наших поражениях японскими войсками, устраивались лиги любви в гимназиях, раздавались детям богохульные и эротические брошюры»¹⁶.

О самом Союзе Русского Народа митр. Антоний писал Н. А. Бердяеву следующее: «Мои отношения к русскому „Союзу“ скрепились избранием меня в почетные председатели „Почаевского Союза Русского Народа“, насчитывающего полтора миллиона членов. Что же это за „Союз“? Читающее общество, и печать, и вы, многоуважаемый Николай Александрович, ничего об этом не знаете... Я вам отвечу. Это есть первое и единственное пока во всей России чисто народное, мужицкое, демократическое учреждение. Ведь все толки в печати, и в Думе, и в Государственном Совете, и на митингах, все сентименты и ламентации о народе — ведь это сплошное лицемерие. До народа у нас нет никому дела... Помните еще четверостишие в „Дневнике писателя“ Достоевского:

Конституцию мы эту
Из Европы перейдем,
Поведем Царя к ответу,
А народ опять скуем»¹⁷.

Далее он риторически вопрошает своего адресата: «А что тянуло к этому „Союзу“ о. Иоанна Кронштадтского? — Вот вы упоминаете о пр. Серафиме Саровском, и П. Б. Струве упоминал о св. Филиппе и Ниле Сорском. Скажите откровенно,

¹⁴ Там же. С. 290.

¹⁵ Там же. С. 292.

¹⁶ Там же. С. 301.

¹⁷ Там же. С. 309–310.

сомневаетесь ли вы в том, что все бы они оказались на стороне русского „Союза“, если б жили в наше время? Ведь все они имели воззрения монархические, конфессиональные, все ревниво оберегали народ от иноверцев и иностранцев. А патриарх Ермоген? А Авраамий Палицын? Дионисий? Да и самое название черносотенцев откуда взято, как не от защитников Сергиевой лавры, прозванных так поляками в 1612 году? Так вот отчего бы вашим корреспондентам, чем зарабатывать себе пропитание на гнусной клевете, не поинтересоваться тем загадочным явлением, что „разбойною шайкою“ русского „Союза“ руководила такая личность, как архимандрит Виталий... Что делал о. Виталий? В 1906 году обличал революционеров и удерживал народ от поджогов; в 1907 году закупал в Сибири хлеб для голодавшей Воьльни... начали основывать союзные потребительские лавки и русские мастерские; в 1908 году он взялся за переселенческое дело, нахлопотал союзникам земель в Забайкалье и Приамурье; еще раньше устроил в Почаеве юридическую консультацию по делам судебным, общества трезвости и проч... Потом не скажете, что у нас союз ненависти и злобы, а, напротив, единственный на Руси союз народной помощи, помощи нравственной, юридической, экономической»¹⁸.

Вот таким образом митр. Антонию приходится здесь объяснять Н. А. Бердяеву элементарные вещи на конкретных фактах. На фоне этого просто удивительно, насколько тогдашняя пресса была антирусской, если сумела внушить не только рядовым обывателям, но даже и философу с мировым именем Н. А. Бердяеву лживые мифы о черносотенцах.

В частности, о своей собственной деятельности митр. Антоний пишет: «О евреях я говорил и отпечатал поучение в 1903 году (против погромов), благодаря которому на Воьльни не было в том году погромов, облетевших весь Юго-Западный край; в 1905 году на 6-й неделе Великого поста евреи расстреливали за Житомирском портреты Государя и были за это побиты жителями предместья; за день до Вербной субботы прибыл я из Петербурга и на Страстной седмице сказал опять речь против погрома...»¹⁹

В письме Н. А. Бердяеву содержится также и ряд принципиальных мировоззренческих тезисов, которые показывают митр. Антония как убежденного славянофила. Например, он пишет о Петре Великом как уничтожившем «русскую церковно-народную культуру»²⁰. Кроме того, проясняется и сам принцип славянофильства, который обычно совершенно не понимают его критики, следующим образом: «Хомяков, Киреевский и Достоевский... дорожили не столько формой, сколько содержанием русской жизни, не потому, что оно русское, а потому, что оно святое, Божие... Они утверждали, что хранимое Церковью учение Христово воплотилось в устои народного быта, а этот быт и, с другой стороны, и самые церковные учреждения, охраняющиеся самодержавною властью, при всяком другом виде правления будут не охраняться, но преследоваться. Поэтому они дорожили самодержавием и ненавидели русский политический либерализм не по существу, а потому, что русским либералам ненавистны не злоупотребления властей (как либералам заграничным), даже не самые власти, а ненавистна сама Русь, ненавистен христианский склад ее жизни и народных понятий»²¹. Это высказывание митр. Антония о либералах в России, повторявшее то, что в свое время писал о них Достоевский, для начала XX в. все еще было слишком смелым, но вполне пророческим уже для нашего времени.

В основе славянофильских воззрений всегда лежит не политический, а нравственный принцип, который митр. Антоний формулирует следующим образом: «Нравственные проблемы должны раскрываться под влиянием политических стремлений, но последние должны являться на суд к этическому трибуналу. Да здравствует мораль, философия, поэзия!»²²

¹⁸ Там же. С. 311–312.

¹⁹ Там же. С. 306–307.

²⁰ Там же. С. 302.

²¹ Там же. С. 302–303.

²² Там же. С. 315.

Епископ Волынский и Житомирский
Антоний (Храповицкий), 1900-е гг.

В статье «Что значит быть русским националистом?», опубликованной в 1914 г. в газете «Киев», а затем перепечатанной и в других изданиях, митр. Антоний в первую очередь указывал на отличие русского христианского национализма от национализма европейского, который давно уже отошел от «религиозных и иных высших целей жизни» и призывает лишь к борьбе ради «зоологического самосохранения». «Защищать свой угол, свою берлогу свойственно всякому живому существу, — писал он, — но ведь иное дело животное самосохранение, а иное — святое самопожертвование, служение родине как святыне, а не только как коллективному эгоизму: последнее может быть очень энергичным, как служба своему трактиру, своему коммерческому банку, но считать его возвышенным, одушевляющим, требовать на таком служении жертв — возможно ли по какой логике?»²³

Поэтому, пишет он далее, если общими чертами какого-либо племени оказываются не духовные святыни, а только общий язык и происхождение, то «брататься на таком внешнем, даже ничтожном признаке» — то же самое, что объединяться рыжим, лысым или курносом для отстаивания своих природных особенностей. Разве это «не сумасшествие, что предлагают поклонники „зоологического национализма“, желающие объединить нацию вне ее исторических задач и заветов, вне ее веры, вне всего святого и возвышенного? Одно из двух: или признайте самую нацию носительницей высшей идеи, которую она призвана осуществить в истории, или освободите патриотизм от всякой нравственной обязательности и признайте его простой защитой своей шкуры, своей берлоги, своей мелочной лавочки»²⁴. Но за таким шкурным национализмом русские люди не пойдут, «потому что русские люди, не исключая самых рьяных нигилистов, могут идти только за принципом — иногда химерическим, иногда диким, иногда даже прямо разрушительным; но быть стадом обезьян, которые очень дружно и охотно отстаивают свое беспринципное существование, русские люди не могут»²⁵. Здесь дана не только важнейшая характеристика русских как нации, но сформулирован принцип отличия русского христианского национализма от нехристианского. Русский национализм — это защита Православной Церкви и Святой Руси, а Россия понимается как «сосуд», их хранящий. В отличие от христианского, нехристианский национализм, господствующий в Европе, — это коллективный эгоизм и защита материальных интересов.

Однако парадокс состоит в том, пишет далее митр. Антоний, что «и внешнее благосостояние государства упрочилось бы при таком направлении жизни гораздо крепче, чем при грубо эгоистическом настроении государственного законодательства; но цель жизни народной была бы не в самом этом благополучии, а в достижении высших нравственных целей, благополучие же явилось бы как следствие»²⁶. Поэтому он призывал русских отрешиться «от начал только утилитарных», быть

²³ Антоний (Храповицкий). Что значит быть русским националистом? // Киев. 1914. 3 янв.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

«националистами по принципу», «разъяснять и в печати, и на кафедре школьной, и на кафедре представительных учреждений, во имя чего следует отстаивать русское государство, русское племя, русский язык, русский быт», т.е. проповедовать религиозное призвание русского народа, который «теперь один из всех народов сохранил в своем сознании, своем сердце неповрежденным то драгоценное сокровище, которое дано всему человечеству небом, т.е. христианство, и кроме, как от русского народа, неоткуда его теперь заимствовать всем прочим народам», т.к. «только у нас сохранилось разумение первой заповеди Евангелия о смиренномудрии, без коего тщетны все прочие доблести; только у нас сохранился взгляд на жизнь не как на наслаждение, а как на подвиг, на подвиг самоотвержения и самоусовершенствования»²⁷. Тем самым, главнейшая задача русского национализма заключалась в сохранении, преумножении и защите своего духовного наследия и противодействии «безнравственной культуре Запада»: «Наш национализм должен обратить душу нашего общества к оставленному им народу, должен выяснить нравственные нужды нашего народа, должен Россию сделать Русью, Святою Русью, должен снова быть для нее равноапостольным Владимиром»²⁸.

Уже позже, в эмиграции, митр. Антоний даст краткую формулу русского православного национализма следующим образом: «Наша Родина есть воплощающееся в народном характере и народном быте Евангелие»²⁹.

Но и тогда, в 1914 г., в статье «Наш национализм и загадка Пушкина» (в другом варианте — «Наш национализм и задача Пушкина») он писал: «Националистов принципиальных меньше, чем националистов партийных или политических. Почему? Да потому, что для национализма первого типа нужен нравственный подъем, а для второго — только здравый смысл. При императоре Николае I почти все члены русского общества были политическими националистами по своим государственным убеждениям, но по симпатиям, по государственному настроению духа, по обычаям своей жизни большинство были западниками, скучали в России и в русской деревне, а утешались в Петербурге и в Париже; они молились (изредка, конечно) преподобному Сергию, но восхищались Байроном, слушали в церкви покаянные мезимоны, но наслаждались Поль де Коком»³⁰. Именно эта разрушительная модель политического национализма, не связанного с защитой православных святынь и личной религиозностью, затем легла в основу русской политической жизни. Именно в ней истоки февраля 1917 г.

Понимание самой России как «сосуда», хранящего истинную веру и Православную Церковь, что и составляет сам смысл существования России, митр. Антоний четко и бескомпромиссно выразил в своем выступлении «О свободе вероисповеданий. Заявление Высокопреосвященнейшего Антония, архиеп. Вольнского, в VI отделе Предсоборного Присутствия 19 мая 1906 года». В нем он заявил: «Отречься от той задачи, которую народ считает своим главнейшим делом в продолжение девяти веков, установить равноправие всех вер в русском государстве — это значит упразднить Россию как исторический факт, как историческую силу, это значит произвести большее насилие над тысячелетним народом, чем татарские ханы или самозванцы смутного времени»³¹. Речь здесь шла о том, что введение закона о «равноправии всех вер в русском государстве» — совершенно избыточно, поскольку ни одна из вер в Российской Империи не ущемлялась (лишь за исключением некоторых протестантских сект, которые занимались обманом и вовлекали православных в свое сообщество). Поэтому введение такого закона по европейскому образцу, как совершенно справедливо полагал митр. Антоний, может иметь только одну-единственную цель — борьбу против Православия и России

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Антоний (Храповицкий), митр. Послание // Царский вестник. 1935. № 432. С. 1.

³⁰ Антоний (Храповицкий). Наш национализм и задача Пушкина // Голос Руси. 1914. 3 янв.

³¹ Антоний (Храповицкий), митр. Сила Православия. С. 288.

как таковой, поскольку Православие составляет нравственную и историческую основу ее бытия.

Свою деятельность как духовного просветителя и идеолога народных православно-патриотических движений митр. Антоний продолжил и в эмиграции — в первую очередь как автор множества публикаций по этой тематике в газете «Царский вестник»³². Из статей этого цикла стоит особо выделить статью «Православная Церковь и Император Николай II» (1929), где митр. Антоний писал о святом царе, который в то время еще не был канонизирован, но уже почитался в народе как святой страстотерпец: «Его облик на целые века будет причиной слез и стыда для народа за себя и благоговейной благодарности Богу за покойного»³³. Здесь же митр. Антоний с горечью констатирует: «Все хорошее русское тщательно замалчивается. Не нашел себе справедливой оценки и наш любвеобильный и благостный Государь Николай II. Да упокоит же Господь его светлую душу и да научит всех нас и русский народ искупить страшный грех и восстановить Российское Православное Царство»³⁴. В этой формулировке присутствует и понимание значимости царя для России, и пророчество о ее возрождении.

Одним из важнейших текстов этого цикла следует считать «Послание о вооруженной борьбе с большевиками» (1930) — фактически духовное и политическое завещание архипастыря. В нем он писал: «Православные христиане! Много уже лет антихристовая красная власть терзает нашу Родину-мать, великую Россию, стремясь выжечь, словно каленым железом, из русского народа его русскую душу, дабы обратить его в свое покорное стадо... Однако всего ненавистнее для власти антихриста есть русская христианская вера, ибо в этой вере заключена последняя и величайшая твердыня и крепость русского духа... От самого начала коммунистического господства над Россией разбойная шайка не прекращала гонений против веры, и за годы красного лихолетья Церковь Христова в России просияла паче солнца бесчисленным сонмом священномучеников»³⁵. Определение советской власти как власти антихриста является общим для всех великих церковных деятелей Русского Зарубежья, поскольку оно соответствует и фактам, и святоотеческому пониманию истории. Но т.к. антихрист придет перед концом времен, а Россия еще должна будет освободиться от порабощения властью безбожников, то термин «власть антихриста» здесь употребляется не в личном смысле (ведь антихрист еще не пришел), но в смысле содержательном — в том смысле, что советская власть уже служит антихристу и является его предтечей и прообразом.

Подводя итог краткому анализу данной темы, можно сделать основные обобщающие выводы. 1) Деятельность митр. Антония (Храповицкого) как идеолога православно-патриотических организаций и его участие в работе Союза Русского Народа были важнейшей стороной его биографии, поскольку он вкладывал много душевных сил в эту деятельность. 2) Убеденность митр. Антония в важности народных православно-монархических движений отразилась во множестве текстов из его наследия, которые в совокупности своей представляют собой четко и ярко выраженное православное русское политическое мировоззрение. 3) Наследие митр. Антония (Храповицкого) как идеолога православных патриотических организаций является актуальным для нашего времени, когда происходит возрождение русского православного монархического сознания на достаточно массовом уровне.

---

³² См.: Подмолода К. С. Политическая программа митрополита Антония (Храповицкого) в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. (по газете «Царский вестник») // Человеческий капитал. 2023. № 5 (173). С. 104–111.

³³ Антоний (Храповицкий), митр. Сила Православия. С. 612.

³⁴ Там же. С. 616.

³⁵ Там же. С. 622.

Источники и литература

1. *Антоний (Храповицкий)*. Наш национализм и загадка Пушкина // Волынские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1914. № 4. С. 52–54.
2. *Антоний (Храповицкий)*. Наш национализм и задача Пушкина // Голос Руси. 1914. 3 янв.
3. *Антоний (Храповицкий)*. Что значит быть русским националистом? // Киев. 1914. 3 янв.
4. *Иустин (Попович), архим.* Тайна личности митрополита Антония и его значение для православного славянства. // Православная жизнь, приложение к журналу «Православная Русь». 1976. № 8 (320). С. 1–13.
5. *Иванов А. А.* Проблематика русского национализма в статьях и проповедях митрополита Антония (Храповицкого) // Русин. 2019. Т. 58. С. 58–78.
6. *Каплин А. Д.* Предисловие // *Антоний (Храповицкий), митр.* Сила Православия / Сост. А. Д. Каплин. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 3–27.
7. *Антоний (Храповицкий), митр.* Послание // Царский вестник. 1935. № 432. С. 1–2.
8. *Антоний (Храповицкий), митр.* Сила Православия / Сост. А. Д. Каплин. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 688 с.
9. *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2006. 168 с.
10. *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи: 1901–1914 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. н.: 07.00.02. Воронеж, 2006. 46 с.
11. *Подмолода К. С.* Политическая программа митрополита Антония (Храповицкого) в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. (по газете «Царский вестник») // Человеческий капитал. 2023. № 5 (173). С. 104–111.
12. *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б.* Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 124–160.
13. *Шульгин В. В.* Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 587 с.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3 (18)

2024

М. Г. Талалай

Владыка Антоний (Храповицкий) и его афонский корреспондент Алексей Павловский

УДК 271.2(470+571)-788-055.1(495)-9(093)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_204
EDN SEUNVW

Аннотация: В статье впервые рассматривается краткий, но емкий эпистолярный владыки Антония (Храповицкого) и литератора Алексея Алексеевича Павловского, жившего в те годы на Афоне. Сохранившиеся в Русском архиве Андреевского скита при Ватопедском монастыре письма вскрывают подробности участия владыки в споре об Имени Божиим в 1913 г., а также надежды русских афонцев на помощь в их драматическом положении после окончания Первой мировой войны. Публикуемое письмо А. А. Павловского к владыке, по сути дела, — редкий отчет о событиях на Афоне в 1914–1919 гг.

Ключевые слова: Антоний (Храповицкий), Афон, Андреевский скит, А. А. Павловский, архивные материалы, переписки, русское монашество на Афоне, имяславие.

Об авторе: **Михаил Григорьевич Талалай**

Кандидат исторических наук, лауреат Макарьевской премии.

E-mail: talalaym@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6070-9711>

Для цитирования: Талалай М. Г. Владыка Антоний (Храповицкий) и его афонский корреспондент Алексей Павловский // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 204–214.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3 (18)

2024

Michail G. Talalay

Bishop Anthony (Khrapovitsky) and His Athonite Correspondent Alexey Pavlovsky

UDC 271.2(470+571)-788-055.1(495)-9(093)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_204
EDN SEUHVW

Abstract: K The article deals with the brief but capacious epistolary of Vladyka Anthony (Khrapovitsky) and the essayist Alexei Alexeevich Pavlovsky, who lived on Mount Athos in those years. Preserved in the Russian Archives of the St Andrew's Skete at Vatoped Monastery, the letters reveal details of the Vladyka's participation in the dispute over the Name of God in 1913, as well as the hopes of the Russian Athonians to help them in their dramatic situation after the end of the First World War. The published letter of A. A. Pavlovsky to Vladyka is, in fact, a rare account of the events on Athos in 1914–1919.

Keywords: Anthony (Khrapovitsky), Athos, St Andrew's Skete, A. A. Pavlovsky, archival materials, correspondence, Russian monasticism on Mount Athos, onomatodoxy.

About the author: **Michail Grigorievich Talalay**

PhD, Bishop Makary's Prize winner.

E-mail: talalaym@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6070-9711>

For citation: Talalay M. G. Bishop Anthony (Khrapovitsky) and His Athonite Correspondent Alexey Pavlovsky. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 204–214.

Портрет владыки Антония
(Храповицкого),
сделанный в фотоателье
Пантелеимоновского монастыря, 1920 г.

Владыка Антоний (Храповицкий), будучи в сане архиепископа Вольинского, принял живейшее участие в остром споре вокруг Имени Божиего, разгоревшемся сначала на Святой Афонской Горе, а затем — во всем Русском Православии. Более того, его роль в этом драматическом эпизоде истории Русской Православной Церкви можно назвать ключевой.

Владыка стоял у самых истоков спора. Именно по его предложению в феврале 1912 г. журнал «Русский инок», издаваемый Почаевской лаврой, опубликовал критический разбор книги схимонаха Илариона «На горах Кавказа», апологетической для имяславия. Эта статья, написанная иноком Хрисанфом, сослужила роль детонатора: имяславцы (называемые их оппонентами имябожниками) дали отповедь ее автору в разного рода посланиях, что породило ответ уже самого владыки Антония (в том же журнале «Русский инок»)¹. В полемике энергично включился пассионарный иеромонах Антоний (Булатович), насельник Андреевского скита, взбудораживший своих последователей², что, в свою очередь, вызвало действия тезоименитного владыки, в том

числе через Священный Синод (членом которого он являлся с 1909 г.) и российскую дипломатию. Богословский спор вышел на новый уровень: им заинтересовались в Константинопольской Патриархии и ее структурах (в том числе в авторитетной Халкинской богословской школе), не без собственных интересов по сдерживанию России на Востоке.

Жесткая позиция российских государственных и духовных властей по отношению к имяславцам, как известно, привела в итоге к подавлению их движения в 1913 г.³

Владыка Антоний, кроме практических действий как церковный иерарх, осуществил также попытку богословского анализа имяславия и после серии статей издал монографию «Святое Православие и именовожническая ересь» (Харьков, 1916).

Очевидцем подавления движения имяславцев стал литератор Алексей Алексеевич Павловский, подолгу живший на Святой Горе — именно в Андреевском скиту, эпицентре движения.

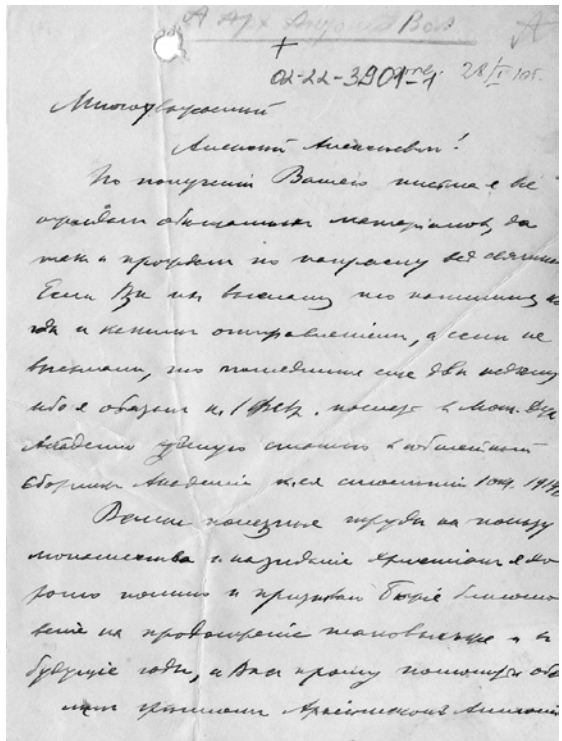
¹ Антоний (Храповицкий), архиеп. Еще о книге схимонаха Илариона «На горах Кавказа» // Русский инок. 1912. № 10. С. 63–64.

² Об истории Свято-Андреевского скита, см.: Талалай М., Троицкий П., Шкарковский М. История русского Афона. М.: Индрик, 2016. С. 129–151. После смерти в 1971 г. последнего русского насельника скита (Сампсона) двадцать лет скит пустовал, подвергаясь разного рода хищениям. В 1992 г. сюда, наконец, вселилась группа монахов-греков, однако скитский архив пребывал в плачевном состоянии, пока в 2003 г. его остатки по благословению архимандрита Ефрема, игумена Ватопедского монастыря, который является главенствующим по отношению к скиту, не были перевезены в Ватопед. С 2017 г. начался их разбор и систематизация, которые ведет схимонах Диадох. Пользуясь случаем, выражаю благодарность ему, а также игумену Ефрему, благословившему использование документов ватопедского «Русского архива Андреевского скита (РААС)» (таково официальное название скитского архива) для данной статьи.

³ Подробно о роли владыки Антония в споре о Божием Имени см.: Иларион (Алфеев), митр. Священная тайна Церкви: Введение в историю и проблематику имяславских споров. Изд. 3-е, испр. СПб., 2013.

В 1897 г. Павловский впервые посетил Афон, в дальнейшем бывая здесь почти ежегодно и предпринимая также путешествия в Константинополь и города Малой Азии. Летом 1913 г. он совершил свою 13-ю поездку на Святую Гору, растянувшуюся на пять лет. Наблюдая за бурными событиями вокруг имяславия, он сам стал собирать соответствующие материалы и, уяснив видную роль в них владыки Антония, судя по всему, первым обратился к нему. Похоже, что в том начальном, не сохранившемся, послании, отправленном, вероятно, поздней осенью 1913 г., он обещал владыке выслать эти свои материалы (в публикуемом ниже письме он называет их «работой по имябожникам»), но по каким-то причинам этого не сделал.

Позиция Павловского относительно «афонской смуты» совпала с позицией архиепископа, и тот ожидал обещанные тексты, но они не приходили, и в январе 1914 г. владыка отправил на Афон следующее письмо:

Письмо владыки Антония
(Русский архив Андреевского скита)

+

Многоуважаемый

Алексей Алексеевич!

По получении Вашего письма я все ожидал обещанных материалов, да так и прождал понапрасну все святки. Если Вы их выслали, то напишите, когда и каким отправлением, а если не высылали, то подождите еще две недели, ибо я обязан к 1 февр<аля> послать в Моск<овскую> дух<овную> академию крупную статью в юбилейный сборник Академии к ее столетию 1 окт<ября> 1914 г.⁴

Ваши полезные труды на пользу монашества и назидания христиан я хорошо помню и призываю Божие благословение на продолжение таковых же и в будущие годы, а Вас прошу помолиться обо мне грешном.

Архиепископ Антоний⁵

Вне сомнения, речь явно идет о святках 1914 г., то есть письмо к Павловскому на Афон было отправлено, вероятно, сразу после празднования Богоявления (6 января ст. ст.). Что касается юбилейного сборника МДА, то владыка обоснованно подчеркивал свое заинтересованное участие в нем, т. к. в 1890–1895 гг., будучи в сане архимандрита, он служил ректором Академии. Его ректорство было тогда отмечено подъемом уровня преподавания и престижа МДА. Упомянутая статья — «О загробной жизни и вечных

⁴ Имеется в виду сборник: В память столетия (1814–1914) Императорской Московской Духовной Академии: В 2 ч. Сергиев Посад, 1915.

⁵ РААС. Оп. 2. Д. 22. Док. 3901.

мучениях» — открывала юбилейный сборник, имея внизу текста дату 22 января 1914 г., то есть, действительно, между письмом к Павловскому и окончанием статьи прошло около двух недель.

По получении письма (от члена Священного Синода!) смущенный Павловский выслал свою «работу по имябожникам», подождав, как просил владыка, некоторое время: на пришедшем в скит письме архиепископа стоит помета: *отвечено* 28/1.

Ответ Павловского владыке Антонию не найден, хотя он оставлял в своем архиве машинописные копии собственных писем. О событиях на Афоне в 1913 г. он писал немало: среди его рукописей в РААС есть целая папка «К истории афонской смуты, т. е. имябожничества»⁶, статья «Гусар-схимник Антоний Булатович»⁷, разного рода записки и дневники.

Его отношение к партии о. Антония (Булатовича) и к ее подавлению емко выражено в составленном им отчете для российских дипломатов в Салониках:

Отчет № 1

за второе полугодие 1913 года по Святой Горе Афонской

Об имябожнической смуте

Вследствие имябожнической смуты в Пантелеймоновском монастыре и Андреевском ските на Афон русским правительством была командирована специальная комиссия, прибывшая сюда 5 июня на военном стационаре «Донец» и состоявшая из архиепископа Никона, генерального консула в Константинополе А. Ф. Шебунина, преподавателя Духовной академии проф. С. В. Троицкого, чиновников посольства г. Серафимова и г. Щербины. Вследствие упорства смутьянов 1 июля прибыл пароход «Херсон» и против бунтовщиков были приняты более серьезные меры. 8 июля, после введения в Андреевский скит изгнанного бунтовщиками игумена о. Иеронима, комиссия вместе с взятыми и добровольно пожелавшими поехать бунтовщиками имябожниками, уехала с Афона.

С официальной стороны вопрос о имябожнической смуте на Афоне закончился и порядок и спокойствие восстановлены, но тем не менее смута послужила к дальнейшему выезду с Афона русских монахов и вообще сократившая численность здесь русского иночества слишком на тысячу человек⁸.

Свидетельство Павловского по «смуте» стало основой тесных его взаимоотношений с российской дипломатией, и на рубеже 1914–1915 гг. он получил статус афонского корреспондента Российского генерального консульства в Салониках: теперь он имел официальные полномочия и возможности помогать русскому святогорскому монашеству, в особенности его беднейшим слоям — келиотам, каливитам, сиромохам. Эти заботы составляли стержень его деятельности на Афоне.

Об этом знал и архиепископ Антоний. В письме-напоминании владыки к Павловскому последнему не могли не польстить слова о его «полезных трудах на пользу монашества и назидания христиан». Думается, есть смысл немного рассказать о его жизни и деятельности.

Алексей Алексеевич Павловский родился 19 марта 1877 г. Его мать, опереточная артистка, скончалась спустя пять недель после его рождения, и воспитанием мальчика занялась его тетка. В 14-летнем возрасте он пешком ушел в Москву из дома своих опекунов в Симбирске, питаясь по дороге подаяниями. Посетив несколько монастырей, он стал мечтать о монашестве, но, попав в Москву, поступил в театральное училище, и его юношество раздваивалось между этими двумя интересами — монастырем

⁶ РААС. Оп. 2. Д. 22. Док. 2763. Можно предположить, что материалы этой папки и являются основой той самой «работы по имябожникам», посланной владыке Антонию.

⁷ РААС. Оп. 2. Д. 22. Док. 6154.

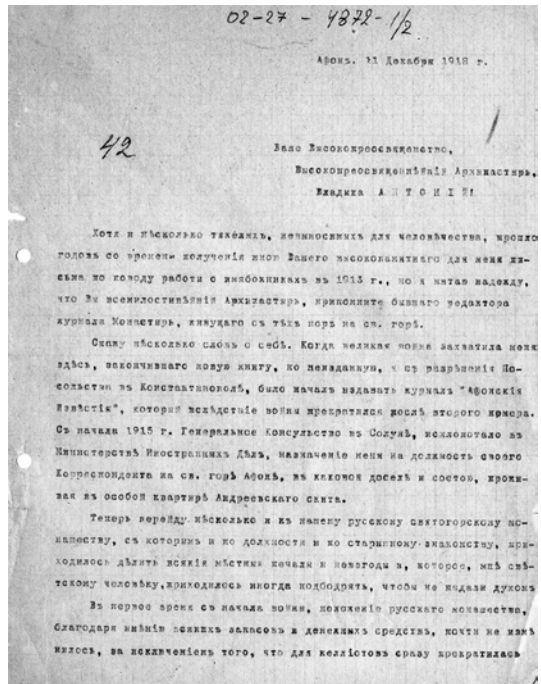
⁸ Русское монашество на Афоне в 1913–1918 гг. Отчеты А. А. Павловского в Генеральное консульство в Салониках / Публ. М. Г. Талалая // Россия и христианский Восток. Вып. 2–3. М., 2004. С. 597.

и театром. Юноша странствовал по России, зарабатывая в случайных местах и иногда выступая на провинциальной сцене. Тянуло его и к литературе, и в 20-летнем возрасте он опубликовал первую статью, впоследствии пробовав свое перо в самых разных сферах и обнаружив особый талант в составлении путеводителей. Главным трудом его жизни, оцененным современниками и, вероятно, замеченным владыкой Антонием, стал популярный «Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону». Павловский также издавал журнал «Монастырь» и печатал в отечественной периодике регулярные корреспонденции с Афона и с христианского Востока.

Архиепископ Антоний поблагодарил за присланные материалы, но такое письмо, которое в публикуемом ниже тексте Павловского названо «высокопамятным», не обнаружено.

После краткой переписки в начале 1914 г. минуло четыре с половиной года. Разразилась мировая война, затем революция. Афон оказался отрезанным от России, и спустя более года после большевистского переворота, 11 декабря 1918 г., Павловский пишет новое письмо владыке Антонию, на четырех машинописных страницах. Оно является редчайшим свидетельством о судьбе святогорцев в ту переломную эпоху.

Первая страница письма А. А. Павловского

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Архиепископ,
Владыка АНТОНИЙ!

Хотя и несколько тяжелых, невыносимых для человечества прошло годов со времени получения мною Вашего высокопамятного для меня письма по поводу работы о имябожниках в 1913 г., но я питаю надежду, что Вы, всемилостивейший архиепископ, припомните бывшего редактора журнала «Монастырь», живущего с тех пор на св. горе.

Скажу несколько слов о себе. Когда великая война захватила меня здесь, закончившего новую книгу⁹, но неизданную, я с разрешения Посольства в Константинополе начал издавать журнал «Афонские известия», который вследствие войны прекратился после второго номера. С начала 1915 г. Генеральное консульство в Солуне исплопотало в Министерстве иностранных дел назначение меня

⁹ У Павловского были большие планы и соответствующие заготовки книги «Настольная книга для всех (Мир познаний)»; в его фонде сохранилось также «Прошение с программой Его Высокопревосходительству Господину Министру Императорского Двора и Уделов на составление настольной книги-памятника по поводу 300-летия царствования Дома Романовых», проекты книг «Спутник артистов, художников и писателей» и «Настольная справочная книга для монашества, духовенства, православных христиан и паломников», а также первые главы воспоминаний. Про какую именно «законченную книгу» он говорит в письме, неизвестно.

на должность своего корреспондента на св. горе Афон, в какой-то доселе и состою, проживая в особой квартире Андреевского скита.

Теперь перейду несколько и к нашему русскому святогорскому монашеству, с которым и по должности, и по старинному знакомству приходилось делить всякие местные печали и невзгоды и которое мне, светскому человеку, приходилось иногда подбодрять, чтобы не падали духом.

В первое время с начала войны положение русского монашества благодаря имению всяких запасов и денежных средств почти не изменилось, за исключением того, что для келлиотов сразу прекратилась денежная из России корреспонденция, которая хотя с 1915 г. и наладилась, но уже не в тех размерах, как ранее. Не сразу вздорожали, как теперь, всякие продукты, и не сразу упал русский рубль. До половины прошлого года русское монашество имело чрез своих доверенных в Одессе возможность получать переводы, но затем это прекратилось. Простая же почта от родных и знакомых прекратилась еще с конца 1916 г. и только изредка некоторым проскальзывало письмо. Газет из России с 1918 г. никто не получал, и что творилось в России и на белом свете, приходилось узнавать из французских и греческих газет, а последние не отличались правдивыми сведениями.

Ухудшение материального положения русского монашества шло постепенно и ныне дошло до того, что многие распродают утварь, материалы и мебель, чтобы собрать необходимое количество денег для покупки хлебных продуктов, которыми запаслись до лета, но более ресурсов не осталось у многих никаких. Еще во второй половине прошлого года русское монашество обратилось чрез г. посланника в Афинах с просьбой просить Русское правительство ссудить его 600 000 драхмами, ручаясь своим имуществом в России, но вторичный переворот не дал закончиться этому вопросу. Мне говорил сербский владыка Варнава, бывший в России, что на Российском духовном соборе предполагался вопрос об Афоне.

Несмотря на то что русский Пантелеймонов монастырь имеет много леса на Афоне, собственные метохы вне его, что дает ему возможность продавать первый и сеять хлебные злаки на вторых, и то он во время войны благодаря многочисленности населения и питающихся принужден был войти в долги. Русские наши Андреевский скит и Ильинский распродают в течение года всякие материалы, доски, железо и т. д., а Ильинцы еще в прошлом году продали свое судно, которое теперь совершенно проели.

Русские келлиоты (88 келий) не только продавали материалы, но даже многие должны были сдирать с крыш железо на продажу, чтобы накопить деньги на покупку съестных продуктов. К тому же в прошлом году случилось два несчастных случая, также повлиявшие на материальное положение русского монашества. Первое из них потопление германской подводной лодкой пантелеймоновского судна с пшеницей, и второе, крушение судна с общественными разными съестными продуктами, выписанными из Александрии сообща: монастырем, скитами и Братством келий. В последнем крушении виноваты отчасти и сами монахи, так как судно благополучно прибыло в гавань Пантелеймонова монастыря, под праздник Св. Димитрия Солунского, и монастырцы ни сами не разгрузили его, ни предупредили своевременно других, а на утро после праздника вследствие поднявшейся бури судно снялось и пошло к островам, около берегов Афона, где и наскочило на камень и затонуло. Хотя и была спасена небольшая часть груза, но в попорченном виде, а остальное пропало.

Кроме вышеуказанных четырех организаций, на Афоне проживают калливиты и кавиоты (пустынники-квартиранты), положение которых было очень плачевное, т. к., питаюсь подаванием от больших обителей и келий, они в последние года ввиду сокращения всюду расходов не получали помощи в прежнем размере, да и работы их по кустарным изделиям прекратились. В видах сего, по моему докладу, была с июля прошлого года учреждена Междубительская продовольственная комиссия, состоящая из представителей: Пантелеймонова монастыря, двух скитов

и Братства келий и меня от Ген<ерального> ко<нсулст>ва. Комиссия зарегистрировала 488 человек беднейших и распределила на получение рационного хлебного пайка в размере 12 ф<ранков> в месяц на человека между четырьмя старшими организациями. Кроме того, работоспособным из них была дана возможность работать в французской лесной комиссии на Афоне и в крупных обителях, занявшихся разработкой своих земельных участков для расширения огородов и посева злаков хлебных. К сожалению, афонская почва требует больших затрат по обработке. Во всяком случае, многие монахи, в особенности в келиях, обратились к тому, с чего следовало начать и что постоянно делали греческие келлиоты, ни копейки с родины не получавшие, но все имеющие деньги, т. е. к обработке земли и получении с них продуктов и даже доходов. Правда, что ни Ильинскому (8 д<есятин>), ни Андреевскому (17 д<есятин>) по своей малоземельности участки не могли приносить пользу. Русский Андреевский скит в этом году получил обратно свою метоху около Каваллы, но сильно разоренную.

Военная повинность в течение войны уменьшила население Афона почти на 600 ч. да умерло около 200 ч., и в России осталось около 500 чел.

Греческое правительство ввело на Афоне монастырское автономное самоуправление и командировало в помощь Протату своего чиновника-юриста. Создавшееся положение также угнетает русское монашество, ибо местные греки после пребывания на Афоне франко-русского отряда сильно озлоблены против русских, и ныне создают новые канонизмсы¹⁰, в которых все в пользу господствующих монастырей и много против русских. Между тем вопрос об Афоне, согласно постановлению Лондонской конференции, приостановленный до окончания войны, не может быть закончен без Российского правительства, и Гр<еческое> пр<авительство> поступило в данном случае исключительно, воспользовавшись положением Российской империи, которой якобы не до Афона и не до русской монашеской колонии.

Как видно из письма о. Питирима Андреевского¹¹ арх. Иерониму¹², положение стало лучше и, даст Бог, все устроится по-хорошему.

Извиняюсь за свое длинное письмо и, прося Вашего Святительского благословения, остаюсь низжайший Вашего Высокопреосвященства слуга¹³.

Почему Павловский обратился именно к владыке Антонию с таким посланием? Во-первых, он знал, насколько владыка неравнодушен к афонским делам. Во-вторых, до него явно дошли сведения, что после взятия большевиками власти в Петрограде и Москве сопротивление им сосредотачивалось на Юге России и на Украине. Наверное, Павловский также знал об избрании владыки Антония в мае 1918 г. митрополитом Киевским и Галицким, а в июле — председателем Всеукраинского Церковного Собора. Такое высокое положение давало афонитам основания на надежды. В-третьих, следует обратить внимание на время написания, декабрь 1918 г., то есть спустя несколько недель после окончания Первой мировой войны (у Павловского — «великая война»): эта новость не могла не породить у русских святогорцев надежду на нормализацию их жизни.

Но Павловский не знал, что именно в те дни, когда он писал свое письмо, правительство гетмана Скоропадского в Киеве пало под натиском петлюровцев, которые, войдя в украинскую столицу, арестуют владыку Антония и отправят его в заточение.

России, горевшей в междоусобице, в самом деле было не до Афона, которым теперь занялась Греция. Сама империя сошла с геополитической сцены, ее дипломаты

¹⁰ Канонизм (от греч. κανονισμός — устав, положение).

¹¹ Речь идет о монахе Андреевского скита архимандрите Питириме (Ладыгине), который в тот период был заведующим Одесского подворья скита.

¹² Архимандрит Иероним (Силин), пятый настоятель Андреевского скита (с 1908 г.), ск. в 1920 г.

¹³ РААС. Оп. 2. Д. 27. Док. 4872.

оказались в «подвешенном состоянии», не говоря уж об их корреспондентах. В августе 1919 г. Павловский, после 6-летнего непрерывного пребывания на Святой Горе, был взят там полицией и выслан.

М. В. Шкаровский подробно рассказывает об этом инциденте: «10 августа 1919 г. в Свято-Пантелеимоновский монастырь приехал настоятель русской Свято-Троицкой церкви в Афинах архимандрит Сергей (Дабич). В сопровождении А. А. Павловского он около полутора недель объезжал русские скиты и келлии Святой Горы, выясняя их положение и проблемы. Однако 21 августа о. Сергей и Павловский были арестованы и на следующий день принудительно высланы с Афона. Причиной ареста якобы послужило совершенное архимандритом нарушение постановления Протата о непрерывной явке всех приезжих на Святую Гору в Кинот. Арестованных на мулах под охраной солдат доставили в Дафну, где держали до прибытия парохода под караулом в комнате конака Руссика. Больше А. А. Павловский, несмотря на его официальный статус консульского корреспондента, на Афон допущен не был»¹⁴.

Он отправился к архимандриту Сергию в Афины, оставив в скиту все свои бумаги, а спустя год скончался в греческой столице, в возрасте всего 45-ти лет. Его могилу на русском кладбище в Пирее, как бесхозную, срыли лет двадцать тому назад¹⁵.

Можно с основанием предположить, что владыка и его афонский корреспондент все-таки встретились. Весной 1920 г. митрополит вместе с частями армии Деникина эвакуировался из Новороссийска в Грецию. Праздник Благовещения он справил у о. Сергия (Дабича) в Афинах, где тогда пребывал и Павловский.

Владыка Антоний в трапезной Пантелеимоновского монастыря, 23 апреля 1920 г.

Из Афин владыка отправился на Афон, где провел почти пять месяцев. В свой первый день в Пантелеимоновском монастыре (18 апреля), обращаясь к братии,

¹⁴ Шкаровский М. В. Тысяча лет Русского Афона. Духовный подвиг русского монашества. СПб.: Изд-во СПбДА, 2016. С. 94.

¹⁵ Талалай М. Г. Русское кладбище в Пирее. М., 2002. С. 35; Жалнина-Василькиоти И. Л. «Родной земли комок сухой». Русский некрополь в Греции. М., 2012. С. 104.

Владыка Антоний на освящении храма в Нагорном Руссике, 27 июля 1920 г.

он произнес знаменательные слова о том, что «давно надумал оставить кафедру и поселиться на Афоне, и даже писал старцам о принятии его в обитель, но разные церковные дела и проекты заставляли его откладывать свое намерение, но вот теперь, после понесенных трудов на Соборах, когда церковные дела более или менее устроены, а светская власть перешла к большевикам, он твердо решил ехать на Святую Гору и жить здесь долго, пока не позовут обратно в Россию. „Я приехал к Вам не как святитель, а прошу принять меня как простого инока“, — и с этими словами он сделал земной поклон братии»¹⁶.

В то афонское пребывание у митрополита были и праздничные моменты: в день св. Пантелеимона, 27 июля, он возглавил освящение великолепного храма в Нагорном Руссике — последней русской постройки на Святой Горе.

Однако 4 сентября владыка Антоний получил телеграмму от Врангеля, который вызывал его в Крым для возглавления Высшего Церковного Управления Юго-Запада России. Надежды на возрождение православной державы еще не умирали, и митрополит спешно покинул Афон.

После окончательного поражения белого движения, обосновавшись в Сербии, владыка не переставал стремиться на Святую гору. Летом 1922 г., когда он получил указ патриарха Тихона об упразднении возглавляемого им Высшего Русского Церковного Управления за границей, владыка решил подчиниться патриаршей воле и удалиться на Афон. Этому намерению воспрепятствовали сразу с двух сторон — и русская эмиграция, не желавшая терять любимого пастыря, и афонское правительство, Протат. Полученная виза была аннулирована: владыка воспринял это как вышнюю волю¹⁷.

¹⁶ История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1912 до 2015 года. Святая Гора Афон: Изд. Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2015. С. 330.

¹⁷ О жизненном и творческом пути митрополита Антония см.: Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б. Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 124–160.

Спустя два года, уже полностью взяв на себя ответственность перед эмигрантской паствой, он все-таки кратко посетил Святую гору — в пасхальный период 1924 г., на пути в Палестину ради подъема там заброшенной духовной миссии. Чаяние стать афонским схимником уже было в прошлом.

Однако до конца своей жизни он переписывался со святогорцами и по сути дела оставался единственным иерархом, заботившимся о Русском Афоне.

Источники и литература

1. *Антоний (Храповицкий), архиеп.* Еще о книге схимонаха Илариона «На горах Кавказа» // *Русский инок.* 1912. № 10. С. 63–64.
2. В память столетия (1814–1914) Императорской Московской Духовной Академии. В 2-х ч. Сергиев Посад: типография Св.-Троицкой Сергиевой лавры, 1915.
3. *Жалнина-Василькиоти И. Л.* «Родной земли комок сухой». Русский некрополь в Греции. М.: Русский путь, 2012. 272 с.
4. *Иларион (Алфеев), митр.* Священная тайна Церкви: Введение в историю и проблематику имяславских споров. Изд. 3-е, испр. СПб.: Изд-во Олега Обишко, 2013. 912 с.
5. История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1912 до 2015 года. Святая Гора Афон: Изд. Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2015. 888 с.
6. Русское монашество на Афоне в 1913–1918 гг. Отчеты А. А. Павловского в Генеральное консульство в Салониках / Публ. М. Г. Талалая // *Россия и христианский Восток.* Вып. 2–3. М.: Индрик, 2004. С. 595–617.
7. *Талалай М. Г.* Русское кладбище в Пирее. М.: Вирд, 2002. 48 с.
8. *Талалай М., Троицкий П., Шкаровский М.* История русского Афона. М.: Индрик, 2016. 463 с.
9. *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б.* Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // *Русско-Византийский вестник.* 2024. № 3 (18). С. 124–160.
10. *Шкаровский М. В.* Тысяча лет Русского Афона. Духовный подвиг русского монашества. СПб.: Изд-во СПбДА, 2016. 200 с.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3 (18)

2024

Д. И. Стогов

Деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в эмиграции

УДК 271.2(470+571)(1-87)-726.1
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_215
EDN TAWVFL

Аннотация: Митрополит Антоний (Храповицкий), проживая с 1920 г. за границей, явился одним из создателей Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), возглавлял Высшее церковное управление за границей. Вскоре произошел его конфликт с Московским Патриархатом, который закончился разрывом Церквей. Вместе с тем митрополит считал недопустимым какое-либо вмешательство Константинопольского Патриархата в жизнь Русской Церкви. В своих проповедях, трудах и речах митрополит Антоний отстаивал идеи православной самодержавной монархии, осуждал экуменистские и филокатолические взгляды, церковный модернизм, в том числе софиологию. Архимандрит Киприан (Керн), комментируя взгляды митрополита, отмечал, что для него Царь «был догматом веры», «частью его вероисповедного символа». Владыка Антоний добился осуждения РПЦЗ масонства как преступной организации. Он пользовался высоким авторитетом в среде русской эмиграции. В то же время отдельные богословские идеи владыки Антония (о едином естестве человеческого, об искуплении, о первородном грехе) подвергались критике. Скончался в Сремских Карловцах в 1936 г., приняв перед смертью схиму.

Ключевые слова: монархисты, консерваторы, русская эмиграция, Православие, экуменизм, революция, дневник, литература, публицистика.

Об авторе: **Дмитрий Игоревич Стогов**

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7619-7642>

Для цитирования: Стогов Д. И. Деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в эмиграции // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 215–225.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3 (18)

2024

Dmitrii I. Stogov

The Activities of Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) in Exile

UDC 271.2(470+571)(1-87)-726.1
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_215
EDN TAWVFL

Abstract: Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), living abroad since 1920, was one of the founders of the Russian Orthodox Church Abroad, headed the Highest Russian Church Administration Abroad. Soon there was his conflict with the Moscow Patriarchate, which ended with the rupture of the Churches. At the same time, the Metropolitan considered unacceptable any interference of the Patriarchate of Constantinople in the life of the Russian Church. In his sermons, writings and speeches, Metropolitan Anthony defended the ideas of the Orthodox autocratic monarchy, condemned ecumenical and philocatholic views, church modernism, including sophology. Archimandrite Cyprian (Kern), commenting on the views of the metropolitan, noted that for him the Tsar “was a dogma of faith”, “part of his religious symbol”. Anthony secured the condemnation by Russian Orthodox Church Abroad of Freemasonry as a criminal organization. He enjoyed high prestige among the Russian emigration. At the same time, certain theological ideas of Anthony (about the single human nature, about redemption, about original sin) were criticized. He died in Sremski Karlovci in 1936, having accepted the schema before his death.

Keywords: monarchists, conservatives, Russian emigration, Orthodoxy, ecumenism, revolution, diary, literature, journalism.

About the author: **Dmitrii Igorevich Stogov**

Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Culture history, state and law, Saint-Petersburg State Electrotechnical University “LETI”.

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7619-7642>

For citation: Stogov D. I. The Activities of Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) in Exile. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 215–225.

В настоящее время многие исследователи обращаются к богатому наследию консервативных мыслителей и публицистов начала XX в., что обусловлено, в том числе, так называемым «консервативным поворотом», который наблюдается во властных структурах и в обществе в целом. Множество исследовательских работ, вышедших за последние десятилетия, так или иначе касаются деятельности правых (монархических) организаций Царской России¹. Сравнительно меньшее количество работ посвящено судьбам правых в рассеянии, в эмиграции, в условиях которой многие консерваторы продолжали свою деятельность с 1920-х гг.² В настоящей статье рассмотрим эмигрантскую деятельность митрополита Антония (Храповицкого), видного иерарха Русской Православной Церкви, известного консервативного мыслителя, одного из активных участников монархического движения³.

Напомним, что под термином «правые» мы понимаем те силы, которые выступают (выступали) за сохранение традиционного уклада (социально-экономического, политического, религиозного)⁴. Для России начала XX в. традиционным укладом являлся самодержавный монархический строй. Соответственно, консерваторы того периода выступали с монархических позиций. Нередко их также именуют черносотенцами. Первоначально это слово стали использовать оппоненты правых, и оно носило уничижительную характеристику: противники монархистов стремились подчеркнуть якобы низкое социальное происхождение своих оппонентов, поскольку в Московской Руси «черными сотнями» именовали облагаемое податями (тяглое) население посадов (т.н. «черных слобод»). Вскоре значительная часть консерваторов стала использовать это понятие, тем самым подчеркивая народный характер монархического движения⁵.

Среди крупных монархических организаций Царской России выделим следующие: «Русское собрание», «Союз русского народа», «Русский народный союз имени Михаила Архангела», «Русская монархическая партия», «Союз русских людей», «Отечественный патриотический союз» и др. Претерпев системный кризис в предреволюционный период⁶, эти организации были ликвидированы новыми властями в ходе Февральской революции 1917 г., редакции правых газет были разгромлены⁷.

В ходе Гражданской войны (1918–1922) многие правые пали жертвами красного террора (А. И. Дубровин, Б. В. Никольский, П. Ф. Булацель и др.), другие умерли от болезней (В. М. Пуришкевич, Г. Г. Замысловский и др.), третьи выжили и скончались в СССР естественной смертью (К. Н. Пасхалов, Н. Н. Жеденов, А. И. Соболевский и др.), четвертые эмигрировали⁸. Следует отметить, что эмигрантов среди монархистов было сравнительно немного. В основном эмигрировали те из них, кто продолжал

---

¹ *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание, 1900–1917. М., 2003; *Степанов С. А.* Черная сотня. Что они сделали для величия России. М., 2013; *Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века* / Сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. СПб., 2015.

² Подробнее см.: *Стогов Д. И.* Судьба лидеров правых партий в годы Гражданской войны // *Гражданская война в России: проблемы истории и историографии: сб. докл. межвуз. науч. конф.*, г. Санкт-Петербург, 29 ноября 2013 г. / Отв. ред. д. и. н., проф. В. В. Калашников. СПб., 2014. С. 157–165.

³ Публикация подготовлена на основе доклада в Санкт-Петербургской духовной академии на онлайн-круглом столе, посвященном юбилею митр. Антония. См.: *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б.* Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // *Русско-Византийский вестник.* 2024. № 3 (18). С. 124–160.

⁴ Правые партии. Документы и материалы: В 2 т. / Сост. Ю. И. Кирьянов. М., 1998. Т. 1. 1905–1910 гг. С. 5.

⁵ *Степанов С. А.* Черная сотня. Что они сделали для величия России. С. 20.

⁶ *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.): автореф. дис. ... д. ист. н. Воронеж, 2006. С. 46.

⁷ *Степанов С. А.* Черная сотня. Что они сделали для величия России. С. 563.

⁸ Подробнее см.: *Стогов Д. И.* Судьба лидеров правых партий в годы Гражданской войны. С. 160–165.

Генерал Петр Николаевич Врангель,
середина 1920-х гг.

заниматься патриотической деятельностью в рамках Белого движения (Н. Е. Марков, Д. П. Голицын (Муравлин), А. А. Римский-Корсаков, В. В. Шульгин, митрополит Евлогий (Георгиевский), митрополит Антоний (Храповицкий) и др.)⁹.

Рассмотрим деятельность в эмиграции митрополита Антония (Храповицкого), который до революции являлся одним из лидеров правомонархического движения. Митрополит Антоний (Алексей Павлович Храповицкий; 1863–1936), почетный председатель Почаевского отдела «Союза русского народа», первый архиерей — член «Русского собрания», в марте 1920 г. эмигрировал из Новороссийска в Грецию, некоторое время жил в Пантелеимоновском монастыре на Афоне. На Святой горе он планировал остаться и пробыл там около пяти месяцев. Затем, в сентябре 1920 г., владыка Антоний был вызван генералом П. Н. Врангелем в Севастополь для управления приходами в Крыму, однако вследствие наступления на Крым красных 6/19 ноября 1920 г. эвакуировался вместе с армией Врангеля

и беженцами в Константинополь. В этот же день на борту парохода «Великий князь Александр Михайлович» в порту Константинополя совместно с митрополитом Одесским Платоном (Рождественским), архиепископом Полтавским Феофаном (Быстровым) и епископом Севастопольским Вениамином (Федченковым) владыка Антоний участвовал в заседании Временного высшего церковного управления на Юге России. РПЦЗ считает этот день началом ее создания.

Еще проживая в годы Гражданской войны в Екатеринодаре, митрополит Антоний являлся председателем Временного высшего церковного управления юго-востока России (ВВЦУ). Первоначально он считал, что деятельность ВВЦУ за границей следует прекратить, а Поместные Церкви должны взять на себя окормление многочисленных беженцев из России. Когда митрополит узнал о намерении Врангеля сохранить армию для возможной в перспективе борьбы с большевиками, владыка изменил свою точку зрения и стал считать, что российскую церковную организацию за границей нужно сохранить. 2 декабря 1920 г. была получена грамота Вселенской Патриархии, согласно которой русские архиереи-беженцы получили разрешение образовать «временную комиссию (эпитропию) под высшим управлением Вселенской Патриархии»¹⁰.

14 февраля 1921 г. митрополит Антоний переехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев (в Сербию), с февраля-марта 1921 г. проживая до своей кончины в городе Сремски-Карловцы (здесь митрополиту была предоставлена резиденция, бывший дворец Карловацких патриархов). Вскоре владыка Антоний был избран почетным председателем Рейхенгалльского съезда, в работе которого принимал активное участие. После съезда он посетил вдовствующую Императрицу Марию Федоровну, передав ей по поручению съезда просьбу собрать Романовский совет для избрания местоблюстителя Царского Престола.

Митрополит Антоний являлся председателем Карловацкого церковного собора (Всезаграничного русского церковного собрания, впоследствии названного Собором,

⁹ Там же. С. 164.

¹⁰ Антоний (Храповицкий Алексей Павлович) // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/116026.html> (дата обращения: 10.03.2023).

Митрополит Антоний в Пантелеймоновском монастыре на Афоне, апрель 1924 г.

ноябрь-декабрь 1921 г.). Вскоре митрополит возглавил «Высшее русское церковное управление за границей» (ВРЦУ), образованное Собором. В течение 15 лет митрополит Антоний являлся председателем Собора архиереев и Архиерейского Синода РПЦЗ, с 1931 г. по решению Архиерейского Синода РПЦЗ носил титул «Блаженнейший». На Соборе РПЦЗ были приняты различные документы с резкой критикой советской власти. Вскоре после этого, 5 мая 1922 г., вышел указ от имени Святейшего Патриарха Тихона, согласно которому ВРЦУ было упразднено. Одновременно подтверждалось каноническое право митрополита Евлогия (Георгиевского) на управление православными русскими приходами в Западной Европе¹¹. 10 ноября 1923 г. последовал новый указ от имени Патриарха Тихона, которым это решение еще раз подтверждалось. Этим указом руководящие органы РПЦЗ во главе с митрополитом Антонием не подчинились.

Митрополит Антоний активно поддержал Белое движение на Дальнем Востоке. Вскоре во Владивостоке монархической организацией «Вера, Царь и Народ» было опубликовано воззвание владыки Антония к представителям Белого движения на Дальнем Востоке. Митрополит считал необходимым создание народного ополчения в целях защиты «Православной веры и русского обычая». При этом владыка Антоний проводил аналогии с призывами Нижегородской рати, которая осуществила поход на Москву в 1612 г. Митрополит заявлял, что новое ополчение должно в первую очередь возродить «старую Россию, настоящую русскую православную Россию с Царем из потомков Патриарха Филарета и Михаила Федоровича Романова»¹².

На Архиерейском Соборе РПЦЗ, который состоялся 31 мая 1923 г., высшим органом церковного управления за рубежом был провозглашен Архиерейский Собор, созывавшийся каждый год. Его председателем являлся митрополит Антоний. В межсоборное время управление Церковью осуществлялось через Архиерейский Синод,

¹¹ Степанов А. Антоний (в миру Храповицкий Алексей Павлович) // Черная сотня. Историческая энциклопедия / Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов, отв. ред. О. А. Платонов. М., 2008. С. 36.

¹² Цит. по: Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации / Пер. с англ. А. Терещенко. М., 2020. С. 373.

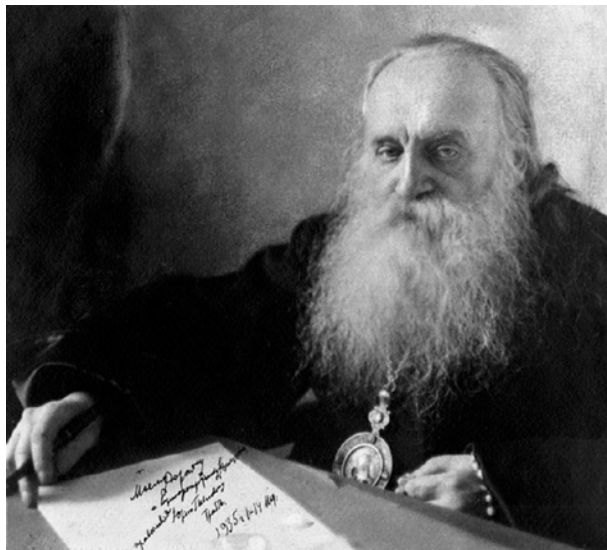
упразднить Высшее русское церковное управление¹⁷. Тех, кто откажется исполнить постановление о ликвидации Управления или, по крайней мере, порвать с этим Управлением, предполагалось «предать соборному суду»¹⁸.

13 сентября 1929 г. владыка Антоний в специальном «Воззвании к православным русским людям» признал право на Престол великого князя Кирилла Владимировича с 1924 г., хотя ранее он признавал «Верховным вождем» великого князя Николая Николаевича. Кроме того, митрополит Антоний хорошо относился к королю Югославии (Королевства сербов, хорватов и словенцев) Александру I Карагеоргиевичу, который в свое время рассматривался в РПЦЗ как один из возможных претендентов на русский престол. Также митрополит приветствовал возвращение на престол в 1935 г. греческого короля Георга II, который ранее находился в изгнании¹⁹.

28 августа 1932 г. митрополит подписал Соборное послание РПЦЗ, осудившее масонство как преступную организацию; масонов же следовало, согласно этому документу, отлучать от Церкви²⁰.

Тем временем противостояние между Московским Патриархатом и РПЦЗ продолжалось. 22 июня 1934 г. вышел указ заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) и Временного Патриаршего Священного Синода (в Москве) № 50 «О Карловацкой группе». Указ предписывал запретить в священнослужении ведущих иерархов РПЦЗ, в том числе «бывшего Киевского митрополита Антония»²¹. В документе также говорилось о необходимости предания архиереев и клириков Карловацкой группы церковному суду²². Впрочем, как известно, данный суд так и не состоялся²³.

На этот указ митрополита Сергия вскоре отреагировали в РПЦЗ. Так, уже 10 сентября 1934 г. Архиерейский Собор в Сремских Карловцах принял специальное

Митрополит Антоний за рабочим столом, 1934 г.
Автограф: «Моему дороговому и верному сотруднику
в защите Православия Юрию Павловичу Граббе.
1935 г. 1–14 мая»

¹⁷ Цит. по: Переписка по вопросу об отношении митрополита Сергия к Русской Зарубежной иерархии // URL: <http://krotov.info/acts/20/1930/19340722.html> (дата обращения: 10.03.2023).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Цит. по: Григориевич Б. Русская Православная Церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 115.

²⁰ Окружное послание Собора архиереев Русской Православной Церкви Заграницей ко всем верным чадам Русской Православной Церкви, в рассеянии сущим. 28 августа 1932, Сремские Карловцы // Русская Православная Церковь Заграницей. 1918–1968. Т. 1 / Под ред. гр. А. А. Соллогуб. Нью-Йорк, 1968. Стлб. 269–271.

²¹ Цит. по: Переписка по вопросу об отношении митрополита Сергия к Русской Зарубежной иерархии // URL: <http://krotov.info/acts/20/1930/19340722.html> (дата обращения: 10.02.2023). См. также: О Карловацкой группе // Журнал Московской Патриархии. 1934. № 22. Официальный отдел.

²² Там же.

²³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 438. Л. 108.

постановление. Оно полностью отвергало указ митрополита Сергия. Документ подписали 18 епископов, в том числе митрополит Антоний (Храповицкий).

Также митрополит Антоний подверг резкой критике акт об усвоении заместителю Патриаршего Местоблестителя титула «Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский», оглашенный 27 апреля 1934 г. 7 августа 1934 г. он написал письмо митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию, в котором говорил о «незаконной узурпации прав» митрополитом Сергием²⁴. Современный исследователь, комментируя это письмо, вполне справедливо отмечает, что митрополит Антоний «по-видимому, плохо представлял себе условия, в которых действовал митрополит Сергей»²⁵.

Вместе с тем владыка Антоний резко осуждал всяческие вмешательства Константинопольского Патриархата во внутреннюю жизнь Русской Церкви. Так, 16 октября 1924 г. после того, как Константинополь признал обновленческий Синод высшим церковным управлением в России, владыка Антоний выразил протест. Также он осуждал попытки Фанара подчинить себе диаспору Русской Церкви.

Отстаивая чистоту Православной веры, владыка Антоний боролся с различными проявлениями церковного модернизма. Так, в 1935 г. Архиерейский собор РПЦЗ, который возглавлял митрополит Антоний, признал еретическим учение протоиерея Сергия Булгакова, декана Православного богословского института в Париже, о Софии, Премудрости Божией²⁶.

Несмотря на попытки со стороны Московской Патриархии урегулировать конфликт с РПЦЗ (путем посредничества Патриарха Сербского Варнавы), до конца своей жизни митрополит Антоний (Храповицкий) по-прежнему оставался в жесткой оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому) и его политике признания советской власти. Сохранил он и монархические убеждения. В частности, в Послании от 12/25 сентября 1929 г. в связи с событиями на КВЖД (попытка китайцев установить контроль над Китайско-Восточной железной дорогой, являвшейся в то время советско-китайским предприятием) митрополит, отстаивая идеалы монархизма, заявлял о необходимости, подобно Смутному времени начала XVII в., спасения Родины и Церкви от врагов²⁷.

Многие известные деятели русской эмиграции оставили свидетельства о митрополите Антонии. В частности, архимандрит Киприан (Керн), много общавшийся в Сербии с владыкой Антонием, впоследствии отмечал: «Прежде всего, это был исключительно церковный человек, то есть у него была исключительно церковная аксиология и критериология»²⁸.

Далее отец Киприан описал особенности церковного служения покойного митрополита: «Отсутствие аффектации делало его службу чрезвычайно осмысленной, прозрачной, строгой и иконописно классической. Это был классик богослужения»²⁹.

По словам архимандрита Киприана, митрополит Антоний, служа в храме, всяческим образом демонстрировал традиционализм: «Митрополит был сама трезвость во всех отношениях <...>. Терпеть не мог коленопреклонений, правильно замечая, что коленопреклонение появилось к нам с Запада, от католиков, а стоял за метания, т. е. земные поклоны, сохранившиеся на всем Востоке...»³⁰

²⁴ Галкин А. К. Документы Московской Патриархии: 1934 год // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 176.

²⁵ Там же.

²⁶ Степанов А. Антоний (в миру Храповицкий Алексей Павлович) // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 36.

²⁷ Послание Председателя Русского Заграничного Синода, Митрополита Киевского и Галицкого Антония православному населению Дальнего Востока // Церковные ведомости, издаваемые при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей. Июль–декабрь 1929 г. № 13–24 (176–187). С. 1–2.

²⁸ Киприан (Керн), архим. Воспоминания о Митрополите Антонии (Храповицком) // URL: <https://www.rocorstudies.org/ru/2012/10/04/vospominaniya-o-mitropolite-antonii-xrapovickom/> (дата обращения: 10.03.2023).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Как свидетельствует мемуарист, митрополит Антоний резко отрицательно относился к католицизму и всему, что с ним связано: «Он отрицал у католиков все, кроме права называться еретиками. Их таинства — не таинства. Их священство — не священство. Их иерархия безблагодатна. Известен его афоризм, что папа — простой мужик»³¹.

Наконец, архимандрит Киприан свидетельствует о монархических убеждениях митрополита Антония: «У митрополита была своя Православная вера в Царство и Царя, вера чисто византийская, теократическая. Царь не был для него политической формулой, как для всех бюрократов, политиков или просто „союзников“. Царь — это был догмат веры. Это была часть его вероисповедного символа»³².

Вместе с тем некоторые религиозно-философские воззрения митрополита Антония были подвергнуты критике в эмигрантской среде. Поводом для критики явилось решение Архиерейского Синода РПЦЗ от 27 марта 1925 г. о замене в процессе преподавания катехизиса святителя Филарета (Дроздова) на катехизис митрополита Антония. Ряд иерархов Зарубежной Церкви выразили в связи с этим протест. После этого 22 апреля того же года владыка Антоний подал в Синод заявление, попросив определение о замене катехизиса отменить. В «Окружном послании» от 23 июля 1926 г. митрополит Антоний подтвердил отказ от официального утверждения своего катехизиса³³.

Архиепископ Феофан Полтавский (Быстров) во второй половине 1920-х гг., проживая в Болгарии, составил критический доклад об учении митрополита Антония (Храповицкого) о догмате искупления. В первой главе своего доклада резкой критике владыка Феофан подверг учение владыки Антония о едином естестве человеческом. Ссылаясь на преподобного Максима Исповедника и других святых отцов, архиепископ Феофан утверждал, что единое естество человеческое понимается в богословии только логически отвлеченно, но не в качестве метафизической или физической реальности³⁴. Далее архиепископ, в противовес мнению митрополита Антония, делал вывод о том, что невозможно коллективное богообщение.

Позднейшие эмигрантские богословы также подвергали критике учение митрополита Антония об искуплении. В частности, протоиерей Иоанн Мейендорф считал учение митрополита об искуплении «явно несовместимым с православным пониманием»³⁵. В свою очередь, протоиерей Георгий Флоровский определял направление богословской мысли митрополита Антония как «моралистический психологизм». Однако, как указывают авторы «Православной энциклопедии», «Антоний не был основоположником этого направления. Оно возникло в русском богословии в конце XIX в. как попытка оживить находившуюся под влиянием схоластики богословскую мысль, придав ей характер „нравственного монизма“ (по определению Антония)»³⁶.

Архиепископ Феофан (Быстров) также критиковал учение владыки Антония о первородном грехе. Митрополит Антоний считал: «...необходимо предположить, что осуждены мы не за прародительский грех, а за наши собственные грехи, которые от века были ведомы Всеведающему Богу»³⁷. Ссылаясь на труды святых отцов как древних времен (Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина и др.), так и более современных (свт. Филарета (Дроздова)), а также на определения Карфагенского и Трулльского Соборов, владыка Феофан пишет о том, что на самом деле имел место «переход

---

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Антоний (Храповицкий Алексей Павлович) // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/116026.html> (дата обращения: 10.03.2023).

³⁴ Феофан (Быстров), архиеп. О догмате Искупления // URL: http://www.holytrinitymission.org/books/russian/dogmat_iskuplenia_theophan_poltavskij.htm#_Точ47846266 (дата обращения: 10.03.2023).

³⁵ Мейендорф И., прот. Введение в святоотеческое богословие. Клин, 2001. С. 366.

³⁶ Антоний (Храповицкий Алексей Павлович) // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/116026.html> (дата обращения: 10.03.2023).

³⁷ Феофан (Быстров), архиеп. О догмате Искупления // URL: http://www.holytrinitymission.org/books/russian/dogmat_iskuplenia_theophan_poltavskij.htm#_Точ47846266 (дата обращения: 10.03.2023).

наследственной греховной порчи от Адама ко всем людям через самое их рождение»³⁸. Аналогичной точки зрения на учение митрополита Антония о первородном грехе придерживался митрополит Елевферий (Богоявленский)³⁹.

В последние годы своей жизни владыка Антоний уже не мог вставать и ходить. Перед кончиной он принял схиму. Скончался владыка 10 августа 1936 г. в Сремских Карловцах. Патриарх Сербский Варнава 12 августа совершил отпевание митрополита в соборной церкви Белграда. Отметим, что при жизни он оказывал покойному неизменное покровительство и защиту. Владыка Антоний был похоронен в Белграде в склепе Иверской часовни⁴⁰. В 1945 г. в Югославии находился Патриарх Московский и всея Руси Алексий I, который совершил панихиду по митрополиту Антонию. Так уже после кончины владыки произошло его символическое примирение с Матерью-Церковью.

Подводя итоги, отметим, что митрополит Антоний (Храповицкий) и в эмиграции ревностно отстаивал идеи православной монархии, критиковал экуменизм, филокатолицизм, церковный модернизм (в том числе софиологию), осуждал масонство как преступную организацию. Архиерей пользовался большим авторитетом среди эмигрантов. Однако некоторые его богословские идеи (о едином естестве человеческого, об искуплении, о первородном грехе) подвергались критике.

Источники и литература

1. *Антоний (Храповицкий), архиеп.* Избранные труды. Письма. Материалы. М.: ПСТГУ, 2007. 1056 с.
2. Антоний (Храповицкий Алексей Павлович) // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/116026.html> (дата обращения: 10.03.2023).
3. *Галкин А. К.* Документы Московской Патриархии: 1934 год // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 169–252.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 6. Д. 438.
5. *Григориевич Б.* Русская Православная Церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. М.: Индрик, 1996. С. 111–115.
6. *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания о Митрополите Антонии (Храповицком) // URL: <https://www.rocorstudies.org/ru/2012/10/04/vospominaniya-o-mitropolite-antonii-xrapovickom/> (дата обращения: 10.03.2023).
7. *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание, 1900–1917. М.: РОССПЭН, 2003. 352 с.
8. *Мейендорф И., прот.* Введение в святоотеческое богословие. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2001. 448 с.
9. *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. н.: 07.00.02. Воронеж, 2006. 46 с.
10. Переписка по вопросу об отношении митрополита Сергия к Русской Зарубежной иерархии // URL: <http://krotov.info/acts/20/1930/19340722.html> (дата обращения: 10.03.2023).
11. Послание Председателя Русского Заграничного Синода, Митрополита Киевского и Галицкого Антония православному населению Дальнего Востока // Церковные ведомости, издаваемые при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей. Июль–декабрь 1929 г. № 13–24 (176–187). С. 1–2.
12. Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. СПб.: Царское дело, Русская народная линия, 2015. 736 с.

³⁸ Там же.

³⁹ Антоний (Храповицкий Алексей Павлович) // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/116026.html> (дата обращения: 10.03.2023).

⁴⁰ *Степанов А.* Антоний (в миру Храповицкий Алексей Павлович) // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 36.

13. Правые партии. Документы и материалы в 2-х тт. / Сост. Ю. И. Кирьянов. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 1. 1905–1910 гг. 720 с.
14. Русская Православная Церковь Заграницей. 1918–1968 / Под ред. гр. А. А. Соллогуб. Нью-Йорк, 1968. Т. 1. 761 с.
15. *Саблин И.* Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации / Пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 480 с.
16. Святая Русь. Русский патриотизм: Большая энциклопедия русского народа. М.: Энциклопедия русской цивилизации, 2003. 928 с.
17. *Степанов С. А.* Черная сотня. Что они сделали для величия России. М.: Яуза-пресс, 2013. 672 с.
18. *Стогов Д. И.* Судьба лидеров правых партий в годы Гражданской войны // Гражданская война в России: проблемы истории и историографии: сб. докл. межвуз. науч. конф., г. Санкт-Петербург, 29 ноября 2013 г. / Отв. ред. д. и. н., проф. В. В. Калашников. СПб., 2014. С. 157–165.
19. *Феофан (Быстров), архиеп.* О догмате Искупления // URL: http://www.holytrinitymission.org/books/russian/dogmat_iskuplenia_theophan_poltavskij.htm#_Точ47846266 (дата обращения: 10.03.2023).
20. *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б.* Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 124–160.
21. Черная сотня. Историческая энциклопедия / Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов, отв. ред. О. А. Платонов. М.: Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3 (18)

2024

А. Ю. Митрофанов

А. В. Колчак (1874–1920) в Порт-Артуре: от полярного исследователя к боевому офицеру

УДК 94(470+571):929+355.49(470+571:520)"1904/1905":930

DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_226

EDN ZIFMBQ

Аннотация: Статья посвящена участию будущего Верховного Правителя России адмирала Александра Васильевича Колчака (1874–1920) в обороне Порт-Артура в период Русско-Японской войны 1904–1905 гг. Автор исследует основные источники и анализирует личную эволюцию Колчака в период обороны Порт-Артура, оказавшейся хорошей боевой школой для полярного исследователя, ставшего боевым флотским офицером. В заключение делается вывод о значительном влиянии обороны Порт-Артура на Колчака как на военного моряка и военачальника.

Ключевые слова: А. В. Колчак, Порт-Артур, Русско-Японская война, флот, корабли.

Об авторе: **Андрей Юрьевич Митрофанов**

Доктор исторических наук, доктор истории, искусств и археологии Лувенского католического университета, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова (Барсовского общества) Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Для цитирования: Митрофанов А. Ю. А. В. Колчак (1874–1920) в Порт-Артуре: от полярного исследователя к боевому офицеру // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 226–245.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3 (18)

2024

Andrey Yu. Mitrofanov

A. V. Kolchak (1874–1920) in Port Arthur: from Polar Explorer to Combat Officer

UDC 94(470+571):929+355.49(470+571:520)"1904/1905":930

DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_226

EDN ZIFMBQ

Abstract: The article is devoted to the participation of the future Admiral Alexander Vasilyevich Kolchak (1874–1920) in the defense of Port Arthur during the Russian-Japanese War of 1904–1905. The author explores the main sources and analyzes Kolchak's personal evolution during the defense of Port Arthur, which turned out to be a good combat school for a polar explorer who became a combat naval officer. In conclusion, the following is done that the defense of Port Arthur had a significant impact on Kolchak as a military sailor and military commander.

Keywords: Kolchak, Port Arthur, Russian-Japanese war, fleet, ships.

About the author: **Andrey Yurievich Mitrofanov**

Doctor of Historical Sciences, Doctor of History, Arts, and Archaeology at the Catholic University of Louvain, Professor at the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy, Full Member of T.V. Barsov Society for the Study of Canon Law (Barsov Society) at St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

For citation: Mitrofanov A. Yu. A. V. Kolchak (1874–1920) in Port Arthur: from Polar Explorer to Combat Officer. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 226–245.

Биография адмирала Александра Васильевича Колчака (1874–1920), Верховного Правителя России и лидера Белого движения, традиционно привлекает внимание исследователей как выдающийся пример служения Отечеству. Несмотря на активную работу специалистов, занимающихся биографией Колчака, некоторые этапы его военной службы и политической деятельности нуждаются в более пристальном внимании и осмыслении. Одним из таких этапов без сомнения является участие Колчака в Русско-Японской войне 1904–1905 гг. и его роль в обороне Порт-Артура. Пожалуй, наиболее серьезное исследование его боевой работы в Порт-Артуре было проведено в монографии П. Н. Зырянова¹, но некоторые источники, проливающие свет на деятельность Колчака в Порт-Артуре, в работе этого автора использованы не были. Также от его внимания ускользнул целый ряд особенностей психологического портрета Колчака в Порт-Артуре. В данной публикации мы хотели бы вновь кратко осветить деятельность Колчака в период обороны Порт-Артура и рассмотреть некоторые штрихи, имеющие значение для понимания личности Колчака как полярного исследователя и боевого офицера.

Лейтенант Колчак
(конец 1890-х гг.)

Первая война будущего адмирала интерпретируется в современной историографии в качестве своеобразной «нулевой» мировой войны, имевшей глобальные международные последствия². Разумеется, роль молодого лейтенанта флота Александра Колчака в разгоравшейся борьбе не могла выходить за рамки роли строевого офицера. К январю 1904 г. Колчак был уже широко известен в научных кругах в качестве исследователя Арктики и организатора спасательной операции по поискам пропавшей партии (группы) барона Э. В. фон Толля (1858–1902), но он еще не имел боевого опыта. Вскоре после окончания в 1894 г. Морского корпуса мичман Колчак отправился в дальнее плавание на Тихий Океан, где служил на крейсере «Рюрик» и на парусно-винтовом клипере «Крейсер» (в 1897–1898 гг.). На Тихом Океане молодой офицер серьезно увлекся океанологией, — исследовал течения Японского и Желтого морей и публиковал научные статьи в «Записках по гидрографии». Уже в этот период он мечтал об участии в изучении и освоении Арктики и Антарктики. В 1899 г. Колчак, недавно произведенный в чин лейтенанта (6 декабря 1898 г.), прибыл в Кронштадт и просил адмирала

С. О. Макарова (1848–1904) разрешить ему принять участие в арктической экспедиции на ледоколе «Ермак». Но команда «Ермака» была уже укомплектована, и ледокол

¹ Зырянов П. Н. Адмирал Колчак. Верховный Правитель России / ЖЗЛ. Вып. 1556 (1356). М: Молодая Гвардия, 2012. С. 102–172.

² The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero / Ed. by John W. Steinberg, Bruce W. Menning. Leiden, Boston: Brill, Vol. 1. 2005. P. 3–654, Vol. 2. 2007. P. 435–570; Половинкин В. Н. Русско-Японская война — национальная трагедия или исторический урок? СПб: Агат, 2005. С. 17–196; Саркисов К. О., Специнский З. Д. Путь к Цусиме. По неопубликованным письмам вице-адмирала З. П. Рожественского. СПб: Аврора, 2010. С. 215–223; Русско-Японская война 1904–1905 гг. Т. II. Первый период. Ч. 1. От начала военных действий до боя под Вафангоу 1 июня. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-Японской войны. СПб: Типография тов-а А. Ф. Маркса, 1910. С. 18 и далее.

Телеграфъ		Телеграмма.	
Въ <u>Т. Р. К.</u>		<u>Иркутск. Сиб. Академия</u>	
<u>83</u>		<u>Наука Бианки</u>	
Изо <u>Якутска</u>		№ <u>738</u>	
Принята <u>25 / 2</u> 190 <u>4</u> .	<u>8/15</u>	Разр. <u>Ср</u>	Счета словъ. <u>33</u> м. <u>18</u> с. <u>5</u> / <u>16</u> и
отъ <u>Одески</u> № <u>231</u>	<u>100</u>		и. <u>10</u> м. <u>10</u> и
Принятъ <u>С. П. К.</u>			Служенныя отъѣзды
<p><u>Ушел на войну изъ Иркутска. Документы и отчеты выслать изъ Иркутска если есть распоряженія телеграфировать срочно. Денег остается для окончанія дѣла и отправки коллекции послѣщими переводами денег.</u></p> <p style="text-align: center;"><u>Колчаковъ</u></p>			

Телеграмма Колчака об отправке на войну (февраль 1904 г.)

ушел в Арктику без Колчака. Именно тогда, в сентябре 1899 г., молодой лейтенант познакомился в Петербурге с известным полярным исследователем бароном Толлем, который готовился к экспедиции по Северному морскому пути из Кронштадта во Владивосток и жаждал открыть легендарную «Землю Санникова». Однако Толль не пригласил Колчака в свою экспедицию, и вскоре лейтенант был назначен на броненосец «Петропавловск», уходивший на Дальний Восток.

Рутина повседневной службы казалась Колчаку невероятно скучной. В 1900 г. им овладело авантюрное стремление отправиться в Южную Африку на Англо-Бурскую войну, воевать в Трансваале на стороне буров. Впрочем, это стремление Колчак очень быстро преодолел, получив во время стоянки «Петропавловска» в греческом порту Пирей приглашение от Императорской Академии Наук присоединиться, наконец, к чаемой арктической экспедиции³. Колчак вернулся в Петербург, занимался

³ Зырянов П. Н. Адмирал Колчак. Верховный Правитель России / ЖЗЛ. Вып. 1556 (1356). М.: Молодая Гвардия, 2012. С. 37–38.

Колчак на палубе «Зари» (1900–1902 гг.)

астрономией и метеорологией на научной станции в Павловске, посетил Норвегию, где консультировался у выдающегося норвежского полярника Фритьофа Нансена (1861–1930). Ради своей научной мечты талантливый офицер готов был пожертвовать житейской стабильностью, военной карьерой и пресловутым цензом. Он вышел в запас и предпочел рисковать жизнью в Ледовитом Океане, сперва на борту исследовательской шхуны «Заря» у берегов Таймыра, затем на вельботе в поисках пропавшей партии Толля на затерянном во льдах острове Беннетта⁴. Полярные экспедиции увлекали Колчака. Он предпочитал служение науке обустройству личного благополучия и дважды откладывал свадьбу со своей невестой С. Ф. Омировой (1876–1956), которая в конце 1903 г. совершила путешествие за полярный круг и ожидала возвращения жениха из экспедиции к острову Беннетта на берегу Северного Ледовитого Океана. Через три года по итогам двух полярных экспедиций лейтенант Колчак был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени, был избран действительным членом Императорского Русского географического общества и получил его высшую награду — Большую Константиновскую золотую медаль. А. В. Колчак стал четвёртым из полярных путешественников, получивших эту почётную награду; до него этой медали были удостоены лишь три знаменитых полярных исследователя: Фритьоф Нансен, Нильс Норденшёльд (1832–1901) и капитан Н. Д. Юргенс (1847–1898).

Начало войны вырвало Колчака из сферы научных океанологических исследований. Молодой лейтенант, только что вернувшийся из спасательной экспедиции к берегам острова Беннетта в Иркутск, отправляет в Петербург все научные материалы и принимает решение отправиться на фронт. Уже 28 января (10 февраля) 1904 г.⁵,

⁴ Синюков В. В. Александр Васильевич Колчак: Ученый и патриот: в 2 ч. Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. М: Наука, 2009. Т. I. С. 52–201.

⁵ Далее все даты приводятся по Старому стилю.

узнав о нападении на Порт-Артур⁶, Колчак телеграфирует из Иркутска в Петербург знаменитые строки: «Иду на войну из Иркутска. Документы и отчеты высылаю из Иркутска. Если есть распоряжения, телеграфируйте срочно. Оленин остается для окончания дел и отправки коллекций. Поспешите переводом денег. Колчак»⁷.

В Иркутске Колчак долго не задержался. Как уже отмечалось, он привык жертвовать личным благополучием во имя высокой идеи. Теперь молодого лейтенанта вновь звала военная служба, служение Отечеству в начинавшейся войне с внешним врагом. Спустя две недели после венчания со своей невестой Софьей Омировой в Архангело-Михайловской Харлампиевской церкви Иркутска, 18 марта 1904 г. Колчак приехал в осажденный японцами Порт-Артур вместе с товарищем по полярной экспедиции на остров Беннетта, боцманом Н. А. Бегичевым (1874–1927), который спас Колчака во время этой экспедиции от неминуемой гибели⁸.

Падение в ледяную арктическую воду во время экспедиции серьезно подорвало здоровье Александра Васильевича и наложило отпечаток на его дальнейшую службу. К этой теме мы еще вернемся. Позднее, в Иркутске Бегичев, простой боцман, был приглашен Колчаком на свадьбу в качестве шафера. После прибытия в Порт-Артур полярники представились адмиралу Макарову, после чего 20 марта Колчак получил назначение вахтенным офицером на крейсер 1-го ранга «Аскольд» (командир — капитан 1-го ранга К. А. Грамматчиков (1856–1913?)), а Бегичев — боцманом на миноносец «Бешумный».

С этого момента началось для Колчака тяжелое моральное испытание. На бронепалубном крейсере «Аскольд» держал свой флаг младший флагман эскадры капитан 1-го ранга (с июля 1904 г. контр-адмирал) Н. К. Рейценштейн (1854–1916). Это обстоятельство вносило определенное напряжение в обычный распорядок службы на корабле. Участник обороны Порт-Артура, контр-адмирал В. К. Пилкин (1869–1950) (позднее в Белой борьбе в рядах СЗА)⁹ уже в эмиграции оставил довольно нелицеприятные воспоминания об этом периоде службы Александра Васильевича: «Колчака обвиняли в жестокости. Был ли Колчак жесток? Он был бешено вспыльчив. “Чертушка!” — говорил о нем Бахирев. Из песни слова не выкинешь! Молодым офицером, на “Аскольде”, Колчак действительно жестоко дрался, и его принуждены были останавливать начальники и сослуживцы. В баллотировочной комиссии старший офицер “Аскольда” Теше возражал против производства Колчака и положил ему черный шар, ставя ему в вину жестокое обращение с командой. Но комиссия не согласилась забаллотировать выдающегося офицера, хорошо известного флоту по Порт-Артуру. Увы! Даже после Русско-японской войны, когда на кулачную расправу было обращено строгое внимание, все-таки бывали случаи, когда она имела место и некоторые “бесславили сгоряча свою воинственную руку презренной палкой палача”. Но это уже были злоупотребления, тщательно искореняемые»¹⁰. Сам Пилкин служил в Порт-Артуре на броненосце «Цесаревич», был ранен и прорвался вместе со своим кораблем в Циндао в конце июля 1904 г., после боя в Желтом море. Теоретически Пилкин мог познакомиться с ненормальной обстановкой на «Аскольде» лишь в период с марта по июль 1904 г., при этом Колчак прослужил на «Аскольде» только месяц, с конца марта до конца апреля. И хотя офицеры 1-й Тихоокеанской эскадры безусловно между собой общались, весьма сомнительно,

⁶ Русско-Японская война 1904–1905 гг. Т. VIII. Оборона Квантуна и Порт-Артура. Ч. 1. От начала войны до тесного обложения крепости (17 июля 1904 года). Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-Японской войны. СПб: Типография тов-а А. Ф. Маркса, 1910. С. 72–83.

⁷ Синюков В. В. Александр Васильевич Колчак: Ученый и патриот: в 2 ч. Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. М: Наука, 2009. Т. I. С. 209.

⁸ Там же. С. 194.

⁹ СЗА — Северо-Западная армия под командованием генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича (1862–1933) в 1919–1920 гг. См.: Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М: Русский Путь, 2002. С. 306–317.

¹⁰ Пилкин В. К. контр-адмирал. Два адмирала / В Белой Борьбе на Северо-Западе России. Дневник 1918–1920. Пуб. и вступ. Н. Н. Рутченко-Рутыча. М: Русский путь, 2005. С. 485.

Корабли 1-й Тихоокеанской эскадры, затопленные на рейде Порт-Артура (декабрь 1904 г.)

чтобы у лейтенанта Пилкина были причины и время наводить точные справки о поведении и обстоятельствах службы лейтенанта Колчака, находившегося на другом корабле. Известно, что Пилкин вел дневник на протяжении долгих лет флотской службы, но, характеризуя Колчака, он ссылается в своем очерке не столько на личные впечатления от общения с ним или с его сослуживцами в Порт-Артуре, сколько на позднейшие отзывы о Колчаке старшего офицера «Аскольда» капитана 2-го ранга (впоследствии контр-адмирала) Л. К. Теше (1863 — после 1917) и вице-адмирала М. К. Бахирева (1868–1920) (позднее расстрелянного большевиками (сотрудниками ПетроЧК) в Петрограде 16 января 1920 г.); причем Бахирева связывали с Колчаком дружеские отношения.

Что касается Теше, этот офицер действительно мог недолюбливать Колчака за слишком независимый характер. Лейтенант Бахирев на «Аскольде» не служил и являлся в Порт-Артуре командиром миноносца «Смелый». К этому времени он был уже опытным офицером и георгиевским кавалером, будучи награжден орденом св. Георгия 4-й степени в 1900 г. за участие в подавлении восстания боксеров. На своем корабле Бахирев принимал участие в знаменитой разведке в ночь с 30-го на 31-е марта 1904 г. в Желтом море, которая закончилась достаточно трагически (гибелью миноносца «Страшный»)¹¹.

В ночь на 20 декабря 1904 г., накануне сдачи Порт-Артура, Бахирев на миноносце «Смелый» прорвал японскую блокаду и ушел в Циндао, где миноносец был интернирован и таким образом избежал капитуляции. «Михаил Коронатович был умный, простой и добрый человек. Михаил Петрович Лазарев говорил о Нахимове: «Чист сердцем и любит море». То же можно было сказать и о Бахиреве: чист сердцем и любит море»¹², — писал о Бахиреве контр-адмирал Пилкин. Сослуживцы оставили довольно подробные воспоминания об адмирале Бахиреве, из которых складывается впечатление,

¹¹ Царьков А. Ю. Последний бой «Страшного» // Гангут. 2009. Вып. 54. С. 37–50.

¹² Пилкин В. К. контр-адмирал. Два адмирала / В Белой Борьбе на Северо-Западе России. Дневник 1918–1920. Пуб. и вступ. Н. Н. Рутченко-Рутьча. М: Русский путь, 2005. С. 484.

что этот безусловно талантливый и доблестный офицер обладал своеобразной харизмой, любил выпить, часто становился притчей во языцех и источником различных анекдотов¹³. Можно предположить, что в характеристике Колчака, данной Бахиревым и пересказанной Пилкиным, присутствовала известная доля драматизма и преувеличения. Кроме того, по свидетельству Пилкина, Бахирев и сам периодически прибегал к «кулачной расправе»: «Михаилу Коронатовичу Бахиреву случалось также давать тумака. Но это были не жесткие тумачи, и команда зла Бахиреву не помнила. Во время революции был на “Рюрике”, которым прежде командовал Бахирев, митинг. Обсуждался вопрос, послать ли бывшему командиру приветствие по случаю годовщины боя, который имел адмирал Бахирев с немецкими крейсерами. Команда собралась на шканцах, а младший унтер-офицер Пастухов, лидер команды, левый социалист революционер, умный, хитрый, ловкий, интриган, добровольно вернувшийся после революции с каторги, специально для агитации, стоя в кругу команды, держал горячую речь. “Кулаки товарища Бахирева, — говорил Пастухов, — не раз по моей спине гуляли, но я вотирую послать приветствие”. Приветствие при общем одобрении было послано...»¹⁴

Свидетельства, приведенные выше, подтверждают печальный факт, о котором неоднократно писали различные современники. Рукоприкладство на флоте существовало и провоцировало конфликтные отношения между офицерами и матросами, которые периодически возникали на кораблях, особенно на больших кораблях 1-го ранга, в ту эпоху. Драки на кораблях дискредитировали флот в глазах офицеров сухопутной армии, особенно пехоты, где рукоприкладство беспощадно искоренялось со времен реформ генерал-фельдмаршала Д. А. Милютин (1816–1912)¹⁵. Участник Русско-Японской войны, генерал-лейтенант А. И. Деникин (1872–1947) подчеркивал, что размаху революционных беспорядков в прифронтовой полосе Маньчжурской армии в 1905 г. способствовали не всегда здоровые отношения между офицерами и нижними чинами, «особенно во флоте»¹⁶.

В значительной степени эти нездоровые отношения были связаны с тем, что интенсивное техническое развитие флота в последние десятилетия XIX в. провело резкую психологическую грань между старыми моряками патриархальной эпохи парусных кораблей и моряками новой эры — эры броненосцев. Теперь многие матросы превращались за семь лет флотской службы из малограмотных крестьянских парней в технически образованных полунинтеллигентов, выпадали из привычной социальной среды, начинали ощущать интеллектуальное превосходство над ней, но при этом не могли преодолеть культурную пропасть, отделявшую их от собственных офицеров. В то время как морские офицеры, преимущественно потомственные дворяне (до 1914 г.), были отделены от матросов не только служебной, но и культурной преградой, матросы, достигшие определенного уровня развития, начинали ощущать себя париями. Подобное ощущение усугублялось тем, что в отличие от сухопутной армии, на флоте доступ нижним чинам к производству в строевые офицеры был закрыт¹⁷.

¹³ Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М: Русский Путь, 2002. С. 386–392; Крыжановский Н. Н. Адмирал М. К. Бахирев и его современники // Морские записки. The Naval Records. XXI (58), Нью-Йорк, 1963. С. 57–71.

¹⁴ Пилкин В. К. контр-адмирал. Два адмирала / В Белой Борьбе на Северо-Западе России. Дневник 1918–1920. Пуб. и вступ. Н. Н. Рутченко-Рутыча. М: Русский путь, 2005. С. 486.

¹⁵ О борьбе с рукоприкладством в армии см.: Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М: Айрис Пресс, 2005. С. 117–120.

¹⁶ Деникин А. И. Путь русского офицера. М: Вече, 2012. С. 190.

¹⁷ Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М: Квадрига, Русская панорама, 2011. С. 47–60. Одаренный матрос, оставшийся на сверхсрочную службу, по прошествии длительного времени мог стать кондуктором и рассчитывать на производство в т.н. «ластовые офицеры», т.е. на чин подпоручика по Адмиралтейству. Такие офицеры из кондукторов, как правило, коротали свой век на берегу, в портах, на второстепенных должностях и рассматривались строевыми флотскими офицерами наравне с приписанными к экипажам сухопутными офицерами как «черная кость». Правда, с 1851 г. существовал еще один путь к достижению строевого офицерского чина на флоте. Мечтающий стать морским офицером,

Жесткая субординация часто приводила к недовольству матросов своими офицерами и к неповиновению: матросы держались особняком, сбивались в стаи, конфликтовали на берегу с солдатами и офицерами сухопутных частей, увлекались революционной пропагандой¹⁸. Драки между матросами и морскими офицерами, к сожалению, тоже имели место, причем порой жертвами взаимного рукоприкладства становились не только матросы, но и офицеры¹⁹.

Контр-адмирал Пилкин в очерке, посвященном вице-адмиралу Бахиреву, вспоминает: «А Кази (контр-адмирал А. И. Кази (1841–1918). — А. М.) был прямо зверь. Мне пришлось видеть во Владивостоке, в 1892 г., матроса-заика с изуродованным какими-то подтеками лицом. “Что это с тобой?” — “Был вестовым и ко-ко-командир рас-рас-рассердился и вылил горячий кофейник на голову”. Командир — Кази!»²⁰

Подобные эксцессы, обусловленные социально-психологическим обликом Русского Императорского флота в эту эпоху, безусловно негативно влияли даже на такого интеллектуала-идеалиста, ученого моряка, полярного исследователя и поклонника Бисмарка, каким, по отзывам современников, являлся лейтенант Колчак²¹. Значительно позднее, уже в период Гражданской войны, люди, знавшие Колчака лично, отмечали, что отличительной чертой адмирала была повышенная нервность, которая, по-видимому, проявлялась описанным образом уже в Порт-Артуре на борту крейсера «Аскольд». Например, генерал-лейтенант барон А. П. фон Будберг (1869–1945) в записи за 30 апреля 1919 г. так описывает свою первую встречу с Колчаком: «Являлся верховному правителю; в Харбине я его ни разу не видал, знал о нем только по рассказам и внутренне был против него предубежден. Вынес симпатичное впечатление: несомненно, очень нервный, порывистый, но искренний человек; острые и неглупые глаза, в губах что-то горькое и странное; важности никакой; напротив — озабоченность, подавленность ответственностью и иногда бурный протест против происходящего — вот то, что дало мне наше первое свидание для его характеристики»²². С медицинской точки зрения отмечаемая мемуаристами нервность Колчака была следствием термической травмы, полученной во время полярной экспедиции на остров Беннетта. Провалившийся в ледяную воду Колчак, чудом спасенный Бегичевым, испытал термический шок, и затем, в условиях продолжающейся экспедиции, был лишен необходимой медицинской помощи. Это обстоятельство серьезно подорвало его здоровье и способствовало развитию невроза, который безусловно играл роль в сложных взаимоотношениях Колчака с командой «Аскольда».

«С годами, продвигаясь по службе, Колчаку пришлось занимать посты, где уже не приходилось “брататься”, но репутация жестокости прилипла к Колчаку.

но не обладающий возможностями для поступления в Морской корпус юноша мог поступить на действительную службу как юнкер флота, но для этого необходимо было иметь как минимум высшее образование.

¹⁸ *Граф Г. К.* Революция и флот. Балтийский флот в 1917–1918 гг. М: Вече, 2011. С. 152–163;

¹⁹ Прапорщик А. П. Чегодаев-Саконский (1875–1949), офицер крейсера «Алмаз» 2-й Тихоокеанской эскадры и автор известного дневника, в записи за 24 января 1905 г. сообщает о характерном эпизоде, случившемся во время стоянки эскадры вице-адмирала З. П. Рожественского (1848–1909) на Мадагаскаре: «Сообщение с берегом разрешается только до полудня. Для отправки шлюпок после этого времени требуется разрешение адмирала. Эта мера вызвана дурным поведением офицеров на берегу. Какого-то прапорщика матрос ударил по лицу. Этот факт вызвал громогласный приказ адмирала, в котором говорилось об офицере, “битом по морде”. Быть может, офицер, позволивший себя ударить, и не достоин звания офицерского, но крутое выражение в данном случае многими ставилось адмиралу в вину, к тому же прапорщик не был так виноват, как думал Рожественский». См.: *Чегодаев-Саконский А. П.* На «Алмазе» (от Ливавы через Цусиму — во Владивосток). СПб: Издатель М. А. Леонов, 2004. С. 50.

²⁰ *Пилкин В. К. контр-адмирал.* Два адмирала / В Белой Борьбе на Северо-Западе России. Дневник 1918–1920. Пуб. и вступ. Н. Н. Рутченко-Рутыча. М: Русский путь, 2005. С. 483.

²¹ *Манжетный М. М.* Воспоминания русского полковника китайской армии. М: Кучково Поле, Изд. Центр Воевода, 2019. С. 98.

²² *Будберг А.* Дневник белогвардейца. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. С. 7.

“Александр Васильевич, — писал ему заведовавший службой связи адмирал Непенин (вице-адмирал А. И. Непенин (1871–1917), убитый революционными матросами в Гельсингфорсе 4 марта 1917 г. — А. М.), ты опять задумал какую-то операцию. Вспомни, какие праздничные дни стоят! Крови захотелось? Так я пришлю тебе барана, зарежь его на шканцах”. Но на островах Беннетта, на которые высадился Колчак в поисках пропавшего путешественника, барона Толя, звери и птицы, никогда не видавшие человека, доверчиво окружали людей, не обнаруживая ни малейшей боязни. Примитивные спутники Колчака кинулись к оружию, но “кровавый Колчак”, как его прозвали впоследствии “товарищи”, запретил убийство на островах Беннетта, невинная кровь не была пролита. Но из песни слова не выкинешь...”²³, — размышлял впоследствии контр-адмирал Пилкин.

В определенной степени описанное поведение Колчака на «Аскольде» было вызвано его глубокой неудовлетворенностью тем положением, которое он занял на 1-й Тихоокеанской эскадре. В 1920 г., находясь в красном плену, Колчак вспоминал: «Прибывши в Порт-Артур, я явился к адмиралу Макарову, которого просил о назначении меня на более активную деятельность. Он меня назначал на крейсер “Аскольд”, так как, по его мнению, мне нужно было немного отдохнуть, пожить в человеческой обстановке на большом судне. Я просил назначить меня на миноносец; он упорно не хотел назначить меня на минные суда»²⁴. Очевидно, что Макаров как опытный флотоводец не вполне доверял молодому лейтенанту, уже знаменитому на научном поприще, но еще не имевшему боевого опыта, и это обстоятельство действовало на Колчака угнетающим образом, провоцировало депрессию, которая и создавала лейтенанту сложности в отношениях с командой «Аскольда». Как свидетельствуют фотографии периода полярных экспедиций, в Арктике Колчак носил усы и бороду, приобрел облик закаленного в полярных льдах «морского волка», ученика Нансена; молодой офицер мечтал продолжать свои исследования в Южном Ледовитом Океане, хотел идти по стопам Ф. Ф. Беллинсгаузена (1778–1852) и М. П. Лазарева (1788–1851)²⁵. Вместо этого, на борту «Аскольда» герой Арктики и спасатель превращался в одного из многих рядовых исполнителей воли капитана корабля, к тому же только начинавшего боевую службу, и это обстоятельство угнетало его деятельную и страстную натуру. Современный историк П. Н. Зырянов предполагает, что Макаров подозревал в Колчаке притклого карьериста, который перешел ему дорогу в период подготовки спасательной экспедиции для поисков барона Толля. Заслуженный флотоводец не всегда верно оценивал людей, поэтому и мешал продвижению Колчака по службе²⁶. К сожалению, в нашем распоряжении не так много документов, которые позволяли бы глубже исследовать причины недоверия старого адмирала к молодому лейтенанту. Тем не менее, спустя много лет, в 1918 г., Колчак нашел в себе силы переступить через обиды минувших лет и писал, что считает именно Макарова «своим учителем как в военном деле, так и в области научных работ»²⁷.

Две недели спустя после прибытия Колчака, 31 марта 1904 г., адмирал Макаров погиб на борту эскадренного броненосца «Петропавловск», подорвавшегося на mine во время боевого выхода в море. Вместе с адмиралом Макаровым погиб весь его штаб,

²³ Пилкин В. К. *контр-адмирал*. Два адмирала / В Белой Борьбе на Северо-Западе России. Дневник 1918–1920. Пуб. и вступ. Н. Н. Рутченко-Рутыча. М: Русский путь, 2005. С. 485.

²⁴ Допрос Колчака. Л: Государственное издательство, 1925. С. 11–12.

²⁵ Плотников И. Ф. Автобиография Александра Васильевича Колчака // Вестник Челябинского университета. Серия 1: История: Автобиография Александра Васильевича Колчака. N. 2 (14) / 2002. С. 144 (С. 144–157); Допрос Колчака... С. 5–8.

²⁶ Зырянов П. Н. Адмирал Колчак. Верховный Правитель России / ЖЗЛ. Вып. 1556 (1356). М: Молодая Гвардия, 2012. С. 114.

²⁷ Плотников И. Ф. Автобиография Александра Васильевича Колчака // Вестник Челябинского университета. Серия 1: История: Автобиография Александра Васильевича Колчака. N. 2 (14) / 2002. С. 146 (144–157).

художник В. В. Верещагин (1842–1904), корабельный священник иеромонах Алексей (Раевский) и 635 членов экипажа²⁸.

Как отмечал Колчак в 1920 г., гибель «Петропавловска» произошла 31 марта 1904 г. у него на глазах: «На этом “Аскольде” я пробыл до гибели адмирала Макарова, которая произошла на моих глазах 31 марта»²⁹. Само по себе выражение Колчака «на *этом* Аскольде» бесспорно отражает его негативные воспоминания о первом периоде службы в Порт-Артуре, которые сопровождали адмирала на протяжении всей жизни и не покидали даже в плену у красных.

После гибели Макарова командующим 1-й Тихоокеанской эскадры был назначен вице-адмирал Н. И. Скрыдлов (1844–1918), но он застрял во Владивостоке. Через три дня после катастрофы «Петропавловска» в Порт-Артур прибыл наместник Императора Николая II на Дальнем Востоке, адмирал Е. И. Алексеев (1843–1917), возглавлявший эскадру до 22 апреля 1904 г. В этот период, 19 апреля 1904 г., Колчак был, наконец, назначен исполняющим должность артиллерийского офицера на минном транспорте «Амур»³⁰. Адмирал Алексеев, находясь на канонерской лодке «Отважный», непосредственно руководил успешными действиями 1-й Тихоокеанской эскадры по отражению третьей по счету атаки десяти японских брандеров, пытавшихся заблокировать фарватер, соединявший внешний и внутренний рейды Порт-Артура. За этот бой наместник был впоследствии награжден орденом св. Георгия 3-й степени. Колчак принял участие в этом бою³¹. После очевидного успеха адмирал Алексеев принял решение не выводить эскадру за пределы рейда, желая ввести в заблуждение адмирала Того и уверить его в успехе операции по блокированию фарватера. Это решение оказалось ошибочным, ибо Того, поверив в успех своих брандеров, приказал начать переброску сухопутных японских войск на Ляодунский полуостров возле Бидзыво. Алексеев немедленно выехал во Владивосток, назначив командующим своего начальника штаба контр-адмирала В. К. Витгефта (1847–1904). За день до отъезда, 21 апреля, Алексеев назначил лейтенанта Колчака командиром эскадренного миноносца «Сердитый»³². П. Н. Зырянов, ссылаясь на воспоминания вице-адмирала Д. В. Ненюкова (1869–1929) (позднее — в ВСЮР³³), высказывает предположение, что назначение на «Сердитый» — миноносец второго отряда, имевший определенные технические дефекты — было еще одним большим разочарованием Колчака. В период обороны Порт-Артура лейтенант Ненюков служил на броненосце «Цесаревич» старшим артиллерийским офицером. Он вспоминал, что видел Колчака постоянно в мрачном настроении. «Тем не менее, Колчак прекрасно командовал миноносцем и оказал большую пользу делу защиты Порт-Артура», — писал впоследствии Ненюков³⁴.

Новый командующий не проявлял инициативы до окончания ремонта эскадры: корабли находились большую часть времени на внешнем рейде Порт-Артура, а борьба против японского флота свелась теперь к постановкам минных заграждений в прибрежных водах. В результате в конце апреля 1904 г. японцы смогли завершить переправу частей 2-й армии генерала Оку Ясуката (1847–1930) на Ляодунский полуостров и начали осаду Порт-Артура с суши (последний состав со снарядами прибыл

²⁸ Макаров С. О. Документы. Т. II. Под ред. капитана 1-го ранга В. С. Шломина. М: Военное изд-во министерства обороны, 1960. С. 652–663.

²⁹ Допрос Колчака. Л: Государственное издательство, 1925. С. 12.

³⁰ Павленко А. П. Послужной список капитан-лейтенанта А. В. Колчака // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. Вып. 20. С. 290–291.

³¹ Несолёный С. В. Попытки японцев заблокировать Порт-Артур с помощью брандеров // Гангут. 2009. Вып. 52. С. 48–57.

³² Павленко А. П. Послужной список капитан-лейтенанта А. В. Колчака // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. Вып. 20. С. 290–291.

³³ ВСЮР — Вооруженные Силы на Юге России под командованием генерал-лейтенанта А. И. Деникина (1872–1947) в 1919–1920 гг.

³⁴ Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 122.

в Порт-Артур «с большой земли» 25 апреля)³⁵. Все это действовало на Колчака удручающим образом. Историк А. С. Кручинин справедливо отмечает, что «идея рейдерских операций на коммуникациях противника вполне отвечала беспокорному и даже авантюренному характеру Колчака, который вообще тяготился обороной или маневренной войной. Его душа требовала наступления, схватки с врагом лицом к лицу, и однажды на восторженное замечание сослуживца — “мальчишескую беспричинную радость” от хорошего хода корабля — он “угрюмо” ответил: “Чего же хорошего? Вот если бы мы шли так вперед, на неприятеля, было бы хорошо!”»³⁶.

Только 1 мая Колчак смог принять участие в рискованной операции по постановке мин на пути следования японских кораблей в открытом море. Миноносец «Сердитый» под командованием Колчака шел вместе со «Скорым» (лейтенант А. А. Хоменко (1867–1939)) впереди отряда, который возглавил командир минного заградителя «Амур» капитан 2-го ранга Ф. Н. Иванов (1860–1934), будущий вице-адмирал. На поставленных минах вскоре подорвались и затонули японские эскадренные броненосцы «Хацузе» и «Яшима».

Эта операция стала самым крупным успехом 1-й Тихоокеанской эскадры за всю войну, и как отмечал командир «Амура», сопровождавшие его корабли, в частности, «Сердитый» проявили отличные качества. Несмотря на данное обстоятельство, впоследствии участие Колчака в этой операции всячески замалчивалось советскими авторами³⁷. После подрыва японских кораблей последовал выход миноносцев в море, который, однако, закончился безрезультатно. Сослуживец Колчака в Порт-Артуре, лейтенант С. Н. Тимирев (1875–1932) (впоследствии контр-адмирал и участник Белой борьбы в рядах Сибирской флотилии), вспоминал об этом периоде: «Мы оба были в Порт-Артуре, где в конце мая 1904 года должны были участвовать в одной и той же экспедиции на транспорте “Ангара”... Разработка плана этой экспедиции (прорыв блокады и действия на путях движения японских транспортов в Жёлтом море и Тихом океане) в значительной степени принадлежала А. В. Колчаку... К сожалению, экспедиция наша не состоялась, так как в последнюю минуту адмирал В. К. Витгефт (командовавший флотом после Макарова), вначале относившийся сочувственно к нашему плану, отменил его, испугавшись рискованности предприятия»³⁸. Этот штрих сослуживца представляется нам исчерпывающей характеристикой командира «Сердитого». Между тем, японские войска подбирались все ближе к Порт-Артуру, и 13 мая начали штурм позиций на перешейке Кинчжоу, где понес тяжелые потери (до трети состава) 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. Колчак после отмены операции «Ангара» продолжал нести монотонную службу, периодически патрулируя подходы к рейду Порт-Артура, прилегающие острова и бухту Тахэ.

Знаменитый бой в Желтом море, состоявшийся 28 июля 1904 г., завершился чрезвычайно драматически³⁹. На броненосце «Цесаревич» был убит командующий 1-й Тихоокеанской эскадры контр-адмирал Витгефт и офицеры его штаба. Прорыв кораблей во Владивосток закончился неудачей⁴⁰. В этом бою Колчак не участвовал, так как был оставлен со своим миноносцем в Порт-Артуре⁴¹.

³⁵ Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном Штабе. Книга вторая. СПб: Типография А. Бенке, 1913. С. 1–26.

³⁶ Кручинин А. С. Адмирал Колчак. Жизнь, подвиг, память. М: Астрель, 2010. С. 48–49.

³⁷ Симоненко В. Об одной минной постановке в период обороны Порт-Артура // Военно-исторический журнал. 1984. № 8. С. 66–68.

³⁸ Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера. Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918 гг.). Нью-Йорк: Издание Американского общества для изучения Русской морской истории, 1961. С. 9.

³⁹ Лутонин С. И. *кап. 2-го ранга. Деятельность броненосца «Полтава» в русско-японскую войну 1904 года.* РГАВМФ Ф. 763. Оп. 1. Д. 206. URL.: <http://www.navy.su/navybook/lutonin> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴⁰ Штер А. П. На крейсере «Новик». М., Берлин: Direct Media, 2022. С. 50–82.

⁴¹ Допрос Колчака. Л: Государственное издательство, 1925. С. 12.

После сражения Колчак составил две аналитические записки, одна из которых была посвящена анализу действия русской и японской артиллерии, а другая специально бою в Желтом море. Материалами для этих записок послужили рассказы вернувшихся из боя моряков. Очевидцы констатировали, что японские снаряды обладали сверхчувствительностью, разрывались даже при попадании в воду и выбрасывали специфический черно-зеленоватый дым, используемый для корректировки стрельбы, в то время как русские снаряды были менее чувствительны вследствие увлечения эффектом бронебойности, часто прошивали обшивку кораблей противника, не взрываясь, а при взрыве выбрасывали еле заметный белый дым, затруднявший корректировку⁴². Внимание Колчака привлекли также незавершенный маневр броненосца «Ретвизан» и отважные действия его командира капитана 1-го ранга Э. Н. Щенсновича⁴³.

Утром 29 июля среди раненых участников боя, которых выгружали с возвратившихся кораблей на набережную в Порт-Артуре, Колчак нашел своего однокашника, офицера броненосца «Полтава» лейтенанта Рыкова, которому в бою оторвало ногу. Другой офицер «Полтавы», капитан 2-го ранга Лутонин, оставил описание этого несчастья, ярко передающее атмосферу боя, в котором принимали участие друзья и сослуживцы Колчака: «Слух о смерти командира (капитана 1-го ранга И. П. Успенского (1857 — после 1917). — А. М.) возник после того, как из боевой рубки спустили раненного лейтенанта Рыкова. Наши рубки специально были построены, чтобы в них убивало и ранило. Не говоря уже о верхнем грибе — собирателе осколков, вход в рубку не защищен броней, и осколки снарядов, рвущихся сзади рубки, свободно проникают туда; лейтенант Рыков был ранен как раз в то время, когда наклонился к трубе передавать приказания, осколки разорвавшегося сзади рубки снаряда ранили его в ногу, задели старшего штурмана и рулевого». Лишившийся в бою ноги лейтенант Рыков впоследствии продолжил службу по Адмиралтейству и дослужился до чина генерал-майора флота. Он был арестован и расстрелян большевиками (сотрудниками ПетроЧК) 13 декабря 1918 г. в Петропавловской крепости как проходивший по делу организации статского советника, санитарного врача Балтийского флота В. П. Ковалевского (1875–1918)⁴⁴, участники которой не признавали заключенного большевиками предательского Брестского договора.

В Порт-Артуре находилась только одна устаревшая подводная лодка Джевецкого, которая не могла принять участие в попытке прорыва⁴⁵. Впрочем, Колчак в период осады Порт-Артура мало интересовался подводными лодками, предпочитая службу на надводных кораблях, что повлияло на его деятельность в период восстановления флота в межвоенный период (1906–1914 гг.).

Обстановка вокруг Порт-Артура неуклонно ухудшалась. 25 июля японская артиллерия начала первую бомбардировку города: снаряды разрывались на улицах и площадях. С 6 по 11 августа командующий 3-й японской армии генерал Ноги (1849–1912)

---

⁴² Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном Штабе. Книга третья. СПб: Типография А. Бенке, 1915. С. 48.

⁴³ Щенснович Э. Н. Плавание эскадренного броненосца Ретвизан 1902–1904 гг. (воспоминания командира). СПб: Галера принт, 1999. С. 53–54; Бадьянов А. Б. «Командир должен сродниться с морем...» Первый в России адмирал-подводник Э. Н. Щенснович // Военно-исторический журнал 12 (2020). С. 63–67.

⁴⁴ Ратьковский И. С. Петроградская ЧК и организация доктора В. П. Ковалевского в 1918 г. // Новейшая история России. № 1. 2012. С. 100–115; Кильдюшевский В. И., Петрова Н. Е. Находки захоронений жертв красного террора в Петропавловской крепости // Красный террор в Петрограде. М: Айрис-Пресс, 2011. С. 477–503; Марголис А. Д. Некрополь красного террора в Петропавловской крепости // Петербург. История и современность. Избранные очерки. СПб: Центрполиграф, 2014. С. 175–182.

⁴⁵ Дудоров Б. П., контр-адмирал. Крепость сдана / Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. С. 390–393; О Б. П. Дудорове см. также: Литинский Д. Ю., Слесарев Ю. В., Гаршин М. Ю. Служба авиации... может быть употребима и для активных боевых действий // Военно-исторический журнал 6 (2023). С. 88–95.

предпринял массированный штурм Порт-Артура, который был отбит с огромными потерями для атакующих. Японцы атаковали Водопроводный и Кумирненский редуты и Длинную гору, сумели захватить позиции на горе Угловая и на горе Панлуншань, но оставили на склонах до 20.000 человек. В городе начались инфляция и дефицит товаров народного потребления.

В это тяжелое время, согласно послужному списку, лейтенант Колчак продолжал службу в Порт-Артуре на миноносце «Сердитый»⁴⁶. По свидетельству самого Колчака, 25 августа «Сердитый» поставил 16 мин в 20,5 милях от гавани Порт-Артура; вероятно, именно на этих минах уже на завершающей стадии обороны Порт-Артура, в ночь с 29 на 30 ноября 1904 г., подрвался и затонул японский крейсер «Такасаго» капитана 1-го ранга Исибаси⁴⁷. В автобиографии, написанной в 1918 г., Колчак утверждал: «Во время командования миноносцем я занимался постановкой мин заграждения, и мною была поставлена к югу от Артура минная банка, на которой взорвался и погиб японский крейсер “Такасаго”»⁴⁸. В 1920 г., в красном плену, Колчак вспоминал об этом периоде обороны Порт-Артура несколько более подробно: «После того как был июльский неудачный бой и прорыв во Владивосток и началась систематическая планомерная осада крепости, центр тяжести всей борьбы перенесся на сухопутный Фронт. Здесь последнее время мы уже занимались постановкой, главным образом, мин и заграждений около Порт-Артура, и мне удалось, в конце концов, поставить минную банку на подходах к Порт-Артуру, на которой взорвался японский крейсер “Такасадо” (sic. — А. М.)»⁴⁹.

Постепенно положение осажденной крепости становилось угрожающим. В 1920 г. Колчак так описывал это положение: «Результат пребывания на севере — ревматизм и общее положение дел, при котором центр тяжести войны переносился на сухопутный Фронт, заставили меня в сентябре просить назначения на сухопутный Фронт. Все время я принимал участие в мелких столкновениях и боях во время выходов. Осенью я перешел на сухопутный Фронт. Я вступил в крепость, командовал там батареей морских орудий на северо-восточном Фронте крепости и на этой батарее я оставался до сдачи Порт-Артура, до последнего дня, и едва даже не нарушил мира, потому что мне не было дано знать, что мир заключен»⁵⁰. Действительно, 18 октября 1904 г. Колчак, переболевший пневмонией, был переведен на сухопутный фронт. Приказом командующего портом контр-адмирала Ивана Константиновича Григоровича (1853–1930) лейтенант Колчак был назначен командиром сводной 120 мм и 47 мм артиллерийской батареи, защищавшей Порт-Артур с суши. Позиция, на которой располагалась батарея Колчака, носила название «Вооруженный сектор Скалистых гор» и находилась под командованием капитана 2-го ранга Александра Александровича Хоменко (1867–1939). Личный состав батареи был прикреплен для довольствия к эскадренному броненосцу «Ретвизан»⁵¹. П. Н. Зырянов живописно описывает позицию Колчака: «...Хозяйство самого Колчака оказалось сильно разбросанным. Две небольшие батареи из 47-миллиметровых пушек были поставлены на случай прорыва японских войск сквозь линию укреплений и фактически не использовались. На склоне небольшой горы стояло 120-миллиметровое орудие,

⁴⁶ Павленко А. П. Послужной список капитан-лейтенанта А. В. Колчака // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. Вып. 20. С. 279–302.

⁴⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном Штабе. Книга четвертая. СПб: Типография А. Бенке, 1916. С. 277.

⁴⁸ Плотников И. Ф. Автобиография Александра Васильевича Колчака // Вестник Челябинского университета. Серия 1: История: Автобиография Александра Васильевича Колчака. № 2 (14) /2002. С. 146.

⁴⁹ Допрос Колчака. Л: Государственное издательство, 1925. С. 12.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Павленко А. П. Послужной список капитан-лейтенанта А. В. Колчака // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. Вып. 20. С. 292.

которое вело перекидную стрельбу за линию сопок по определённым квадратам, а также по видимым удалённым целям. И наконец, недалеко от батареи Круссера стояла очень активно действующая батарея из двух 47-мм и двух 37-мм пушек... Снаряды из колчаковской батареи летели над несколькими передовыми батареями, а также и над штабом командующего фронтом генерала В. Н. Горбатовского. В случае недолёта можно было ударить по своим. На третий день после вступления в должность Колчак начал ставить на пушки ограничители, предотвращающие недолёты. Но именно в этот день, 7 ноября, японцы начали стрелять по Скалистым горам 75-мм снарядами. Осколки летели со всех сторон, и Колчак приказал матросам уйти в блиндаж, но ограничители всё-таки поставил»⁵².

7 ноября 1904 г. Колчак принял участие в своем первом сухопутном бою. Впоследствии он напишет в своем «порт-артуровском» дневнике: «В пятом часу открыли огонь почти все японские и наши батареи; стреляли 12-дюймовыми по Кумирненскому реду. Через 10 минут сумасшедшего огня, сливавшегося в один сплошной гул и треск, все окрестности заволоклись буроватым дымом, среди которого совершенно не видны огни выстрелов и взрывания снарядов, разобрать ничего было нельзя; ... среди тумана поднимается облако чёрного, бурого и белого цветов, в воздухе сверкают огоньки и белеют шарообразные клубы шрапнелей; корректировать выстрелы невозможно. Солнце тусклым от тумана блином зашло за горы, и дикая стрельба стала стихать. С моей батареей сделали по окопам около 121 выстрела»⁵³. Две недели спустя 22 ноября Колчак оставил в дневнике⁵⁴ тревожную запись, свидетельствующую о положении гарнизона крепости: «Цинга увеличивается, и больных ею масса; характерно заболевание куриной слепотой — признак крайнего утомления и истощения. Сегодня вечером на восьмерке под парусами ушел в Чифу капитан II ранга Цвингман, чтобы дать знать о положении дел в Порт-Артуре»⁵⁵. Колчак сообщает о прорыве блокады Порт-Артюра на гребном катере с канонерской лодки «Бобр» под парусами капитана 2 ранга Цвингмана и лейтенанта Мисникова в Чифу с донесениями главнокомандующему генералу от инфантерии А. Н. Куропаткину (1848–1925) и командующему флотом вице-адмиралу Н. И. Скрудлову (1844–1918) о бедственном положении крепости. В самом Порт-Артуре нарастало напряженное ожидание страшной развязки. Японцы захватили высоты, господствующие над рейдом крепости, и получили возможность расстреливать русские корабли из дальнобойных орудий с горы Высокая.

В записи за 3 декабря Колчак описывает повседневную рутину обороны: «Утро ясное и холодное, с норд-ветром. Днем редкий огонь из 11-дюймовых орудий. В последние ночи были атаки на стоящий “Севастополь” — все они отбиты и говорят, что утоплено 4 миноносца. Днем японцы пускали шрапнель на батарею № 4 и Скалистую Гору. Сегодня 6 орудий с откоса Большой Горы обстреливали окопы у укрепления № 3 — очень удачно, и разрушены японские окопы около угла рва укрепления. Вечером, когда стемнело, я приступил к углублению хода сообщений к батарее № 4. Грунт скалистый, и необходимы подрывные работы. Днем я сделал несколько выстрелов по перевалу из 120-мм орудий по идущему обозу»⁵⁶. Наконец, на следующий день, 4 декабря, Колчак сообщает о трагических событиях: «Японцы с утра обстреливали старый город и порт с Волчьей Горы. Третьего дня нас постигло большое несчастье — 11-дюймовый снаряд около 10 часов вечера влетел в каземат форта № 2 в офицерское помещение и убил 7 и ранил 8 офицеров. В числе убитых, к несчастью, находились генерал Кондратенко, полковник Науменко, полковник Рашевский»⁵⁷.

⁵² Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 102.

⁵³ РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 192. Л. 11. Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 102–103.

⁵⁴ Емелин А. Ю. Материалы личного происхождения о Русско-японской войне в фондах РГАВМФ // Россия и АТР. 2014. № 1 (83). С. 107–117.

⁵⁵ Дневник лейтенанта А. В. Колчака / В. И. Колчак, А. В. Колчак. Избранные труды. Составители В. Д. Доценко, А. А. Смирнов. СПб: Судостроение, 2001. С. 246.

⁵⁶ Дневник лейтенанта Колчака... С. 246.

⁵⁷ Там же. С. 246–247.

Наблюдения Колчака полностью подтверждает другой участник обороны Порт-Артура военный врач В. Б. Гюббенет (1862 — после 1938) (позднее — в ВСЮР): «Высокий воинский дух защитников пал, нравственная усталость усугублялась физическим изнеможением — следствие 10-ти дневной борьбы не на живог, а на смерть. На этом темном фоне выделилась блестящая точка: геройская борьба, вышедшего в море, “Севастополя” с японскими миноносцами, приковывала внимание каждого артурца и временно отвлекала от печальной действительности...»⁵⁸

Несмотря на доблесть защитников Порт-Артура, силы осажденной крепости подходили к концу. Корабли 1-й Тихоокеанской эскадры, стоявшие в гавани, получили серьезные повреждения. Корпуса разбитых броненосцев, полужатоленные или опрокинутые набок у берега, оказывали деморализующее воздействие на защитников. В записи за 10 декабря Колчак пишет: «Около 6 часов вечера я направился в город, прошел через порт и увидел лежащий в доке “Амур” (минный транспорт. — А. М.); это какой-то кошмар: судно лежит на боку с трубами и мачтами на берегу»⁵⁹. Защитники Порт-Артура отбили четыре японских штурма, но после того как 2 декабря погиб генерал-лейтенант Р. И. Кондратенко (1857–1904), начальник Квантунского укрепленного района генерал-лейтенант А. М. Стессель (1848–1915) принял решение капитулировать. Как полагает А. В. Гуцин, решение Стесселя было оправдано тем, что ресурсы крепости (провиант и патроны) теоретически позволяли продолжать безнадежную борьбу не более двух-трех недель⁶⁰. Однако уже современникам и участникам обороны было очевидно, что часть защитников еще могла сражаться и оттягивать на себя крупные силы противника, используя горный ландшафт окрестностей Порт-Артура. Но силы основной массы бойцов были на исходе. В записи за 9 декабря Колчак описывает бедственное положение бойцов десантных батальонов в крепости: «У нас много новых заболеваний цингой среди комендоров, и число больных теперь не менее 30 процентов. Люди постоянно простужаются, не имея теплого платья... едят одну брюкву и черствые сухари»⁶¹.

В записи за 21 декабря Колчак оставил заключительное воспоминание об обороне Порт-Артура: «За ночь мы кое-что уничтожили, но пушек не трогали и вообще взрывов никаких не устраивали. Утро туманное, легкий морозец... Около 10 часов утра собрались русская и японская комиссии по сдаче крепости, а в город стали вступать японские войска. Около 11 часов приказано было сдать все ружья и ружейные патроны, что я и сделал. После обеда я получил приказ очистить... и приказал войскам в районе нашего сектора уходить в казармы, оставив только посты. Японские солдаты без оружия небольшими группами проходили в город и обратно, невольно обращая внимание на себя своим прекрасным обмундированием и дисциплиной. У нас, к сожалению, наоборот — много распушенности и внешней и внутренней. К вечеру я снял посты и оставил только дневальных на батарее и увел команду в город. Ночь тихая, и эта мертвая тишина как-то кажется чем-то особенным, неестественным»⁶². Вольно или невольно цитируя известный романс на стихи Тургенева, Колчак завершает бесстрастную фиксацию событий отчаянной борьбы.

Лейтенант Колчак был взят в плен и попал в госпиталь из-за ревматизма и начинавшейся цинги. Впоследствии он был отправлен на лечение в Нагасаки, а весной 1905 г. благодаря рыцарскому отношению японского императора к русским пленным офицерам получил разрешение вместе с другими собратьями по несчастью без всяких условий вернуться в Россию.

В заключение необходимо отметить, что участие Колчака в обороне Порт-Артура имело три важнейших последствия с точки зрения формирования Александра

⁵⁸ Гюббенет В. Б. В осажденном Порт-Артуре. Очерки военно-санитарного дела и заметки по полевой хирургии. СПб: Типография главного управления уделов, 1910. С. 45, 49–50.

⁵⁹ Дневник лейтенанта Колчака ... С. 249.

⁶⁰ Гуцин А. В. Оборона Порт-Артура. СПб: Реноме, 2011. С. 84–87.

⁶¹ Дневник лейтенанта Колчака... С. 248.

⁶² Дневник лейтенанта Колчака... С. 255.

Васильевича как будущего флотоводца и военачальника. Во-первых, Колчак приобрел важный опыт ведения боевых действий на море на миноносцах, а также опыт командования миноносцем. Этот опыт предопределил интересы Колчака в области развития минного дела и минных постановок, которые в полной мере проявились в годы Великой войны 1914–1918 гг. Накануне войны капитан 1-го ранга Колчак, флаг-офицер по оперативной части в штабе главнокомандующего Балтийского флота адмирала Н. О. фон Эссена, принимал активное участие в разработке плана минирования акватории Финского залива (на позиции Нарген-Поркалауд) с целью защиты Кронштадта и Петербурга от превосходящих сил германского Флота Открытого Моря.

В ходе кампаний 1914, 1915 и первой половины 1916 гг. Колчак принимал активное участие в самых рискованных минных постановках у Киля, острова Борнхольм, в Данцигской бухте, а затем стал успешным командующим Минной дивизии Балтийского флота в ходе крейсерских операций⁶³.

Во-вторых, в период обороны Порт-Артура Колчак получил возможность в определенной степени пойти по стопам своего отца, генерал-майора В. И. Колчака (1837–1913) — ветерана обороны Севастополя в период Крымской войны 1853–1856 гг. Моряк А. В. Колчак принял участие в борьбе на сухопутном фронте в качестве артиллерийского офицера, командира батареи. Этот опыт, без сомнения, оказал влияние на последующую разработку Колчаком тактики и стратегии морских десантов. Первой десантной операцией, впоследствии организованной Колчаком на Балтике, стала операция, которая состоялась 9 (22) октября 1915 г. и вошла в историю под названием десанта у мыса Домеснес. Операцией руководил сам Колчак, державший свой флаг на эскадренном броненосце «Слава»⁶⁴.

Этот первый опыт Колчака предопределил дальнейшее развитие десантных операций в недалеком будущем. Уже в феврале-апреле следующего 1916 г. тактические десанты в тыл турецких войск успешно проводились силами Батумского отряда Черноморского флота в ходе Трапезундской операции на Кавказском фронте. Назначение вице-адмирала А. В. Колчака на должность командующего Черноморским флотом в июне 1916 г. было обусловлено важной стратегической задачей — подготовкой десанта на Босфор. Два года спустя, в 1918 г., Колчак писал в своей автобиографии: «Громадное значение придавал я Босфорской операции целью которой была высадка большого десанта и захват Константинополя. Революция сделала эту задачу невыполнимой»⁶⁵. Колчак принимал активное участие в формировании дивизии особого назначения для осуществления Босфорской операции, намеченной на весну 1917 г. В 1920 г., в красном плену, адмирал Колчак вспоминал: «...Назначение меня на Черное море обусловливалось тем, что весной 1917 г. предполагалось выслать так называемую Босфорскую операцию, т. е. произвести уже удар на Константинополь»⁶⁶. Десантные операции более локального масштаба

⁶³ Козлов Д. Ю., Подсобляев Е. Ф., Грибовский В. Ю. «Должен признать... что к делу развития морской силы Колчак имел громадное влияние»: К вопросу об эффективности управления силами флота вице-адмиралом А. В. Колчаком // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 28–36; Партала М. А. Крейсерские операции русского флота в Западной Балтике в мае-июне 1916 года. К вопросу об оценках // Санкт-Петербургский центр по исследованию истории и культуры Скандинавских стран и Финляндии. Кафедра истории Нового и Новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы пятнадцатой ежегодной научной конференции (16–17 апреля 2013 г.): сборник. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2014. С. 124–141

⁶⁴ Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997. С. 144; Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера. Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918 гг.). Нью-Йорк: Издание Американского общества для изучения Русской морской истории, 1961. С. 39.

⁶⁵ Плотников И. Ф. Автобиография Александра Васильевича Колчака // Вестник Челябинского университета. Серия 1: История: Автобиография Александра Васильевича Колчака. N. 2 (14) 2002. С. 148.

⁶⁶ Допрос Колчака. Л: Государственное издательство, 1925. С. 29.

на берегах сибирских рек Ишим и Тобол разрабатывались непосредственно Колчаком в ходе гражданской войны; адмирал планировал эти операции при подготовке контрнаступления Белой армии на реке Тобол в сентябре 1919 г., главная цель которого заключалась в отвлечении резервов красного командования от ВСЮР генерал-лейтенанта А. И. Деникина (1872–1947).

Десантные операции, активным разработчиком которых в 1915–1917 гг. был адмирал Колчак, стали прообразом будущих масштабных десантов, проводившихся силами РККФ в годы второй мировой войны: под Петергофом, Стрельной, Шлиссельбургом в 1941 г., и под Керчью, Феодосией и Евпаторией в 1941–42 г. Но в отличие от успешных десантов Русского Императорского флота в 1915–1916 гг., десантные операции РККФ в 1941–1942 гг., как правило, заканчивались катастрофой, что было обусловлено систематическим вмешательством некомпетентного партийного руководства в планирование операций.

В-третьих, оборона Порт-Артура дала возможность Колчаку, прежде писавшему на научные темы, связанные с океанографией, проявить себя в качестве военного аналитика. Именно в Порт-Артуре Колчак написал заметку о действиях современной артиллерии, очерк о бое в Желтом море, и наконец, свой знаменитый дневник, на страницах которого он отразил свою борьбу на сухопутном фронте в ноябре–декабре 1904 г. и агонию Порт-Артура. Эти литературные опыты стали для Колчака хорошей школой накануне большой научно-общественной деятельности по восстановлению флота, в которую энергичный офицер погрузился после окончания Русской-Японской войны.

Рискнем предположить, что опыт неравной борьбы в безнадежном положении с превосходящими силами противника, полученный Колчаком в Порт-Артуре, оказал сильное влияние на его личностное формирование. Именно этот опыт в значительной степени предопределил как решимость Колчака возглавить борьбу Белых армий в Сибири осенью 1918 г. в условиях прогрессирующего разложения чехословацких легионеров и войск Директории, так и способность вести эту борьбу в течении последнего 1919 г., невзирая на масштабную дезорганизацию тыла и численное превосходство противника.

Источники и литература

Источники

1. РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 192.
2. РГАВМФ Ф. 763. Оп. 1. Д. 206.
3. *Баумгартен О. А.* В осажденном Порт-Артуре. Дневник сестры милосердия. СПб., 1906.
4. *Будберг А.* Дневник белогвардейца. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001.
5. *Граф Г. К.* Императорский Балтийский флот между двумя войнами. 1906–1914 / Прим. и посл. А. Ю. Емелина. СПб: Изд-во Русско-Балтийский Информационный центр «Блиц». 2006.
6. *Граф Г. К.* На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангут, 1997.
7. *Граф Г. К.* Революция и флот. Балтийский флот в 1917–1918 гг. М: Вече, 2011.
8. *Гюббенет В. Б.* В осажденном Порт-Артуре. Очерки военно-санитарного дела и заметки по полевой хирургии. СПб: Типография главного управления уделов, 1910.
9. *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М: Вече, 2012.
10. *Деникин А. И.* Старая армия. Офицеры. М: Айрис Пресс, 2005.
11. Дневник лейтенанта А. В. Колчака / В. И. Колчак, А. В. Колчак. Избранные труды. Составители В. Д. Доценко, А. А. Смирнов. СПб: Судостроение, 2001.
12. Допрос Колчака. Л: Государственное издательство, 1925.
13. *Дудоров Б. П., контр-адмирал.* Крепость сдана / Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. С. 390–393.

14. *Костенко М. И., генерал-майор.* Осада и сдача крепости Порт-Артур. Мои впечатления. Киев: Типография окружного штаба, 1906.
15. *Крыжановский Н. Н.* Адмирал М. К. Бахирев и его современники // Морские записки. The Naval Records. XXI (58), Нью-Йорк, 1963. С. 57–71.
16. *Лутонин С. И., кап. 2-го ранга.* Деятельность броненосца «Полтава» в русско-японскую войну 1904 года. URL.: <http://www.navy.su/navybook/lutonin> (дата обращения: 01.07.2024).
17. *Макаров С. О.* Документы. Т. II. Под ред. капитана 1-го ранга В. С. Шломина. М: Военное изд-во министерства обороны, 1960.
18. *Манжетный М. М.* Воспоминания русского полковника китайской армии. М: Кучково Поле, Изд. Центр Воевода, 2019.
19. *Павленко А. П.* Послужной список капитан-лейтенанта А. В. Колчака // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. Вып. 20. С. 292.
20. *Пилкин В. К., контр-адмирал.* Два адмирала / В Белой Борьбе на Северо-Западе России. Дневник 1918–1920. Пуб. и вступ. Н. Н. Рутченко-Рутыча. М: Русский путь, 2005. С. 481–497.
21. *Плотников И. Ф.* Автобиография Александра Васильевича Колчака // Вестник Челябинского университета. Серия 1: История: Автобиография Александра Васильевича Колчака. N. 2 (14) 2002. С. 144–157.
22. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном Штабе. Книга вторая. СПб: Типография А. Бенке, 1913.
23. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном Штабе. Книга третья. СПб: Типография А. Бенке, 1915.
24. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном Штабе. Книга четвертая. СПб: Типография А. Бенке, 1916.
25. Русско-Японская война 1904–1905 гг. Т. II. Первый период. Ч. 1. От начала военных действий до боя под Вафангоу 1 июня. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-Японской войны. СПб: Типография тов-а А. Ф. Маркса, 1910.
26. Русско-Японская война 1904–1905 гг. Т. VIII. Оборона Квантуна и Порт-Артура. Ч. 1. От начала войны до тесного обложения крепости (17 июля 1904 года). Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-Японской войны. СПб: Типография тов-а А. Ф. Маркса, 1910.
27. *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера. Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918 гг.). Нью-Йорк: Издание Американского общества для изучения Русской морской истории, 1961.
28. *Чегодаев-Саконский А. П.* На «Алмазе» (от Либавы через Цусиму – во Владивосток). СПб: Издатель М. А. Леонов, 2004.
29. *Штер А. П.* На крейсере «Новик». М., Берлин: Direct Media, 2022.
30. *Щенснович Э. Н.* Плавание эскадренного броненосца Ретвизан 1902–1904 гг. (воспоминания командира). СПб: Галера принт, 1999.
31. «Это не война, а какая-то адская затея...» (письма Н. О. Эссена из Порт-Артура) / Вст. статья, коммент. и подг. текста к публикации В. А. Петрова // Отечественные архивы. 1996. № 3. С. 44–73.

Историография

32. *Бадьянов А. Б.* «Командир должен сродниться с морем...» Первый в России адмирал-подводник Э. Н. Щенснович // Военно-исторический журнал 12 (2020). С. 63–67.
33. *Гущин А. В.* Оборона Порт-Артура. СПб: Реноме, 2011.
34. *Егорьев В. Е.* Операции владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.-Л.: Военмориздат, 1939.

35. *Емелин А. Ю.* Материалы личного происхождения о Русско-японской войне в фондах РГАВМФ // Россия и АТР. 2014. № 1 (83). С. 107–117.
36. *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. Верховный Правитель России / ЖЗЛ. Вып. 1556 (1356). М: Молодая Гвардия, 2012.
37. *Кильдюшевский В. И., Петрова Н. Е.* Находки захоронений жертв красного террора в Петропавловской крепости // Красный террор в Петрограде. М: Айрис-Пресс, 2011. С. 477–503.
38. *Козлов Д. Ю., Подсобляев Е. Ф., Грибовский В. Ю.* «Должен признать... что к делу развития морской силы Колчак имел громадное влияние»: К вопросу об эффективности управления силами флота вице-адмиралом А. В. Колчаком // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 28–36.
39. *Кручинин А. С.* Адмирал Колчак. Жизнь, подвиг, память. М: Астрель, 2010.
40. *Литинский Д. Ю., Слесарев Ю. В., Гаршин М. Ю.* Служба авиации... может быть употребляема и для активных боевых действий // Военно-исторический журнал 6 (2023). С. 88–95.
41. *Марголис А. Д.* Некрополь красного террора в Петропавловской крепости // Петербург. История и современность. Избранные очерки. СПб: Центрполиграф, 2014. С. 175–182.
42. *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М: Квадрига, Русская панорама, 2011.
43. *Несолёный С. В.* Попытки японцев заблокировать Порт-Артур с помощью брандеров // Гангут. 2009. Вып. 52. С. 48–57.
44. *Партала М. А.* Крейсерские операции русского флота в Западной Балтике в мае-июне 1916 года. К вопросу об оценках // Санкт-Петербургский центр по исследованию истории и культуры Скандинавских стран и Финляндии. Кафедра истории Нового и Новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы пятнадцатой ежегодной научной конференции (16–17 апреля 2013 г.): сборник. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2014. С. 124–141.
45. *Половинкин В. Н.* Русско-Японская война — национальная трагедия или исторический урок? СПб: Агат, 2005.
46. *Ратьковский И. С.* Петроградская ЧК и организация доктора В. П. Ковалевского в 1918 г. // Новейшая история России. № 1. 2012. С. 100–115.
47. *Рутыч Н. Н.* Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М: Русский Путь, 2002. С. 386–392.
48. *Саркисов К. О., Спечинский З. Д.* Путь к Цусиме. По неопубликованным письмам вице-адмирала З. П. Рожественского. СПб: Аврора, 2010.
49. *Симоненко В.* Об одном минной постановке в период обороны Порт-Артура // Военно-исторический журнал. 1984. № 8. С. 66–68.
50. *Синюков В. В.* Александр Васильевич Колчак: Ученый и патриот: в 2 ч. Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. М: Наука, 2009. Т. I.
51. *Сорокин А. И.* Оборона Порт-Артура. Русско-Японская война 1904–1905 гг. М: Воениздат, 1952.
52. *Царьков А. Ю.* Последний бой «Страшного» // Гангут. 2009. Вып. 54. С. 37–50.
53. *Шалагин Б.* Собиратель Балтфлота (К 130-летию со дня рождения адмирала Н. О. Эссена) // Морской сборник. 1990. № 12. С. 71–75.
54. *The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero / Ed. by John W. Steinberg, Bruce W. Menning. Leiden, Boston: Brill, Vol. 1. 2005. Vol. 2. 2007.*

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3 (18)

2024

В. Т. Захарова

Новый этап шмелеведения.

**Отклик на выход книги: И. С. Шмелев: pro et contra:
Антология. Т. 1 / Сост., вступ. ст., коммент.
А. М. Любомудрова. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. 840 с.**

УДК [821.161.1(1-87).09(092)](049.32)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_246
EDN XRSNIZ

Аннотация: Предмет обозрения — очередная книга из серии «Русский Путь»: «И. С. Шмелев: pro et contra». Подчеркнута актуальность и своевременность такого издания. Отмечено, что составителем поставлена и успешно реализована задача — представить цельную картину эстетической рецепции личности и творчества Ивана Сергеевича Шмелева. В научный оборот введен основной массив прижизненной шмелевианы, причем многие работы никогда прежде не переиздавались. Позитивно оценивается структура книги, основанная на жанрово-хронологическом принципе. Представляют интерес разделы, в которых собраны материалы, посвященные спорным аспектам биографии писателя: его номинациям на Нобелевскую премию и его участию в прогерманской печати в годы войны. Сделан вывод о том, что данная антология имеет научно-образовательную ценность и открывает новый этап исследований биографии и творчества И. С. Шмелева.

Ключевые слова: Иван Шмелев, русское зарубежье, русская литература, рецепция творчества.

Об авторе: **Виктория Трофимовна Захарова**

Доктор филологических наук, профессор Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина.

E-mail: victoriazaharova95@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6871-1368>

Для цитирования: Захарова В. Т. Новый этап шмелеведения. Отклик на выход книги: И. С. Шмелев: pro et contra: Антология. Т. 1 / Сост., вступ. ст., коммент. А. М. Любомудрова. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. 840 с. // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 246–250.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3 (18)

2024

Victoria T. Zakharova

New Stage in the Ivan Shmelev's Study.

**Response to the Book: I. S. Shmelev: pro et contra:
Anthology. Vol. 1. Comp., intro. article, comment.
A. M. Lyubomudrov. St. Petersburg: RKhGA Publ., 2023. 840 p.**

UDC [821.161.1(1-87).09(092)](049.32)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_246
EDN XRSHIZ

Abstract: The publication reviews the new issue in the series “The Russian Way” – “I. S. Shmelev: pro et contra”. The relevance and timeliness of such publication are emphasized. It is noted that the compiler has set and successfully implemented the task of presenting a complete picture of the aesthetic reception of Ivan Shmelev's personality and creativity. The main array of lifetime “shmeleviana” has been introduced into scientific usage. Most of these works have never been republished before. The structure of the book based on the genre-chronological principle is positively evaluated. Of interest are the sections of the book that contain valuable materials on controversial aspects of the writer's biography, namely his nominations for the Nobel Prize and his participation in the pro-German press during the war. It is concluded that this anthology has scientific and educational value and opens a new stage of Ivan Shmelev's study.

Keywords: Ivan Shmelev, Russian emigration, Russian literature, reception of creativity.

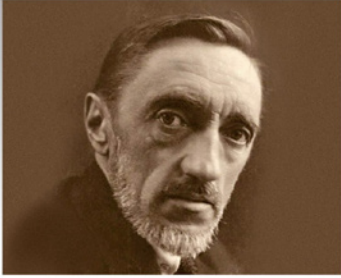
About the author: **Victoria Trofimovna Zakharova**

Dr. Hab. of Philology, professor at the department of Russian and foreign Philology at Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University).

E-mail: victoriazakharova95@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6871-1368>

For citation: Zakharova V. T. New Stage in the Ivan Shmelev's Study. Response to the Book: I. S. Shmelev: pro et contra: Anthology. Vol. 1. Comp., intro. article, comment. A. M. Lyubomudrov. St. Petersburg: RKhGA Publ., 2023. 840 p. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 246–250.

И. С. ШМЕЛЁВ:
PRO ET CONTRA

Необходимость этого труда ощущалась давно. В знаменитой серии, выпускаемой Русской христианской гуманитарной академией на протяжении многих лет, вышли книги о десятках классиков русской и мировой литературы. Но до сих пор оставался забыт Иван Сергеевич Шмелев. В юбилейный год, к 150-летию писателя, эта несправедливость исправлена.

Как и всякий яркий, одаренный художник, Иван Сергеевич Шмелев имеет своих горячих поклонников и не менее решительных критиков. Споры о его творчестве и его личности сопровождали писателя при жизни, не утихают они и сегодня. В отечественном литературоведении роль Шмелева в литературном процессе не раз подвергалась кардинальному пересмотру. Для целостного осмысления феномена Шмелева, в котором своеобразно отобразились судьбы русской литературы и культуры XX столетия, нужно учитывать всю полноту и полярность оценок.

В настоящем издании, подготовленном известным специалистом по русскому

литературному зарубежью А. М. Любомудровым, вполне реализована задача — представить цельную картину эстетической рецепции шмелевского творчества. В научный оборот введен основной массив прижизненной шмелевианы. Данная антология включает работы критиков и литературоведов, появившиеся в русской и зарубежной печати в первой половине XX в. Большая их часть никогда не переиздавалась и поэтому выпала из поля зрения читателей. Сейчас эти тексты стали доступны и послужат основой для дальнейшего постижения художественного мира писателя.

Отметим продуманность структуры книги. Она основана на жанрово-хронологическом принципе. Весь материал распределен на четыре части: критика дореволюционная, советская, иностранная и эмигрантская. Каждая часть открывается разделом, где представлены рецензии и отклики на первые издания произведений Шмелева, а затем помещены статьи обобщающего характера, критические этюды и очерки творчества. В соответствии с задачей книги — представить прижизненную рецепцию творчества Шмелева — хронологические рамки публикаций в основном ограничены годом кончины писателя. К ним добавлены несколько материалов 1950-х гг., посвященные его последним произведениям, а также подводящие итог творческого пути недавно ушедшего художника.

Составителем проведена объемная работа по поиску и сбору материалов. В предисловии указано, что объем книги не позволил вместить все критические отклики. Не включены работы информативного плана, где художественный мир писателя практически не затрагивается, а основное место отдано пересказу сюжетов и пространственным цитатам из произведений.

Среди массива эмигрантской шмелевианы выделяется пласт мемуарно-биографической литературы. Это репортажи о встречах со Шмелевым, интервью, сообщения о его поездках и выступлениях, воспоминания. Некоторые из них уже были собраны в книги¹. В настоящее издание они не вошли, однако составитель

¹ Памяти Ивана Сергеевича Шмелева: Сборник / Сост., ред. В. А. Маевский. Мюнхен, 1956; Духовный путь Ивана Шмелева: Статьи, очерки, воспоминания / Сост. А. М. Любомудров. М.: Сибирская Благовонница, 2009.

в предисловии сообщает, что планирует включить их во второй том антологии, предполагаемый к выпуску в 2024 г.

В современной и достаточно богатой литературе о Шмелеве писатель в основном рассматривается апологетически. Но так было не всегда: антология приносит много неожиданных открытий. Оказывается, уже в дореволюционном творчестве фигура писателя оценивалась неоднозначно, уже тогда сталкивались мнения и велись споры. Об этом говорят десятки откликов этого периода. Крайний полюс *contra* демонстрирует М. Левидов, который убеждал читателей, что Шмелев — писатель, «молчащий о человеке и о человеческом», и что его творчество должно быть «разрушено творчеством жизни».

Неожиданной предстает на страницах антологии эпоха советской шмелевианы. Раздел советской критики существенно уточняет картину эпохи послереволюционного десятилетия. Читатель с удивлением обнаружит, что самого беспощадного обличителя власти большевиков, автора «Солнца мертвых» и «Крымских рассказов» не только не изъяли из библиотек, но до конца 1920-х гг. нередко определяли как одного из самых значительных писателей начала XX в. Книги Шмелева продолжали выходить в советской России с той же интенсивностью, что и до революции. На протяжении 1920-х гг. Иван Шмелев постоянно находился в поле зрения издателей, критиков и читателей. Культурная жизнь НЭПа носила полицентрический характер, что подтверждает пестрый спектр оценок, подходов, позиций критиков по отношению к шмелевскому творчеству.

Оригинальный взгляд на Шмелева представлен в откликах иностранных литераторов, в том числе маститых классиков. Двенадцать рецензий и заметок в русском переводе опубликованы впервые. В настоящей том вошли две работы Томаса Манна, статья Жюлья Легра, рецензии Эрнста Вихерта, Германа Гессе. Внимание англоязычных критиков (Гарри Пэмблед, Генри Инглиш) привлекло «Солнце мертвых», которое они сравнивали с новым Плачем Иеремии.

Разумеется, самый широкий и разносторонний спектр откликов на творчество Шмелева наблюдается в русском зарубежье. Здесь выделяется ряд критиков, увлеченных личностью и книгами Шмелева, относившихся к писателю апологетически, откликнувшихся на выход каждой новой его книги если не восторженно, то в высшей степени благожелательно: П. Пильский, Вл. Ладыженский, Ю. Айхенвальд, Н. Кулман. В разделе очерков и эссе находятся работы, в которых искусство Шмелева рассмотрено обстоятельно и многосторонне (А. Амфитеатров, А. Карташев и др.). Наряду со знакомыми именами представлены литераторы-эмигранты, чьи имена до сих пор не звучали в связи со Шмелевым, — Борис Ширяев, Григорий Месняев, Борис Бразоль, Модест Гофман и др. В их статьях обсуждаются принципиальные вопросы творчества художника: мировоззрение, идейно-философские и религиозные искания, эволюция социально-политических взглядов, эстетические принципы. В то же время в зарубежье было немало литераторов, скептически смотревших на Ивана Сергеевича и его книги. Кроме известных оценок Адамовича, считавшего Шмелева «неправильно развившимся писателем», разгрому подвергались и «История любовная», и «Няня из Москвы», и, конечно, неоконченные «Солдаты». Кстати, раскрыт псевдоним одного из резких критиков этого романа: за подписью «Владимир Петров» скрывался Гайто Газданов.

Антология не ограничилась лишь литературно-критическими жанрами. Два раздела книги посвящены самым острым аспектам биографии писателя. Работа Т. В. Марченко, основанная на множестве документов и редких источников, подробно и обстоятельно освещает историю выдвижений Шмелева на Нобелевскую премию в 1931–1932 гг. Борьба претендентов и их сторонников за престижную награду была наполнена страстями, интригами, надеждами и разочарованиями.

В книге о Шмелеве, названной «за и против», не мог быть обойден вниманием вопрос о так называемом «коллорабационизме» Шмелева в годы войны. Обвинения Шмелева, попытки дискредитировать писателя обострились именно в последние годы. Повторяются нелепые клише: «сотрудничал с немцами», «работал на гитлеровцев»,

«служил нацистам». Составитель решил расставить, наконец, все точки над *i*, собрав в специальном разделе основные материалы, имеющие отношение к данной теме: статьи, заметки, обращения в редакции газет — и друзей, и недоброжелателей Шмелева, а также его письма. Они позволяют установить объективную картину. Открывается раздел списком публикаций Шмелева в «Парижском вестнике», — теперь каждый может убедиться, вокруг чего, собственно, идут споры, и как под пером недоброжелателей несколько очерков о России, напечатанных для русских, выброшенных военным лихолетьем за рубежи родины, превратились в «работу на немцев». Материалы раздела демонстрируют, как проходила послевоенная кампания по дискредитации писателя, чьим двигателем выступало на протяжении трех лет американское «Новое русское слово», с которым солидаризировались — удивительное единодушие в разгар холодной войны! — и советское радио, и газета «Правда», и парижские «патриотические» «Русские новости». Впрочем, читатель сделает собственные выводы, познакомившись с представленными в этом разделе позициями *pro* и *contra*.

Отметим тщательность текстологической подготовки, обстоятельность комментариев. Надеемся, настоящий том будет способствовать решению насущных задач отечественного литературоведения — составлению полной библиографии литературы о Шмелеве и подготовке его академического собрания сочинений.

Данная книга — очевидный вклад в изучение замечательного и ценимого мноими русского православного писателя, она дает возможность положить начало новому этапу шмелеведения. Собранные в ней материалы помогут уточнить и смысловые грани шмелевских произведений, и закономерности литературного процесса первой половины XX в.

Источники и литература

1. Духовный путь Ивана Шмелева: Статьи, очерки, воспоминания / Сост. А. М. Любимудров. М.: Сибирская Благовонница, 2009. 507 с.
2. И. С. Шмелев: *pro et contra*: Антология. Т. 1 / Сост., вступ. ст., коммент. А. М. Любимудрова. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. 840 с.
3. Памяти Ивана Сергеевича Шмелева: Сборник / Сост., ред. В. А. Маевский. Мюнхен: [Б. и.], 1956. 127 с.

Для заметок

Учредитель журнала:
Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

Журнал учрежден 10 ноября 2017 г.

Русско-Византийский вестник

№ 3 (18), 2024

Научный журнал
ISSN 2588-0276 (Print)
ISSN 2687-0819 (Online)

Главный редактор журнала:
Игорь Борисович Гаврилов, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии

Официальный сайт журнала:
<https://scientific-journals-spbda.ru/russian-byzantine-herald>

Электронная почта журнала:
E-mail: igo7777@mail.ru
Все изображения в журнале взяты из открытых источников

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»
по группам специальностей:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.7.2. История философии (философские науки).

Решением Высшей аттестационной комиссии (ВАК) журнал с 01.01.2024 г.
распределен в Категорию K2 на три года.

Адрес Издательства СПбДА:
191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17.
Тел.: +7 812 612 40 44, доб. 339.
Эл. почта: izdatspbda@gmail.com

Главный редактор: Д. В. Волужков
Корректор: А. Ю. Кондрашова
Верстка: Н. Н. Пимшина
Дизайн обложки: Юлия Гринько

Подписано в печать: 20.08.2024. Дата выхода в свет: 02.09.2024.
Формат 70 x 100 / 16. Гарнитура: Linux Libertine.
Объем: 18,2 а.л.
Свободная цена

Отпечатано в ООО «Аргус СПб»
198320, Красное Село, ул. Свободы, д. 57.
Заказ № 126. Тираж 250 экз.